

Олег Николаевич Верещагин Горячий след

http://zhurnal.lib.ru/w/wereshagin_o_n/sekret.shtml
«Горячий след»: Ленинградское издательство; 2009
ISBN 978-5-9942-0306-4

Аннотация

Что-то неладное творится на улицах маленького провинциального города: исчезают дети и подростки, а следов не найти, будто их сам чёрт похитил... Пора браться за дело настоящему герою.

Правда, герой ещё пока и сам мальчишка, который просто полез куда не следует... Но из-за этого рокового любопытства жизнь его круто изменилась: ему пришлось пуститься в опасное путешествие между мирами, пройти целую кучу испытаний, подружиться с людьми-волками, а в результате — сцепиться ни с кем иным, как с самим Князем Тьмы.

Чем-то закончится такая неравная схватка?..

Заклятый, древний
Враг мой клянётся
Меня растереть,
Растереть в порошок!
Но ангел не дремлет —
И всё обойдётся,
И кончится всё
Хорошо!

Х/ф «Тридцать лет спустя»

Они слишком рано представили нас своими рабами. А мы всегда были людьми свободными. Людьми нового мира.

Е. Велтистов. «Золотые вёсла времени»

Евгению Серафимовичу Велтистову с благодарностью за его — увы! — прошедшую незамеченной повесть «Золотые вёсла времени» — посвящает Автор эту книгу.

Автор хочет предупредить своих особо активных читателей, что переулочек Тихий, антикварный магазин «Дукат», интернет-сайт www.propazha.ru, да и вообще вся эта история им выдуманы. Но одно совершенно точно.

Необъяснимые пропажи случаются довольно часто...

Верецагин Олег

Горячий след

Глава 1

— Город-крепость Тамбов был построен под руководством воеводы Романа Фёдоровича Боборыкина на берегу реки Цны в 1636 году. Царь Михаил отдал этот приказ, чтобы обезопасить южные рубежи Российского царства, только-только начавшего оправляться после Смуты, от набегов крымских и ногайских татар...

Олег равнодушно смотрел в окно. Нельзя сказать, чтобы экскурсовод рассказывала неинтересные вещи. Но в её голосе звучала профессиональная скука человека, говорящего одно и то же по нескольку раз в день и мало интересующегося предметом своих же рассказов. Олег же любил людей увлечённых. Слушая относительно молодую женщину, вещавшую перед салоном автобуса, мягко покачивающегося на асфальте улиц, никак невозможно было представить себе, что именно в этих местах почти четыре века назад пробирались дебрями мордовские охотники, разыскивали тропы через леса татарские отряды в малахях и кожаных доспехах, а государевы стрельцы и лихие казаки стерегли броды и дороги. Сам же город Олега ничуть не вдохновлял — совершенно обычный, жаркий, пыльный, более-менее многолюдный, но не особо интересный. Любоваться им было сложно. Особенно для Олега — что он, городов не видел? Видел — Воронеж, например. В этом городе Олег был несколько раз... а, может, жил целых тринадцать лет. Как посмотреть. Мальчишка задумчиво улыбнулся в окно автобуса, вспомнив невероятные события прошлого лета, полностью изменившие его жизнь¹.

Точный и сильный удар локтем в бок заставил его оторваться от мыслей о прошлом. Подпрыгнув на сиденье, Олег повернулся к своей соседке. Валька смотрела на него вредными глазами, и он вспомнил, что утром из-за отъезда произошла громкая ссора. Вальке как раз нравился Тамбов и она с энтузиазмом восприняла идею олеговой мамы отправить их обоих на автобусную экскурсию по городу. Олегу же Тамбов успел надоесть, и он с удовольствием вернулся бы в родную Марфинку. Если честно, мальчишка вообще не понимал, зачем мама притащила их сюда. Ну, она-то вообще приехала по работе (летом она, учитель английского языка в сельской школе, помогала руководству ООО «Светоч Марфинки», которым заправляла её подруга Валентина Сергеевна, мать Вальки, вести переговоры с партнёрами). А их-то зачем срывать с места?

— Ты чего пихаешься? — огрызнулся Олег.

— А ты чего лекцию не слушаешь? — не осталась в долгу Валька. — Неудобно.

— А ты законспектируй, я потом прочитаю, — отрезал Олег, и девчонка пустила в ход неотразимый и древний, как мир, аргумент в межполовых спорах:

¹ Об этих приключениях Олега рассказывается в книге «Если в лесу сидеть тихо-тихо или Секрет двойного дуба».

— Дурак!

Это переполнило чашу терпения. Мало того, что скучно. Мало того, что жарко. Так ещё и собственная девчонка называет дураком. Та самая, которую он, можно сказать, собственными руками из ничего сделал.

Ладно.

Олег поднялся. Мстительно опираясь на попискивающую Вальку локтями и коленкой, выполз в проход. И, направившись к экскурсоводу, попросил достаточно громко:

— Остановите, пожалуйста. Мне в сортир надо.

Автобус замер. Оглянувшись, Олег с удовольствием заметил отстранённое лицо Вальки, на котором прямо-таки было написано: **«ОН НЕ СО МНОЙ!!!»**

Мальчишка прыгнул на горячий асфальт тротуара за секунду до того, как автобус разразился шипением по поводу абсолютной невоспитанности подрастающего поколения. Больше того — Олег махнул рукой водителю, чтобы тот «трогал», и «икарус» красного цвета покатил прочь, увозя с собой демонстративно отвернувшуюся от окна Валентину.

Олег вздохнул почти с облегчением и собирался уже пешком отправиться в гостиницу, найти маму и в ультимативной форме потребовать немедленно разрешить ему вернуться в Марфинку, как вдруг откуда-то сбоку к нему подскочил мальчишка — примерно на год младше, голый до пояса (тишотка обмотана вокруг бёдер) — и затараторил:

— Миста, итс рашн сувенир, плиз, си вис вандерфул сувенир — чвенчи тэмбовз даларз ченч чен рашн рублз, плиз²!

— Чего-чего?! — ошалело переспросил Олег, даже слегка отшатнувшись от явно сумасшедшего парня.

— Хууу, на-аш... — разочарованно протянул мальчишка, но всё-таки предложил: — Не купишь десятку?

— Какую десятку? — всё ещё не понимал Олег. Мальчишка охотно достал из «кенгуровки» на животе несколько новеньких долларов и протянул Олегу.

Вернее, это сперва тому показалось, что долларов. На самом деле это оказались цветные принтерные копии, украшенные вместо портрета президента знаменитым Т-34 на постаменте³. Кроме того, бумажку украшали оптимистичные надписи типа «Первый братковский банк столицы всея Черноземья» и «Обеспечивается по понятиям всем общаком тамбовской братвы, гадам буду!» А в остальном доллар был как доллар — зелёный и большой.

— На принтере печатаешь, что ли? Бизнес? — уточнил Олег. Мальчишка кивнул.

— Ага.

— Ну и как идёт?

— Да нормалёк, особенно когда туристы иностранные попадают. Но и так рублей по сто пятьдесят-двести в день набегают.

— А родаки что, не дают?

— Почему, дают, — пожал плечами мальчишка. — Но это я сам заработал, куда хочу, туда и трачу.

— Давай я у тебя куплю, — решил Олег, доставая бумажник. Мальчишка ему понравился — шустрый, хотя и младше. — Вот эту двадчатку.

— Ого! — мальчишка, протягивая Олегу выбранную купюру, а остальные убирая в «кенгуровку», искоса заглянул в бумажник. — Это я не пролетел. Ты что, из столицы?

— Да не, где нам, — Олег тыльной стороной левой руки, на запястье которой

² Мистер, это русский сувенир, пожалуйста, посмотрите этот прекрасный сувенир — двадцать тамбовских долларов меняю на десять русских рублей, пожалуйста! (искажённый английский).

³ В Тамбове на одной из площадей стоит памятник построенной на собранные колхозниками области в годы войны деньги танковой колонне — танк Т-34.

болтались массивные «командирские», вытер под носом. — Мы енто — не шантрапа какая столичная, мы хрестьяне танбовские. Кулаки, значить. Свинок, енто, закололи, продали, ну и гуляем... Держи десятку, бизнесмен.

Мальчишка звонко расхохотался. Они с Олегом и сами не заметили, что уже идут по улице — неспешно и бесцельно. (Ребята вообще не склонны разговаривать, стоя на одном месте) Собственно, шёл-то новый знакомый Олега, а сам Олег просто следовал за ним.

Юного бизнесмена звали Юрка (а прозвище — Юркий), отец и мать у него работали где-то в соцобеспечении, сам он учился в восьмом классе, а сейчас был на каникулах и подрабатывал продажей сувениров с компанией своих одноклассников. На сегодня его «рабочий день» закончился, он, в сущности, уже собирался отправляться домой, чтобы сгрузить выручку, но тут увидел экскурсионный автобус, из которого выскочил мальчишка, и решил попробовать напоследок ещё подзаработать. Получилось. Олег тоже рассказывал — о своей жизни, о Марфинке и прочем, что случается у каждого мальчишки и может быть интересно другому.

Какой-то узкой улицей они за разговорами вышли на набережную Цны, где за деревьями виднелись редко стоящие ресторанчики, скамейки с парочками и отдыхающими старушками, бегающие собаки. Юрка пожал руку Олегу и сказал весело:

— Ну, давай. Мне вон туда, — он указал на аллею, плавно уходящую за поворот, — тут рядом.

— Давай, — Олег крепко пожал протянутую ладонь, но, спохватившись, задержал её в своей: — Э, тормози. Как мне к гостинице «Толна» выйти?

— К «Толне»? — Юрка на миг задумался. — Это ты иди обратно по набережной до моста, где горсад — там увидишь — и поворачивай от моста налево. Выйдешь на улицу, свернёшь направо и шагай, а там всё ясно. Понял?

— Понял, спасибо, — кивнул Олег. — Ну, я пошёл.

— Ну, давай, — кивнул Юрка снова. И зашагал быстро, размахивая рукой, к аллее.

Олег побрёл в указанном направлении, раздумывая, успела ли в гостиницу вернуться Валька и нельзя ли будет с ней помириться. Встреча с Юркой исправила ему настроение, и он великодушно решил, что простит Вальку первым.

Эх, чёрт! Он остановился и хлопнул себя по лбу. Надо было и для Вальки купить двадцатку! Блин, не додумался, а она была бы рада, если уж ей так понравился Тамбов, получить такой сувенир... Секунду Олег стоял и раздумывал, потом круто развернулся и со всех ног бросился бегом за Юркой...

...Аллея за поворотом оказалась длинной, в её конце начинались дома — наверное, там и жил «фальшивомонетчик». Самого Юрки на этом зелёном и тенистом пространстве не наблюдалось, и Олег огорчился, подумав, что придётся отдать Вальке свою купюру: «Вот, это для тебя купил — подумал, прикольно...» Но всё-таки решил пройти до конца аллеи — может, Юрка свернул с кем-нибудь поговорить за кусты или задержался возле дома... Кстати, вообще странно, как быстро он прошёл аллею — тут метров двести, бегом пробежал, что ли? Хотя, он и правда, кажется, спешил...

Размышляя так, Олег довольно быстрым шагом прошёл, поглядывая по сторонам, метров пятьдесят. И замедлил шаг, увидев, что влево от аллеи отходит — аркой в тесно сплотившейся листве — небольшой коридорчик переулка, в котором виднеются тоже дома, только не многоэтажки, а небольшие, почти сельские, чудом сохранившиеся в центре Тамбова. Скорее всего, Юрка жил там — он же не говорил, что живёт в многоэтажках. Поэтому и исчез так быстро.

Олег свернул в переулок, подумав, что, в конце концов, можно просто постучаться в дома по очереди и отыскать Юрку. Домов-то там, кажется, было...

...шесть. Шесть домов — три на одной стороне, три на другой. Но Олегу с первого же взгляда стало ясно, что ни в одном из них Юрка жить не может. В них вообще никто не может жить. Дома были заброшены. Да и не переулок это был, а тупичок, заканчивавшийся огрызком краснокирпичной стены, косо поднимавшейся из бурьяна, сухого и свежего

вперемешку. Было тихо. Сонно журчал разогретый воздух июльского полдня. Шум города сюда едва доносился. Дома равнодушно посматривали на растерянно озирающегося Олега глазами пустых окон из-под ресниц вкривь и вкось набитых досок.

На крайнем правом доме ещё сохранилась табличка:

ТУПИК ТИХИЙ

Олег неприязненно посмотрел на неё. Ему внезапно стало скучно. Просто нипочему, но очень сильно, и уже просто хотелось оказаться в гостинице и завалиться с книжкой на кровать, а потом, может быть, уснуть.

Он ещё раз окинул взглядом тупик, задержав взгляд на стене — она всё-таки была интересной, потому что напоминала крепостную. И увидел что-то, лежащее на пыльной земле возле сухих кустов, у самого подножья стены. Что-то очень знакомое — настолько знакомое, что Олег подошёл ближе.

На земле лежала «кенгуровка» Юрки.

И на лопнувшем ремне болталась выдранная с мясом застёжка.

Глава 2

Нельзя сказать, что Олег испугался. Скорей — удивился, подходя ближе и поднимая с земли «кенгуровку», что Юрка ухитрился потерять эту вещь. Тот факт, что сумка была явно сорвана, дошёл до него лишь через несколько секунд.

Медленно, как во сне, Олег расстегнул «молнию». Да, это была сумочка его недавнего и недолгого знакомого. В ней лежали несколько «тамбовских долларов», растрёпанная пачка русских рублей — в основном десятирублёвые купюры — полужавёрнутая в фольгу плитка белого шоколада «Nestle» со следами зубов, цветная фотография симпатичной девчонки, ещё какая-то бумажная мелочёвка... И паспорт. Олег открыл его, машинально листнул. Паспорт был совсем новенький, наверное, Юрка получил его только-только. Попалась фотография — мальчишка на ней выглядел серьёзным, но где-то в уголках губ пряталась весёлая улыбка...

— Юр... — тихо позвал Олег, поведя кругом недоумевающим взглядом. Дома глядели с равнодушной насмешкой и молчали, не желая объяснять произошедшего. Воздух стал душным и тягучим, как приторный сироп. В нём тонко гудела лопнувшая струна угрозы.

...Мальчишка в обвязанной вокруг бёдер тишотке весело спешит домой... Вот он поравнялся с зелёным коридором тупичка... Рывок — мальчишка втянут за деревья... Борьба — отчаянная, безнадёжная, чья-то рука срывает, зло отбрасывает «кенгуровку»... Удар по голове (кто?! кто?!), безвольное тело тащат... куда?!

Это не грабитель. Грабитель минимум осмотрел бы сумочку, да и тело не потащил бы никуда, оставил бы валяться. Для Юрки лучше было бы, окажись это грабитель... Ну, предположим, что неизвестному нападающему удалось скрутить Юрку (он тоненький вообще-то) сразу, тот и пискнуть не успел. Бывает. А куда можно деть мальчишку за какие-то минуты, прошедшие с того момента, когда они с Олегом разошлись?

Да в любой из этих слепых, тихих, пустых домов. Но это значит только одно. Что и нападавший, и Юрка — они всё ещё здесь!

Молниеносным движением нагнувшись, Олег вздёрнул правую штанину лёгких джинсов. А распрямился уже раскладывая быстрым движением пальцев большой зловещий «оборотень» — этот подарок старого лесника по прозвищу «Князь» Олег носил постоянно после суматошных и опасных событий прошлогоднего лета, так круто изменивших не только его жизнь, но и само его прошлое.

Олег был не только смелым и решительным мальчишкой — эти качества не так уж и редко встречаются среди парней. Помимо этого он осознанно и горячо ненавидел ворьё, бандюков, маньяков, убийц — всех тех, кто мешает людям нормально жить и радоваться

жизни. И не мог допустить, чтобы от мальчишки, пусть и полужнакомого, остались только следы зубов на плитке шоколада, да паспорт с беззаботной фоткой. И время тратить — звать на помощь — он тоже не мог.

Подхватив в левую руку прочным захватом валявшуюся неподалёку солидную палку, Олег подошёл к ближайшему дому и сильно пнул дверь...

...Пустота и сырость царили в домах, в их комнатах со снятыми дверями, словно напоказ распахивавшимися перед решительно настроенным Олегом — смотри, тут никого нет! Запал постепенно стал пропадать. В нескольких местах ему попались крышки подвальных люков, и мальчишка, не поленившись, поддевал их лезвием ножа и отваливал в сторону. Почти вровень с полом во всех подвалах плескалась чёрная, спокойная цининская вода с ошмётками мусора. В домах не жили больше даже крысы, близкая Цна подтопила фундаменты.

Выбравшись наружу из последнего, шестого дома, Олег с энергией молодой ищейки обрыскал кустарник, испачкавшись пылью с сухих, ломких веток, исцарапавшись и нацепляя на одежду прошлогодних репёв. Надо сказать, что это он сделал в основном от отчаянья — кустарник не только просматривался насквозь, он ещё и не был поломан или хотя бы согнут, спрятать там что-то было просто негде. Зашвырнув в кусты свою дубину, Олег несколько секунд стоял на месте, покусывая губы, а потом, хлопнув себя по лбу, стремительно ринулся к выходу из тупичка. Ведь Юрку вполне могли втащить в густые зелёные кусты, которыми была обсажена та, основная, алея!

Но возле выхода в аллею Олег так же круто затормозил и, шёпотом обругав себя, согнулся почти вдвое, рассматривая пыльную землю. Олух, кретинос — следы! Сразу надо было посмотреть следы, хорошо ещё — не затоптал!.. Читать следы Олег умел хорошо, его учили этому и Князь, и старший брат, тоже лесник. Олег удовлетворённо хмыкнул почти сразу — картина начала разворачиваться перед ним со стремительностью брошенного серпантина.

Вот следы Юрки — кроссовки немного меньше, чем у Олега, и рисунок другой. Он сюда входил, в этот тупичок... Странно входил, то короткие шаги, то длинные, а раз его не тянули силой (а ничьих больше следов рядом нет), то значит он шёл, чем-то удивлённый, замирал, шагал широко, сомневался... Вот тут он сделал последний — широкий — шаг вперёд, остановился почти вплотную к зарослям сорняков, напротив стены... И от этих сорняков ему навстречу шагнул мужчина, обутый в туфли или ботинки примерно сорок четвертого размера, хорошие, с фирменными лейблами «Гуччи»... Так... шагнул... Юрка подался назад, проволоч левую ногу, запнувшись пяткой... и...

И... всё.

То есть — вообще всё.

Совсем .

Всё выглядело так, что и четырнадцатилетний мальчишка, и неизвестный, шагнувший ему навстречу из непомнятых, неполоманных кустов (откуда?!), встретившись лицом к лицу, просто растворились в воздухе тихого, неприметного тупичка.

Вот от чего Олег на самом деле был далёк — так это от заявлений типа: «Не может быть!» До прошлого лета он бы, правда, так и сказал. Но в то лето он увидел немало такого, чего «не может быть». Он хорошо узнал, что в нашем устоявшемся, стабильном, логичном мире может быть **всё** . Разве что нечасто, но — **всё** . Он видел, как возникали из ниоткуда и пропадали в никуда не только люди, но — города и деревни. Он видел, как реальность стиралась, будто карандаш, по штрихам которого прошли ластиком — и тут же возникала снова, уже иная, неузнаваемая. Он видел, как время комкалось и текло, словно часы на знаменитой картине Дали «Время», репродукцию которой Олег повесил осенью над своей кроватью в Марфинке. Достаточно чуть шагнуть в сторону с проторённых троп — и ты уже «попал». Зачастую — независимо от своего желания.

И он очень хорошо узнал, что в складках и закоулках этой реальности-пространства-времени прячется немало странного. И не всё это странное безобидно для человека. Не **всё** .

И... и не все .

Чувствуя, как тревожно забухало сердце, Олег ещё раз — предельно внимательно — даже не осмотрел, а перепахал носом весь тупичок. Он был почти уверен, что больше ничего не найдёт, но — странно! — его старания оказались вознаграждены.

Возле того места, где угол ближнего к краснокирпичной стене дома подходил к ней почти вплотную, под листом жухлого подорожника, Олег отметил золотой блеск и, резко нагнувшись, поднял монету. Вернее — это сперва ему показалось, что перед ним золотая монета, даже старинная, пожалуй. На самом деле это оказалась сделанная из какого-то легкого металла шикарная визитка в виде монеты. С одной стороны тонул в завитушках умопомрачительный герб, придерживаемый двумя львами с надменными физиономиями и гривами, похожими на старинные парики. А с другой — деловито-строгие буквы убористо сообщали с металла:

АНТИКВАРНЫЙ МАГАЗИН

«ДУКАТ»

Добро пожаловать к нам

С 8.00 до 20.00 без перерыва и выходных.

Тамбов. Metallургов, 22 тел. 34-55-10

У НАС ЕСТЬ ВСЁ!

Олег подбросил «монету», ловко поймал её и прищуренными глазами посмотрел по сторонам. Весной, совсем недавно, он прочитал «Отверженных» Виктора Гюго. Там был такой неприятный персонаж — сыщик Жовер. Но Олег запомнил, как этот Жовер говорил об азарте, который охватывает человека на охоте и о том, что он, Жовер, пошёл в полицию лишь потому, что его отец разорился и не смог больше держать свору охотничьих псов...

— Значит, «Дукат», — сказал Олег в пространство. Ещё раз подбросил монету.

И быстро зашагал прочь из тупичка. Не поворачиваясь — и не видя, **что** на миг появилось за его спиной.

Глава 3

Загадка, конечно, не настолько увлекла Олега, чтобы он забыл о вполне реальной беде — пропаже Юрки. Это уже не игра, это не шуточки, тут надо минимум предупредить людей, которым положено такими пропажами заниматься. Поэтому, выскочив на набережную, Олег первым делом поискал глазами милиционера. Нельзя сказать, чтобы мальчишка обожал милицию (его родители вообще считали всех современных «ментов» бездельниками) — как все решительные и сильные люди независимо от возраста, Олег считал, что вполне может справиться с любыми своими проблемами сам. Но Юрка не был «его» проблемой, и Олег решительно направился к молодому сержанту, лениво поглядывавшему на воду Цны с крутого откоса. Видно было, что стражу правопорядка скучно и жарко. На подошедшего Олега сержант даже не покосился.

— Послушайте, — Олег решил сразу брать быка за рога, — тут рядом мальчишка пропал.

— Ищи лучше, — заметил сержант, не поворачивая головы.

— Что значит... — начал Олег и, сообразив, возмутился: — Да что мы, первоклашки — в прятки играть?! Я вам говорю — пацан пропал, вот сумка его! — он потряс «кенгуровкой». — Мы говорили, вместе до аллеи... — Олег повернулся, чтобы показать аллею — и, вновь посмотрев на сержанта, обнаружил, что тот неспешно, спокойно уходит по набережной. На несколько мгновений Олег растерялся так, что просто изумлённо созерцал удаляющуюся прямую спину, обтянутую серой униформой. Потом в нём вспыхнула злость, мальчишка уже хотел крикнуть что-то обидное, но удержался, просто сплюнул и начал карабкаться вверх по откосу, где была протоптана тропинка.

В паспорте Юрки была прописка, конечно. Адрес своего знакомого Олег мог бы узнать, не сходя с места. Но что это даст? Придти к нему домой, дожидаться родителей и сообщить, что их сына украли? Бр-р-р... Однако, поразмыслив, Олег решил, что сделать это всё-таки придётся, как бы неприятно это не было. В конце концов, тут может и не быть никакой чертовщины — мало ли что в жизни случается?! — а родители, наверное, сумеют добиться от милиции каких-то действий по розыску.

И всё-таки, свернув на улицу, начинавшуюся за аллеей, Олег поймал себя на мысли, что едва-едва плетётся. Ему было страшновато. Может, всё-таки пойти прямо в местное отделение, к какому-нибудь начальнику? Но предыдущий разговор с представителем власти заставил Олега засомневаться в разумности этого шага. Чего доброго, ещё решат, что он и пристукнул Юрку, потом и не отмажешься... То с расследованием возиться, а то — вот он подозреваемый, под рукой!

Подойдя к Юркиному дому — девятиэтажке, обсаженной тополями — Олег уже решил, что просто расскажет, что свернул в переулок по своим делам, увидел сумочку на земле, поднял, открыл, ну и решил вернуть по адресу. Таким образом он и совесть успокоит, и не влезет в эту историю официально, так сказать. А уж как дальше действовать, он решит на досуге сегодня вечером... да и посоветоваться кое с кем не помешает.

Но около самого подъезда Олег остановился и задумчиво похлопал по ладони «кенгуровкой». Нет, он не испугался объяснения. Но внезапно понял, что и без того одной ногой влип. Если Юрка пропал (а, похоже, так оно и есть!), то его рано или поздно всё-таки начнут искать. Милиционер вспомнит о подходившем к нему на улице мальчишке. А если потом ещё и выяснится, что тот же мальчишка приходил домой к Гридневым — то начнут искать и его, Олега. Могут и найти, и начнут трясти, и ничего им не докажешь. Точно решат, что он и есть убийца. Посадить не посадят, но крови попортят немеряно, а главное — уткнутся в ложный след. И точно ничего не найдут.

А так — найдут?

Олег очень сомневался. И дело было не в том, что он не верил в розыскные способности милиции (а он в них не верил), а просто в том, что...

Он достал из кармана визитку.

— Антикварный магазин «Дукат», — прочёл он вслух. — Metallургов двадцать два...

В кармашке джинсов мобильник зазудел электронный вариант «полёта Валькирии». Продолжая рассматривать визитку, Олег достал аппарат.

— Да, ало... На набережной... Да нет, ма, мы немного поссорились... Да ерунда, житейское дело... Что, сорвались?! А, наоборот, это хорошо... Нет, ма, знаешь... — Олег перевёл дух, ещё раз всё оценивая. И — решился. — Ты не против, если я останусь?.. Да, тут останусь. Вечером приеду, с поездом и на автобусе... Нет, правда надо... Ну да. Вальке привет.

Он закончил разговор — и телефон тут же разразился мелодией нового вызова. Олег с нехорошим предчувствием поднёс «нокию» к уху:

— Валь, ты?

— Я, — ответила Валька на том конце спутникового канала (Олег представил себе, как это «я» летит к ретранслятору, и от яда, содержащегося в нём, плавятся все предохранители). — Приятно провести время. Не звони, я отключаю телефон.

И отключила.

Так, подумал Олег. На миг захотелось броситься в гостиницу и через полчаса ехать в Марфинку — на заднем сиденье вместе с Валькой, несомненно с ней помирившись. А вот если он сейчас не явится, то мириться будет куда сложнее.

Олег вздохнул и тихонько выругался. Ну почему он не может быть обычным парнем образца 200... года, у которого нет проблем важнее ссор с подружкой?! Зачем ему это всё нужно? Он кто — милиция, сыскное агентство? Чип и Дэйл в одном лице? Тимур без команды?

Последнее было точнее. Временами он именно так себя и ощущал. Хотя — почему без

команды? Команду-то можно и набрать, хоть в той же Марфинке.

Проблема в том, что ни одна команда в это дело не поверит. А у Олега не было сомнений, что Юрка попал в неприятности — и в неприятности именно такого плана, с которыми не справится никакая власть. Именно потому, что тоже **не поверит** в возможность их существования...

...Это очень трудно — быть подростком. Не ребёнком, не маленьким, а именно подростком. Ребёнок может заплакать, если его обижают. А ты знаешь уже, что плакать стыдно. И как быть, если всё же хочется? Ребёнок может пожаловаться, если его обижают взрослые — пожаловаться другим взрослым. А ты уже знаешь, что жаловаться стыдно... да и будут ли помогать, ведь это детьми умиляются, а на подростков всегда смотрят косо. Скажут: сам виноват. И терпишь обиду. А обижать взрослые умеют. Некоторым, кажется, это просто удовольствие доставляет — обижать именно подростков, которые уже способны почувствовать обиду, но ещё не могут за себя постоять. Ребёнок властью взрослых не тяготится и чаще всего даже не задумывается о ней. А ты уже хочешь поступать по-своему. Ну ладно, ну пусть взрослые правы и ты ещё ничего не соображаешь. Но почему ты должен, например, уважать того, кто на работе твердит одно, а делает другое? Как его можно уважать?! А тебе одновременно твердят: надо быть честным — не смей некрасиво говорить о взрослых. Они всегда правы. Даже когда продают твоего ровесника за тридцать тысяч рублей, как это было в Екатеринбурге, ты не имеешь права их осуждать — не дорос. Нет, не все взрослые такие. Наверное, даже не большинство. Но главными чаще всего становятся именно **такие**. И когда ты, окончательно сбитый с толку подлостями, глупостями и противоречиями окружающего мира, сам совершаешь глупость или подлость... или даже преступление — все хором возмущаются, какой ты плохой. И никто не хочет выслушать. Хотя бы просто выслушать, что уж — поверить и понять, что твоя-то вина тут только в том, что ты запутался. А точнее — тебя запутали. Газетами, журналами, теликом — а потом возмущаются и ужасаются, какой ты жестокий, как плохо воспитали тебя семья и школа. А семье и школе не до тебя — они деньги зарабатывают. Чего проще: прекратить травить тебя, подростка, пивной рекламой, дурацкой музыкой — и всё будет нормально. Но на чём тогда деньги зарабатывать? Вот и оказываешься ты крайним, без вины виноватым за то, что от тебя и не зависело.

Поэтому если хочешь справедливости — будь добр делать её своими руками. Это Олег усвоил в прошлом году окончательно. И помогать, если можешь, тем, кому так же не повезло с возрастом. А когда вырастешь — не забывать, как легко сделать больно младшему. Не физически даже больно. Физическую боль можно перетерпеть. А обиду, равнодушие, насмешку зачастую — нет.

Хочешь справедливости — делай её сам. И не надейся, что помогут. Помогут — спасибо. Нет — не рассчитывал. И учись думать сам. Головой.

Олег осознавал, что ему повезло с семьёй — любящие и строгие родители, старший брат, на которого всегда можно положиться. И повезло с окружением — Марфинка была одним из островков экономического, правового и культурного благополучия (это он не сам придумал, а просто слышал). Конечно, не будь его на свете — и всё было бы не так, потому что... ну да ладно. О той, **другой прежней** жизни вспоминать не очень хотелось. Не было её — и всё. Но раз вокруг у кого-то проблемы, а он может помочь — надо помогать. Не в Америке живём, как говорит отец. Помогать — и за просто так, ничего не ожидая. Ведь и ему помогали **тогда** незнакомые в общем-то люди. И что до того, что их разделяло сорок лет...

Рассудив так в яростном споре с самим собой, Олег начал подниматься по крутой лестнице, чтобы выйти к остановке маршрутки...

...«Дукат» нашёлся не сразу. Магазинычик прятался под арочным низким проходом в один из дворов — прямо в стене прохода оказалась закрытая металлическая дверь с лаконичной строгой вывеской:

ДУКАТ

Олегу даже показалось, что дверь закрыта, но, когда он, не найдя ручки, толкнул её, она открылась.

Магазинчик находился в полуподвале без окон и внешне ничуть не напоминал заведение, владельцы которого могут заказывать себе такие шикарные визиточки. Хотя, может быть, это просто избранный имидж (ведь накрывают же в некоторых недешёвых кафе на расстеленной газете!)? А так — небольшое и не очень хорошо освещённое помещение, в одной стене дверь, в другой — стойка (за ней вторая дверь), вдоль двух других стен — неприятные стеклянные горки с этим самым антиквариатом. На стенах над горками висели картины, часы, оружие, ещё что-то — тоже, конечно, антикварное. Лесенка из пяти каменных ступенек, выбитых посередине до корытообразных углублений.

И хозяин за стойкой. Точнее, хозяйка — молодая, очень красивая женщина в простом (дорогущем) платье, без украшений, с тугой длинной косой, сложенной на голове, как у какой-то украинской деятельницы, которую Олег видел по телику. Женщина улыбалась:

— Чем могу служить? — дружелюбно кивнула она мальчишке. Олег сделал лицо «село № 11» и слегка растерянно пробормотал, переминаясь с ноги на ногу:

— Я это. Просто зашёл. Посмотреть. Ан-ти-квар-ный.

Он хотел для придания пушного колорита вытереть рукой под носом, но решил, что это будет перебор.

— А откуда ты знаешь, что магазин антикварный? — вдруг спросила женщина.

Олег мысленно поставил ей высший балл — на дверях не написано — и доверчиво достал из кармана визитку:

— Во. Я нашёл, думал — монета, а потом гляжу — не... — он вздохнул, снова переступил с ноги на ногу и «решился»: — Это. Не купите? Она же золотая.

Женщина рассмеялась. Но в какую-то долю секунду Олег увидел в её глазах тёмное крылышко — словно за глазами, как за окнами, очень быстро прошёл кто-то даже не в чёрном — в сером. Серое куда страшнее чёрного. Сумерки намного опасней ночи...

— Да пожалуй куплю, — кивнула женщина. — Я печатаю визитки на заказ и, хотя они не золотые (Олег сделал разочарованное лицо), но стоят дорого. Наверное, кто-то из наших клиентов оказался растеряшей... А где ты её нашёл?

— Там, — Олег махнул рукой. — Я не знаю, как улица называется, около телевышки, — он назвал предмет, около которого никогда не был, но который виднелся над тамбовскими крышами, подошёл к стойке, однако визитку выпускать не спешил.

— Нездешний, что ли? — уточнила женщина. Олег замялся — чуточку, но так, чтобы она увидела это. Сейчас он был не вполне собой — он играл, и, хотя ещё толком не знал, что к чему, но перестраивался на ходу. Если честно, мальчишка даже подзабыл о Юрке — просто чуял нюхом, что набрёл на какую-то вещь из тех, что похожи на досочку над пропастью — идёшь, раскинув руки, жутко и весело... И поздно сворачивать. Да и не хочется. Потому что в жизни нет ничего приятней, чем ходить вот по таким досочкам. Это Олег понял прошлым летом.

Наверное, это адреналиновая наркомания, весело подумал Олег и ответил:

— Ну... нездешний, да.

— Из дома сбежал? — понизила голос женщина. Олег сердито повёл щекой:

— Вы это. Покупать будете?

— Не торопись, — она улыбнулась. — Может, я хочу тебе предложить подработать на обратную дорогу? Домой-то хочется?

— Хочется, — буркнул Олег. — Мы с пацанами в Москву рванули... ну, так получилось, думали, посмотрим, и назад... А меня ссадили. Ну вот я и это. Тут.

— А ты откуда?

— Да... Тут, под Рязанью, из села одного... — неохотно ответил Олег.

— Так в милицию шёл бы... — предложила хозяйка «Дуката».

— Вы чего? — Олег подался назад, опасливо глядя на телефон на стойке. — Какая милиция? Я пойду...

— Ладно-ладно, это твоё дело, но вот мой тебе совет, — женщина вздохнула. — Позвони прямо сейчас от меня домой...

— Не. Не буду, — мрачно буркнул Олег. — Скажут — вот, заскулил... У меня батька такой... Он меня и так выпорет, а тут ещё ржать будет: сопляк, трусло... Я давайте лучше у вас правда подработаю, если что, а потом поеду сам.

— Как хочешь, — и Олег опять поймал эту тень в глазах. — Но сегодня работы нет. Я у тебя выкуплю визитку и... тебе есть, где ночевать?

— Да есть...

— Ну ладно. Сегодня и завтра прокантуйся где-нибудь, а послезавтра к вечеру подходи сюда. Работа тяжёлая, но недолгая — съездить за город и там грузиться, да ты парень крепкий... Деньгами не обижу, хватит на плацкарту до твоих мест, ещё и останется. Ну и покормлю тебя. Придёшь?

— Приду... — вздохнул Олег. — Только это... мне сегодня до вечера, завтра, потом ещё почти день жить надо... Вы за эту вашу штуку сколько дадите?

Глава 4

К поезду до Фирсанова Олег опоздал на полчаса. Как следствие — пришлось ехать на автобусе, но из Фирсанова до Марфинки добраться становилось проблемой.

Прибыв в Фирсанов около шести вечера и минут двадцать помотавшись около автостанции в надежде найти кого-нибудь знакомого, Олег пару раз приценился к таксистам, высмеял их цены, был послан с угрозой оборвать уши, руки и ноги, если подойдёт ещё раз, купил в кафе два пирожка с мясом, бутылку воды — и зашагал напрямик.

У местных дорог было одно странноватое, но полезное качество. То ли их строили не в здравом уме, то ли ландшафт с тех пор изменился, но только и железка и автобусные маршруты вели к Марфинке от райцентра с каким-то вывертом — делая петлю. Петля удлиняла путь до двадцати двух километров. Но, если идти пешком через брод на речке Ворона, потом — лесом и полями, то вся дорога укладывалась в семь километров. Два часа неспешного хода или час с небольшим, если торопиться. Олег не раз тяжело задумывался, почему дорогу не проложили здесь, но так ни до чего и не допёр. Это было одной из тайн прошлого.

В **прежней** реальности Олега этим путём почти не пользовались — делать в **тогдашней** умирающей Марфинке людям из города было просто нечего. Но в **этой** реальности тут даже ездили на машинах, хотя и нечасто, а уж пешком ходили то и дело. На правлении акционерно-кооперативного общества «Светоч Марфинки» несколько раз уже поднимался вопрос о прокладке асфальтированной дороги и постройке моста, но для этого требовалась масса согласований чуть ли не на федеральном уровне, а значит — тьма взяток, и правление раз за разом отступалось. Но ходить пешком это не мешало.

Когда Олег дошагал до Вороны, по дороге съев свои припасы, с востока натянуло закрывшие полнеба сизые тучи, в которых отчётливо погромыхивал гром и красиво проскакивали белые нитки молний. Это могло значить только одно — идёт летняя гроза с ураганом, и застанет она Олега, скорее всего, в полях. Он позвонил домой ещё из Фирсанова, но мать всё равно будет беспокоиться, что в младшего сына непременно ахнет молния. В то, что это может произойти, Олег не верил, гроза ему нравилась, но всё-таки...

Разувшись и закатав джинсы, он перебрёл брод на Вороне. Обуваться не стал — всё равно скоро будут лужи — и, вскарабкавшись по откосу, чтобы срезать путь ещё, вошёл в лес песчаной тропинкой. В лесу, под высоченными соснами, было тихо, почти темно и грозно. Ускорить шаг хотелось поневоле. Гром и молния вроде бы уходили в сторону, но явственно пахло дождём. Олег не прошёл и полукилометра, как кроны сосен начали «петь», ещё через минуту их рванул яростный порыв ветра, и с небес обрушились водопады летнего

ливня.

Такое ненастье не бывает долгим. Олег шагал по тропке, мгновенно повлажневшей от дождя, пробившегося через кроны, смахивал с бровей воду и размышлял. Дурная привычка, но что делать? Вот именно, что делать, думал он, поднимая шишки и кидая их в кусты. Не спрашиваю, надо ли **вообще** что-то делать, но **что именно**? Версия: Юрку украли люди, как-то связанные с хозяйкой магазина и обладающие некими... хм, необычными возможностями. И, похоже, на беспризорного рязанского мальчишку у «дукатки» тоже есть виды.

Ну и отлично.

Кто конкретно, зачем — это всё потом. Посля, как говорят некоторые товарищи. А пока... пока вот что. Один ли Юрка пропал? Или, может, это уже не первый случай? Тогда, наверное, без милиции всё же не обойтись...

Дождь резко перестал и, когда Олег вышел на край марфинских полей, то небо над головой уже было чистым, только куда-то на юг увлакивало за горизонт край грозовой тучи. От земли валил пар, полевая тропинка раскисла — неплохо поработал дождик... Впрочем, он так и так был нужен, в мае с дождями было плоховато, а хлеб-то — вот он...

Оставалось четыре километра. Если бы тут был спуск, то Марфинку можно было бы увидеть прямо отсюда.

Олег на секунду остановился, любуясь послегрозovým миром — и увидел, как из хлебов вышла Валька.

Это было так неожиданно, что Олег попятился.

— Нечистая совесть? — ядовито спросила девчонка. Она была мокрая, как мышь, волосы — стянуты на затылке в плотный хвост, в руке — пакет, явно с кроссовками, ноги в грязи до колена, даже подвёрнутые джинсы снизу перепачканы.

— Ты как тут оказалась? — удивлённо спросил Олег.

— Даже самый тупой ёжик поймёт, что, если ты опоздал на пригородный, то пойдёшь пешком... — Валька вздохнула и посмотрела в небо, морща короткий чуть вздёрнутый нос. — Я шла, почти падая, по колено в грязи, и дождь поливал мою беззащитную голову. И всё для того, чтобы встретить подлого предателя, который... — она задумалась, явно решая, в чём обвинить мальчишку. Олег терпеливо ждал, про себя улыбаясь. Валька так и не придумала, запыхтела от злости и кинула Олегу пакет:

— Неси!!!

— Да ради бога, — мальчишка сунул в него свои кроссовки и носки. — Пошли?

— М! — он неуголённого чувства мести Валька свирепо мыкнула, но подождала, пока Олег подойдёт и только тогда зашагала обратно по дороге.

Грязи оказалось не по колено, кроме того, она была тёплой. Первые шагов сто Валька молчала, потом спросила примирительно:

— А ты чего там делал, ты же хотел наоборот — скорей домой?

— А... — Олег отмахнулся. — Так, в магазины зашёл. О, тебе подарок.

Взяв «двадцать тамбовских долларов», Валька фыркнула, но потом засмеялась и толкнула Олега в спину:

— Придурок.

— Я тоже от тебя в восторге, — согласился Олег. — Смотри, агроном чешет.

Их в самом деле нагонял УАЗик агронома — раскачивался, метал из-под колёс фонтаны и веера жидкой грязи, ухал в лужи, задира л нос и ревел. Не доезжая до сошедших в рожь Олега с Валькой, машина остановилась, молодой агроном, которого все звали просто Денис, высунулся из-за руля:

— А, парочка! — засмеялся он. — Что, приехали?

— Где ты был, ещё днём, — отозвалась Валька.

— Да я по полям с утра мотаюсь... Ну как контракт? — кивнул он Олегу. Тот молча выставил большой палец. — Полежайте назад, я в село.

— Поехали? — кивнула Валька. Олег махнул рукой:

— Хотел погулять ещё, да что теперь...

— Ноги вытирайте! — крикнул агроном. — Или слышь, Валь, пусть твоя матушка мне шофёра выделяет, чтоб машину в порядок приводил!

— Ты сам нас позвал, — ответила Валька, демонстративно ставя пятки на край сиденья. Олег подумал и сделал то же. Денис вздохнул, УАЗик рванул с места.

— Дождь вовремя прошёл, — разглагольствовал Денис, ловко вертя баранку. — Теперь, правда, по полям ездить трудно, зато как раз полило.

— Ты чего такой задумчивый? — Валька толкнула Олега локтем. Тот вздрогнул:

— Да нет, так, ничего...

* * *

Олег проснулся во втором часу ночи. Несколько секунд лежал, пытаясь понять, что с ним и где он. Потом дошло, что всё нормально, он дома, а темно, потому что завалился спать — не было ещё девяти, едва поел. Разом обрушилась усталость, и он, что-то сказав родителям, уполз к себе.

Зато теперь совершенно не хотелось спать.

Он полежал ещё. Оставались сутки до того момента, когда надо будет ехать в Тамбов снова — и с уже оформленным планом. А он пока даже не знал, с чего начать. Хотя... почему бы нет, собственно?

Поднявшись, Олег подсел к столу и включил компьютер. Компьютер у него был не новый, но свой собственный, апгрейджированный и с подключением к Интернету. Помнилось, что в **той** жизни компьютер у него был новее, но без Интернета. Ожидая, пока закончится загрузка, Олег передёрнул плечами — всё-таки это было странновато: иметь двойное прошлое. Иногда это казалось смешным, иногда давило на мозги. Но зато благодаря этому прошлому ему было легче лёгкого поверить в вещи, которых другие люди просто не признают.

Rambler наконец открылся. Олег подумал, потирая плечо, и набрал в поисковике:

Тамбов+исчезновения

Первой же выпавшей ссылкой был сайт газеты «Вечерний город», в которой оказалась напечатанная три дня назад статья. Олег открыл её.

ПРОДОЛЖАЮТСЯ НЕОБЪЯСНИМЫЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ

— гласил заголовок. Ниже — мельче и не так вычурно — располагался подзаголовок:

ЗА ДВЕ НЕДЕЛИ ЛЕТНИХ КАНИКУЛ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДА ПРОПАЛИ 16 ДЕТЕЙ В ВОЗРАСТЕ ОТ ВОСЬМИ ДО ПЯТНАДЦАТИ ЛЕТ

Сама статья была глупая. Во-первых, с потугами на какую-то совершенно никчёмную иронию, обильно уснащённая псевдомолодёжным жаргоном. Во-вторых — перегруженная «новыми версиями» и «совершенно точными сведениями из наших источников». В третьих, информации как таковой было ноль — так, пара имён и прочая фигня «для оживляжа» — как их любили в семьях и какие они были хорошие. Из строчек явственно глядела самодовольная

рожа, лучившаяся счастьем от возможности сделать имя и рейтинг на горячей теме. Правда, Олег узнал, что вчера пропали сразу двое: Света Крыгина и Дима Гаврилов.

Уйдя с сайта, Олег открыл вторую по счёту ссылку — www.propazha.ru. Этот сайт, сайт о пропавших людях, оказался другим — очень деловым, хотя и страшным, если честно. Из него Олег узнал, например, что за последние 15 лет в России пропало почти полмиллиона детей до 16 лет. Не пояснялось, правда — бесследно пропало, или были заявлены, как пропавшие; большинство-то таких всё-таки находятся. Хотелось думать второе.

Олег узнал так же, что по количеству причин бесследных пропаж эти причины распределяются так:

- 1 место — похищения и убийства маньяками и извращенцами;
- 2 место — убийства в драках и ссорах, а так же с целью ограбления с последующим сокрытием тела;
- 3 место — похищения с целью продажи на территории страны или за рубеж;
- 4 место — несчастные случаи;
- 5 место — деятельность различных сект;
- 6 место — целенаправленное бегство;
- 7 место — причина не выяснена.

А главное — тут был список! Список именно пропавших тамбовских детей. Правда, всего из 13 фамилий, очевидно, последние трое, в том числе и Юрка, сюда пока не попали — но очень полный, с адресами и разной ещё информацией. Олег скачал его к себе со всеми комментариями, фотографиями, данными и распечатал на отдельном листе каждого пропавшего — то, что на бумаге, как-то легче усваивалось, чем с экрана.

- Игорь Марков, 13 лет, пропал 2 июня по дороге с практики домой...
- Данила Дорофеев, 9 лет, пропал 2 июня, вышел из квартиры и не вернулся...
- Игорь Парушев, 12 лет, пропал 3 июня в районе городского пляжа...
- Маша Лалина, 11 лет, пропала 5 июня после репетиции детского хора...
- Максим Караваев, 14 лет, пропал 6 июня в районе городского сада...
- Оля Томилина, 15 лет, пропала 7 июня, возвращаясь домой с дискотеки...
- Тима Борус, 8 лет, пропал 8 июня во дворе своего дома...
- Кирилл Сигаев, 13 лет, пропал 9 июня из квартиры...
- Боря Ковалёв, 12 лет, пропал 10 июня по дороге из секции домой...
- Оля Третьякова, 9 лет, пропала 10 июня с игровой площадки...
- Саша Ромина, 14 лет, пропала 11 июня по дороге с практики домой...
- Гена Жуков, 14 лет, пропал 11 июня по дороге из клуба домой...
- Артур Волков, 15 лет, пропал 11 июня, вышел из квартиры и не вернулся...

Покопавшись в записях, Олег добавил:

14. Света Крыгина, 13 лет, пропала 13 июня, вышла из квартиры и не вернулась...
15. Дима Гаврилов, 12 лет, пропал 13 июня в районе городской свалки...
16. Юрка Гриднев, 14 лет, пропал 14 июня в районе набережной... — и задумался.

Между этими шестнадцатью мальчишками и девчонками не было ничего общего. Ни во внешности, ни в увлечениях, ни в местах проживания... Кроме одного: они пропали за две недели в городе, в котором до этого за год пропадало 4–5 детей, да и тех чаще всего находили, потому что они просто убегали. На сайте утверждалось, что такие массовые пропажи чаще всего связываются либо с сектой, либо с деятельностью маньяка, либо с чьими-то заказами. Но Олег, если честно, не верил. Не верил ни в одну из трёх версий. И вот почему.

Кирилл Сигаев — тот, что пропал из квартиры. Родители проснулись, комната сына заперта на внутреннюю щеколду. Сперва думали — спит. Потом забеспокоились, потом взломали дверь... Парня нет. Кровать разобрана. Окно (пятый этаж!) закрыто изнутри. Всё.

Артур Волков. Пятнадцатилетний атлет, ноль вредных привычек, кадет корпуса ВВС, чемпион города по боксу и самбо. А пропал на десятиметровом отрезке арочного перехода между дверью подъезда и остановкой автобуса, где ждала компания друзей. Среди бела дня.

Юрка, которого никто не крал — в этом мог поклясться уже сам Олег.

Да и остальные случаи — пусть и меньше — выбивались из версии похищения работоторговцами, сектантами или сумасшедшими.

Власти искали связи между пропавшими — общих знакомых, общие привычки (или пороки), общее во внешности. Общее, общее, общее... А общим-то, похоже, было лишь одно: им всем **не повезло** оказаться на пути у чего-то... или **кого-то**, очень мало имевшего общего с повседневной, даже самой жуткой, реальностью. Вот и все дела. Но в официальных отчётах, где есть даже графы «самоубийцы: 5–7 лет» и «случаи людоедства», нет графы: «не повезло».

Олег откинулся на мягкую спинку стула и задумчиво улыбнулся в тёмный потолок. Похоже, что ему так и так... Как говорил Пётр Первый про Северную войну: «Сия война на нас одних будет.» Шестнадцать пропаж за полмесяца — это кто-то переборщил.

Он отключил компьютер, подошёл на цыпочках к двери, прислушался. Похоже, мать с отцом спали, а старший брат, конечно, пропадал на кордоне у лесника Князя. Ну что ж... Пожалуй, надо начинать действовать, чего ждать-то?

Олег влез в старые шорты, распахнул окно. Сонным ночным теплом начала лета дохнуло из сада. Огни в Марфинке уже почти нигде не горели, только за околицей — между селом и школой — разливалось зарево полевого стана, да очень далеко, как бы не в Фирсанове, играла почти неразличимая музыка.

Мальчишка помедлил, уже сидя на подоконнике. Спрыгнуть в сад стало как бы символом. «Зачем мне это нужно?» — спросил он себя, водя пальцем по широкому подоконнику, на котором под слоями краски ощущались буквы вечного, как время:

ОЛЕГ + ВАЛЬКА = ЛЮБОВЬ

Он вырезал это почти четыре года назад, когда их дружба переросла как-то незаметно в...

Но ведь если бы прошлым летом он струсил, отступил — ничего этого не было бы. Четыре года назад он жил в Воронеже. Он не мог знать никакой Вальки. Вальки вообще не было на свете, потому что её мать вместе с её бабкой погибли в аварии в шестидесятых... Он вмешался, он рискнул. И изменил время и мир. Не думая вообще-то о себе.

Шестнадцать мальчишек и девчонок. Младшему восемь, старшим пятнадцать. Шестнадцать человек, которых никто не найдёт, потому что люди не верят в чудеса. Ни в добрые, ни в страшные.

Олег спрыгнул в сад...

...Клуб, стоявший на центральной площади Марфинки, казался совершенно безжизненным. Олег выбежал на площадь пружинистой рысцой и ничуть не смутился. Перейдя на шаг, обогнул мощное, ещё советской постройки большое здание с колоннами у входа и оказался «с тыла», где из небольшой двери падал на заросли крапивы, делая их совершенно чёрными, широкий луч света. Возле двери стоял Ванькин скутер.

Как Олег и предполагал, Ванька был в клубе. Сидел над разобранном корпусом электрогитары в камерке своего отца и что-то там перепайвал. Музыкальный центр в углу перемигивался огоньками и негромко напевал голосом барда Третьякова:

Полнолуние — да дрожь в лапах...

Обернуться бы назад снова!

Но опять бегу на твой запах,

Хоть сто раз давал себе слово!

— Привет, — Олег прислонился плечом к косяку и кивнул на гитару: — Паяешь?
— Ваяю, — поправил Ванька, тряхнув чубом. — Привет. Чего не спится?

Олег молча оседлал угол стола, налил себе в одноразовый стаканчик квасу из большой бутылки, стоявшей возле паяльника. Принюхался — у Ивана в таких ёмкостях могли храниться самые неожиданные жидкости. Нет, квас... Выпил и сообщил:

— Нужен револьвер. Как у наших охранников.

Ванька посмотрел из-под снова упавшего на глаза чуба с интересом.

— Меня всегда восхищал твой нездоровый, гнетущий оптимизм, — сказал он, возвращаясь к паяльнику.

— Вань! — Олег стукнул пяткой по тумбе стола и зашипел: — Сссс...

— Больно? — осведомился Ванька, тыча паяльником.

— Угу, — буркнул Олег.

— В колонии может быть больнее. Иди, убогий, иди, по ночам не подаю.

— Вань, мы же друзья с одного горшка...

— Думаешь, в камере нас посадят на одну парашу?

— Вань, — Олег нагнулся со стола, упираясь ладонями в коленки, — мне очень нужен «гном»⁴. И полсотни патронов к нему.

Ванька отложил паяльник и развернулся в сторону Олега.

— У тебя что-то случилось? — спросил он серьёзно.

— Не у меня, но надо помочь, — ответил Олег. — Я тебе даю слово чести, что револьвер ни разу не выстрелит здесь... — он напрягся и поправился: — Нет, не даю.

— Не даёшь? — уточнил Ванька. Олег махнул рукой и соскочил со стола. — Погоди, — Ванька удержал его. — Стой. Вон, квасу ещё выпей, остынь, а я сейчас.

Он вышел, и на улице мягко заурчал, удаляясь, скутер.

Олег налил себе ещё квасу, но пить не стал, а вышел наружу. Крапивные заросли, которые принципиально не хотел косить дядя Игорь, отец Ваньки, завклубом (ни один враг не подберётся!!!), слегка покачивались в полном безветрии. Позади центр щёлкнул и переключился на начало:

Мне обратно больше нет хода!
В небе ветер тучи рвёт в клочья...
А звезда, откуда я родом —
Лишь безоблачной видна ночью...
Ночью скалится луна в море!
Бьётся оборотень в твой терем...
Это я стал по ночам с горя
Оборачиваться вдруг зверем...

...Ванька вернулся быстро. На ходу соскочил со скутера, потерял шлёпку, доскакал до неё на одной ноге, держа в левой руке пакет. Олег наблюдал за всем этим с крыльца, поёживаясь — тепло-то тепло, а попробуй постои в одних шортах даже июньской ночью...

— Держи, — Ванька подал пакет. Олег раздёрнул его. — Полсотни патронов, десять с дробью, остальные — со стальными пулями. Если дядька обнаружит, что его нет, мне амбец. А дядька приедет через неделю.

⁴ Российский пятизарядный револьвер, предназначенный для фермеров и частных охранных фирм. Стреляет охотничьими патронами 32-го калибра с укороченной гильзой, которые могут снаряжаться пулями и дробью. Вес — 950 г., длина — 24 см. Откидывающийся барабан позволяет одновременно извлечь все гильзы и быстро перезарядить оружие.

— Спасибо, — просто сказал Олег, закрывая пакет. — Я верну.
Ванька промолчал, потом предложил:
— Пошли ещё квасу выпьем, музыку послушаем...
— Нет, я спать, — покачал головой Олег. — Ещё раз спасибо, ты меня здорово выручил.
— Знаешь... — Ванька покрутил в руке шлёпку. — Если хочешь — я могу съездить с тобой. Прихватим ещё пару ребят и поедем, куда там тебе надо. Как?
Соблазн был. Соблазны был велик. Возможно даже, это был не соблазн, а наиболее разумный выход.
Возможно.
— Не надо, — улыбнулся Олег.

Глава 5

Вообще говоря, для любой мало-мальски важной операции требуется прикрытие. Нельзя просто подойти к родителям и сказать даже сущую ерунду типа: «Я собираюсь на рыбалку.» Надо пояснить — куда. С кем. На сколько. Потом эти данные могут измениться прямо по ходу дела до неузнаваемости — и куда, и с кем, и на сколько. И даже рыбалка может отмениться. Но изначально нужна легенда, которая позволит родителям чувствовать себя комфортно. Даже если тебе пятнадцать.

Что уж говорить, если речь идёт не о рыбалке?

Родители вообще часто не знают, как живут их дети. Только ненормальный может придти домой и, считая это честностью, восторженно рассказать, что сегодня чуть не сломал шею, упав с дерева, или подрался и выбил у одного из дерущихся нож, или едва не утонул... Когда об этом умалчивают — это не лживость и не страх наказания, а просто нормальная забота об этих самых родителях. А им остаётся только уповать на то, что правильно воспитали (не накормили, не задарили, а именно воспитали, хотя многие взрослые смутно представляют себе, как это делается) «ребёнка» где-то до 12 лет. Позже воспитывать уже поздно. Позже можно только гордиться или хвататься за голову.

Олег не был исключением. Тем более, что ему предстояла не рыбалка. Поэтому в пять утра, проспав полтора часа, он уже ехал по дороге в Фирсанов, решив не ждать пригородного поезда — ну его к чёрту, что нам эти поезда? — и не идти пешком по вчерашней грязи. Швейцарский велик пёр, как танк. Отец как-то предложил купить новый. Олег отказался. Не объяснять же, сколько для него связано именно с этой машинкой?

Было душновато, небо на глазах обложили тучи, и где-то за горизонтом явно и угрожающе погромыхивало. Похоже, природа решила ещё раз помочь с дождём. Олег крутил педали и думал о том, что сегодня ему опять не миновать попасть под этот дождь. Но эта мысль была как бы фоном, а за ним разворачивалась сложная дискуссия с самим собой.

Олег вновь пытался для себя решить, стоит или не стоит ему ввязываться в эту историю... а вернее — понять, за каким чёртом он в неё уже ввязался? Это вечная проблема для тех, у кого есть мозги: принять решение мало, мало его обосновать — потом начинаешь из-за него переживать и мучиться. А самое главное — совершенно бесполезно, потому что отступать уже нет желания. Хоть и есть куда.

Небольшой, но ёмкий рюкзак со снаряжением крепился к багажнику. Олег был одет в джинсовый костюм, серую майку, высокие и лёгкие, но прочные «гриндерсы». Заведомо было решено, что уже сегодня могут начаться «приключения», поэтому к ним лучше всего было быть готовым...

...Дождь всё-таки не догнал мальчишку — начался как раз когда тот вкатывал велик в «предбанник» турклуба, грохнул по крышам, пригнул ветки деревьев и вызвал негодующие вопли со второго этажа полуаварийного здания. Олег поставил велик у стенки, возле ещё нескольких, и начал подниматься по скрипучей лестнице. Впереди и наверху ужасными

голосами орали «а капелла»⁵:

— Лей, ливень, лей!
Пой песню, пой!
Лей, ливень, лей!
Лей, проливной!

Верхний коридор был завален снаряжением на высоту человеческого роста до такой степени, что оставался проход шириной в метр, не больше. Олег сунулся в ближайшую дверь, на которой косовато висела табличка:

**КОМИТЕТЪ
СПАСЕНИЯ ОТЕЧЕСТВА
ОТЪ
ЭНЦЕФАЛИТНЫХ КЛЕЩЕЙ**

— Андрюшка Лобанов здесь?
— Зачем он тебе, отрок? — хмуро спросил невероятно волосатый мужик в старом камуфляже, сидевший за столом над разостланной картой. — Покайся, может, дождь перестанет...
— Я обязательно покаюсь, но только потом, ладно? — ответил Олег. — Андрей где?
— Мирская суета... — вздохнул бородач. — Был за две двери отсюда, в бесовском пристанище...
— Спасибо! — Олег нырнул обратно в коридор.
На двери «бесовского пристанища» тоже была табличка — раньше Олег её не видел:

**ПОДЪ-КОМИТЕТЪ
ПО РАЗВЕДЕНИЮ ЭНЦЕФАЛИТНЫХ КЛЕЩЕЙ
ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАБОТЪ
КОМИТЕТА
СПАСЕНИЯ ОТЕЧЕСТВА
ОТЪ
ЭНЦЕФАЛИТНЫХ КЛЕЩЕЙ**

Внутри гремело:

— А когда вернёмся — вдребезги напьёмся,
Да и скажем тем, кто упрекнёт:
«С наше покочуйте,
с наше поночуйте,
с наше поживите хоть бы год!»

⁵ Без музыкального сопровождения.

Олег не успел сунуться внутрь — Андрей сам выскочил наружу, мельком глянул на младшего мальчишку и заревел:

— Кипяток!!!

— Несу, па-ра-зи-и-ит! — ответил откуда-то девчоночий голос.

— Олег, ты чего приехал, позвонить не мог? — кивнул Андрей, как ни в чём не бывало. — Люди старались, мобильники изобретали...

— Поговорить надо, — тихо ответил Олег. — Важное дело.

— Очень важное? — Андрей посерьёзnel.

— Во, — Олег чиркнул по шее ребром ладони.

— Ясно, — Андрей махнул рукой в комнату: — Я скоро!.. Пошли говорить.

* * *

Итак, Олег ушёл в поход с Андреем. В места, где, очень может быть, и мобильник «не берёт». На пять дней. Само по себе это было вполне естественно; вот только Валька, конечно, встанет на дыбы со страшной силой.

Переживём. А пяти дней должно хватить хоть для какого-то прояснения проблемы.

Дневной пригородный поезд выскочил из дождя под самым Тамбовом. Похоже, тут этого самого дождя и не было вовсе. Светило солнце, пекло через окна полупустого вагона, плясало в воздухе и ползало по полу на поворотах.

Олег задумчиво смотрел через стекло на пролетающие мимо пригородные леса. Конечно, и Андрею он не рассказал всей правды, просто дал понять, что у него личные дела, и старый старший приятель, коротко поразмыслив, согласился «прикрыть» Олега. Хорошо, когда тебе все верят.

* * *

Около «Дуката» Олег оказался без трёх минут восемь. До этого он долго бродил по городу, сидел на скамейках, поел и попил в кафе, искупался на пляже и вообще старался побездумней и поплотней убивать время, чтобы не поддаться мандражу. Мандраж был, но небольшой и скорей бодрящий, даже спать расхотелось, а ведь в поезде почти заснул. Потом позвонил домой, сказал, что ночует в Фирсанове, а с рассветом они выходят. И к восьми подошёл к «Дукату».

Конечно, это было рискованно — вдруг хозяйке придёт фантазия закрыть магазин раньше? Но Олег исходил из логичного, в общем-то, предположения, что частная лавочка, конечно, будет работать «до упора» в расчёте на поздних покупателей.

Мальчишка быстро посмотрел влево-вправо и вошёл внутрь.

Свет в помещении ещё не был потушен — стоя возле выключателя, женщина тянула к нему руку и, не глядя, приветливо сказала:

— Простите, но я закрываю... ой, это ты? — она удивлённо посмотрела на Олега, на его одежду и рюкзак. И, кажется, что-то заподозрила, но всё-таки продолжала: — Мы же договаривались на завтра. Извини, но сегодня работы нет, — она улыбнулась.

— И не надо, — Олег достал револьвер, левой рукой, не глядя, задвинул за спиной засов. — Опустите руку, отойдите на середину комнаты.

Чисто автоматически женщина выполнила приказ. Только потом посмотрела на большой револьвер в руке мальчишки и коротко спросила:

— Что это значит? Ты с ума сошёл, маленький нахал?

— Я не собираюсь вас насиловать или убивать, — Олег спустился по ступенькам и встал возле них. — Но учтите: здесь дробовой патрон. Я буду стрелять в лицо. Дробь вас не убьёт, но вы останетесь без глаз и без лица. Лицо, возможно, вам и соберут по кусочкам, но

глаза... — он покачал головой, видя, что женщина уже не сводит взгляда с револьвера. — А вы даже не сможете составить мой фоторобот. Слепую не получится.

— Что тебе нужно? — голос выдал страх. Женщина посмотрела в лицо Олегу. — Деньги? Забирай и уходи.

— Мне не нужны деньги, я неплохо зарабатываю, — ровно ответил Олег. — Сядьте вон на ту горку, руки держите на коленях... садитесь! — повысил он голос, и женщина ошупью села на стекло. — Мне нужна информация.

— Какая? — тихо спросила хозяйка. И в её голосе Олег уловил: он на правильном пути.

— Шестнадцать детей, пропавших за последние две недели в городе.

Пальцы женщины вцепились в колени, разрывая колготки. Выступила кровь.

— Я так и знала... — прошептала она, мертвея лицом. Олег даже поёжился про себя — холёная хозяйка магазина превратилась в поломанный манекен. Но уже в следующий миг в её глазах вспыхнула надежда: — Я не виновата! — она вскочила, Олег дёрнул ствол, женщина упала обратно, сцепив руки перед грудью. — Я не виновата ни в чём! Я только вела бухгалтерию и обеспечивала финансовую сторону...

— Меня вы тоже хотели заманить для обеспечения бухгалтерии? — холодно осведомился Олег. Женщина замотала головой, расшвыривая роскошную причёску:

— Я... я просто... я подумала, что ты беспризорный... и я решила, что... остальные были не беспризорные, и я думала, что... комиссионные...

— Где дети? — Олег подошёл к витрине напротив. Женщина сглотнула, её лицо вновь изобразило отчаянье:

— Меня убьют... — прошептала она.

— Может быть, — согласился Олег. — А может — и нет. А вот я в случае отказа отвечать по счёту «три» гарантированно снесу всю вашу красоту. Раз...

— Ты всё равно не поверишь! — излишне громко вскрикнула она.

— Можете не кричать, — холодно сказал Олег. — Снаружи моё прикрытие. Никто не войдёт и не услышит даже.

И она сломалась. Ссутулилась, опустила руки. Покачала головой:

— Ты не поверишь... — пробормотала она. — Они не здесь. Вообще не в нашем мире.

— Верю, — сказал Олег. Хозяйка подняла глаза с искренним изумлением. — Мы предполагали нечто подобное. Кто этим заправляет?

— Честное слово — не знаю, — покачала головой женщина. — У меня уже был этот магазин. Я открылась в конце весны. Дела шли плоховато. А в середине мая пришли люди... и предложили... сюда никого не приводили, я просто вела учёт и бухгалтерию, честное слово, просто учёт и бухгалтерию, ты бы стал первым, я просто...

— Тише, не нервничайте, — сказал Олег. — Если я останусь доволен вашими сведениями, то вы сможете покинуть город беспрепятственно с любыми деньгами и ценностями. Прямо сейчас, как только закончим.

— Правда? — женщина всхлипнула и разрыдалась: — У меня... я... у меня тоже сын... я думала о нём... деньги...

Сделав два шага, Олег изо всех сил ударил женщину по щеке, опрокинув на пол.

— Прекратите истерику, иначе рискуете никогда не увидеть вашего сына, — сказал Олег брезгливо. — Мы не торгуем детьми, но можем упрятать его в детский дом. Да и зачем ему мать на зоне?

Женщина со стоном поднялась. Щека на глазах опухала, она неверяще смотрела на мальчишку. Олег скривил губы:

— Думали, я не знаю ваших фокусов со слезами? На меня это не действует... Я вообще не могу воспринимать, как женщину, торговку детьми... Список. Быстро.

— Компьютер там... — хозяйка указала за стойку.

— Идёмте, — Олег качнул револьвером...

NN п/п	Фамилия, имя	Возраст	Дата переброски	Код места назначения	Сумма выручки (пересчёт, руб.)	Комиссионные «Дуката»
1	Игорь Марков	13 лет	2 июня	4	870 000	87 000
2	Данила Дорофеев	9 лет	2 июня	4	990 000	99 000
3	Игорь Парушев	12 лет	3 июня	2	730 000	73 000
4	Маша Лалина	11 лет	5 июня	2	1 000 000	100 000
5	Максим Караваев	14 лет	6 июня	2	890 000	89 000
6	Оля Томилина	15 лет	7 июня	3	960 000	96 000
7	Тима Борус	8 лет	8 июня	3	1 040 000	104 000
8	Кирилл Сигаев	13 лет	9 июня	3	700 000	70 000
9	Боря Ковалёв	12 лет	10 июня	11	820 000	82 000
10	Оля Третьякова	9 лет	10 июня	11	1 560 000	156 000
11	Саша Ромина	14 лет	11 июня	11	1 080 000	108 000
12	Гена Жуков	14 лет	11 июня	11	700 000	70 000
13	Артур Волков	15 лет	11 июня	11	650 000	65 000
14	Света Крыгина	13 лет	13 июня	5	950 000	95 000
15	Дима Гаврилов	12 лет	13 июня	5	730 000	73 000
16	Юрка Гриднев	14 лет	14 июня	5	720 000	72 000

— Кто-то заработал на этом за две недели почти пятнадцать миллионов рублей... — задумчиво сказал Олег и усмехнулся, держа распечатку. — А ваша доля составила, кажется, десять процентов? Миллион четыреста пятьдесят тысяч. Не многовато ли для простого ведения бухгалтерии? — и резко спросил: — Выход в места назначения у вас?

— Нет, я клянусь, нет... Просто это очень дорогой товар... в смысле, дети... Я вообще об этом ничего не знаю, не знаю, что там за цифры в кодах... я даже не знаю, кто эти люди, они выглядят обычно, говорят, как мы... а мой магазин — просто идеальное место сбыта ещё и для предметов... оттуда... я их продаю, как антиквариат...

На миг в Олеге шевельнулся резкий интерес, он покосился на выход в зал. Так там лежат предметы из других миров?! Но интерес тут же растаял.

— Я так понял, что к вам должны придти завтра вечером? — хозяйка кивнула. — У вас тут есть золотые монеты?

— Оттуда?

— Нет. Наши золотые монеты, червонцы или современные коллекционные.

— Есть... золотые пятёрки... серия «Знаки Зодиака»...

— Много?

— Около сотни... я их покупала как раз на эту выручку... они там, в сейфе... под стойкой...

— Готовились бежать? — быстро спрашивал Олег, видя, что женщина не врёт, не в силах врать от страха.

— Да... с сыном... Ещё десяток сделок... и мы бы... Я с самого начала знала, что мы попадёмся. Хотя они говорили, что у нас нет служб, которые... которые могут их контролировать...

«Кажется, нет,» — про себя согласился Олег, но высокомерно двинул бровью:

— У нас есть всё. Сейчас вы уйдёте, и уже к полуночи духу вашего не должно быть в городе. Я подозреваю, что у вас есть несколько миллионов рублей, не меньше, наверняка — ещё какие-то небольшие, но весомые ценности. Ваших поделщиков можете не опасаться — скоро у них будет много проблем.

— Вы не убьёте меня? — женщина всхлипнула, но уже устало, без аффектации.

— Стоило бы, — искренне сказал Олег. — Но вас не тронут. Я заберу золотые монеты и еду. У вас ведь холодильник? — он кивнул на угол. — Учтите: за вами будут следить до

вокзала. Куда вы поедете потом — нам не интересно, но это всегда можно узнать.

Повинуясь жесту Олега, женщина вышла в помещение магазина. Олег подошёл к стойке. Шевельнул рукой. Хозяйка послушно открыла сейф, выгребла монеты. Олег, не глядя, ссыпал золотистую тяжёлую чешую в резко отвисший нагрудный карман джинсовки и застегнул его на «молнию».

— Идите, — скомандовал он. — Берите, что считаете нужным, и убирайтесь. Дверь не запирайте...

...Уже когда она, часто оглядываясь, подошла к дверям и взялась за засов, Олег не удержался от вопроса:

— Скажите, неужели у вас была такая нужда, что вы начали торговать детьми?

— Я... — женщина задержалась.

— Вы тварь, — сказал Олег. — Вон отсюда, видеть вас не могу.

Глава 6

Вместо того, чтобы ощущать себя победителем, Олег чувствовал себя дураком. Действительно — крайне глупо. Он сидел в магазине, из которого выпер хозяйку — и ждал неизвестно чего. Может, милицию, которая во время вечернего обхода вздумает подёргать дверь?

Он подошёл и запер дверь на засов.

Потом вернулся в комнатку за стойкой, открыл холодильник. Колбаса... консервы... разные нарезки... Ну и наборчик, как будто она живёт здесь!

Стоп. **А зачем ей всё это?**

Соврала, холодея, подумал Олег. Соврала, сейчас приведёт кого-нибудь... Но тут же вспомнил лицо женщины и изощрённым чутьём, свойственным подросткам, понял: нет, говорила правду.

В глубокой задумчивости Олег перегрузил значительную часть продуктов в свой рюкзак, постаравшись забить все пустые места. Прикинул на руке — ничего, пойдёт. Послonyaлся по магазину, выключил свет, а потом неожиданно для самого себя свернул к компьютеру.

На машине стояли стандартные «игрушки», да они Олега и не интересовали. Он полазил по бухгалтерским папкам — большинство из них имело отношение только к собственно магазинной бухгалтерии. Был ещё альбом с фотографиями — в основном хозяйки, иногда — с мальчишкой лет 7–8, который прямо сиял от того, что рядом мама. Олег передёрнул плечами, покачал головой. Нет, ну как такое возможно?! У неё же у самой сын! Хотя... есть же женщины с настолько гипертрофированным чадолюбием. Например те, которые шпионили для чеченских бандитов во время войны, чтобы им вернули сына из плена — разве они задумывались, что губят нередко не одного, не двух, а десятки других парней, ничуть не менее дорогих их матерям и отцам? Так и тут, наверное... Как-нибудь утром не хватило денег на фирменный йогурт с биодобавками для сыночка — и мамочка решила, что наступает финансовый крах. И стала поправлять материальное положение...

Но всё-таки — почему пришли именно к ней? И кстати — кто же всё-таки пришёл-то?!

Он ещё посмотрел фотографии. Судя по названиям, мальчишку звали Стёпик (Олег усмехнулся) и родился он в 99-м. Отца, судя по всему, не было. А, ну ясно. Есть ещё и такая категория женщин — рожают «для себя» живую игрушку и лепят из неё эгоиста, труса и ничтожество, потому что такой от мамы — никуда.

Длинная мелодичная трель заставила Олега подскочить, схватив револьвер. Он не сразу понял, что это — сигнал электронной почты. Точно. На экране появился почтальон, призывно размахивающий конвертом.

Мальчишка со стуком положил оружие. Секунду посидел. Потом дёрнул углом рта и, положив пальцы на клавиатуру, открыл почтовый ящик...

...Как и все женщины, владелица «Дуката» оказалась последовательна в слепой любви.

Пароль в почту был — *stepik1999* . Даже смешно.

Последнее, только что пришедшее письмо было от некоего go-go. От того же адресата было две трети из почти полусотни входящих писем ящика. Остальные, судя по названиям — из каких-то контор типа налоговой или музея. Штук пять — от подружек, кажется. Письмо было коротким.

За товаром прибудем в условленное время. Предположительная цена — 950 000. Ваш процент прежний + 5 % за находку товара. Предположительное место назначения — код 9.

Олег посмотрел и остальные письма go-go. Похоже, хозяйка не врала, она и правда решила подзаработать побольше впервые — это были сообщения о необходимости внесения данных в бухгалтерию. А вот предпоследнее...

Утеряна Ваша визитка. Предположительно во время последней переборки.
Будьте осторожны и внимательны!

Олег усмехнулся. Письмо было не прочитано. Наверное, пришло недавно, а хозяйка то ли внимания не обратила на сигнал, то ли поленилась, то ли ещё что...

Ясно одно — прочти она сообщение, и Олега ждал бы совсем другой приём.

Может, он поторопился? Может, надо было дожидаться завтрашнего вечера и только тогда придти? И дело не в том, что долго ждать. А если они не приедут, если отвезти Олега должна была она сама? Нет, пишут — «прибудем».

Но чем дольше он ждал бы, тем больше вероятностей, что было бы прочитано это предпоследнее письмо. Мальчишка проверил «исходящие» — на письма go-go она не отвечала. Очевидно, просто брала к сведению и исполняла. Ну и слава богу, хуже было бы, нуждайся они в подтверждении прочтения посылкой какого-то кодового слова...

Олег вздохнул. Выключил компьютер стало совсем темно. Мальчишка потянулся. Уселся в кресле удобнее, положил под руку револьвер и закрыл глаза.

Он заснул почти сразу — очень устал физически, да и перенапряг нервишки здорово. И, казалось, почти так же сразу проснулся. Но часы показывали, что он проспал почти пять часов и сейчас около двух ночи.

Спина и шея затекли. Стояла глубокая, какая-то нехорошая тишина. Нет, не тишина. Звуки были, причём звуки странноватые. И в этой тишине-не тишине не хватало чего-то важного.

Часы, понял Олег, не шевелясь. В помещении магазина тикали двое часов. Одни даже не тикали, а бухали — здоровенная напольная башня. А сейчас они молчали. Как будто кончился завод.

Света там по-прежнему не было. Но Олегу почему-то казалось, что там — там гораздо более обширное помещение, чем небольшой полуподвальчик. Из-за этих вот **лишних** звуков. Как будто ветер гоняет по полу скомканную бумажку. И ещё какие-то...

Началось, буднично подумал Олег. Ну а мог бы и сам догадаться — магазинчик выбрали, потому что он стоит в **удачном месте** , есть такие места. И, конечно, пользовались им всю и без ведома хозяйки.

Олег хотел взвести револьвер, но передумал — тугой щелчок будет слышен далеко и отчётливо. Ладно, пусть самовзвод. Всё равно первый патрон с дробью, в случае чего — не промажу, как ни дёргай... Он нашарил ногой рюкзак, приподнял, извернулся, надел на одно плечо. Страшно не было. Сейчас он предельно собрался, сжался, как пружина, ещё не зная, что и как будет делать, но уверенный в том, что инстинкт подскажет «по ходу».

Олег сполз на пол, на корточках. «Гусиным шагом» подошёл к двери, похвалив себя за то, что не закрыл её.

И встал на колени.

Можно сколь угодно долго готовиться к чему-то. И всё равно обалдеть, когда это происходит.

Ну, то, что помещения магазина нет, его не удивило. Но всё-таки увиденное было сильно.

Во-первых, тут было не темно, а как бы полутемно. Большой зал напоминал вокзальный зал ожидания — коричневые стены, арочные переходы, колонны, широкие скамьи с выгнутыми для удобства спинками, но тоже каменные. Нигде ни единой надписи. Что под потолком — тонуло в темноте. Свет падал только через большую дверь в дальнем конце помещения.

А в проходе в самом деле каталась туда-сюда бумажка. Конфетный фантик. Это и был единственный звук в помещении. Остальные слышались из-за большой двери.

Луг или степь, понял Олег. Вот точно так же в августе шелестят поля ржи и пшеницы.

Он оглянулся. Позади по-прежнему была каморка с компьютером, холодильником, креслом... Вернуться и сесть в кресло. Вряд ли это — надолго. А если вперёд — то он даже не знает, куда надо идти.

Прямо до самого утра, говорил Питер Пэн. А он, будучи человеком дела, не был склонен к пустой философии. Как раз от такого совет и нужен сейчас.

Олег всё-таки вернулся. Он наполнил водой из-под крана вытащенную из рюкзака гофрированную литровую флягу. Потом, войдя в зал, поставил рюкзак на ближайшую скамейку, достал из него ремень, подпоясал джинсы, повесил на крепление револьвер в кобуре, складной нож, флягу. Перешнуровал ботинки, забросил рюкзак за плечи и только потом оглянулся.

Вместо двери в подсобку была глухая стена.

— Ну что ж, — сказал Олег. Достал нож, выцарапал:

ЗДЕСЯ Я БЫЛ

О. *

И пошёл к выходу.

Шаги гулко бухали в пустом зале. Конфетный фантик ускакал под одну из скамей. С каждым шагом становилось яснее, что снаружи не только светло, но и жарко.

Очень жарко, чёрт побери! Олег остановился на пороге (хотя никакого порога и не было, собственно — сразу за каменным полом начиналась трава) и рефлекторно прикрыл рукой глаза. Сверху рухнул поток солнечного света.

Солнце стояло в зените — невидимое, ослепительный размытый блеск в белом небе, яростно полосовавший землю ливнем жара. Во все стороны расстилалась степь, поросшая высоким, по пояс и выше, редким серо-жёлтым ковылём. Тонко звенел воздух. В этом звоне слышалась музыка, и Олег не удивился, когда, опуская руку, услышал на миг знакомое:

Да не ругай меня, братишка, за правду...
Ты ж мне сам сказал, что платишь монету?
Но даже и любя кого-то взаправду
Ты сам вокруг себя вращаешь планету... —

и понял, что это Третьяков в Ванькиной каморке в клубе. Мальчишка чиркнул по воздуху рукой ещё раз, вызвал снова какой-то звук, явственный, но непонятный...

Ну что ж. Сейчас не нужно было удивляться. Может быть, по-настоящему

удивительные вещи будут впереди, так что лучше не тратить себя...

Постояв ещё, Олег неспешно обошёл здание. И почти не удивился, наткнувшись среди ковыля на железную дорогу.

Это была одна-единственная ветка. Рельсы, бетонные шпалы, подсыпка. Пять шагов с этой стороны, пять шагов с той — ковыля нет, дальше — опять серо-жёлтая стена. Олег встал на шпалу, посмотрел влево-вправо — в оба конца дорога шла до тех пор, пока не таяла: то ли на самом деле, то ли просто в жарком мареве.

Олег автоматическим жестом поднял руку с «командирскими» к глазам.

Часы стояли.

Олег засмеялся. Внезапно ему стало очень легко, как будто решилось что-то важное. Он сделал первый — широкий — шаг со шпалы на шпалу — и, сойдя вбок, на насыпь, пошёл уже нормально, напевая негромко, просто так, для себя, очень подходящие к случаю строчки...

— От пустой коновязи вдаль уходит дорога —
На дорогу из тучи молча смотрит звезда.
На себя лишь надейся — на себя, не на бога.
Жизнь даётся на время — а честь навсегда...

Там, где стоят часы

То ли тут вообще не шло время, то ли шло как-то иначе, но солнце прочно обосновалось над головой и пекло с дикой силой. Куртку Олег подвязал к низу рюкзака и шагал себе, по временам развлекаясь тем, что извлекал из воздуха какие-то обрывки разговоров, мелодий... Потом — поднадоело, и он сам спел (никто ведь не слышит):

— Опять тобой, дорога, желанья сожжены!
Нет у меня ни бога, ни чёрта, ни жены...
Чужим остался Запад, Восток — не мой Восток,
А за спиною запах пылающих мостов.
Сегодня вижу завтра иначе, чем вчера,
Победа, как расплата, зависит от утрат...
А мы уходим рано, запутавшись в долгах —
С улыбкой д'Артаньяна, в ковбойских сапогах...⁶

Самым странным было, что не ощущалось ни особого беспокойства, ни желания спешить или что-то там ещё... Как будто всё само собой должно устроиться к лучшему. Хотя как-то, но — к лучшему. И не надоедало шагать, даром что пейзаж был насквозь однообразным и, можно сказать, унылым. Ковыль осыпался тонкой сухой пылью, лишь задень. У пыльцы был горячий запах лета.

Временами Олегу отчётливо казалось, что где-то слева — река. Сперва он подавлял желание свернуть и посмотреть. Но, когда это желание снова подкатило, круто развернулся и зашагал влево.

Он не успел сделать и ста шагов — ковыль оборвался, и за полоской рыжей глины открылся обрыв. Склон падал вниз отвесной стеной метров на пятьдесят, не меньше. В широченной спокойной реке отражался закат, и Олег недоумённо понял, что это правда —

⁶ Стихи Ю.Кукина

закат, солнце садится, а ведь только что казалось — стоит по-прежнему над головой... На том берегу бесконечной зелёно-ворсистой тканью лежал лес. А посреди реки плыл пароход. Настоящий пароход, с колесом сзади — «американской» конструкции. Река была настолько громадной, что пароход казался маленьким и почти неподвижным. В иллюминаторах и окошках надстроек горели огоньки, и Олег понял, что там, внизу, на реке, уже ночь — берег закрывает солнце.

За всё то время, пока шагалось, Олег не отпил из фляжки ни глотка. Сейчас захотелось пить и есть. Чуть дальше по берегу мальчишка увидел удобный спуск — берег как будто был разрублен балкой.

Олег напился из фляжки (вода почти не согрелась, хорошая вещь), ещё постоял, глядя на пароход и испытывая какое-то недоумение от того, что тут есть другие люди. Часы по-прежнему стояли. Не очень спеша, он пошёл к балке.

Спуститься оказалось не так-то легко — балка заросла кустарником и, когда мальчишка выбрался на гладкий речной песок, уже совсем стемнело. Волны мирно шуршали о берег. Над головой зажигались звёзды — знакомые, но крупные, яркие. Думалось пусто и легко.

Побродив по берегу, Олег нашёл плавник — коряжину с себя толщиной и длиной, сухую и гулкую. Неспешно нащепал ножом лучинки, застругал их, сложил под торчащей чуть в сторону обломанной веткой, зажёг от зажигалки и, сбросив снаряжение и одежду на песок, пошёл в воду.

Вблизи река выглядела ещё шире, но перестала быть пугающей. После жаркого воздуха степи вода показалась холодной, но лишь в первые секунды. Олег наплавался, потом попил, ныряя у берега и хватая зубами найденные ногами роднички — там, где ступню начинало щекотать ледяными струйками. Сходил за фляжкой, набрал её. Прополоскал носки, потом — трусы, выжал как следует и то и другое, повесил на несколько подобранных палок плавника у разгоревшегося тем временем огня — ясно было, что коряжина будет гореть до утра. Подволок ещё одну — почти такую же большую, положил, как экран или спинку дивана. И сел на вытащенную из рюкзака прокладку, накинув куртку на плечи. Комаров не было, но так казалось удобнее и спокойнее. Достал из рюкзака, не глядя, консервы, колбасу, пресные галеты. Начал есть.

Стемнело окончательно, полностью. Но ненадолго, на несколько минут — большущая синеватая луна, какая-то одурелая, неестественная, встала над лесом. В её сиянии растаяли почти все звёзды, но на том же берегу подальше загорелись огоньки — целая россыпь. Олег подумал, что и его костёр там, наверное, виден, но это его не беспокоило. Пусть...

Прошёл поезд. Совершенно отчётливо, там, над обрывом. Протарабанил колёсами по стыкам, потом — уже где-то далеко — дал гудок. Грохнула на реке играющая рыба. Коряжина горела ровно, но, наверное, можно было бы обойтись и без неё — ночь стояла тёплая.

Олег задумался. И с трудом очнулся, когда уловил — уже совсем близко — шорох шагов по песку. Песок вообще съедает все звуки. Хорошо ещё, что мальчишка не глядел в огонь, а луна продолжала шпарить вовсю...

Он не стал браться за револьвер или нож, хотя и придвинул ближе кобуру, пальцем сбросив ремень с курка «гнома». И смотрел, как человек подходит всё ближе.

Это был мальчишка — помладше Олега, кажется, но плечистый, длинноволосый (волосы стянуты повязкой), в коже — в куртке и узких штанах. Мягкие сапоги болтались через левое плечо, над правым виднелась завязка дорожного мешка. На широком поясе с большой пряжкой висели длинный прямой нож и небольшой колчан, а на правом бедре — простой арбалет.

Парень остановился в нескольких шагах, щурясь на огонь. Он оказался сильно загорелый, черноволосый, но глаза — вроде бы светлые. Этими глазами парень рассматривал Олега — в упор, глаза в глаза, но без враждебности или насмешки, просто с любопытством.

— Можно переночевать у огня? — спросил он. Олег мотнул головой — можно было поклясться, что он сказал не это, слова были не такие... но Олег понял. Просто — **понял**, и

всё тут.

— Садись, — Олег пододвинул ближе недоеденное на бумажной салфетке. — Вот, ешь, если хочешь. Это колбаса, это рыба... А вот сухари.

Мальчишка тоже понял. Кивнул, сел, скрестив ноги — причём скрестил их, ещё садясь, так ловко... Снял пояс, скинул арбалет и мешок. Раздёрнул горловину, вынул половинку большой круглой лепёшки, несколько больших вобл:

— У меня только это, возьми, — он протянул еду Олегу.

— Я только что поел, — покачал головой Олег и сам наконец-то поразился тому, насколько всё необычно и буднично. Ещё более необычно и буднично, чем в прошлый раз — там, по крайней мере, было узнаваемое прошлое своей страны, знакомые места... — Ты не с поезда?

Глупый был вопрос. Мальчишка, если и сошёл откуда-то, то с боевой колесницы. Но черноволосый покачал головой, как ни в чём не бывало:

— Нет. Поезд ушёл дальше, — он махнул рукой, на которой обнаружился узкий витой браслет. — Я видел его.

Он достал откуда-то из ножен небольшой нож и, не церемонясь, начал быстро есть, ловко орудуя листообразным клинком. Олег, откинувшись на бревно, смотрел на реку и лениво думал, что надо бы всё-таки лечь спать... Черноволосый между тем сходил к реке, напился, набрал в круглую фляжку воды. Олег предложил:

— Искупайся, вода отличная.

— Я не умею плавать, — мальчишка сел рядом, вытянул ноги и устроил затылок на деревяшке. — Там, откуда я родом, нет рек. У нас даже слова такого нет — река. Вся вода только в степных родниках и колодцах.

— Плохо, — посочувствовал Олег. Темноволосый пожал плечами. Потом повернул голову, секунду смотрел на Олега и подал руку:

— Меня зовут Димма-ро. Димма-ро сын Даймона внук Тэнги Лошадиной Маски из клана Северного Ветра.

— Олег, — Олег пожал ладонь мальчишки. — Просто Олег... А ты... ты кого-то ищешь здесь?

— Что-то, — поправил мальчишка. — Вещь, давно потерянную, но по-прежнему нужную нашему клану. С нею ушло наше счастье, и то — вина моего отца Даймона сына Тэнги Лошадиной Маски внука Димма-ро из клана Северного Ветра. Но отцу уже не исправить его ошибки, он ускакал с ветром. Пришлось делать мне. И сейчас я не знаю, куда идти. Я даже коня потерял.

— Я тоже не знаю, куда мне идти, — вздохнул Олег.

— Может быть, расскажешь о себе? — осторожно предложил Димма-ро. — Если не очень устал...

... — Ну что ж, — черноволосый мальчишка вздохнул. — Это знакомо нам. У нас тоже пропадали дети. Жрец сказал, что это дело рук жителей холмов. Но сам я не видел их никогда, да и было это ещё до моего рождения... впрочем, что такое время — здесь?

— Что это за место? — спросил Олег. Димма-ро пожал плечами:

— Путь. Место такое. Ну... я не знаю. Путь, и всё. Иногда можно идти неделями — и всё. А иногда шагаешь прямо туда, куда тебе нужно. Я вот немного заблудился.

— А у вас... — осторожно спросил Олег. — У вас торгуют людьми?

— Нет, — отрезал Димма-ро. — Боги ветров карают того, кто вздумает отнять у человека свободу. Лучше отнять жизнь... Хочешь, я дам тебе совет? — Олег рассеянно кивнул. — Просто иди. Иди и думай о своём деле. Тогда быстрее откроется нужное место. Я знаю, что говорю.

— Ну что ж, — сказал Олег. — Я так и сделаю... А пока — давай спать?

Олег проснулся, когда солнце осветило пляж и пригрело. Привстал на локтях.

На воде играли блики. На той стороне, в лесу, пели в лесу птицы, и мир казался свежим и умытым. Коряга почти догорела. Ночного гостя не было и в помине, но на рюкзаке Олега лежали три воблы, а рядом был нарисованы на песке знаки: — раскрытая рука и какие-то штрихи, похожие на руны.

Олег улыбнулся. Ладонь была раскрыта для рукопожатия. Что означали чёрточки — он не знал, но, конечно, что-то доброе.

Он поел, напился из реки, выкупался, помахал рукой ещё одному пароходу (с палубы тоже помахали какие-то люди), оделся, собрал вещи и полез на обрыв вчерашним путём. Если честно, он почему-то боялся, что железная дорога пропала, но она отыскалась почти сразу — такая же, как и вчера, так же таявшая невидимыми концами в знойном воздухе.

И он снова зашагал по насыпи.

* * *

С полудня (солнце всё-таки двигалось, хотя и странновато, можно было кое-как определить здешнее время) и до вечера Олег шёл по туннелю. Дорога внезапно и довольно резко пошла под уклон, врезалась в землю и пропала под высокой аркой, выложенной блоками алого гранита. Олег сперва остановился — идти туда было жутко, в голову сразу полезла всякая чушь. Он даже обошёл эту дыру и прошагал метров сто, но потом решительно вернулся и, включив фонарик, вытянутый из рюкзака, двинулся в туннель.

Первые полкилометра и правда было темно, но тихо — никаких угрожающих звуков, даже вода не капала. А потом неожиданно появились частые световые окна — свет падал откуда-то с боков, слишком высоко, чтобы можно было заглянуть. Ничего необычного или мрачного в туннеле не было, имелись даже частые ниши в стенах, в которых виднелись вделанные скамеечки. Олег заопасался поезда, но ничем таким тут не пахло, хотя туннель и не выглядел заброшенным.

Так он и шагал. Дважды выходил на подземные станции. Первый раз это просто был двусторонний перрон, выложенный кафелем, с левой стороны — лестница уводила наверх, над ней была надпись:

С 04.00 ДО 01.00

Ради любопытства Олег вылез на перрон и поднялся по лестнице, но она оканчивалась глухой металлической дверью. Олег приложился ухом — тихо, как в сейфе — и вернулся обратно на рельсы.

А вот второй раз он оказался в огромном зале, стены которого покрывали разноцветные геометрические узоры из камня. Мягко горели большущие люстры на полсотни лампочек каждая. Ряды скамеек чередовались с вделанными в стену киосками, над которыми тянулись надписи на непонятном языке, хотя и латинскими буквами — и вполне понятные рисунки: сигарета, газета, бутерброд... Пустые широкие ленты эскалаторов — по три штуки с каждой стороны — тоже вели наверх, но упирались в совершенно такие же двери. Олег вернулся вниз, поел и попил, сидя на скамейке, потом вздремнул и проснулся от звука проходящего поезда. Правда, открыв глаза, ничего не увидел, но осталось какое-то ощущение — как будто он спал не в пустынном зале, а в оживлённом месте — ходили и разговаривали люди, останавливались поезда...

Дальше свет из невидимых окон стал меркнуть, но, пока Олег подумывал, не включить ли снова фонарик, туннель кончился. Впереди засветилась точно такая же, как у входа, арка. А за нею над знакомой степью начинался закат — алый и густой.

А около выхода сидел в траве возле потрескивающего костерка из сухого ковыля

человек.

Наверное, он уже давно услышал усиленные тоннелем шаги Олега, потому что сидел вполоборота, опершись на левую руку, а в правой — держа немецкий пистолет-пулемёт времён войны, который неправильно называют «шмайссер». Что интересно — это тоже был мальчишка, примерно одних с Олегом лет, правда, кажется, пониже ростом, одетый в лёгкую клетчатую рубашу, штаны неопределённого цвета и босой. Сапоги с разостланными на них портянками стояли рядом, тут же лежал ремень с подсумками и ножом, фляжка, кожаная потёртая куртка... Чуть выпяченные губы, брови — резкими дугами, рыжеватый чуб, а глаза из-под него — не то чтобы нехорошие, но неприятные. Правда, увидев Олега, он опустил оружие и хрипловато, словно со сна, сказал:

— А... — как будто давно ожидал увидеть именно Олега, даже заждался. Глазами обжегал мальчишку, мотнул головой: — Подсядешь, или торопишься?

— Подсяду, — Олег опустился на корточки, сбросил рюкзак, стащил ремень. — Фу.

— Есть будешь? — мальчишка кивнул на лежащие на большом платке хлеб, перья лука, небрежно открытую банку с какими-то консервами.

— Общак? — Олег достал из рюкзака тушёнку, галеты, вопросительно посмотрел на мальчишку (и только теперь увидел, что на его рубашке почти незаметно прикреплена медаль «За Отвагу» на потёртой серо-синей ленточке). Тот засмеялся, понял:

— Общак... Покажь ножик.

— Держи, — Олег передал ему «оборотень». Тот повертел лезвие туда-сюда, вздохнул, отдавая обратно:

— Законная штука.

— Тебя как зовут? — поинтересовался Олег.

— Марат, — представился тот, умело открывая олегову тушёнку за кольцо в крышке. — Второй фронт⁷...

— Марат Ка? — пошутил Олег, но Марат удивился:

— Знакомы, что ли? Ага, Казей.

— Олег, Серёгин, — протянул руку Олег, пытаясь сообразить, откуда ему знакома фамилия Казей⁸. — Нет, не знакомы. Это я так...

— Хороша тушёночка, — Марат подхватил кусок из банки лезвием финки. — Это какой год? — он посмотрел банку. — Ого, 2007-й... Оттуда, что ли?

— Оттуда, — Олег взял пёрышко лука, хлеб, подцепил консервированную сардину. — А ты?

— А, — Марат махнул финкой в сторону солнца. — Вообще из сорок четвёртого. А сейчас — неважно.

— Подожди... — Олег прожевал кусок. — Ты партизан, что ли?

— Ну да. Разведчик Станьковской бригады.

— А как здесь оказался?

— А, — Марат снова отмахнулся. Потом хмуровато пояснил: — Погиб. Ну, или не погиб, а... В общем, фрицы меня окружили, я раненый был. Ну, я их подпустил ближе и... гранату себе под ноги. А дальше гляжу — а я здесь.

— Не понял, — признался Олег ошарашенно.

— Да я тоже, в общем-то... Да ладно! А ты-то куда идёшь?..

⁷ В годы Великой Отечественной войны значительную часть потребностей нашей армии в мясных консервах покрывали поставки низкосортной тушёнки из США. Наши солдаты, ожидавшие открытия американцами «второго фронта» в Европе, со злой иронией прозвали так тушёнку, намекая на делячество американцев и их нежелание реально помогать нашей стране в борьбе с Германией.

⁸ КАЗЕЙ Марат Иванович (1929-44), партизан Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза (1965, посмертно). Юный пионер, с 1942 разведчик партизанского отряда (Минская обл.). Окруженный фашистами, подорвал себя гранатой.

...Когда Олег закончил рассказ, уже совсем стемнело, костёр погас и взошла луна. Где-то совсем недалеко играла музыка — не из воздуха, просто магнитофон, слышались какие-то весёлые голоса. Марат лежал на спине и жевал сухую былинку.

— Дай-ка эти свои бумаги, — сказал он, протягивая руку. Олег вытащил из рюкзака папку, подал. Марат сел на коленки, раскрыл папку, достал лист. Хмыкнул: — Ну, это просто... Это мне уже давно один мужик объяснил, мы с ним вместе одно место от наёмников отбивали... Это распространённая кодировка, ею многие пользуются, придумали её вообще чёрт знает когда... Вот смотри. Мой мир — код 1. Многие думают, что он — изначальный, а остальные — ответвления. Твой, наверное, тоже код 1, только дальше по времени... Ты записывай давай. Код 2 — это средневековое такое раннее, все со всеми воюют, там даже государств почти нет, но люди в основном простые, хорошие. Рабами торгуют, но чтобы мучили или специально издевались — не слышал. Код 3 — хуже. Рабовладельческое общество типа Древнего Египта, на пол-земного шара империя... Код 4 — там что-то типа нашего века, в смысле XX, начала. Туда часто солдат набирают, но, если украли, то это, скорее всего, Торбайский халифат. Пиши-пиши... Код 5 — не знаю, не был, честно. Код 11 — там рабами торгуют в Оранжевой Пустыне, рынков полно, но и выследить тоже можно легко. И опоздать можно. Отношение там к рабам — как в учебнике истории. Жуть.

— Как мне туда попасть-то, в эти места? — Олег быстро черкал карандашом в свете луны. Марат пожал плечами:

— Да просто захотеть. Сконцентрироваться на чём-то. Ну, я лучше объяснить не могу. Вот я первый раз... Когда отошёл, так домой захотелось!!! Я всякое про себя передумал — про рай, всё такое прочее... А тут просто захотелось домой — и всё. И как будто в дверь шагнул. В наши места. Прямо знакомые... Сперва обрадовался... — Марат грустно улыбнулся. — А потом глянул — а это какое-то Белорусское Княжество, 624 год от Большой Войны, — он вздохнул. — Я в своём мире мёртвый, мне туда нельзя. А в остальные — пожалуйста...

— Ну и как ты живёшь? — спросил Олег, против воли захваченный словами Марата. Тот тряхнул чубом:

— А хорошо. Знакомых полно, друзей. Иногда тут брожу. Иногда подолгу на одном месте живу, есть очень хорошие места, прямо как при коммунизме. А потом сорвусь... Я же всё-таки пионер, я присягу давал — бороться за счастье людей, — он сказал это без иронии, совершенно серьёзно. — Несправедливости тоже хватает...

— А возраст? — тихо спросил Олег. Марат покачал головой:

— Какой возраст у того, кого один раз уже убили? — он посмотрел в небо и признался: — Я бы с тобой пошёл, но я одного человека жду, мы давно сговорились.

— Да я сам... — пробормотал Олег, складывая бумаги обратно. — Послушай... а кто вообще может этим... ну, заниматься?

Марат посерьёзnel.

— Вообще — много кто. Между мирами много торгуют, самым разным. Но если ты имеешь в виду — **кто это организовал** ... Здесь ты его не встретишь. Он сюда не суётся, потому что тут всегда мир. Он и между пространствами-временами своими ходами шастает, не здесь. Но учти — к тебе он точно подкатывать будет. Рано или поздно. Скорее всего, если увидит, что у тебя что-то получаться начинает...

— Да кто? — нетерпеливо, скрывая испуг, спросил Олег, приподнимаясь. Марат поморщился:

— Да... Как не называй, сразу узнаешь. Ему чем хуже, чем больше люди страдают — тем лучше. Кое в какие места он предпочитает не показываться, а кое-где себя, как дома, чувствует. Я даже не знаю, человек он, ещё какое-то существо, или, может, просто что-то вроде шаровой молнии, только та из сгущенного электричества, а он — из сгущенной человеческой боли...

— Наговорил, — вздохнул Олег, стараясь не показывать настоящего испуга. — А

этому... сатане, скажем так... что ему за дело до меня?

— Так ведь ты же людей выручать идёшь, — Марат снова откинулся на траву, лёг удобнее. — Просто так, не за деньги, не за славу, незнакомых... А это ему серпом по одному месту.

Олег засмеялся. Марат посмеялся тоже, а Олег смотрел на него и не верил, что такое вообще может быть.

— Марат... — окликнул он партизана.

— М? — ворчливо отозвался тот.

— Марат, у меня случай был... я... в общем, я спас двух человек. В прошлом. В моём прошлом, в смысле. И они остались живы. А если я... ну, или кто-то... ну, в общем — кто-то тебя спасёт **тогда** ?

— Не получится, Олег, — как-то легко, без печали, отозвался он. — Всякое тогда может случиться. Штука такая есть — Равновесие Миров и Времени. В него вмешиваться нельзя. Если мелочь какая-то — ладно ещё. А приметные события не изменить. Я слишком заметный. Знаменитый, — он усмехнулся и перевернулся на живот, подперев подбородок ладонями: — Да ладно тебе. Я и не жалею ни о чём. Я и там хорошо прожил, а уж сейчас-то и вовсе нечего горевать.

— Значит, смерти нет, — Олег повалился на спину. — А ты в бога не верил, наверное?

— А я и сейчас не верю, — сказал Марат. — Слишком много кругом зла, чтобы поверить. Но для тех, кто жил, как человек, смерти и правда нет. По-моему, это справедливо.

— По-моему — тоже, — сказал Олег и закрыл глаза.

Стало темно, тепло и тихо, только невдалеке пел мужской голос:

— Там, вдали, за рекой
Зажигались огни,
В небе ясном заря догорала...

* * *

Почему-то Олег был уверен, что на мосту он кого-нибудь обязательно встретит.

Мост — могучий, из стальных ферм и брусьев — висел не над рекой, а над пропастью, глубина которой скрывалась в клубящемся желтоватом тумане. Посередине шла всё та же одинарная колея. Слева и справа, за ограждением — широкие дорожки, пригодные даже для машины. Металл даже не загудел под ногами мальчишки — настолько монолитным было сооружение, дальний конец которого едва виднелся.

Олег постоял у начала моста, глядя вниз. Высота как-то не ощущалась — может быть, из-за того, что была слишком большой, или из-за того, что туман скрывал дно пропасти. Подавив вдруг возникшее дикое желание плюнуть вниз, мальчишка вздохнул, оттолкнулся от перил и зашагал по дорожке.

Сверху пекло солнце, а туман внизу не рассеивался. Это было немного странно, а немного и жутковато. Что он там скрывает? Какое-нибудь чудище с километровыми щупальцами? Но напугать себя не получилось. Тут вообще не получалось бояться или сильно беспокоиться. И Олег начал опасаться другого — как бы ему не утонуть в этой тёплой беспечности.

И, едва он это подумал, как стало видно, что навстречу идёт человек.

Да, мост был огромным. На его фоне идущий терялся, терялось само движение — поэтому могло показаться, что человек сам собой возник на мосту. Или так и правда было?

Олег не стал доставать револьвер. Не ускорил и не замедлил шага. Он только удивился, когда понял, что это — девчонка. А понял это лишь вблизи, по фигуре, что, в общем-то,

было не удивительно само по себе. Высокая, коротко подстриженная, в камуфляже, сапогах, с рюкзаком за плечами, ножом, пистолетной кобурой и фляжкой на поясе, она шагала широко и не сбавляя хода. Когда подошла ещё ближе — Олег различил на руках беспальные перчатки с расстёгнутыми пряжками на запястьях.

Вот теперь он насторожился. Девчонки и вообще-то достаточно непредсказуемые существа. А в последнее время некоторые из них, насмотревшись фильмов про Лару Крофт и Солдата Джейн, искренне впадают в неприятное и пагубное для них самих заблуждение — что «они ничем не уступают парням». Это даже там, в мире Олега. А уж тут — кто его знает, какие тут водятся особи.

Впрочем, девчонка, кажется, была настроена не агрессивно. Она вполне дружелюбно рассматривала идущего навстречу мальчишку удлинёнными к вискам глазами — странными такими, желтоватого цвета. И только когда она оказалась метрах в трёх — Олег остановился, невольно взявшись за кобуру.

Это была не девчонка. Вернее — **не человеческая** девчонка.

Её глаза разрезали золотистые вертикальные зрачки. Плотные прилежавшие к черепу уши слегка заострились кверху. Курносый нос почти не имел переносицы. А под пухлой губой Олег различил острые клыки. У девчонки были узкий подбородок и выпуклые скулы, коротко остриженные волосы блестели металлом. А руки — руки были четырёхпалыми.

Больше всего она походила на... на волка. Станным образом **очеловечившегося** волка. А ещё через секунду Олег понял, что в её внешности нет ничего неприятного или отталкивающего. Девчонка была красивой, как красивые, например, собаки, многие из которых кажутся нам даже симпатичнее некоторых людей (что делать).

— Здравствуй, — сказала девчонка (Олег снова её понял, как и при встрече с Диммаро, хотя **услышал** только горловое рычание и похрипывание).

— Здравствуй... — слегка неуверенно ответил мальчишка, но руку с кобуры убрал.

— Мы разойдёмся на этом мосту? — спросила девчонка. Олег невольно улыбнулся, и по её лицу скользнула тень, она даже слегка подалась назад, но тут же подняла руки: — Прости, я забываю, что люди скалятся, когда им смешно. Что я сказала смешного?

— Ничего, — Олег покачал головой. И добавил (а почему нет?): — Ты просто симпатичная.

Девчонка сделала странное движение и открыла рот, показав язык. Олег захлопал глазами; его новая знакомая спохватилась:

— Спасибо, мне приятно. Так ты не против того, чтобы я прошла на ту сторону?

— Нет, — пожал плечами Олег. Девчонка вытянула руки ладонями к земле и чуть прогнула спину:

— Спасибо ещё раз.

— Откуда ты? — вырвалось у Олега.

— Ленниадская Империя, — девчонка сделала неопределённый жест рукой в воздухе. — С гор Шуэ... — она явно хотела идти дальше, но задержалась и спросила: — А откуда ты?

— Из России, — ответил Олег, невольно любуясь ею. Девчонка склонила голову к плечу:

— Не слышала. Я мало знаю здесь, я здесь в первый раз и всего боюсь.

— Не похоже, — покачал головой Олег. — Ладно. Может, ещё увидимся. Счастливо тебе.

— Счастливо тебе, — эхом ответила девчонка и зашагала дальше, не оборачиваясь. А Олег смотрел ей вслед довольно долго. А потом мысленно попросил прощенья у Вальки.

* * *

Мост входил в ущелье, из которого наверх вёл пологий длинный подъём. К концу

подъёма Олег устал ругаться и обливался потом, как в микроволновке — пекло со всех сторон, нагретый камень отдавал жар. В ушах стучала казавшаяся густой кровь. Олег не выдержал и выпил треть фляжки, мысленно казнясь.

Но около самого конца подъёма оказался родник. Вода текла из трубы в каменное ложе, выстланное алыми плитками, а оттуда бежала куда-то в камни. Тут же оказались скамейка и столик, тоже каменные, похоже, вырезанные из той же скалы. На столике лежала газета, и Олег, напившись вдоволь, сменив воду во фляжке, присел посмотреть.

Это оказались два небольших листка на каком-то непонятном языке, хотя и обычной кириллицей, без фотографий или хотя бы рисунков. Олег разочарованно отложил газету и, позволив себе посидеть ещё полминуты (по ощущению, часы стояли, как и раньше), поднялся и вышел в степь. Во всю ту же степь, совершенно такую же, как и за мостом. И так же убегала вдаль рельсовая колея.

— Ну что ж, — пожал он плечами и потянулся. Тронул воздух...

Закопали штыки
Мы у белой реки... —

завучал голос Шевчука.
И Олег зашагал вдоль рельсов.

* * *

Это была самая обычная платформа, как будто на пригородной железной дороге, никакого отличия вообще, даже странно. Несколько железобетонных плит, положенные на стояки, с лестницами по обеим торцам. За платформой прямо в ковыле стояли остатки какого-то дома. Торчали поломанные балки, обломки шифера. От безлюдья и безветрия вечерний воздух неподвижно позванивал. Олег провёл по нему рукой — вновь послышалась тонкая музыка, словно он коснулся струн невидимого инструмента.

Олег непочтительно хмыкнул и решил, что место вполне подходящее для ночлега. Для отдыха.

Присев на бетон, мальчишка разулся, подвытащил подальше из покрытых белёсой пылью берцев язычки, пошире расшнуровав обувь, стянул влажные носки и разложил на бетоне. Ноги благодарно заныли. Олег сбросил на платформу джинсовку, отцепил рюкзачок и положил рядом с ней. Подкатал джинсы повыше. Ремень решил пока не снимать. Постоял, щурясь на солнце и потягиваясь — и, соскочив в траву, пошёл к развалинам.

В первую очередь он натаскал на платформу сухих досок. Было жарко, но без костра ночевать ему не хотелось — неуютно. Попалось хорошее такое брёвнышко — Олег затащил на платформу и его, укрепил кирпичами — вместо спинки дивана.

Пока он ходил — услышал приятный переливчатый звон воды. Сперва думал, что показалось — но, пойдя наугад на звук, обогнул развалины и увидел большущий валун серого гранита, весь в крапинках слюды, которые сияли на солнце нестерпимым блеском. Из валуна — прямо из камня! — бил родник, довольно толстая струя воды крутой дугой вонзалась в яму, выбитую ею в земле. Олег покушал воду — от неё заболели даже ладони, такой холодной и вкусной воды он давно не пробовал. Переводя дух, напился и залил фляжку — она мгновенно «вспотела». Благоклонно осмотрелся ещё раз, сказал:

— Ну что, мне тут нравится в общем-то...

С этой мыслью мальчишка и вернулся на место своего отдыха.

Подсознательно ему всё время ожидалось, что сейчас подойдёт поезд. Олег его и слышал пару раз — отчётливо, даже вроде бы ветерок гулял по платформе. Но **видеть** —

нет, ничего не видел.

Вообще-то Олег был настроен разжечь костёр и поест как следует. Но то ли устал сильнее, чем рассчитывал, то ли вокруг был такой покой — в общем, он как откинулся спиной на это бревно, сняв ремень с грузом, так сперва и просто сидел, потом начал сонно моргать, а потом просто расслабился окончательно и вырубился наглухо...

...Когда Олег проснулся — начало темнеть, солнце наполовину село за горизонт, и ковыль казался чёрным. Было по-прежнему жарко. Ломило шею — бревно не диванный валик... Есть хотелось уже по-настоящему — а ещё пить.

Он напился из фляжки, поглядывая по сторонам. Ничего не изменилось, не таилось вокруг никакой угрозы. Ну и отлично. Мальчишка аккуратно сложил из самых толстых досок шалаш, надёргал сухого ковыля, сбил в плотный комок, сунул комок в середину этого вигвама и запалил.

Ковыль был сухой, как тополиный пух — и вспыхнул так же молниеносно. Так же молниеносно он и прогорел. Но и доски тоже высохли под здешним солнцем до предела. Они занялись сразу, бездымным ярким пламенем. Олег удовлетворённо кивнул и сел по-турецки. Стащил майку, накинул на плечи, с удовольствием думая, что сейчас поест, что пока всё хорошо — да так и остался сидеть, глядя в огонь.

Неизвестно, сколько он так просидел бы, но что-то толкнулось внутри — и Олег поднял голову. В глазах от огня плясали зайчики, сгустившаяся темнота казалась и вовсе непроницаемой — но зато совершенно чётким было ощущение того, что из темноты что-то приближается.

Олег расслабленно откинулся на бревно, как бы невзначай положив руку на ремень рядом с кобурой револьвера. Расстегнул её, но брать оружие не стал, только коснулся пальцами рифлёной рукоятки.

Посмотрим, кто это.

Стали отчётливыми шаги — кто-то шёл по рельсам. Не кто-то — человек, и то хорошо. Один. Олег улыбнулся. Тот, кто подходил, его уже видит, почему не улыбнуться? Сейчас всё станет ясно...

Неизвестный остановился на грани света и темноты (Олег различил напружинившуюся — тоже опасается! — фигуру) и сказал:

— Можем начать палить друг в друга. У меня два пистолета. Но надо ли? Не в комп гоняем.

Голос был мальчишеский, грубовато-звонкий, говоривший по-русски. А фигура расплывалась — камуфляж...

— Я не стреляю в людей, — отозвался Олег. — Ты русский? — но руку с револьвера не убирал.

— Русский, — послышался ответ. Неизвестный вспрыгнул на платформу и подошёл ближе, мягко ступая высокими кроссовками. На вид ему было лет 14–15 — рослый, тонкий, но крепкий, плечистый, одетый в камуфляж, на поясе — фляга, финка, большая поясная сумка, две пустых кобуры. Пистолеты — большие «вальтеры» — в опущенных руках. Русые коротко стриженные волосы, серые внимательные глаза — настороженные. «Новичок,» — подумал Олег и отпустил рукоять револьвера. Незнакомец пожал плечами, без колебаний убрал пистолеты. Глядя на него снизу вверх, Олег сказал:

— Это может и не помочь. Не здесь, а вообще... — и покрутил рукой.

— Смотря какие пули, — мальчишка с явной усталостью присел на бревно. — Не пойму, что это за место?

— Место, — неопределённо сказал Олег. Подумал: «Точно новичок.» Парень ему понравился навскидку, а первое впечатление бывает чаще всего самым правильным, как ни крути. Что-то в нём такое было... целеустремлённое, что ли? Подумав так, Олег спросил:

— Есть хочешь?

— Пить, — парень отстегнул флягу с пояса. Задумчиво посмотрел на неё. Это была полная фляга, старая, алюминиевая. В такой вода быстро греется и приобретает противный

привкус. Олег понял, о чём думает незнакомец и засмеялся:

— Пей, тут есть настоящая вода... Вон там, за развалинами — родник.

Тот благодарно кивнул и начал жадно глотать воду, пока не опустошил фляжку. Отдышался и спросил:

— Тебя как зовут?

— В смысле — как меня зовут, или как моё имя? — уточнил Олег, слегка насторожившись опять. Парень хмыкнул иронично:

— Ладно. Знаем мы эти фокусы... Я не колдун и не чародей.

— А ты в них веришь? — дотянувшись до рюкзака, Олег открыл его и начал раскладывать на бревне сухари, банку консервов, шоколад. Ночной пришелец тоже полез в сумку — появилась солёная рыба, тоже шоколад, хлеб в упаковке, паштет... Признался:

— Раньше не верил. Теперь верю.

— Олег, — Олег протянул руку.

— Женька, — парень пожал её без колебаний, сильно. — Ты тоже из России? Или... откуда?

— Из России... — протянул Олег, доставая «оборотень». Поинтересовался — просто так: — У вас кто президент?

— Путин, — явно удивился Женька.

— А Великая Отечественная была?

— Была... Я из Александровска.

— А я из Марфинки, это деревня такая в Фирсановском районе на Тамбовщине...

— А, Фирсанов я знаю, там авиагражданка, — ответил Женька и почему-то поморщился, как от боли.

— Точно, — Олег взял у Женьки банку с паштетом, внимательно осмотрел. Паштет был «Пražский», липецкого производства. — Да, мы, похоже, из одной России... Ты ни разу не был в таких местах?

— Нет, — Женька ловко вогнал финку в протянутую ему банку каши — гречки с говядиной. — Есть одни люди... в общем, им надо помочь. Они из города Любичи. Ну я и вызвался.

— Слышал что-то... или читал... — Олег нахмурился и вспомнил: — Где-то на белорусской границе.

— Угу, — Женька поднялся. — Схожу за водой. Твою залить?

— Пошли вместе, — Олег тоже встал, взял свою фляжку — Тут вообще безопасно, но... — и пожал плечами.

Они молча дошли до родника. Женька с явным удовольствием напился, сунул лицо под струю. Олег предупредил (сам не представляя, откуда пришло это знание!):

— Это последний родник в этих местах... хотя — смотря куда ты идёшь.

— Кто его знает? — Женька поднял голову — высоко в небе плыли огоньки. — Это самолёт?!

— Где? — Олег тоже задрал голову. — А, да. Да ты не удивляйся, тут всякое можно увидеть... — пояснил он. — Утром проснёмся, например, а тут не степь, а лес. Место такое, я ж говорил.

Мальчишки пошли обратно, покачивая фляжками и косясь друг на друга. Женька вдруг спросил:

— А ты тут что делаешь?

— Примерно то же, что и ты, — отозвался Олег. — Сейчас поедим, расскажем друг другу свои истории? Это вообще-то принято, если вот так... встречаются.

— А что, тут и ещё кто-то есть? — уточнил Женька явно удивлённо.

— Есть, а как же, — и Олег в третий раз повторил: — Место такое... Только ты про это не спрашивай, я сам не очень понимаю. Знаю, как на кнопки давить, вот и всё.

— На какие кнопки? — удивился Женька. Олег засмеялся:

— Ну как на пульте... Давишь, а что там внутри происходит — кто его знает...

Они ещё наломали досок, подкинули в костёр, уселись возле него и довольно долго молча ели, не разбирая, где чьё. Потом Женька покосился на револьвер Олега, и тот понял: хочет посмотреть. Кивнул. Женька достал «гном» из кобуры, повертел в руках. Пока он рассматривал оружие, Олег откинулся на бревно, вытянул ноги и заговорил:

— В общем, мы с моей девчонкой были на экскурсии в Тамбове...

... — Ну и ну, — молча и удивлённо слушавший Женька вздохнул и покачал головой. Стемнело окончательно, над степью выкатилась всё та же огромная, со странной синевой, луна, ковыль переливался серебром. Олег прикрыл глаза ещё когда говорил. Женька неуверенно спросил: — А меня слушать будешь?

— Конечно, — Олег сел, влез в майку, обхватил руками колени.

— Так получилось. Я был кадетом в корпусе ВВС...⁹

Олег не двигался, пока Женька не закончил рассказ.

— Мда, — оценил он. — Про такое я и не слышал... Спать можно... — и он коротко хлопнул по бетону: — Эх, если честно — бросил бы я всё и пошёл с тобой! Просто ради интереса! Но... — и он развёл руками. Сейчас он в самом деле был готов свернуть и отправиться с этим парнем. Он же новичок, ему будет трудно! Но... вот именно — но, но, но...

— Да ладно, — поспешил тот, — у каждого своя дорога... Мне бы только знать — куда по ней идти и как не заблудиться.

— Не заблудишься, — заверил Олег с улыбкой. — Вот что, — он решил, и от этого решения стало легче. Утром возьмёшь обе фляги — и мою, в смысле. Я-то скоро приду туда, где воды достаточно. А вот ты, похоже, попадёшь в сушь. Так что экономь.

— Спасибо, — явно искренне поблагодарил Женька. — Мне тоже жаль, что ты не можешь со мной пойти... или я с тобой. Может, как-нибудь встретимся там — ну, в нашем мире?

— А, всё может быть, — беззаботно согласился Олег. — Давай-ка спать. Подстели себе куртку, да вон ковыля побольше надёргай, а так тут холодно не бывает.

— Всё-таки странно, — сказал Женька, спрыгивая с платформы. — Честное слово, даже подумать сложно, что где-то люди живут и ничего обо всём этом и не знают. Даже учёные не знают!

— Или делают вид, что не знают, — подал Олег голос сверху. — В принципе, пути сюда очень лёгкие. Но тут всё намешано — пространства, времена... Вот тебе нужно другое время, а мне — другое пространство. И в то же время — у вас угроза из другого пространства, а у меня — из другого времени, пожалуй... Слушал «Наутилус»? «Утро Полины продолжается сто миллиардов лет...» Мне иногда кажется знаешь что? Что многие певцы, писатели, художники здесь бывают. А чтобы их сумасшедшими не сочли — выдают это за фантастику...

Женька притащил охапку жёсткого, пахнущего всё той же пылью ковыля. Разбросал его покучнее, постелил куртку, почти упал сверху и спросил:

— А какая это песня? Я не слышал...

— А вот слушай... — Олег провёл рукой по воздуху, поймав невидимую, но ощутимую струнку, дёрнул её — и мальчишки услышали — не очень громко, но отчётливо!!! — как поёт Бутусов:

— Я знаю тех, кто дождётся, и тех, кто, не дождавшись,
умрёт...

Но и с теми и с другими одинаково скучно идти.

Я люблю тебя за то, что твоё ожидание ждёт

⁹ О том, кто такой Женька и о его приключениях читайте в повести «Про тех, кто в пути».

Того, что никогда не сможет произойти...
Пальцы Полины — словно свечи в канделябрах ночей.
Слёзы Полины превратились в бесконечный ручей.
В комнате Полины на пороге нерешительно мнётся свет.
Утро Полины продолжается сто миллиардов лет...

...Олег проснулся, когда солнце ещё не встало.

Сперва он не понял, что с ним и где он. На востоке (если он тут есть) горело алое зарево. Лёгкая прохлада кралась по ковылю неслышными шагами. Стояла над степью во весь рост, касаясь головой всё ещё звёздного, чёрного, глубокого неба — **абсолютная тишина**.

Олег сел, обхватив колени руками. Быстро посмотрел вбок — Женька спал, согнувшись, как рыболовный крючок, ровно дыша и приоткрыв потрескавшиеся губы. Ресницы подрагивали. Олег усмехнулся и мягко соскочил с платформы.

Пока он умывался (остатки сна соскочили сразу), край солнца поднялся над горизонтом, и по ковылю пошли волны, переливавшиеся алым. Это было страшно и заворачивающе. В воздухе родился звук — и Олег уловил голос солиста «ДДТ», выплёвывавший:

— Знай, что времени нет —
Есть безумие воли!
Только силой любви можно выйти за грани,
Перейти поле можно
Лишь сдохнув от боли —
И закат весь в крови, и рассветы в отраве...

— Ну, это мы ещё посмотрим, — пробормотал Олег.

Женька продолжал спать. Устал вчера... Это с непривычки, он привыкнет, подумал Олег, вытаскивая из рюкзака блокнот. Задумался на секунду, быстро набросал на страничке:

Женька, пей воду экономно. Осторожней с немцами, когда дойдёшь. Если у нас получится — Тамбовская обл., Фирсановский р-н, с. Марфинка, а там найдёшь.
УДАЧИ!!!

Вырвал записку и придавил её своей фляжкой. Ему не хотелось, чтобы Женька проснулся, потому что тогда пришлось бы прощаться, а это всегда грустно, даже если встреча была мимолётной. Ведь прощаешься только с хорошими людьми...

...Когда Олег обернулся, отойдя на полсотни метров — платформы уже не было. Не было и рельсов, и впереди их не оказалось тоже. Мальчишка стоял на равнине оранжевого песка, сморщенной невысокими барханами. Жгло низко стоящее солнце.

Вокруг не было ни одной живой души.

Край оранжевого песка

Да, этот мир был настоящим. Весь, до доньшка — от сыпучего песка, мешавшего идти, до солнца, ввинчивавшего в макушку раскалённый бурав. Достав из небольшой полевой аптечки марлю, Олег быстро соорудил себе что-то вроде накидки на голову. Стало легче.

Почему-то он боялся, что пустыня окажется бесконечной. Наверное, так и было. Но,

перевалив очередной бархан, мальчишка уткнулся в натопанную тропу. А далеко впереди виднелись в голубом небе словно бы висящие сами по себе верхушки пальм.

Мираж, что ли, подумал Олег, но шаг ускорил. По убитому людскими ногами и животными песку были идти легко, вот только солнышко катилось к закату совершенно явственно, на востоке уже зажигались звёзды. Едва ли в пустыне есть опасные животные (по крайней мере, на олеговой Земле не было). Но, кажется, по ночам тут холодает и здорово...

А ведь это, кажется, код 11, Оранжевая Пустыня. И где-то тут — Боря Ковалёв, Оля Третьякова, Саша Ромина, Гена Жуков и Артур Волков...

Мысль о том, что он попал в одно из нужных мест, взбодрила Олега. Он почти побежал. И вскоре убедился окончательно, что перед ним — оазис, а не мираж.

Выглядело это как-то странно — словно без разрешения забрался в чужую комнату. Оазис был маленький, сто шагов на сто, два десятка пальм, кострище, навес из сухих листьев на четырёх столбиках, возле него — родничок, выбивавшийся из песка и в песке исчезающий. Казалось, что тут есть постоянные хозяева, они только отошли ненадолго и неудобно чем-то пользоваться без разрешения.

Кстати, тут и правда недавно кто-то останавливался. Мусор, какие-то кожаные и тканевые обрывки, частые следы... На одном из опорных шестов висела фляжка — почти такая же по размерам, как была у Олега, но обтянутая рыжей шкурой какого-то животного, с потёртым ремнём. Олег напился, проверил фляжку — она была целая, скорее всего, просто забытая кем-то. Мальчишка наполнил неожиданную находку, поел, отметив, что продукты убывают, ещё попил. Потом пересмотрел мусор. Просто так.

И был вознаграждён тут же.

Это была жуткого вида белая с серебряным прошивом розочка, которыми любят украшать девчоночьи джинсовые клёши. Она валялась среди всего прочего, как новый русский в бомжовской пивнушке.

Олег вернулся под навес, держа розочку в руке. Уже почти совсем стемнело, Олег завалился на захрустевшие подостланные листья и усмехнулся: ну вот. Вряд ли это совпадение.

Он подумал, что разумнее будет отправиться в путь сейчас, ночью, когда нет жары. Но тут же ощутил, как устал. Сильно устал. Имеет он право устать — или нет?

Он положил рядом револьвер. И уснул — уснул чутким сном, готовый вскинуться на ноги при малейшей опасности.

* * *

Олег проснулся от того, что горел костёр.

Было ещё темно, а от близкого огня тьма казалась только непрогляднее. Мальчишка немедленно схватил револьвер, потому что возле костра — спиной к нему — сидел человек.

Человек казался ворохом бесформенной ткани, иначе не скажешь — неподвижный и спокойный. Как раз когда Олег схватился за оружие, он протянул руку и, подбросив в огонь сухую пальмовую ветвь, сказал негромко:

— Не надо стрелять. Лучше подсаживайся сюда и поговорим.

Поднимаясь и не выпуская револьвера, Олег быстро осмотрелся и прислушался. Похоже, он один. Даже без какого-нибудь верхового животного... Хм, пришёл пешком? Или тоже свалился откуда-то?

Конфликтовать вроде бы было не из-за чего, и Олег осторожно подсел к огню — напротив неожиданного гостя.

Он искоса посмотрел на Олега, взял ещё одну ветку, отломил от неё основание, а серо-желтое «опахало» бросил в обрадовано вспыхнувший огонь. Покрутил оставшуюся палочку в руках и провёл ею по песку. Тихо предложил:

— Смотри, — и начал чертить.

Склонив голову набок, Олег наблюдал за движениями импровизированной указки. Закончив чертёж, человек снова посмотрел на мальчишку (а Олег вдруг понял, что не может уловить его черт лица или хотя бы деталей одежды — всё как-то **усреднялось**, смазывалось) заговорил:

— Вот тот участок Оранжевых Песков, где мы находимся. Вот, — «указка» тронула левую нижнюю часть, — наш оазис. По прямой — по караванной тропе — до ближайшего города Гарбей — больше двухсот километров точно на север. Караван прошёл сегодня утром. Новый будет нескоро. Два других оазиса — далеко. Очень. В пустыне живут ломбы и танторы, она не такая безжизненная, как пустыни твоего мира... Вот, смотри — ломба.

Олег невольно дёрнулся. Прямо поверх карты возникло существо, похожее на голую крысу. Не совсем крыса, но похоже...

— Стереоизображение... — пробормотал он, поняв, в чём дело.

— Да, — согласился незнакомец. — Настоящие куда подвижнее и длиной до полутора метров. Охотятся по ночам стаями. А днём на охоту выходят танторы — их меньше намного, пищу они добывают поодиночке, зато в длину — до пяти метров и, в отличие от ломбов, ничего и никого не боятся, нападают даже на караваны... вот.

На месте голой крысы возникло драконоподобное существо в костяной броне. Олег провёл сквозь него рукой — существо исчезло.

— Это экскурсия «Люби и знай свой край»? — уточнил он. — Или вежливая попытка напугать? Кстати, мне кажется, меня о вас уже предупреждали. Поэтому давайте расставим все апострофы в слове «д'Артаньян». Д'Артаньян здесь я.

Незнакомец рассмеялся и бросил палочку в огонь.

— Храбро, но глупо и самонадеянно.

— По крайней мере, я не торгую людьми, — отрезал Олег.

— Я тоже не торгую, зачем мне это? Просто помогаю деловым людям разных миров найти друг друга и перебрасывать товар. К взаимной выгоде. И ты уверен, что в твоём собственном мире...

— Знаете, что? — Олег встал. — Я читал, что переспорить вас могут только господь бог и немногочисленные святые. Я не господь бог и не святой, поэтому спорить с вами не стану, пока вы не доказали мне, что чёрное — это белое.

— А что, боитесь разувериться? — живо начал незнакомец, но Олег отрезал:

— Спокойной ночи, — и направился под навес.

Надо сказать, что он боялся. Очень. Так, что внутри всё тряслось, прыгало и противно ёкало. Но, когда он дошёл до своего жёсткого ложа и позволил себе оглянуться — позади не было даже костра.

— Блин, — выругался Олег задрожавшим голосом и сел.

Кажется, сегодня спать больше не придётся. И вот интересно — наврал этот... **господин** — или нет? Олег проклял то, что толком ничего не понимает в механизме перемещения, даром что перед Женькой хвастался. А если и правда до города — двести с хвостиком? Литр воды во фляжке... Сильно захотелось назад... и Олег на миг ощутил запах степного ковыля...

Но тут же удержал себя. Шикарно придумано — при первой же опасности в кусты. В ковыль, то есть. Тогда уж лучше сразу домой. Да и с какой стати ему говорить правду? Деловым людям он помогает найти друг друга, хвост козлийный.

— Наврал, — буркнул Олег, укладываясь удобнее...

...То, что ручеек пересох, он обнаружил только утром.

* * *

Пустыня почти всегда беспощадна к человеку. Если случится так, что ты оказался без транспорта и воды хотя бы за полсотни километров от жилья — ты не дойдёшь до него.

Сухой жар и глубокий песок убьют тебя не хуже пули, только медленней.

Если у тебя есть литр воды — ты можешь протянуть два дня, если будешь идти ночью, а днём — лежать.

Если ты — Олег Серёгин, то с тем же литром ты сможешь прожить три дня. Но этого всё равно едва ли будет достаточно, чтобы пройти больше двухсот километров по пескам под беспощадным солнцем...

...Олег лежал в тени косо наклоненной плоской скалы — скорее гранитной пластины, растущей из песка.

Воды больше не было. А пройти требовалось ещё почти сто километров. Завтра вечером он будет мёртв. Если останется лежать здесь — проживёт на сутки дольше.

Мальчишка повернул голову, ощутив присутствие живого существа. На гребне бархана — в тридцати метрах — стояли несколько ломбов и смотрели в его сторону. Хорошо, что эти твари не охотятся ночью. Но ночью «вылезают на свет» танторы...

Олег достал револьвер, прицелился, но передумал — ломбы не нападали. Они ждали, зная, что человек скоро умрёт.

Олегу вспомнилась читанная в Интернете книжка «Имя для витязя». Как бойцы Песчаного Отряда на какой-то планете (в будущем) искали воду. Они нашли подземную реку — и спаслись... Под этой пустыней тоже текут реки — огромные потоки холодной воды. Да-да, много-много воды всего в каком-то полукилометре от него. Полчаса ходьбы даже в нынешнем состоянии.

Только **вниз**.

Надо было поспать. Олег закрыл глаза.

* * *

По ночным барханам сбегали текущие тени. Светила луна — как прожектор.

Звуки крались следом за человеком.

Шаг. Шаг. Ещё шаг. Ноги вязли в песке. Олег шёл без головной повязки, чтобы дать отдохнуть страшно чешущейся от соляной корки высохшего пота голове.

Чёрно-серебряные барханы плыли вокруг него. Качались. Текли, как ртуть, как смола.

«Небо над нами звенит, как сталь...» Небо над нами звенит, как сталь, говорил принц Эльрик у книжке Муркока.

Нельзя умирать. Умрут шестнадцать человек. И он — семнадцатый.

Достаточной причиной для того, чтобы умереть, может быть только слабость человека. Неумение найти выход. Так говорил Князь.

Мозги работали с каким-то противным, болезненным стуком. Робин не сразу сообразил, что это стучит, бьётся в висках изнутри загустевшая кровь.

Звёзды пульсировали в такт этим ударам. Около полуночи мальчик упал и не сразу смог подняться, потому что упал лицом в воду и пил, пил её... Скрип песка на зубах и боль в ссохшемся рту заставили его придти в себя.

Он встал и помочился. Моча была чёрной, и не из-за того, что стояла ночь. Соль. Переизбыток солей.

Ста километров — нет, примерно восьмидесяти — ему не пройти. Следующим вечером он уже не поднимется, а если попробует идти днём — упадёт ещё до вечера.

— Всё? — спросил Олег звёзды. Они подмигивали сверху. Ободряли? Издевались? Вспомнилась другая книжка. Про полярную экспедицию Скотта. Как англичане шли по бесконечным ледяным полям, через торосы, по льдам — под вот таким же звёздным небом. Шли умирать, фактически знали, что идут умирать... И мечтали только об одном.

Согреться.

— Я бы поменялся, — сказал Олег в небо. — Но каждый умирает на своём месте. Или живёт на своём. Главное — правильно выбрать место.

Да. Вот оно. Место.

Оазис.

Карта всплыла перед его глазами. Необычайно отчётливо. Сейчас мозг заработал, как отлаженная машина. Оазис. В тридцати километрах перпендикулярно той точке, где он сейчас находится.

Олег улыбнулся, слизнув кровь с лопнувших губ.

Если он не пройдёт эти тридцать километров до рассвета, то умрёт. Больше того — он отклонится от пути, исчезнет даже призрачная надежда дойти до Гарбея. Но если он всё-таки доберётся — он **спасён**. Там вода и отдых. Он наполнит фляжку, отлежится и **дойдёт**.

Прикрыв глаза, Олег заставил себя сосредоточиться и определить направление. Потом повернулся.

И побежал по барханам — неспешно, но быстро, покачивая корпусом и глядя прямо перед собой.

* * *

Спустя пять часов мальчишка всё ещё бежал. Почти в рассвет — во весь горизонт чуть правее направления его движения на небе белела и ширилась беспощадная полоса огня.

Казалось, человек упрямо бежит в костёр.

Олег почти не мог думать. Он понимал только, что шевелит ногами, но ему казалось, что это происходит на одном и том же месте. К счастью, бежать получалось вдоль барханов — всё-таки легче.

Острые рыжие щупальца метнулись навстречу бегущему — и побелели стремительно, обретая цвет вынутаго из горна стального клинка.

Песнь летящего лезвия, отчётливо и бессвязно подумал Олег.

Сейчас они проткнут его. Слева выстроился поразительной красоты розово-белый город — воспоминание пустыни? Плод его собственного, Олега, воображения? Острые шпильки наклонились, поплыли в молниеносно светлеющее небо, как столбы дыма над марфинскими домами зимой...

Ужасающий жар плеснул навстречу кипящей волной. Перехватило дыхание.

Олег упал.

Он не потерял сознания и, полежав не больше минуты — солнце сжигало его сквозь куртку и майку — пополз по песку, дыша широко открытым ртом. Ему не хватало воздуха, сердце проламывало грудную клетку изнутри.

Небо над нами звенит, как сталь...

Через полчаса примерно он поднялся и побежал снова. Голова моталась, как воздушный шарик на тоненькой верёвочке. Ноги подкашивались. Он знал, что в любом случае пробежит мимо оазиса — крохотного пятнышка в бескрайнем море песков...

Кому больно — тот ещё жив.

Невыразимо прекрасный мираж плыл и колебался впереди — приземистые, широко раскинувшие тонкие ветви деревья у серых камней, на которых блеснул свет, а у подножья — вода. До него оставалось не больше ста метров, до этого миража.

Ноги тяжело вязли в песке. Можно ли войти в мираж? Как это будет выглядеть? Олег упал, скатился по внезапно начавшемуся склону бархана. Есть ли рай для будущих десятиклассников — и как выглядит это милое место, неужели как смесь рэив-пати с пивбаром? Ужасно... не хочу...

Мираж был **вокруг** мальчишки.

Олег понял, что умер. И обрадовался тому, что это оказалось хотя бы в конце не так мучительно. И что после смерти он видит это.

Он подошёл к озерку, со дна которого во многих местах весело били фонтанчики взметаемого родничками песка. И, встав на колени, начал пить ледяную воду.

* * *

Следующим вечером Олег стоял у начала дороги, причудливой лентой серпантина спускавшейся вниз с высокого холма — прямо к серо-жёлтому шумному городу на берегу коричневой от глины реки.

* * *

Несмотря на отчётливо поздний час, базар шумел вовсю. А может быть — именно поэтому, судя по всему, днём жара тут царила непереносимая. На Олега — в его потёртой джинсе, в пыльных берцах, с револьвером и ножом на поясе и рюкзаком за плечами — никто внимания не обращал, хотя люди вокруг были чем-то средним между индусами и классическими мусульманами. В смысле, очень смуглые, тонколицые, невысокие, но в полосатых балахонах и чалмах-не чалмах, но чём-то очень похожем. В узких улицах, отходивших от большущей базарной площади, тоже торговали, горели факела в держателях на стенах, часто. Гомон стоял жуткий, торговали всем на свете, попадались верблюды и ишаки... а ещё — рослые люди, загорелые, но от природы явно не смуглые, одетые в белое: куртки, широкие шорты, пробковые шлемы с высоким гребнем. Они шли всегда по трое, глядя поверх голов, увешанные разной амуницией на чёрных ремнях. И вид у них был очень хозяйский.

И у каждого от живота вперёд торчал коротким рыльцем автомат с магазином сбоку.

Одна из таких троиц прошла совсем рядом (кстати — тоже не обращая внимания на мальчишку, беспокойно посторонившегося было), и Олег различил на рукаве у крайнего эмблему — бык, наклонив лобастую голову, рыл землю рогами.

Восточных базаров Олег терпеть не мог, хотя бывал на них всего один месяц — два года назад они все вчетвером съездили в Анталию (и зареклись бывать за границей). Общее ощущение, оставшееся у Олега, было ощущением чего-то совершенно чужого и, пожалуй, даже враждебного. Казалось, что все эти гортанные выкрики и жесты обращены именно к тебе и полны угрозы. Сейчас было то же ощущение — язык совершенно непонятен и неясно, торгуются вон те двое или собираются подраться.

Олег остановился наконец возле завешено грязным газовым полотнищем двери, из которой вкусно пахло мясом и печёным тестом. Над проёмом висела не слишком-то понятная вывеска с расплзающимися червяками значков.

Но и так было ясно, что тут кормят. Кстати, сквозь газ доносилась ещё и музыка, напоминавшая музыку индийских фильмов. Олег коснулся кармана куртки — раздумчиво. Золото везде золото, но вдруг тут приказано принимать только свои монеты, а за чужие — моментом хватать, крутить руки, бить палками по почкам и вешать на площади? Не хотелось бы...

Но и сухомыткой мучиться не хотелось, и Олег протянул руку к занавеси. Однако, его немедленно остановили — на плечо легла рука и, обернувшись, парень с холодком увидел патруль.

Точнее, одного из патрульных — двое других торчали неподалёку и сюда даже не смотрели. А этот — немолодой, старый даже, морщинистый, седой, но весь какой-то сухой, жилистый и совершенно не дряхлый — убрав руку, заговорил. Олег похолодел — не понимал ни словечка, хотя на слух язык неожиданно показался похож на английский, который Олег знал хорошо, и не по-школьному хорошо. Но слова звучали то отрывистей, то длинней, то как-то гортанно, скорей уж по-немецки, и Олег покачал головой, соображая, что же теперь делать.

Однако, делать ничего не пришлось. Седой поморщился, потёр сгибом узловатого

длинного пальца (на нём было кольцо, мощный такой братковский перстак-печатка со свернувшимся в клубок драконом, Олег разглядел хорошо) и вдруг сказал — старательно, как говорят люди на чужом языке:

— Ты гость в этом городе? Ты из Венеи? Сюда, — он указал на вход, куда как раз вваливалась компания в чалмах, позванивая монетами, — тебе не стоит идти. Обберут, а то и убьют. Если ты хочешь есть — иди прямо и направо, там будет «Серый хорт», это корчма... — он улыбнулся, показав отличные белые зубы, и сказал: — Я выучил ваш язык двадцать лет назад. В вашем плену. Но это были хорошие времена, уже потому, что я был молодым... — он отдал честь, приложив правую ладонь к левому плечу и повторил: — «Серый хорт».

И пошёл, махнув своим товарищам.

— Ё-моё... — прошептал Олег. Язык был абсолютно русский. Ну что ж, тем легче... Мальчишка покусал губу и скорым шагом направился в указанную сторону — окружающее начало ему казаться ещё подозрительней и опасней.

«Серый хорт» и в самом деле был недалеко. У подъезда стояли несколько машин — легких открытых автомобилей на широких больших колёсах, явно военных, с какими-то значками и надписями, в полутьме не разобрать. Вход — с высокой лестницей — в приподнятое на мощных столбах ярко освещённое здание был призывно открыт. Изнутри слышались смех, отдельные выкрики и слаженная песня, которую ревели не меньше десятка мужских глоток:

— Зу гезит маршинн,
Зу гезит маршинн,
Кум зей вирт алле маршинн,
форварт!

— и так без конца, как поют сильно выпившие люди. Олег замялся — он никогда не боялся пьяных и, может быть, по этой причине не любил на них смотреть. Но почему-то ни этот тоже незнакомый язык, ни разухабистая песня не рождали того чувства опасности, которое возникало неподалёку отсюда — и Олег поднялся по лестнице. Теперь он заметил над входом свисающий флаг — свет из двери переместился и осветил алое полотнище всё с тем же рисунком: роющий землю рогами бык. Ниже на вывеске пласталась в беге большая поджарая собака.

А к мальчишке уже спешил из-за низкой широкой стойки слева от входа человек — невысокий рыжий крепыш, борода которого была раздвоена и заплетена в длинные косы. Оглядев Олега совершенно без удивления, но предупредительно, он что-то спросил. Олег пожал плечами и честно ответил:

— Извините, я не понимаю по-вашему...

— А, Венея? — без удивления спросил кособородый (или бородокосый?). — Гость? Вечер добро. Я мало знаю ваш разговор, только с виду. Мало, — он засмеялся, показывая пальцами щепотку. Смех был искренним. Очевидно, хозяин тоже был неплохим психологом, потому что немного понизил голос: — Молодой гость не сомнётся. Это, — он кивнул головой в сторону шума, — маленькая гульба. С пустыни вобратились, сидят... — он покивал. — Не помешают, у нас строго. Но оружие, — он указал на пояс Олега, — следует отдать, — и сделал широкий жест в сторону шкафов за стойкой.

Олег понял, что от него требуют сдать оружие. Взялся за пояс, но потом просто достал нож и револьвер, передал хозяину. Тот уважительно кивнул, и Олег осмелился наконец спросить:

— Извините... вы принимаете золото?

Хозяин чуть наморщил лоб, но не от недовольства, а пытаясь разобраться — Олег

про себя отметил, что ему повезло с языком... А ведь «венейя» и сейчас кое-где на севере Земли называют славян... Чтобы проиллюстрировать свой вопрос, Олег достал золотую коллекционную пятирублёвку Банка России. На Земле такая монетка стоила две с половиной тысячи рублей. Хозяин принял её, придерживая другой рукой на стойке оружие, пробормотал что-то, внимательно рассматривая, прикинул на ладони, как на весах, потом спросил:

— Неходовая? Ваши рубли не такие.

— Это... ну, памятная, — пояснил Олег. Хозяин пожал плечами:

— Золото есть золото... — он опустил монету в карман на груди, из другого достал пачку банкнот — белых, без ярких рисунков, только с чёрными надписями, даже без цифр. Олег так и не понял, не обсчитали ли его, но оказался владельцем десяти таких бумаг, больших, в две ладони. Очевидно хозяин увидел его сомнение, потому что улыбнулся и сказал совсем по-доброму: — Хороший ужин — тридцать скеата, — он тронул край одной бумажки, другой, третьей. — Роскошный ужин — полста скеата. — Песняры к ужину — семьдесят скеата. Ночлег — ещё двадцать скеата. Как будем?

Олег засмеялся. Каким-то чутьём он окончательно понял, что это мужик — хороший человек, на самом деле хороший. Он подал хозяину три бумажки и добавил:

— Я, может, позже и ночевать приду. А сейчас просто поесть.

В небольшом чистом зале (под потолком горели электрические лампы) было почти пусто. Гуляли, оказывается, где-то за дверями, а тут сидели несколько человек, ели, кто-то разговаривал, на небольшом возвышении скучали какие-то музыканты с необычными инструментами, висели картины — красивые пейзажи, совсем не здешние: озеро в лесу, река, просто лес, высокий замок на обрыве... Хозяин усадил Олега за стол, сам немедленно исчез. Странные у них порядки, подумал Олег, устраиваясь удобнее. По улицам ходят патрули, меня за иностранца приняли, а даже документов не спросили — вот был бы фокус... Он посмотрел одну бумажку-деньгу. Буквы, хотя и витые, быстрые, совершенно определённо напоминали руны. На миг что-то такое мелькнуло... Олег, догадавшись, посмотрел бумагу на свет, и поразился — перед глазами вспыхнуло многоцветье картины: девушка в броне, в крылатом шлеме, верхом на коне, с копьём в занесённой руке, мчалась на фоне то ли восхода, то ли заката прямо над бурным морем. Металл так и отливал металлом, краски солнца, казалось, светятся. Олег повернул бумажку — картина исчезла. Да, а они тут не такие уж простачки — технология!

Неслышно и очень красиво — без пошлого повиливания бёдрами и низких наклонов поближе к клиенту — подошла очень красивая девушка, на пару лет старше Олега, в буром с золотым расшивом лёгком платье. Без улыбки склонила голову, с которой на спину тяжело свисала мощная золотистая коса, и начала быстро и ловко расставлять с чеканного подноса еду. Поймала взгляд Олега, чуть улыбнулась углами губ и что-то сказала. Наверное, пожелала приятного аппетита.

Олег невольно проводил её взглядом. Вдохнул и начал исследовать, что ему принесли.

Центральное место занимала большая тарелка, на которой лежал здоровенный кусок мяса — в поджаристой корочке, горячий — в окружении обычных отварных картофелин и каких-то коричневых мокрых стеблей. К тарелке приткнулись нож и двузубая вилка. На отдельной тарелочке лежала плоская сероватая лепёшка — хлеб; Олег потыкал пальцем — странный, но мягкий, и то хорошо. В глубокой миске болталось нечто, очень похожее на грибы. На маленьком блюде — два разрезанных пополам крутых яйца с зеленью; яйца было больше обычных чуть ли не вдвое и желток имел красноватый отсвет. И наконец — большая металлическая кружка, холодная на ощупь и запотевшая, накрытая квадратной синеватой салфеткой. Олег снял салфетку, пригубил — в кружке было пиво, тягучее, сладковатое. Ну что ж...

Следующие минут десять мальчишка ел — сосредоточенно, ни о чём особо не думая. Веселье в соседнем зальчике то поднималось, то стихало — волнами. В какой-то момент даже взбурлило, но через несколько секунд двое вывели под руки третьего. Все были в

форме, но без оружия и шлемов. Этот третий болтался между товарищами и что-то орал — судя по тону и отдельным полупонятным словам требовал возвращения Германии Силезии, Судетов, Эльзаса, Лотарингии и Шлезвиг-Гольштейна немедленно и с выплатой военных издержек за 1914–1918 и 1939–1945 годы. Олег напрягся, но хозяин не обманул — скандал никто затеять не пытался.

О, лёгок на помине...

— Хороший ужин? — поинтересовался бородач, вставая возле столика. Олег кивнул:

— Хороший... Если всё пойдёт плохо, то я у вас и ночевать останусь.

— Если всё плохо? — недоумённо пошевелил бородач бровью. — Я не понимаю.

— Да так, — Олег встал, — это шутка. Но ночевать, может, и правда вернусь.

— Жду, — готовно ответил тот. — Двадцать скеата...

...Базар не только не утих, но ещё больше разошёлся. От шума и гама ломило виски. Настроение упало; Олег посматривал по сторонам с отвращением и размышлял в который раз, что никакой романтики на Востоке нет и никогда не было, а есть только шум и грязь. Судя по лицам попадавшихся патрульных, они были того же мнения. Чтобы отвлечься, Олег стал раздумывать, что же это за мир и что тут происходит, но фантазии быстро увяли именно из-за обилия возможностей. Самым неприятным было то, что площадь оказалась на самом деле большущей, а в толпе мальчишка просто терялся и уже несколько раз набредал на прежние места, накручивая круги, как в дремучем лесу.

Наконец, усталый, оглушённый и уже сомневающийся, что сможет хотя бы в «Серый хорт» найти дорогу, он прислонился к стене возле оружейной лавки, где торговали кинжалами, саблями и ружьями — одно- и дуствольными курковками не больше 20 калибра на первый взгляд. Подобное оружие у Олега вызывало только презрительную усмешку, но, поскольку делать было нечего и надо было хоть как-то сориентироваться, мальчишка остался стоять, тупо рассматривая оружие. Конечно, кинжалы и сабли были неплохи, но, во-первых, Олег как-то подсознательно не любил **кривые** клинки, а во-вторых — уж слишком, на его взгляд, рукояти и ножны были перегружены золотом и драгоценными камнями.

И почти тут же его усталость была вознаграждена. Откуда-то слева из-за лавки появился всадник — он ехал верхом, а позади на верёвках, накинутах на шеи и прикрепленных к седлу, шли двое молодых мужчин...

...Рынок рабов находился в конце короткого переулочка, открывавшегося в ещё одну — и тоже немаленькую — площадь. И тут воздух дрожал от шума и гама. Над толпой возвышались пять или шесть ярко освещённых факелами помостов. Верблюды и кони стояли вдоль стен. Верховыми на самой площади были лишь трое патрульных, глядевших по сторонам, как человек, ненароком попавший ногой в дерьмо и теперь прикидывающий, как поскорей отчиститься.

Олег передёрнулся. Да, с этих помостов продавали людей. Стояли скучающие вооружённые люди, надрывали горло продавцы, что-то выкрикивали, взмётывая руки, покупатели... Рабы сидели и стояли на помостах голые; тут продавали мужчин, там — детей, там — женщин... Подходить ближе не хотелось совсем, даже дышать стало трудновато, а воздух вдруг обрёл необычайно резкие и неприятные запахи. Олег глотнул и уставился в землю, пережидая приступ отвращения. Потом решительно поднял голову и, расталкивая толпу локтями, пошёл от помоста к помосту.

Но тут продавали только этих — арабов-индусов. Конечно, их тоже было очень жалко, а больше всего Олега поразили покорные позы, в которых сидели и стояли рабы, а так же то равнодушие, с которым они выполняли приказы продавцов и покупателей. Могло показаться, что их долго били или чем-то опоили. Олегу было легче думать именно так, потому что сам он... нет, он бы бился до смерти, дрался, кусался, орал — да что угодно делал бы, но просто так на такой помост не встал бы никогда. Продать человека — это в сто раз хуже, чем убить!!!

Олег подумал так — и испугался. А если ребят уже убили?! Именно поэтому?! Он снова посмотрел на патрульных и неожиданно понял: нет, открыто тут никто не станет

продавать человека, похожего на этих людей цветом кожи, волос и глаз. Им только повод дай — и этому базару конец. Наверное, у них давно нет работорговли. И смотреть на это им так же противно, как и ему, Олегу.

Да, но ему-то как быть?! Где искать?!

Он ещё раз прошёл по площади, внимательно осматривая «товар» и ловя на себе пристальные взгляды старшего патрульного. Олег даже заметил, как тот развёл каблуки, явно готовясь пихнуть коня и прямо через толпу двинуться к непонятно что тут делающему мальчишке — но почему-то раздумал. Однако нет-нет, да и посматривал на Олега.

Ещё не хватало. Конфликтовать с властями в расчёты Олега не входило. Да и вообще контактировать — тоже. Охваченный предчувствием чего-то недоброго, Олег скользнул взглядом по тому помосту, на котором продавали детей и подростков. Там сейчас стоял закованный в колодки — на ногах одна, на руках и шее другая — коротко стриженный парень с завязанным ртом. Цепь от ошейника приковывала его к кольцу в полу, ввинченному, наверное, специально для таких случаев. Хотя это был пока единственный раб, который явно не смирился со своим положением — поводил плечами, шевелил шеей, как будто пробовал колодку на прочность... Продавец что-то голосил, тыча в товар.

Всё было, как обычно.

И всё-таки что-то было не так.

А почему многие так опасливо оглядываются на патрульных?

Сам не отдавая себе отчёта, что им движет, Олег протолкался к самому помосту. Посмотрел сверху вниз.

И увидел глядящие прямо на него — в упор, с мукой и просьбой — **синие глаза**. Коротко стриженные чёрные волосы. Тёмная кожа.

И синие глаза. И — теперь видно хорошо — совсем не хрупкое сложение, не здешнее.

Горло пониже колодки задёргалось. Глаза стали огромными от мучительного напряжения, от желания что-то сказать.

Он же крашенный. Он же просто крашенный. И волосы, и кожа. А до контактных линз тут не додумались...

Олег напрягся, вспоминая фотографии из своего «досье».

И — вспомнил. И — понял, что его не подвело чутьё, толкнувшее на базар...

Артур Волков, 15 лет, кадет корпуса ВВС, чемпион города по боксу и самбо, пропал 11 июня, на десятиметровом отрезке арочного перехода между дверью подъезда и остановкой автобуса! Первый из тех, кто попал сюда!

В толпе несколько человек трясли руками, выкидывая особым образом сложенные пальцы. Торговец верещал, тыча то в одного, то в другого.

Олег оглянулся на патруль. Придётся врать им. Что врать — неизвестно. И будет это выглядеть не просто подозрительно — сверхподозрительно. И всё-таки лучше у них в руках... но как тогда продолжать поиски? А остальные тоже наверняка здесь...

Олег быстро покосился влево-вправо. В руках у торгующихся то и дело мелькали монеты — банкнот не было — ровные кружки с непонятной чеканкой, но что важно — всё больше серебряные. Золотых мало и размером они меньше олеговых пятирублёвок. Пальцы... Штуки? Десятки? Чёрт его знает, слишком привычно-быстро движутся руки, не поймёшь...

И Олег решился. Поймал взгляд мальчишки, прошептал беззвучно, но хорошо артикулируя губами: «Артур?» Отчаянные кивки — насколько позволяет колодка... Олег прикрыл на миг глаза: мол, всё будет нормально... А заодно — решаясь сам.

И стукнул кулаком по краю помоста на уровне своей груди, привлекая внимание торговца.

Ага! Тот склонился сразу. Что-то спросил на этом полунемецком языке. Олег покачал головой, показал на себя:

— Венейя.

— О, Венейя! — радушно расплылся торговец в улыбке... и Олег поймал его быстрый

взгляд в сторону Артура.

Так.

А теперь — опасливый в сторону Олега. Из-за радушной улыбки, как из-за дверей. А вокруг-то все притихли, хорошо, что остальной рынок галдит вовсю...

— Говоришь по-нашему? — тихо спросил Олег. Кивок. А глаза — злющие... — Ты продаёшь моего соплеменника.

— О нет, нет... — взлетели руки. Олег скривился.

— Глаза... — торговец покосился туда и сглотнул. — Сейчас я позову людей, — Олег чуть кивнул в сторону патрульных. — Что с тобой сделают?

— Забирай, — еле слышно сказал торговец, серея лицом.

— Это не всё, — покачал головой Олег. — Ещё четверо. Две девочки, два мальчика. Одна девочка маленькая, остальные примерно одного возраста.

— Не знаю, — покачал головой торговец. — Я его купил у проезжего караванщика. Думал хорошо продать втихую. Одного купил, клянусь. И не бил, это всё прежний хозяин. Можешь сам спросить у своего родича.

— Расковывай, — приказал Олег и чуть отшагнул назад.

Ловкость торговца нельзя было не оценить. Он на кого-то радостно показал в толпе, махнул охране в сторону замершего Артура и тут же начал продавать двух девочек-близняшек с таким азартом, что о предыдущем «лоте» все, кажется, забыли. А охрана расковывала Артура. Олег молился об одном — чтобы тот сейчас не начал беситься. Нет. Ещё о том, чтобы всё так гладко и сошло.

Олег тронул за рукав стоящего рядом человека — тот прислушивался к разговору Олега с торговцем, явно понимая слова:

— Я дам тебе золотой, — тихо сказал мальчишка. — Возьми этого человека и доведи вон до той улицы, — Олег показал рукой, не поднимая её высоко. Умные тёмные глаза obeжали мальчишку с головы до ног, чалма качнулась.

«Иди с ним,» — указал Олег Артуру глазами на своего соседа. Тот коротко перевёл дыхание и чуть кивнул. Хозяин, гад, тоже был умницей — всё сообразил и подал «покупателю» какую-то бумажку-писульку. И ещё раз наградил Олега режущим взглядом.

— Плохо кончишь, — усмехнулся Олег.

И пошёл к улице только когда Артур со своим «хозяином» преодолел половину расстояния...

... Когда Артур треснулся затылком в стену и сполз по ней в пыль, Олег не удивился и не испугался, а просто сел рядом. Ноги дрожали... Артур спрятал голову между колен, накрыл затылок руками. От него пахло потом и ещё чем-то — краской, наверное. В свете факелов Олег увидел, что спина кадета исполосована вдоль и поперёк страшными рубцами, половина которых состояла из запёкшейся крови.

— Чем тебя так? — вырвалось у Олега.

— Палкой, — коротко ответил Артур. — Чуть не забили, хорошо, что этот гад купил, он бережливый... Ты кто?

— Дед Пихто, — буркнул Олег. — Бригада пролетарского гнева. Иван-дурак. Делать мне нечего, вот — вас ищу... Остальные где?

— Борька, Олька, Саша и Геныч? — уточнил Артур. Олег поразился деловитости разговора и в то же время его дикой нелепости (сидят непонятно где двое пацанов и...) — а потом подтвердил:

— Да.

— Ольку Раванариста... ну, караванщик... себе решил оставить, — Артур поднял голову, обхватил руками плечи. — Гад... У тебя оружие есть? — он вцепился в плечо Олегу так, что тот ойкнул. — Есть оружие?! Догнать надо!!! Понимаешь, надо догнать скорей... или хаттским гезитам хотя бы сказать, они...

— А остальные? — Олег осторожно освободил плечо, подумал и положил руку на колено Артуру. — Тихо, не бейся, я всё понимаю...

— Ни черта ты... — начал Артур, скривился, стукнулся затылком в стенку. — Ладно, я сейчас... это я от нервов... — он ещё раз стукнулся. — Борька сбегал вместе со мной, уже давно. Я не знаю, меня поймали, а его я не видел больше... мог погибнуть, тут пески кругом... Сашку дальше повезли, ещё где-то продать. А Генку продали — тут ещё есть город, я дорогу запомнил, только он совсем скис, как тряпка стал... — Артур выпрямился и посмотрел на Олега непонимающим взглядом: — Ты правда... от нас? Из России?

— Правда, — тихо сказал Олег. Артур моргнул и простонал жалобно:

— А я думал... я ду-у-ума-а-ал... что это мне... сн-и-и-и-и... — и заплакал навзрыд.

* * *

Момента похищения Артур Волков не помнил. Шёл себе под аркой — и вдруг справа в стене словно бы что-то вспыхнуло, он успел только попятиться и вскинуть руки. А пришёл в себя между четырьмя мужиками, один из которых тут же накинул ему на плечи и руки затяжную петлю на палке, как собак ловят. Впечатление такое, что его ждали... От того, что объяснить происходящее — пустыня, какой-то караван в оазисе, жара, непонятный язык, непонятные люди, непонятность самого случившегося с ним — Артур не мог, он «потерялся» и не сопротивлялся совсем, даже когда его запихивали в ящик, подвешенный между двумя верблюдами, где он почти потерял сознание от жары, духоты, непонимания и страха.

Зато когда его вытряхнули из ящика — Артур стесняться не стал. Он по-прежнему не понимал, что происходит, но зато понимал, что — ничего хорошего. Поскольку надеяться на помощь МЧС и лучшее будущее было явно нелепо, кадет принялся добывать лучшее будущее сам. С боксом и самбо тут явно не были знакомы, поэтому сперва всё покатилося гладко — всех четверых охранников Артур раскидал весьма качественно, добрался до висевшего за спиной у одного из них ружья и... и не смог выстрелить в остальных.

— Я не смог, понимаешь, не смог... — убито сказал Артур, ожесточённо оттирая песком краску в фонтане. — Стыдно, но... я же вроде бы военным хочу стать... а тут не смог выстрелить, понимаешь...

— Да ладно, брось, — тихо сказал Олег, подставляя ладонь под струйку воды, падавшую в естественное углубление размером с надувной бассейн. — Чего ты...

— Но если б я знал, — ожесточённо продолжал Артур. — Если б я только знал, что они за... — он пожевал губу. — Я бы не задумался...

В общем, его излупили палками, так, что встать парень не смог. Сперва кричал. Пытался терпеть сначала, но уж очень было больно, тем более, что его до этого за все пятнадцать лет жизни никто ни разу не бил «просто так», не в драке. А потом как будто превратился в набитую ватой куклу — бьют, а почти не больно, только всё, как чужое.

Более-менее пришёл в себя Артур в каком-то сарае — тоже в оазисе, но в другом. Тут содержали рабов. Его — и ещё четырёх человек — в отдельной потайной комнате, они были ценным, но в то же время опасным товаром. Не столько сами по себе, сколько из-за хаттских патрулей. Хатты захватили эти земли пять лет назад и местных давили беспощадно.

Сперва Артур не понял даже, что вокруг — тоже русские. Ему казалось, что это сон.

— А это Сашка была, — продолжал он, сунув голову под струйку. — Ромина Сашка. Она обо мне заботилась. И Олька, но та мелкая совсем... Ну всё равно, её ещё жалче. И Борька хороший пацан, смелый такой, даром что всего двенадцать лет... А вот Генка этот дерьмом оказался, только по фамилии Жуков... Это ведь из-за него мы только вдвоём сбежать смогли, мы же девчонок ни за что не бросили бы, я честное слово даю! И поймали меня из-за него... — Артур фыркнул, выругался матом. — Ш-ш-шестёрка... Тут его надо бросить, пусть его вообще где-нибудь в рудниках сгноят... Хотя такое дерьмо на рудники не попадёт, наверх ещё выбьется, скот...

— Я не могу никого бросить, — ответил Олег. Артур махнул рукой:

— Да всё я понимаю... Но он такая тварь, Олегыч, понимаешь! А ведь в клубе военно-патриотическом занимался, и вот... А тут представляешь... — Артур яростно вертанулся и застонал. — Он этому Раванариста ноги целовал. По-настоящему целовал, представляешь?! Я просто орал, когда били, не просил. И в первый раз, и потом... Борька — мелкий, понимаешь щенок совсем! — только мычал, губу себе прокусил... а этот чмырь... — Артур опять пустил по матушке и задохнулся от злости.

— Ладно, не шуми, — Олег тронул Артура за плечо и продолжал задумчиво: — Значит, девчонки поехали дальше... Давно ушёл караван?

— Позавчера вечером, — Артур снова плеснул себе в лицо водой. — Послушай... мне бы одеться... — и он потупился.

— И оденешься, и выспимся как следует, и снарядимся с утра без проблем, — Олег улыбнулся: — Ну? Ты же здорово держался.

Артур поднял голову. И просто сказал:

— Знаешь, как мне было страшно? А больше всего я боялся, что это — навсегда. Тогда бы пришлось что-то с собой делать, а мне очень хочется жить.

— И ты бы... — Олег не договорил. Артур посмотрел в сторону и мрачно сказал:

— А что — жить так всю жизнь? Мне бы ещё добраться до тех, кто всем этим заправляет...

Олег молча снял куртку и подал её Артуру:

— На. Сделаешь типа килт, никто и внимания не обратит ночью. А в случае чего скажем, что ты из этих... из хаттов, сын полка, а барахло пропил. И пошли. Отдыхать и только отдыхать!!!

* * *

Хозяин гостиницы, наверное, давно уже отвык удивляться странным посетителям. Во всяком случае он радушно покивал Олегу, смерил взглядом Артура, без единого звука принял деньги и сам проводил постояльцев на второй — жилой — этаж «Серого хорта», сообщив, что еду (скорее уже завтрак) прямо сейчас принесут в номер.

Артур раскис — чисто физически — и в номер его Олег буквально втащил, хотя тот и порывался идти сам. Комнатка была небольшая и простенькая — стол, несколько лёгких стульев, две узких кровати вдоль стен (даже скорее широкие лавки, но аккуратно застланные чистым бельём), маленькое оконце, электрический вентилятор под потолком, люстра на две лампочки, дверца в крохотную туалетную кабинку и ещё одна — в душ. На стене висели два лесных пейзажа, похожих на пейзажи из нижнего зала, только размером поменьше.

Артур тут же забрался в душ. Олег, бросив куртку на вешалку, уселся на кровать и, стаскивая ботинки, вяло подумал, что, оказывается, очень устал. От этой усталости ноги, казалось, налились свинцом, а мозги ворочались с трудом. Он даже не сразу сообразил, что всё также девушка с косой принесла еду, покачала головой и стала что-то говорить, показывая на куртку и лежащие на полу носки, пропитавшиеся потом до такой степени, что их скорее можно было назвать «стоявшими» на полу.

— Стират, стирает, — с трудом выговорила наконец девушка. Олег мотнул головой, стряхивая с открытых глаз слепую пелену и улыбнулся, качая головой:

— Нет, спасибо, мы сами, — потом показал рукой на стол, куда она поставила поднос, и кивнул: — Спасибо.

Пожав плечами, девушка вышла. Почти тут же Артур высунулся из душа:

— Ушла?

— Возвращаешься к жизни? — Олег привстал, стащил пропылённые джинсы: — На, натяни пока. Я в душ, а ты садись есть...

...Вода в душевой кабинке оказалась только холодной — а точнее, тёплой. Освежиться не удалось, наоборот — заболело всё тело (отзывался жуткий переход по пустыне). Тянуло

прилечь. Кое-как вытершись, мальчишка вышел в комнату, обернувшись полотенцем — и обнаружил, что Артур съел ровно половину принесённого и спит на животе в одной из кроватей, тяжело дыша. Олег пожалел запоздало, что не сказал кадету, чтобы тот ел всё (аппетита у самого не было совершенно), а потом сморщился. Теперь, когда Артур окончательно отмылся, было ещё лучше видно, как его били. И было ясно, почему он спит на животе — на такую спину не ляжешь ещё долго. Джинсы Олега аккуратно висели на спинке второй кровати.

Вяло шевелясь и чувствуя, как буквально с каждой секундой утекают силы — как будто вода из дырявого пакета — Олег бросил полотенце в изголовье кровати, выключил свет, включил вентилятор, запер ощупью дверь и, положив револьвер на придвинутый к кровати стул, упал на простыню. И уснул в ту же самую секунду, когда коснулся головой подушки...

...Серо-жёлтое тело тантора извивалось по песку в нескольких шагах за Олегом. Бегущий мальчишка задыхался, ноги вязли, он думал только об одном — чтобы это поскорее кончилось. Хотя бы тем, что тантор догонит его и перекусит пополам. Но песчаный дракон не догонял — и не отставал, отчего ужас погони становился ещё более невыносимым, убийственным... Песок позади шуршал, осыпался, затягивал ноги. Олег пытался крикнуть «мама!», но крик вяз в горле, как в трясине. Мучение сделалось непереносимым — и Олег... проснулся.

Задышавшись, весь мокрый от пота, он сел в постели, широко открыв глаза и ничего не понимая. Кто-то рядом кричал — негромко, но страшно, даже скорей не кричал, а тяжело мычал. И это был не он, точно не он — он же проснулся... а! «Серый хорт»! Артур!

— А! — наконец прорвался у Артура настоящий крик, и Олег увидел, как тот сел в постели и дико посмотрел вокруг — наверное, так же, как сам Олег несколько секунд назад. — Я тебя... разбудил? — сипло спросил кадет, беря себя за плечи.

— Я сам себя разбудил, — сказал Олег и признался: — Кошмар видел. Я не мог крикнуть и проснулся. Мне снилась пустыня. Я там чуть не погиб.

— А мне снилось... — Артур вздохнул. — Мне снилось, что мне приснилось, как ты меня освободил, а на самом деле... — Олег даже в темноте увидел, как Артура затрясло и без насмешки сказал:

— Хорошая у нас компания. Два неврастеника.

— Я — да, — хмыкнул Артур. — А ты настоящий герой.

— Пошёл в задницу, — дружелюбно буркнул Олег, ложась на мокрые от пота простыни. Вентилятор тихо урчал, но только гонял по комнатке душный воздух.

— А я не шучу, — Артур вздохнул: — Чёрт, я бы ещё поел... Несколько дней отбросы жрал.

— Ешь, там, на столе, я не хочу, — Олег лёг удобней, пошире раскидав руки-ноги, чтобы было прохладней. — Ешь, ешь, не валяй дурака.

Он услышал, как Артур переместился за стол и неуверенно спросил:

— Правда?

— Ешь, — Олег глубоко вздохнул. — Если хочешь — я завтра отправлю тебя домой.

И снова услышал — именно услышал! — как Артур замер за столом.

— А ты сам? — спросил он после короткого молчания.

— А что я? — вопросом ответил Олег. — Я это сам выбрал. Понимаешь, тебя в это втянули, а я — сам. Это разные вещи.

На этот раз Артур молчал долго. А когда заговорил — его голос был спокойным и каким-то равнодушным:

— Я вообще-то военным хочу стать. И форму уже ношу. А военный должен защищать своих. Иначе всё просто игрушки. И ещё... У тебя девчонка есть?

— Да, — Олег прикрыл глаза.

— А у меня не было. А сейчас есть Сашка. Она не знает, что я... Но я её бросить не могу. Я её всего три дня знал, а бросить не могу. И не брошу. Так что я с тобой.

— Хорошо, — Олег снова посмотрел в потолок, где неспешно вращался вентилятор. — Тогда ешь и ложись. Ещё поспим, а утром у нас чёртова туча проблем.

— Олег... — Артур зашевелился, двинул стулом. — Я хотел спросить. Ещё один вопрос. Ты кто ?

— В каком смысле? — Олег запрокинул голову.

— Ну... — Артур пожал плечами — Олег увидел это притерпевшимися к темноте глазами и сообразил:

— А! Нет, я не воин добра и не спецгент ФСБ. Я просто везучий. И считаю, как ты: своих надо защищать. Даже если ты не военный. Достаточно быть просто... ну, просто **человеком** .

* * *

— Хатты — это типа германцев. У них промышленное общество, примерно наши 50-е годы прошлого века. И вообще они на севере живут, а здесь сейчас просто колонизация. Им сами по себе эти пустыни нафик не нужны, они лесной народ, но тут много нефти. Местные про неё не знают, у них вообще позднее средневековье само по себе. А вот другая страна — Хаттенмарк это одно, а есть ещё большая страна Венейя, славянская, представляешь?! — она где-то на северо-западе, так она на эти же земли поглядывает. Тоже из-за нефти. Ну и хатты что-то вроде превентивного захвата провели...

Артур покачивался в седле, морщился и разяснял Олегу тонкости здешней обстановки.

Мальчишки отъехали от города уже километров двадцать. Кроме двух верховых лошадей за собой вели двух заводных (Олег не поспешил), навьюченных продуктами и водой. Артур приделался в местное, беспощадно обкромсав и переделав на скорую руку всё барахло, из-за чего выглядел оборванцем. Но отнюдь не рабом и не нищим, а скорей разбойником — за плечами у него торчала двустволка, пояс был натискан патронами. Патрульные при выезде из города долго смотрели вслед мальчишкам и переговаривались — Олег прямо спиной ощущал взгляды хаттов. Но не погнались и даже не окликнули. Не обратил на мальчишек внимания и перегнавший их моторизованный патруль — ошестиненные стволами пулемётов машины, три штуки, ушли куда-то в пески.

— Торговцев ловят, контрабандистов, разбойников, — кивнул Артур. — Нам не повезло, этот Раванариста — хитрый, гад, опытный... Ладно, — он ткнул коня пятками, — сами разберёмся.

— Охрана, говоришь, шестеро и все с ружьями... — пробормотал Олег. — Я ни разу в жизни в человека не стрелял...

— Там девчонки, — сказал Артур. — Олега, ты не представляешь, что с ними могут сделать. С Олькой — этот гад сам, а с Сашкой...

— Понял, понял, — процедил Олег. — Тогда давай в галоп. Выдержишь? — Артур кивнул:

— Я же не тамбовский, я деревенский, мы верхом ездили часто...

— У тебя же сзади всё... — Олег осекся. Артур сузил глаза:

— Тем лучше, злее буду.

— Галоп — полчаса, рысь — пол часа, шаг — пол часа, — проинструктировал Олег, плотнее усаживаясь в седле. — И по новой опять так же. Иначе коней загоним. Мы-то выдержим, а им капут... Да всё равно получится быстрее, чем у каравана этого, раз в пять. Если позавчера вечером ушёл — то это двое суток. Сегодня к вечеру должны нагнать... Па-шооооо, хоппа!

— Хай-а! — выкрикнул Артур, подхлестывая коня ладонью...

* * *

В этой своей, настоящей (как он сам любил говорить про себя) жизни Олег научился читать лесные следы лет с четырёх, а к десяти стал отличным следопытом. Другое дело, что караванная тропа толком не сохраняла привычных следов, и оставалось надеяться на то, что Артур не ошибся — и караван Раванариста в самом деле был последним прошедшим тут караваном. Во всяком случае, розочка с джинсов, найденная Олегом в оазисе, принадлежала Оле — Артур её узнал, в отличие от мальчишек, у девочек одежду не отбирали. А вторую такую же розочку Олег заметил с седла примерно около полудня — она лежала прямо на тропе.

— Её, — уверенно сказал Артур, прямо державшийся в седле. — Она и ту, первую, специально бросила. Мелкая совсем, думает, что это сказка... по следам найдут...

— Ну ведь и нашли, — Олег отпил из фляжки. Артур неожиданно светло, совсем по-детски улыбнулся:

— Нашли, — подтвердил он. И погрузился: — А вот что сейчас дома творится...

— Ничего, — уверенно ответил Олег. И пояснил изумлённо посмотревшему на него Артуру: — Понимаешь, тут ничего нельзя сказать точно. Это другой мир. Я думаю, что мы вернёмся — если вернёмся — в тот момент, когда я отправился сюда.

— Да я уже и к этому времени почти неделю как пропал, — буркнул Артур. И вдруг добавил: — А знаешь, ведь не может быть, что только мы вот так пропали. Наверняка есть и ещё. И немало.

— Наверняка, — буркнул Олег. Настроение испортилось именно из-за этого замечания. — Всем не поможешь. Да и не знаем мы о них ничего.

— Посчитаться бы с теми, кто этим «бизнесом» занимается, — зло сказал Артур.

Олег промолчал. Его внимание неожиданно привлёк интересный след. Он не вполне понимал, как тут определить давность следов, но этот — явно появился уже позже прохода каравана.

— Ты что там ползаешь? — Артур толкал пятками коня, горячил его. — Поехали, скорее, ну?!

— погоди... — Олег вытер лицо марлей накладки. — Тут что-то вырисовывается... странное что-то...

— Что там у тебя вырисовывается?! — Артур соскочил с седла, подошёл ближе, ведя всю конскую «связку».

— Кто-то пешком за караваном шёл, — Олег сел на корточки, свесил руки между колен, посмотрел, щурясь, на солнце, перевалившее за полдень. — Спешил, даже не останавливался тут, не осматривался... вроде бы бежал временами...

— Пешком? — Артур недоверчиво сморщил нос. — Да ну...

— Я тоже шёл пешком... — Олег обвёл один след пальцем. — Обут непонятно во что. След маленький, а шаг размашистый. Похоже, мальчишка...

— Чего-то ты не то говоришь, — покачал головой Артур. — Какой мальчишка, да ещё по пустыне?!

— Ладно, поехали, — Олег принял повод, — по пути разберёмся...

* * *

Человека увидел Артур. Наверное, зрение будущего лётчика оказалось гораздо тренированней, чем у «лесного человека» Олега. Во всяком случае, Артур выкинул руку — они ехали шагом — и сказал:

— Человек!

— Где? — Олег сощурился. Волны жара колебались над караванной тропой, над барханами по сторонам, мешали земле и небу. — Не вижу ни фига.

— Да вон же идёт! — и Артур подхлестнул коня.

Через несколько секунд скачки человека увидел и Олег — маленькая серая фигурка быстро удалялась от тропы в барханы. Олег было направил туда коня, но тот начал спотыкаться, фыркать, сипеть — и Олег, соскочив, побежал сам. Артур задержался, накидывая узду всех коней на спешно вонзённый в песок специальный кол, который везли с собой.

Впрочем, Олег справился бы и один — беглец двигался трудно и был маленький. Очевидно, он и сам понял, что не уйдёт, потому что развернулся к Олегу и, полоснув воздух длинной зазубренной железкой, отчаянно крикнул:

— Не подходи, убью, гад, завалю!

Крикнул по-русски! Олег до такой степени обалдел, что, наверное, получил бы удар в живот, потому что невысокий беглец ринулся вперёд именно с намерением распотрошить преследователя — но подскочивший Артур свалил его, вышиб железку, прижал к песку. Сбитый с ног отбивался с такой яростью (крича при этом настолько ужасные слова, что Олег прибалдел), что Артур почти выпустил его. Но тут Олег насел сзади и начал выкручивать руки. Однако Артур заорал:

— Осторожнее!!! Это Борька!!! — и, протянув руку, сорвал со странного человека серую повязку-кисею, открыв грязное, в разводах высохшего пота, перекошенное лицо веснушчатого рыжего мальчишки лет двенадцати, из синих глаз которого буквально брызгала ярость. — Борька! Ковалёв! — он тряхнул мальчишку, пытавшегося откусить Олегу хотя бы палец, за плечо. — Борька, дурак! Это я! Артур!

Того словно выключили. Обвиснув в руках уже начавшего злиться Олега, он то ли выдохнул, то ли сказал, то ли всхлипнул:

— Ар... ту-ур?

* * *

— И ты пошёл за караваном? — со странной интонацией спросил Артур. Борька, раскачивавшийся впереди Олега на седле, мотнул головой, прожевал кусок копчёного мяса, судорожно глотнул, как голодный щенок и ответил:

— Ну да... ну я не знал, что тебя продали... я думал, что попробуюсь и мы как-нибудь девчонок освободим и этого гада Генку... не бросать же его...

— А если бы догнал — а Артура там нет? — спросил Олег. Борька на миг задрал голову, посмотрел в лицо Олегу, пожал плечами под рваниной:

— Ну... я бы один как-нибудь... Там же девчонки, их нельзя бросать... Я вон и нож нашёл...

— Ты герой, — заметил Олег. Артур неожиданно резко сказал:

— Не надо над ним смеяться.

— И не думал, — искренне ответил Олег. — И ты все эти дни шёл по пустыне? Один?

— Ну это... да... — Борька смутился окончательно. — А это я нашёл там везде... по пути. И колодцы были. Только терпеть было трудно от одного до другого...

«Это» — была та самая драная накидка и какие-то ремни, которыми Борька довольно умело обмотал ноги (босиком по песку он не прошёл бы и километра, наверное... или шёл, пока не отыскал ремни?!) «Терпеть от одного до другого»... Олег изумлённо смотрел на рыжую макушку снова принявшегося жевать мальчишки. Он шёл по пескам несколько дней. Ночевал в холодных барханах, слыша, как непонятно и страшно звучит пустыня. И бежал-то не куда-то домой, а за караваном — драться, освободить тех, с кем и знаком-то был несколько дней... Двенадцатилетний сопляк!!!

Олег сглотнул. И — очень холодно и как-то **остро** — подумал, что найдёт тех, кто занялся этим «прибыльным бизнесом». Непременно найдёт.

* * *

Караван показался вечером, когда солнце начало садиться за барханы. Олег не ошибся в расчётах.

— Надеюсь, обе девчонки там, городов-то больше не было, значит и Сашку не продали, — Артур положил ружьё на луку седла и деловито зарядил оба ствола картечью.

— А мне оружие? — потребовал Борька. — Нож верните...

— Твоим жабоколом только тритонов ловить, — отрезал Олег.

— Нож верните, — нехорошим голосом «попросил» Борька.

— Будешь караулить коней. Если убегут — плохи наши дела, — спокойно сказал Олег.

— Я не маленький... — начал Борька, но Олег отрезал:

— Ты меньше и слабее нас. И оружия для настоящего боя на тебя нет. Поэтому единственная настоящая польза от тебя сейчас — караулить коней. Понял? — Борька засопел, и Олег повторил: — Понял?

— Понял, — пробормотал тот.

— Не слышу, громче, — потребовал Олег.

— Понял, — громче сказал мальчишка.

— Понял что?

— Буду караулить коней...

Олег кивнул и остановил коня:

— Будем ждать темноты... Кстати, странно, что они идут днём, а не ночью.

— Боятся ломбов, — сказал Артур. — Ночью выстроят круг, разожгут костры из хвороста и караулят.

Ломбы и танторы, подумал Олег, спешиваясь. Ломбы, танторы — и двенадцатилетний безоружный мальчишка один в пустыне. Он проверил барабан револьвера. Я бы наложил в штаны. Я бы наложил в штаны и умер от страха. Я бы наложил в штаны и умер от страха, позорно визжа.

И его хотели сделать рабом?!

Убью гадов. И начну с этих. С караванщиков.

* * *

До огней привала, как и до всех ночных огней, оказалось дальше, чем рассчитывали. Вроде бы спешили в двух-трёх сотнях метров, а шли уже почти десять минут. По лесу Олег так ни за что не пошёл бы — в открытую на вражеский костёр. Лес обязательно выдаст. Но пустыня глуха, песок съедает звуки и, если ты не появишься очень глупо на фоне неба — на гребне бархана, например — то можешь подойти вплотную к кому угодно.

— Ты будешь стрелять? — еле слышно спросил Артур. Олег после секундной паузы ответил вопросом:

— А ты?

— Да, — холодно ответил тот.

Олег на миг представил себе помосты на рынке Гарбея. Нет. Сколько угодно можно говорить, что это просто время такое. Есть вещи, которые временем не оправдать. Иначе скоро научишься ловко оправдывать всё, что угодно. Большой риск.

— Да, — услышал Олег свой собственный твёрдый голос.

— Они слабаки, — так же тихо шептал Артур. — Драться без оружия не умеют совсем, ростом меньше и легче. Смотри только, чтобы никто не схватился за петлю. Дариб — это петля такая на палке, я про неё говорил.

— Понял... — Олег достал револьвер. — Всё, тихо, пришли...

Артур на ходу перебросил по-боевому двустволку.

Нельзя стрелять в людей. Но что делать, если перед тобой тот, кто понимает только выстрелы?

Костёр был один. Возле него кольцом лежали верблюды. Внутри кольца стояли клетки, возле них спали несколько человек. Один сидел у огня, ещё один — у входа в небольшой шатёрчик из расшитой золотом ткани. У обоих часовых были ружья — примерно такие же, как у Артура. Но оба дремали. Или спали вообще.

Верблюды, чем-то хрустя внутри (не зубами), спали, закинув головы, немного похожие на змеиные, между плотными горбами. Пахло от животных не то чтоб неприятно (лошадиный запах тоже непривычному человеку не по душе, а Олегу — нравился), но как-то необычно, по-чужому. Олег только подумал это, проходя не без опаски между двумя животными, а Артур уже был около сидящего возле костра часового. Олег увидел быстрый взмах приклада, услышал короткий тупой удар — Артур врезал часовому прикладом в челюсть, и тот опрокинулся возле огня. Сидевший около шатра раскрыл сонные глаза, потом — рот, начал подниматься, но Олег, выдохнув: «Ху!» — треснул его в солнечное ногой в высоком ботинке. Часовой булькнул, уронил ружьё и, сложившись вдвое, упал внутрь шатра, где послышался шум, возня и недовольный голос. Четверо, спавшие возле костра, завозились, но Олег (иййээххх, гулай, душа!) ахнул вверх из револьвера и гаркнул, не заботясь, поймут его, или нет:

— Лежать, гунявые! Попереубиваю всех скопом со страшной зверскостью — лежать! — и выстрелил ещё раз. Потом выстрелили в третий раз. С лёгким недоумением Олег посмотрел на свой револьвер, на лежащих в каких-то совершенно непотребных позах охранников и даже на философски проснувшихся верблюдов. Только потом он понял, что стрелял Артур — и сейчас подрагивающими пальцами перезаряжал один из стволов.

Олег перевёл взгляд на шатёр. Из-под полога торчали вразброс расшитые золотом туфли с загнутыми носами.

— Так, — выдохнул Олег, подойдя ближе. Откинул полог. Свет костра упал на узкое лицо с холёной бородкой, на усыпанную алыми брызгами грудь роскошного халата. — Догулялся принц Персии...

— Раванариста, — сказал Артур. — Я... — его голос дрогнул. — Я его убил?

— Похоже, что так, — подтвердил Олег. Странно, но никаких особых эмоций он не испытывал.

— Там... девчонки есть? — спросил Артур. Олег заглянул поглубже, пинком помог выбраться наружу кашляющему и скулящему охраннику.

— Нет тут никого... — он ещё раз поощрил охранника под копчик, потом наступил на спину. — Стой, погоди... — охранник понятиливо замер на четвереньках. — Кстати, — доверительно сказал Олег, возя каблуком по его спине, — у моего друга после знакомства с вашей гостеприимной страной появилась пренеприятная привычка — решать все свои проблемы вот таким способом, — он указал на туфли Раванаристы. — Тебе нравится? Мне нет. Но нам всем как-то надо с этими жить. Согласись, что я прав? — охранник понятиливо кивал, не поднимая головы. — Ключи от клеток где?.. Чёрт, смотри сюда... **ключи** ...

Но из одной клетки, трясущейся от ударов изнутри, уже кричали на два голоса по-русски и по-девчоночьи:

— Мызедсьмытутмынашимырусскиеспасителомогитевыпустите-е-е-е!!!

— Сашка!!! — заорал Артур, бросаясь к клетке. Оглушённый им охранник возле костра завозился, но обмяк, когда Олег показал револьвер и уточнил стволом направление — в общую кучу.

* * *

— Думаю, остальные рабы разорвут охранников, — сказала Саша.

Она заняла одну заводную лошадь, на вторую с невероятным трудом удалось уговорить

сесть вдвоём Борьку и Ольку — они там так и сидели, как будто каждый считал соседа раскалённым докрасна. Борька выглядел оскорбленным до предела; его смягчала только торчащая за плечом двустволка. (Таковую же взяла Саша, и сам Олег, подумав, тоже довооружился на халяву.) Олька же страшно драла нос, потому что ей сказали про брошенные розочки, оторванные с джинсов. Олег, у которого никогда (ни в какой жизни) не было младших братьев и сестёр и который никогда не любил возиться с мелкими, только усмехался, поглядывая на эту парочку.

— Тебе их очень жалко? — спросил Артур, очень прямо державшийся в седле. Только Олег понимал, что ему больно — и здорово больно.

— Нет, — ответила Сашка. Она была рослая для девчонки, светлые волосы связаны в воинственный «хвост» на затылке. В общем — симпатичная, и Олег сам бы за ней приударил, не будь на свете Вальки. — Твари, — добавила девчонка брезгливо. — Правильно их хатты вешают.

И обоих девчонок, и Борьку похитили буквально «на чистом месте». Они помнили только — вспышка и сразу здесь. В смысле, в окружении охранников с петлями. Это было довольно странно, потому что тогда становилась непонятна функция перехода в «Дукате». А Олег хотел бы её понять...

— Переднюем в Гарбее, — предложил Артур. — А утром поедем искать Генку.

— Этого... — Борька открыл рот, покосился на Ольку и решительно заявил: — Не поеду.

— Тебе и не предлагают, — отрезал Артур. — И девчонки останутся.

— В «Сером хорте», — согласился Олег. — Хозяин за ними присмотрит, денег у меня полно. Подождут.

— А если не дождёмся? — вдруг спросила Саша. — Обратно мы не сможем, так что лучше уж вместе поедем.

— А ещё лучше — я съезжу один, — неожиданно предложил Артур. — Нет, правда. Ты, Олег, один можешь обратно нас вывести. Заодно и остальных охранять будешь. А я мигом.

— Урррр! — зарычал Олег и огрел коня между глаз ладонью — тот дал великолепную «свечку» и затанцевал на задних. — Ладно! Чёрт с вами! Едем вместе, все, всё!!!

— Ура, — тихо сказал Борька. Ни он, ни Олька, кажется, уже ничуть не переживали по поводу недавних приключений, полностью переключившись на окружающую экзотику. Олька горевала лишь, что у неё забрали мобильник, в котором был фотик.

Артур и Сашка выглядели скорее мрачно-решительными. Олег спросил у девчонок:

— Ты стрелять умеешь?

— Артур покажет, — сказала она. Кадет откровенно просиял; Олег с трудом сдержал улыбку. Да ну и чёрт с ними, счастья, совет да любовь...

Вокруг была ночь. Один раз в стороне от тропы мелькнули силуэты ломбов, но напасть песчаные крысы не решились — людей было слишком много, от них пахло железом и решимостью. Не та добыча...

— И всё-таки я против чтоб его искать, — заявил Борька, когда огни Гарбея уже появились впереди. — Он сволочь, вот и всё.

— Он трус, — тихо сказала Сашка. — Он тут пропадёт.

— Да ничего он тут не пропадёт. — заспорил Борька, ёрзая в седле, — ещё как устроится...

— Отставить этот разговор, — приказал Олег. — Без этого вашего Генки нам дома делать нечего. Во всяком случае — **мне** точно нечего. Я не господь бог и не буду решать, кого карать, кого миловать... — Олег подумал и честно добавил: — Если только не вынудят.

Какое-то время ехали молча — пока впереди не появились городские огни. Редкие и не очень яркие, они, казалось, отодвинулись вдаль снова, когда неподалёку вынырнула (словно из-под земли!) вереница других огней, ярких, электрических. Послышался гул моторов.

— Патруль, — пробормотал Артур. Олег, не оборачиваясь, сказал:

— Ничего, мимо проедут.

Он не ошибся — машины проскочили мимо, лишь осветили группу всадников мощными лучами.

— Беспечные они какие-то, — заметил Олег. — А если мы агенты из этой самой Венейи?

— Не такие уж беспечные, — Артур поглядел вслед патрулю. — Можешь быть уверен, что хозяин сообщил куда следует, едва ты ушёл после первого своего визита — меня искать. И раз они не заинтересовались...

— Мелкие спят, — шёпотом сказала Саша. Старшие мальчишки оглянулись. Действительно, Борька мерно качался в седле, держась за уздечку — и дрых, а Олька делала то же, привалившись к нему.

— Пусть, — великодушно сказал Олег и широко зевнул. — Чёрт, я бы тоже не отказался.

Дальше ехали молча. Олег ощущал, что глаза сами собой слипаются, открывать их становилось всё труднее. Топот конских копыт по песку был неслышим, огни города, казалось, вовсе не приближаются, не двигались звёзды над головой.

«Но что я тут делаю? — лениво и в то же время невероятно прозрачно и отчётливо ползли мысли. — Или всё это доставляет мне удовольствие? Странно, я не могу понять себя. Может быть, я не умею жить спокойно? Или это некое предопределение? Говорят, есть люди — адреналиновые наркоманы, они не могут жить без постоянных приключений. Может быть, я такой?»

Потом он, кажется, всё-таки уснул, потому что городские ворота оказались совсем рядом. Наверное, раньше их запирали на ночь, но сейчас створки были открыты. Хаттский дозор равнодушно провожал глазами из-под козырьков пробковых шлемов въезжающих по пустынной дороге в город верховых с торчащими за спинами ружьями. Тяжёлый пулемёт смотрел в сторону пустыни, горел костёр, над ним булькал котелок. Около раскладного стола на раскладном же стуле сидел молодой офицер, ночной ветерок ерошил рыжеватые волосы, играли искрами в них. Офицер писал в блокноте.

И вдруг Олега буквально тряхнуло — так, что он качнулся в седле.

Но этого не может быть!!!

И этой пустыни, и офицера за раскладным столиком, и пулемёта, и серо-жёлтых стен, и всего, всего, всего! Этого не может быть даже по сравнению с прошлогодними приключениями! Сколько же их — миров, сколько же их — времён... и кто он такой, Олег, **что он такое** в сравнении с этой громадой, в которую он влез со своими представлениями о справедливости, о добре?! Что его справедливость, что его добро тем людям, которые сейчас спят в вонючих бараках рынка работоторговцев?! Что его добро вот этому старику-сержанту с крепкой сухощавой фигурой, который, положив руку на автомат, стоит возле ворот и смотрит им в спины?! Он же просто смешон — пятнадцатилетний мальчишка с револьвером, решивший...

— Артур, — прервал он свои мысли. Кадет, тяжело качавшийся в седле рядом, поднял голову. — Я сейчас подумал... Как же нас мало...

Язык словно окаменел. Олег не мог выразить того, о чём думал так ясно и остро. Но Артур вдруг сказал — и лицо у него было строгим и понимающим:

— Ты помог нам. Тебе этого мало? Ты собираешься помочь и другим. Ты расхотел это делать?

— Нет... — медленно покачал головой Олег. Артур повёл плечами под местной рубахой:

— Тогда чего ты ещё хочешь?

— Не знаю, — отчаянно сказал Олег. — Я не знаю! Я хочу, чтобы тут не было рынка, на котором торгуют людьми! Я хочу, чтобы те, кто украл вас, были наказаны! Но я не знаю, как это сделать, я не знаю!!! — Олег ударил кулаком по луке седла, конь с храпом

затанцевал, шарахнулись с бормотанием к стенам какие-то тени, а Борька вскинул голову и, громко сказав: «Я не сплю!» — уснул снова. — Я просто хочу... я не могу жить спокойно, пока...

— Знаешь, — вдруг вступила в разговор Саша, и мальчишки оглянулись, — я вот где-то читала... **Делай, что должно — и будь, что будет.**

— Делай, что должно — и будь, что будет... — повторил Олег и потрепал коня по шее. — Да, делай, что должно — и будь, что будет... Но откуда я знаю, правильно ли я...

— Глупый, — тихо сказала девчонка. — Ты такую глупость сказал... Мы были рабами. Недолго, но были. Это ужасно, поверь... А теперь мы свободны. Что тебе ещё?

* * *

Хозяин «Серого хорта» не спал — стоял у входа, и Олег понял, что он смотрит на них и только на них. И, бросив взгляд на своих спутников, решил.

— Подождите, — сказал он Артуру. — Я сейчас.

В два больших шага Олег поднялся по лестнице и, глядя прямо в спокойные глаза хатта, заговорил:

— Я понимаю вас. Я веду себя подозрительно. Я привожу каких-то людей. У нас оружие. Но я клянусь — я ничего не замышляю ни против вас, ни против вашего народа, ни против вашей страны. Мне нечем это доказать, у меня есть только моё слово. Так вот: я даю вам слово — я просто спасаю своих братьев.

Хатт долго смотрел в глаза мальчишки — упрямые и строгие — своими. Глазами уже немолодого мудрого человека. Потом наклонил голову внутрь:

— Я прикажу приготовить комнату побольше для вас и отдельную для девочек. А пока поешьте внизу. О конях позаботятся... — и, когда Олег поворачивался уже к своим, испытывая невероятное чувство облегчения, добавил: — Я знаю, что такое есть слово мужчины. Не всегда я держал корчму.

И Олег, снова обернувшись к нему, тихо и искренне сказал:

— Спасибо вам.

* * *

Оля есть не стала — её просто не добудились, и Саша на руках унесла её наверх, сказав мальчишкам, что позаботиться о ней сама. Борька, хотя и крепился, уснул за столом, как убитый, едва утолил первый голод. А Олег и Артур ещё долго сидели рядом со спящим мальчишкой, прихлёбывая пиво и откусывая то одно, то другое.

— А дальше? — Артур повозился с неловкой гримасой. Олег поставил кружку на стол:

— М?

— Дальше, когда вытащим этого засранца Генку?

Олег подумал, что выпил слишком много — он стал сильно потеть и невольно контролировал свой голос.

— Дальше я пойду в другой мир, куда смогу. Выручать остальных.

— Я пойду с тобой, — Артур тоже допил своё пиво.

— Зачем? — Олег откинулся к стене.

— Делай, что должно — и будь, что будет, — напомнил кадет.

— Если тебя убьют — для твоих родных это будет навсегда, — Олег вытянул ноги под стол. Бёдра болели.

— А тебя? Тебя ведь никто не подписывал на это. Ты сам выбрал. И я выбрал... — Артур pokrивил губы. — Ты думаешь, что я не понял, что ты хотел сказать? Там, у ворот? Всё я понял. Если кругом — дерьмо, это не повод стать дерьмом и оправдываться, что все

так живут. А если дерьма очень много — не повод для того, чтобы думать, будто дерьмо — это и есть весь мир. Я не знаю никого из тех, других... которые пропали. Но не думаю, что им хорошо. И мне честь не позволит где-то отсиживаться, пока ты будешь их вытаскивать.

— Честь? — Олег сел прямо, положил кулаки на стол. — Ты серьёзно употребил это устаревшее понятие? Ты серьёзно веришь в неё, кадет Волков?

— Ты сам ответил. Я кадет.

— Это не оправдание для глупости.

— Да, это диагноз, — согласился Артур. — Ну и что это меняет? Я сказал — честь. Я могу повторить это слово, но это не просто слово. Для меня — не просто. И я не пьян, хотя я столько никогда не пил.

— Ты дурак, — ответил Олег. — Ты не знаешь, кто против нас. **Он есть.** Понимаешь — **ОН САМ.**

— Мне по хрену, — отрезал Артур. Глаза у него были ожесточённые, как у снайпера. — Я никому не позволю делать и дальше то, что сделали с нами. И ты мой командир, хочешь ты этого или нет. Я не выполню только одного твоего приказа — бросить тебя. В какие бы слова ты его не облёк.

Олег положил правую руку на стол — вверх раскрытой ладонью.

Глядя в глаза Артура.

Кадет улыбнулся — нехорошей, обещающей улыбкой. И припечатал руку Олега своей. И Олег вспомни строчку из какого-то старого приключенческого фильма — убей бог, не помнил, какого, строчка просто всплыла отдельно:

На ладонь ладонь положи — и скажи...

Что там надо было сказать — Олег и этого не помнил, если честно. Но, конечно, что-то хорошее. В тех фильмах не было иначе...

Артур наклонил кружку неуверенным движением и вдруг засмеялся — негромко, но трезво. Олег, невольно улыбнувшись тоже, кивнул головой:

— Ты чего?

— Да вот... — Артур фыркнул и посмотрел весёлыми глазами. — Раз русский сидит за столом пьяный — значит, он должен петь. Это закон природы. Тебе хочется петь? — Олег со смехом помотал головой. — А мне хочется, только я не знаю — что. Ты прикинь, командир — нечего петь, в голову ничего не лезет, только разные там «три притопа два прихлопа хоп хоп двигай попой...» А это, согласишься, петь...

— Обидно, — сказал Олег. Посмотрел в стол. — Обидно... Даже по пьяни спеть нечего стало. Дожили, а? — Артур смотрел так, как будто чего-то ждал, и Олег, покачавшись на стуле, пожал плечами: — А. Ладно. Слушай. Это мой отец любит петь, я и запомнил.

Олег никогда раньше не пел. Нет, пел, конечно — дурачась пел, пел в школьных мероприятиях (не пел **никогда**, не было такого в твоей воронежской жизни, не пели у вас в школе, взвыл **второй** Олег... или **первый** ?) — но по-настоящему не пел, ему это и в голову не приходило. Он даже не был уверен, что вспомнит слова этой песни.

Но он вспомнил их, едва произнёс первую строчку.

— Черт с ними, за столом сидим, поем, пляшем,
Поднимем эту чашу за детей наших,
И скинем с головы иней,
Поднимем, поднимем...

Что это? Это я пою? Это мой голос такой? А как странно смотрит Артур, как странно смотрит этот дурак, говорящий о чести в мире, где её нет давным-давно... Дурак дурака видит издалека...

— За утро, и за свежий из полей ветер,
За друга, не дожившего до дней этих,
За память, что живет с нами,
Затянем, затянем.
Бог в помощь всем живущим на земле людям,
Мир дому, где собак и лошадей любят,
За силу, что несут волны,
По полной, по полной.
Родные, нас живых еще не так мало,
Поднимем за удачу на тропе шалой,
Чтоб ворон да не по нам каркал,
По чарке, по чарке...

Слова вспоминались сами. Сами, сами, сами...

— Черт с ними, за столом сидим, поем, пляшем,
Поднимем эту чашу за детей наших,
И скинем с головы иней,
Поднимем, поднимем...¹⁰

Только теперь Олег обратил внимание, что хозяин корчмы стоит рядом. Он стоял и слушал, и теперь, увидев, что Олег больше не поёт, спросил тихо:

— Ваша песня?

— Наша, — буркнул Олег. Он не расположен был разговаривать с посторонним, пусть даже с симпатичным ему. Хозяин вздохнул:

— Знаешь, когда я понял, что мы не победим Венейю? — продолжение разговора было интересным, хотя и неожиданным и Олег спросил:

— Когда?

— Когда услышал, как поют ваши солдаты... Ты поёшь так же, как они... — и хозяин положил руку на плечо Олега. — У тебя сбудется то, к чему ты идёшь. Но ты не пей больше. Идите спать.

...Борьку наверх пришлось нести на руках. Олегу было невероятно смешно и неловко — Борька во сне вздохнул, хныкнул и обхватил его за шею. Артур, чертыхаясь, волок оружие, и вообще выглядело всё это со стороны, наверное, довольно жалко. Около номера девчонок Артур постучался и спросил, как там, внутри; Саша ответила, что уже спит.

— Спит, — буркнул Артур. — А где наш номер?

Провожавшая мальчишек дочка хозяина распахнула одну из дверей, что-то сказала — это могло быть и пожеланием доброй ночи и укоризненным замечанием, что не стоит пить столько пива. Кстати, тут Олег был с ней согласен — он выпил не меньше полутора литров и сейчас ощущал головокружение и какую-то раздвоенность сознания. А ведь хотел ещё помыться, весь пропотел...

¹⁰ Стихи Александра Розенбаума.

— Зови сюда девчонок, — приказал Олег Борьке. Тот кивнул. — А потом спустись к хозяину и скажи, что мы выезжаем через час.

— Генка плохой человек, — вдруг сказал Борька. Олег недоумённо посмотрел на него и увидел, что у мальчишки серьёзные и упрямые глаза. — Плохой, понимаешь?

— Борь, — Олег вздохнул. — Ты не согласишься со мной. Я и сам с собой не очень согласен... — Олег отметил, что Борька улыбнулся уголками губ, а глаза помягчели. — Но я тебе точно говорю — на свете очень мало **по-настоящему** плохих людей. Единицы. И я не верю, что он плохой. Что трус — может быть, и да. Но казнить за это рабством... — Олег покачал головой и поймал себя на мысли, что говорит с Борькой — как **взрослый** со **взрослым**. — Это слишком страшный суд. Ты готов осудить на это человека, который на два года старше тебя? Я — нет. Я не судья. Я спасатель.

Борька посмотрел себе под ноги. Потом повернулся и вышел.

* * *

Команда, выехавшая из Гарбея около полудня, уже не напоминала разбойничий отряд. Олег потратил ещё определённую сумму, чтобы придать своим спутникам цивилизованный вид — ну, как тут это понималось. Артур и Борька получили бриджи для верховой езды, френчи, сапоги, шлемы, лёгкие шарфы-кисеи. Саша и Оля — практически то же, хотя хозяин лавки колониальных товаров (как определил это заведение Олег), указанной владельцем «Серого хорта», тоже хатт, только моложе, поднял левую бровь, увидев, что в мужское одевать придётся девчонок, одна из которых — совсем мелкая. Очевидно, в Хаттенмарке это не одобрялось. Впрочем, никаких вопросов задавать не стал.

Лошадьми тоже теперь были обеспечены все, плюс Олег навьючил водой и припасами двух заводных. Кстати, себе он тоже приобрёл кисейный шарф и, посмотрев в зеркало, подумал, что похож на ковбоя из какого-нибудь вестерна. Почему-то эта мысль насмешила его — и Олег продолжал посмеиваться, даже когда они отъехали почти на десять километров.

Солнце опять палило. Но теперь это было не страшно.

— Слушай, — Артур догнал Олега, ловко управляя своим жеребцом, — как ты собираешься освобождать Генку?

— А что? — Олег поправил кисею на лице.

— А ты не подумал? — в голосе Артура прозвучало искреннее удивление. — Меня ты купил на рынке. Девчонок освободили, Борька вообще сам собой встретился... Хаттов вмешивать нельзя...

— Нельзя, — кивнул Олег. — Никак нельзя, хоть и соблазнительно... Они за нас всю работу сделают, это да. Но дальше начнутся вопросы, тут уже без вопросов не обойдётся.

— И отбивать силой — в городе чревато, — продолжил Артур.

— Куплю, — решил Олег. — Деньги есть.

— Предположи, что не захотят продавать. Из чистой подлости.

— Пугну теми же хаттами.

— Заломят цену.

— Мальчишки, — это была Саша, тоже шпорившая кона каблуками, — мы одну глупость сделали...

— Для меня новость, что только одну, — буркнул Олег. Он серьёзно задумался о дальнейших действиях.

— Мы деньги в караване не забрали, — продолжала девчонка, игнорируя его сарказм.

— Да пошли бы они, — скривился Олег. Саша покрутила своим «хвостом», который, кажется, тщательно промыла в корчме:

— Это в корне неправильно. Ружья же мы взяли? Деньги — тоже трофей, разве нет?

— Вообще-то правильно, — задумчиво сказал Артур.

— Ладно, — махнул рукой Олег, — в следующий раз, когда мы кого-нибудь прижмём, обязательно ещё и ограбим. По праву войны. Мне сорок процентов, как командиру, вам всем по пятнадцать на брата. И сестру.

Артур, всё это время кивавший, но смотревший куда-то через плечо, вдруг тихо засмеялся и шепнул:

— Смотрите, что делается.

Олег и Саша оглянулись, готовые увидеть всё, что угодно. Но увидели всего лишь едущих стремя в стремя Борьку и Олю. Судя по всему, Борька что-то важно и значительно объяснял, подкрепляя свои слова широкими жестами. Девчонка слушала его, как боговдохновенного пророка.

— Мда, — кашлянул Олег, не очень понимая, как относиться к увиденному. — Ладно. Чего уставились, всё к лучшему... Гибкая детская психика восстановилась после ужасов плена...

— Рабства, — поправила Саша. — Рабство намного хуже, чем плен.

— Это нельзя сравнивать, — сказал Артур, глядя в пустыню, в сторону. — Плен это плен. Солдатское дело. А рабство...

И Олег увидел, что кулак кадета — с белыми костяшками — постукивает по колену, обтянутому бриджами.

Нет, подумал Олег. Никого с собой не возьму в следующий мир. Даже Артура не возьму. Пусть отдыхают, пусть... Он вспомнил ковыльную степь. Да, там легко отдыхается. Там окончательно забудется всё плохое, станет сном...

— Слушай, — Артур вдруг повернулся в седле, — а что мы молча едем?

— О нет, — Олег прикрыл глаза. — Я думал, ты забыл.

— Ты же хорошо пел! — возмутился Артур. Олег отмахнулся:

— Там никто не слышал, кроме хозяина корчмы. А тут кони могут понести.

От шутливых препирательств (вообще-то Олег не прочь был и правда попеть, понравилось ему это дело, но стеснялся Сашки) мальчишек отвлек неожиданно громкий и чистый голос девчонки:

— Лихо, мое лихо, что ж ты не голубишь,
Что же ни спиною, ни лицом стоишь?
Ой, милый мой товарищ, ой, что ж ты мене губишь,
Что же не спросивши в грудь мою палишь?..

Девчонка, покачиваясь в седле, пела, глядя поверх голов мальчишек, и те выровняли шаг коней, чтобы оказаться слева и справа.

— За чью-то жинку, что не стоит дрови,
Засылаешь в дуло пулю из свинца.
Ой, милый мой товарищ, ой, что ж ты мене гробишь,
Что же ты дыривишь грудь у молодца?..

Казачья песня, казалось, совершенно дико звучит в оранжевых песках, в другом мире, в жарком слепополуденном мареве... Но, в конце-то концов — где только не пели своих песен русские казаки?

— Мама, моя мама, ты не плачь, голуба,

С ног сымайте, мама, мои сапоги.
Ой, что ж ты, мой товарищ, ой, что ж ты мене, глупый,
Я ж еще и года в них не отходил...
Что же скажет батько, коли вин побаче,
Оселок казачий ляжет на витру.
Ой, что ж ты, мой товарищ, отось яки горячий,
Як же ты проснешься завтрачки с утру?
Тай с горы зеленой кровь моя солёна,
Ручейком из раны вниз бежит, звеня.
И дождичком умытый я лежу убитый,
А в голове копыто моего коня.¹¹

— Откуда ты это знаешь? — удивился Артур, когда Саша допела и каким-то равнодушным взглядом смотрела в барханы.

— Папка — казачий атаман в Тамбове, — отозвалась девчонка. — Не парадный, настоящий атаман. Я поэтому и верхом ездить умею, и стрелять... Он хотел сына, вот и меня даже Сашей назвал...

Кадет и казачка, подумал Олег. Набрать из таких партизанский отряд и начать исправлять мировое зло в глобальном масштабе. Но иронии не получилось, не вышло спрятаться за спасительный смешок. Солнышком, что ли, иронию выжгло?

Он послал коня вперёд. А когда оглянулся через несколько минут — то увидел, что Саша и Артур едут рядом и о чём-то разговаривают.

И Олегу стало скучно. Не грустно, а именно как-то скучно. Он подумал о Вальке и закрыл глаза, сам себе сказав, что они устали от песка...

* * *

На ночь остановились в оазисе, где уже стоял караван. Впрочем, караванщики, увидев хаттов (а за кого они ещё могли принять ребят?) тут же уползли куда-то в другой конец оазиса и там притихли, как померли.

— Ну и чёрт с ними, — буркнул Артур, плюхаясь на седло к огню. — Видеть их не могу.

Девчонки распаковывали продукты. Борька улёгся на живот и смотрел в огонь, подперев подбородок ладонями. Кони, напившиеся из каменной колоды, вкопанной в песок у родничка, похрустывали чем-то в темноте.

— А мне их всех жалко, — признался Олег, стаскивая расшнурованные ботинки. — Честное слово... Они ведь даже не знают, что можно жить по-другому...

— А нас тебе не жалко? — Артур не сдержался — перекошил лицо, устраиваясь удобнее.

— Больно? — сразу спросила Саша. И напрасно — Артур не ответил, отвернулся. Олег про себя усмехнулся — всё-таки девчонки потрясающие дуры. Не вообще, а в некоторых вопросах... Мальчишку нельзя жалеть, нельзя замечать, что ему плохо или больно. А они этого почти никогда не понимают. Валька, например, понимает. Но она — редкость.

— Жалко, — сказал Олег Артуру. — И нас жалко. Было бы не жалко — я бы в это не влез.

Артур и тут отмолчался — наверное, спина болела сильно. Олег лёг лицом вверх. Сначала после пламени костра было темным-темно, потом из темноты стали одна за другой

¹¹ Слова Александра Розенбаума.

проклёвываться звёзды. И вскоре их были уже тысячи, небо казалось серебряным. Потом оно продолжилось во сне, и Олег не сразу понял, что проснулся, когда Саша разбудила его — есть.

Просыпаться, если честно, не хотелось, а хотелось снова увидеть звёздное небо. Олег вяло жевал мясо и вдруг подумал, что без часового засыпать не стоит. И, естественно, «на часы» можно было поставить только самого себя. По крайней мере, на первые два часа.

При мысли об этом Олег чуть не взвыл по-настоящему. Ему так хотелось спать, что челюсти замирали (хотя и есть хотелось тоже), а мозги переставали воспринимать то, что видели глаза, которые он держал открытыми усилием воли. И он с невероятным облегчением услышал голос Артура:

— Без часового нельзя. Я посижу, подежурю.

— Через два часа разбуди меня, — приказал Олег равнодушным тоном. На самом деле всё тело буквально застонало от наслаждения, когда мальчишка вытянулся на широкой кошке и ею же закинулся почти с головой.

Спать, спать, спа-а-ать...

* * *

Когда утром Олег продрал глаза, то начисто не мог вспомнить, дежурил ли он ночью. Караванщики отсутствовали, с той стороны, где они ночевали, натягивало горьковатым дымом (костры тут не тушат, гореть-то нечему...). Артур спал. Борька с Олей рылись в песке возле поилки как следует намочили его и теперь возводили грандиозную крепость — работали довольно дружно, только Борька иногда покрикивал, что «не так», а Оля послушно исправляла «нетаки». Саша, сидя возле костра, наблюдала за спящими лошадьми. Между колен она держала двустволку. Сонно глядя на эту картину и чувствуя, что отдохнул как следует, Олег подумал, что понял: оружие похоже на ансоновскую «тулку», какие выпускали в начала XX века — у Князя была такая в его неслабой коллекции оружия. Мысль была глупой и несвоевременной. Следующей мыслью — когда Саша откинулась назад и потянулась — было, что она всё-таки очень красивая. Подумав так, Олег испуганно оглянулся, но за ближайшим барханом не таилась Валька.

Жаль... Хотя нет. Пусть остаётся там, где она есть. Нечего ей тут делать.

Он сел, потом встал на ноги. Песок был холодный, не успел ещё нагреться. Всё-таки мерзкое место — пустыня, никакой романтики.

Саша обернулась через плечо. Олег неловко улыбнулся, вдруг ощутив себя на редкость глупо — растрёпанный, босиком на песке, майка перекрутилась, штаны сползли, глаза с сонным прищуром. Но Саша совершенно спокойно кивнула:

— Доброе утро.

— Ты что, дежурила? — Олег подошёл к костру.

— Ага, я тебя сменила, — она погладила стволы ружья.

— Не помню, — признался мальчишка. — Ничего не помню, устал сильно...

Олька тем временем начала брызгаться водой в Борьку, тот сорвал какую-то хворостинку с пальмы и с грозными воплями погнался за девчонкой, которая, упоённо визжа, рванулась бежать по периметру оазиса. Олег постоял ещё и переместился к родничку — приводить себя в порядок.

* * *

В отличие от Гарбея, этот город не заявлял о себе сразу. Сначала караванная тропа вывела на берег широкого и мутного канала. В канале болтался катер — под флагом с быком, на носу — спаренный пулемёт. Потом тропа превратилась в дорогу, и пятеро

всадников, переехав провисший мост, оказались в царстве зелени. Зелень была принудительная — сады и поля тянулись вдоль берегов целой сетки каналов. Тут и там работали люди — местные, явно рабы, если судить по количеству одежды и по ошейникам. За ними наблюдали пешие надсмотрщики, расхаживавшие с кнутами. Картина была мутной, как вода в здешних каналах, и в конце концов произошло то, что должно было произойти.

Ребята проезжали мимо одного из садов, когда тащивший корзину с какими-то ярко-оранжевыми фруктами молодой парень споткнулся. Фрукты раскатились по тропинке; как из-под земли выросший надсмотрщик обрушил на плечи парня кнут.

Яростно взвизгнув, как атакующий маленький, но свирепый зверёк, Борька послал коня вперёд. Надсмотрщика спасло от удара сапогом только то, что с конём мальчишка обращался не слишком уверенно. Стоявший на коленях и быстро собиравший фрукты парень сам недоумённо поднял глаза, надсмотрщик, теряя кнут, подался назад и свалился в кусты. Борька выдернул из чехла ружьё, Олька ойкнула... Но Олег, опомнившись, уже перехватил стволы оружия, а Артур — поводья борькиного коня. Да тот и сам унялся, только выдохнул тяжело:

— Скотина толстая... — и добавил несколько матерных слов, за которые Олег ударил его по губам — несильно, но точно. И спросил:

— Ты пословицу про чужой монастырь и свой устав слышал? — Борька, тяжело дыша, помотал головой, провёл ладонью по губам. — В чужой монастырь со своим уставом не ходят.

Он говорил не то, что думал. Но Борьку надо было «взнуздать», чтобы впредь избежать куда больших неприятностей.

— А если это не монастырь, а фашистский концлагерь?! — по-настоящему зло спросил Борька. — Тоже не ходить?

— Ого... — Олег округлил глаза, но вмешалась Саша:

— Хватит, поехали. Вы оба правы.

Борька мотнул головой и рванулся уехать вперёд, но Артур не отпустил узду и сказал негромко:

— Первым едет командир. Командир у нас Олег.

Сам город Табан показался только через полчаса. Его стены были намного жиже, чем стены Гарбея — впрочем, это и понятно, пока враг доберётся через все эти каналы и сады... Около ворот торчал не то что патруль хаттов — раскинулся целый палаточный городок. И вот тут-то проезжающих задержали.

— Ха'лт, — сказал без особой суровости, но совершенно непреклонно молодой парень возле поднятого шлагбаума, мимо которого совершенно беспрепятственно курсировали туда-сюда местные жители.

«Так...» — в тон откликнулось в Олеге. Он остановил коня. Остальные тоже остановились.

— Вой'ст тиз? — парень кивнул на всадников, и Олег, мысленно взыв от досады, сказал:

— Извините, не понимаю, мы из Венеи.

Абзац.

— Вендис, вендис! — крикнул парень, не поворачивая головы и вскидывая на уровень живота автомат. — Ха'лт!

— Стоим, стоим... — Олег стиснул зубы, видя, как подбегают сразу несколько человек. Блин, неужели пипец? Хатты не выглядели злыми, но ясно было — начинаются разборки.

Подошёл офицер. Часовой что-то ему коротко объяснил, и офицер, подняв к шлему на секунду ладонь (жестом, которым открывают забрало — в отличие от Земли, тут этот жест совсем не видоизменился), спросил:

— Что вы делаете на землях Табана?

Голос был как будто металлизированным, хотя слова офицер выговаривал без акцента. Правую руку офицер опустил на большую открытую кобуру, из которой торчала рукоять

пистолета.

— Мы заняты поисками, — честно ответил Олег. — Ищем человека. По поручению его семьи. Он бежал из дома... Командир, в чём дело, ведь Венейя и Хаттенмарк не воюют больше...

И тут офицер произнёс обрекающее:

— Удостоверения прошу.

Ну что ж, вот это он и был — северный олень. Во всей его красе. Олег тоскливо посмотрел по сторонам. Открывать стрельбу не хотелось, хатты были ему симпатичны. И потом — вряд ли они дадут хоть кому-то из отряда хотя бы выхватить ружьё из чехла.

— У нас нет никаких документов, — сказал Олег, держа руки на конской холке. Лицо офицера удивлённо шевельнулось. Очевидно, этот ответ был настолько нелеп, что полностью расстроил все его планы допроса.

— Как же вы в таком случае попали на эти земли? — он сделал совершенно однозначный жест, и Олег, кивнув остальным, соскочил с седла.

— Нелегально, — признался Олег. И искорка надежды загорелась внутри: офицер не удивился, не возмутился — только кивнул:

— Для этого должны иметься веские причины.

— У нас они есть, — спокойно ответил Олег.

— Поиски человека? — тон офицера был нейтральным.

— Хотя бы.

Глаза офицера обежали Олега с головы до ног.

— Если я не ошибаюсь, вам вряд ли больше шестнадцати лет. И, как мне кажется, в вашем отряде нет никого старше. Зато есть намного моложе. Венды не склонны посылать своих подростков на опасные задания. Они весьма чадолюбивы.

— Тем не менее, я говорю правду, — Олег интуитивно понял, что надо держаться выбранной линии.

— Куда вероятнее, что вы — люди Резной Избы, — офицер убрал руку с пистолета. И вдруг быстро спросил: — Вы не знаете, что это такое, правда?!

— Резную Избу у нас знают все, — пожал плечами Олег. И, как уже не раз бывало, добавил, вверяясь инстинкту: — Но это ведь глупо. Полагаете, что нас послали бы так по-идиотски?

— Не понимаю, — офицер сверлили Олега глазами. — Как вас послали бы?

— Молодёжные словечки, — поправился Олег. — Нелепо. Без документов, наобум...

— Может быть, на это и расчёт. Что никто не примет вас за разведчиков.

— Ну и что, что не примут? Нас просто вышлют, и всё, ведь так? Я уверяю вас, командир — вся наша выдумка исключительно для того, чтобы выручить человека. Никак иначе. Просто наши семьи не хотят поднимать шум. Мы были в Гарбее, и там наше появление и наше поведение не вызвало подозрений...

— Здесь не Гарбей, — заметил офицер и покосился куда-то в сторону. Олег бросил туда же молниеносный взгляд — и успел заметить то, чего не видел раньше — может быть, потому что для него это была привычная деталь пейзажа: толстенные трубы шли по песку в несколько рядов. Нефтепровод... Вот почему тут столько солдат. Повезло-о-о... — Прошу сдать оружие и коней, затем следовать с моими людьми.

— Командир, — Олег скривился, — каждый час может оказаться для человека, которого мы ищем, последним. И вы, и мы просто потеряем время. Мы не скажем, ни кто мы, ни откуда родом. Всё упрётся в тупик. Если только вы не прикажете пытаться девочек и младшего, — Олег понизил голос. И угадал: на лице офицера промелькнуло отвращение. Он отвернулся и отдал несколько команд.

Олег вздохнул и начал расстёгивать пояс.

Помещение, куда их привели, было проделано в городской стене — камера три на три метра, без мебели, без окон, без света (он попадал сюда сквозь зарешёченную часть металлической двери), но с работающим вентилятором. В углу стояло ведро. Артур, сунув туда нос, отрапортовал:

— Вода.

— Попали, — сказал Борька, несколько раз пнув дверь. За решёткой возникло лицо солдата, он что-то буркнул и исчез. — И чего теперь делать?

— Сядь и отдохни, — предложил Артур, сам сядя в угол. Олег опустился в другой, Саша села у стены. Оля, устроившись рядом с нею, тихо спросила:

— А что с нами будут делать?

— Полагаю, что ничего, и это самое скверное, — сказал Олег не столько ей, сколько себе. — Пытать, конечно, не будут. Будут кормить, поить, выводить в туалет и на прогулки — и держать здесь, а одновременно с этим выяснять, кто мы и что мы. Скорее всего — поверят в нашу легенду и через три-четыре дня вывезут на границу Венеции и передадут властям. Тогда и начнётся самое интересное... Думаю, там поразятся по-настоящему.

Артур молча, но отчётливо стукнулся затылком о стену. Олег вздохнул:

— Да это мне надо стучаться... Думал, и тут пропрём на голубом глазу. Кто ж знал, что тут нефтепровод, они наверняка за него горой... Ты же говорил, что вся эта канитель как раз из-за нефти.

— Тухлая перспектива, — сказал Артур. — Стратегическое сырьё, всё такое... Просто так не выкрутимся.

Борька ходил и пинал теперь уже стенки, потом присел на корточки и поскрёб пальцами землю. Остальные наблюдали за ним с ленивым любопытством. Мальчишка посмотрел вокруг сердито:

— Ну что, так и будем сидеть, что ли?!

— Можешь полежать, пол тёплый, — Олег вздохнул. — Да-а... Глупая ситуация. С одной стороны — мы в полной безопасности. С другой — хуже некуда.

Едва он это произнёс, как дверь распахнулась, и уже знакомый офицер, возникнув на пороге, нейтральным тоном сказал:

— Кто тут у вас старший-то?

Олег поднялся, отряхнул джинсы. Постоял секунду и, не глядя на остальных, вышел наружу...

...Как ни странно, не было ни конвоя, ни какой-либо охраны. Офицер просто шёл впереди Олега к своей палатке, и мальчишка, краем глаза заметив коновязь с их лошадьми, подумал: а если?.. Из всех сил ударить ногой в почку, в два прыжка — до коновязи... Нет, глупости. И даже не потому, что, скорее всего, тут же застрелят. Ребят и девчонок — что, бросить?

Около палатки, возле флага, стоял часовой. Подтянувшись, отсалютовал автоматом. Офицер вошёл, небрежно откинув полог. Олег, чувствуя себя очень глупо — следом.

— Садись, — офицер кивнул на раскладной стул, присел сам к столу, на котором были разложены вещи Олега. Налил себе из зашипевшего пузатого сифона воды, плеснул струю во второй стакан, протянул Олегу. — Содовая, пей... — выпил сам, вздохнул: — Как же тут жарко... — Олег, отпив немного (минералку он никогда не любил), молча кивнул. — Моё село стоит на берегу озера. Там водятся рыбы... — он сморщил лоб: — Как это на вашем языке... Большие, сонные, похожие на тарелку...

— Караси? — Олег тоже вздохнул.

— Да, караси... Мы на них охотились с заточенным прутком. Нырять и плывёшь над ямами... — офицер улыбнулся. — Я дома не был семь лет. Даже в отпуск не получалось съездить. Мы с женой живём в столице. У меня старшему сыну столько же, сколько тебе. Он воспитанник военной школы.

— Зачем вы мне это рассказываете? — тоскливо спросил Олег. — Чтобы расположить

меня к себе? Но вы мне и так нравитесь. И вообще хатты нравятся. Чтобы я рассказал вам правду? Но я говорю правду...

— Да нет... — офицер посмотрел удивлённо. — Я... собственно, я просто говорил. Зачем мне твоё расположение? Хотя... — он придвинул к себе вещи Олега. — Хотя вот тут есть интересная штука, — офицер уже вертел в руках «гном». — Гладкий ствол, большой калибр... И клеймо странное, — он провёл пальцем по тульскому значку — скрещённых молоткам в круге, — не знаю такого. Ваш Вечевой Оружейный Завод клеймит оружие головой оленя, ведь так, кажется? А уж это вообще... — он выложил мобильник. Олег перестал дышать. — Похоже на радиостанцию, — задумчиво добавил офицер, не глядя на мальчишку. И продолжал: — Я видел такие во время стычек на северо-востоке, с островитянами. Переносные. Но они были раз в десять больше и раз в двадцать тяжелее. Цифры, надписи — всё непонятное. Это не наш язык... — он поднял на Олега глаза. — И не ваш.

Олег молчал. Что говорить, он не знал совершенно. Офицер вздохнул:

— Как тебя зовут?

— Олег, — ответил мальчишка. Офицер свёл рыжие брови:

— Как? О-лег? Странное имя. А твоих спутников?

— Я больше ничего не буду говорить, — буркнул мальчишка.

— Завтра утром я должен передать вас представителям Отдела Полевого Дознания, — заметил офицер. — Или отправить с конвоем до границы. Но пока принимать решение на этом уровне — моё дело. И я не могу решить, потому что вы не из Венейи. Кроме языка и внешности вы **ничем** не похожи на вендов. Вас можно перепутать лишь при невнимательном осмотре или будучи к вам заранее доброжелательно настроенным.

Олег глядел в расстеленный на песке брезентовый коврик и молчал.

— Вы и не островитяне. Что до наших соседей с крайнего юга, из Фангхаста — я их плохо знаю, но совершенно точно у нас с ними один язык и одна письменность. В принципе, я вообще не могу себе представить, откуда вы. Ни единого государства не могу представить вшей родиной.

— Мне нечего вам сказать, — тихо ответил Олег. — Но поверьте — если вы нас не отпустите, то погубите одного человека и очень усложните жизнь нам пятерым. И ещё — мы не шпионы, — Олег умоляюще поднял глаза.

— Тогда всё в сто раз хуже, потому что — **кто же вы** тогда? — почти доброжелательно и сочувственно спросил офицер. — Тут ведь тьма возможностей. И все неприятные для вас. Ну, например, люди ОПД могут решить, что весь этот глупейший маскарад — приманка, чтобы вами заинтересовались и доставили вас... да хотя бы к конунгу. Лично. А вы совершили бы его убийство.

— Господи... — вырвалось у Олега.

— Ну а как же? — офицер усмехнулся. — А если я отправлю вас на границу — те же вопросы возникнут у вендской Палаты Пламени.

— Резная Изба — это разведка, а Палата Пламени — контрразведка? — спросил Олег.

— Так вы не из Венейи?

— Нет... — выдохнул Олег.

— Да, Резная Изба — гражданская разведка, а Палата Пламени — общая гражданская служба безопасности... Так я могу надеяться услышать правду?

— Если вы её услышите, то нам грозит сумасшедший дом, — сказал Олег. — Мы из другого мира. Не из этого, не из какой-то вашей страны.

Он впервые прямо посмотрел в глаза офицера. Тот оставался спокойным. Налил себе содовой снова, жестом предложил Олегу, потом покачал головой, увидев, что он почти не отпил:

— Зря, хорошая содовая. Её качают здесь и продают по всему свету, а мы получаем бесплатно...

— Я не люблю мин... содовую. Так как с сумасшедшим домом?

— Ну, — офицер снова покрутил в пальцах мобильник. — Так это радиостанция, я правильно понял?

— Почти. Это телефон. Переносной. Карманный.

— Телефон? — офицер бросил взгляд на внушительный аппарат на соседнем столике. — Однако... Сумасшедший дом? Неделю назад я бы всё-таки отдал вас в ОПД, а они бы нашли вам место... Но не сейчас. Как называется ваша страна? — офицер полез за голенище сапога и достал какой-то блокнот. Открыл его.

— Россия, — Олег ощущал себя полным дураком.

— А название Тамбов тебе что-то говорит?

Олег сдержал желание встать только усилием воли. Но, очевидно, все его чувства нарисовались на лице, потому что офицер коротко усмехнулся.

— Это город, — ответил Олег как можно спокойнее. — Довольно большой, недалеко от моей родной деревни.

— Артур, Борис, Александра и Ольга — так зовут твоих товарищей?

— Вы кто? — вместо ответа спросил Олег. — Вы... **это опять вы** ?!

— О ком ты? — быстро и как-то нервно спросил офицер. Но Олег заперся на все засовы:

— Ни о ком.

— Местному жителю за попытку приобрести белого раба — не важно, хатта или венда — как ни в чём не бывало продолжил офицер, — положена смертная казнь. Но они с трудом отвыкают от привычки — ещё лет сто назад они нет-нет, да и набегали на наши южные земли, а пятьсот лет назад доходили и до вендских земель. Поэтому случается всякое, хотя и очень редко. Когда ты купил в Гарбее раба-мальчишку, опознанного командиром патруля как белый, ты попал в наше поле зрения. Тогда решили, что ты и правда нелегально проник в эти места и на самом деле выручаешь родственника, попавшего в беду — и закрыли глаза. Мол, как приехал, так и уедешь, и боги тебе в помощь. Но потом авиапатруль обнаружил разгромленный караван... А буквально позавчера мои ребята спяну полезли за фруктами в один городской сад. Проломили забор самодельным тараном, — Олег вдруг хихикнул, неожиданно для самого себя. Офицер улыбнулся тоже. — Да-да, именно так... Вломились в сад, немного побили сторожа и хозяина... Пока туда добирался патруль, двое моих пьянчуг уже обобрали целое дерево, а... как это сказать на вашем языке — молодой и обучающийся, будущий офицер... по-нашему это **юнгсэорла** ... или просто юрлс...

— Не знаю, как в Венейе, у нас говорят — кадет или курсант... — машинально сказал Олег в предчувствии чего-то очень и очень необычного.

— Так вот. Этот кадет или курсант, называй, как хочешь, под воздействием выпитого начал бороться за справедливость. Выразилось это в том, что он вышиб дверь помещения, где содержатся садовые рабы, разыскал ключ, слегка поколотил ещё и управляющего и всех рабов отпустил...

— Весёлая у вас тут жизнь, — Олега эта история увлекла сама по себе.

— Да уж, скучать не приходится... Парочка рабов убежала, большинство позабывались по углам того же помещения, так как свободу себе представляют очень слабо и не знают, что с ней делать... а вот один — мальчишка — буквально вцепился моему парню в ноги и заорал благим матом по-вендски, что его держат там насильно...

— Где он? — Олег встал. — Он у вас?

— Он у нас. И он, в отличие от тебя, был весьма разговорчив... — офицер поморщился. — Я бы даже сказал — болтлив. Если бы не моё увлечение, я бы отправил его в госпиталь. Но я не только офицер, я ещё и писатель. Полтора десятка книг о приключениях и путешествиях, определённая слава... В общем, я начал записывать его бред, а тут подвернулись и вы... — офицер повернул голову и крикнул: — Юти! Кёмит хайда!

— Йо! — отозвались из-за полога, и через какую-то минуту солдат ввёл в палатку мальчишку, одетого в хаттскую форму без знаков различия. Мальчишка был довольно высокий, плечистый, с короткой русой стрижкой и испуганно-готовыми серыми глазами.

Глядя только на офицера, он с запинкой сказал:

— Йо, хьер херцтан...

— Можешь говорить по-своему, — сказал офицер, и Олег вдруг понял, что происходящее забавляет и удивляет его одновременно. И ещё понял, что всё будет хорошо. — Это за тобой.

— Кто? — тихо спросил мальчишка, не сводя глаз с офицера. И тогда Олег, поднявшись на ноги, спросил:

— Ты Генка Жуков?

* * *

Они уехали далеко вперёд — Артур рядом с Сашкой, Оля рядом с Борькой, в хвосте — сгорбившийся в седле Генка, не сказавший ни словечка с момента освобождения. Олег и офицер, чьего имени он так и не узнал, отстали. Олег всё ещё вёл своего коня в поводу.

— Вам влетит, — сказал он.

— Нет, — офицер покачал плюмажем на шлеме. — Моё право на решение. И я что-нибудь придумаю. А мне будет приятно думать, что ты рассказал мне правду. Даже если ты всё-таки соврал. Мы, хатты, прагматики и романтики одновременно. Я бы только хотел... — он не договорил, но Олег понял, что именно не договаривает офицер. И покачал головой:

— Нет. Не получится посмотреть. Я не знаю, как и когда это произойдёт...

Они молча прошли ещё с десяток шагов.

— Я хотел кое-что сказать тебе, мальчик... — офицер помедлил. — Даже две вещи. Первое — будь осторожней с этим парнем, Геной. Он трус. Это хуже, чем негодяй или враг. Не может быть ничего ниже трусости, не может быть ничего непредсказуемей труса, не найдётся ничего хуже труса в дальнем пути.

— Я знаю, что он трус, — буркнул Олег.

— Ну что ж... И второе. Не задерживайся тут. Вообще в нашем мире. Я не знаю, как ты это делаешь... как путешествуешь... или, может быть, ты всё-таки обманул меня... Дело в том, что через несколько месяцев начнётся большая война.

— Из-за нефти? — спросил Олег, чувствуя, как немеют щёки, словно при заморозке. Офицер кивнул. — Между вами и Венейей? — офицер кивнул снова.

— Мы примерно равны силами, — сказал он тихо. — И людей почти поровну. Разве что у нас есть небольшое превосходство в наземной технике, но очень небольшое. Война может затянуться. Очень надолго затянуться.

— Зачем?! — Олег схватил офицера за рукав. — Глупо! Как же это глупо!!! Вы же... вы просто не знаете, вы не знаете, кому это на руку!

— Всем нашим соседям, — ответил офицер. — Кто послабей — в решающий момент пристроятся к победителю. Кто посильней — попробуют потом разорвать побеждённого...

— Я не об этом!!! — крикнул Олег. — Сколько смертей?! Сколько сирот, вдов, калек?!

— Это неизбежно, — ответил офицер. — Нам тесно в одном мире. Такая война уже была и закончилась вничью, но теперь у нас есть более совершенное оружие, так может быть...

— Более совершенное оружие... — с горечью повторил Олег. — Более совершенное орудие самоубийства, да? Помните, вы говорили про сына? Про старшего сына? Представьте себе, что он тоже пойдёт на войну и...

— Конечно пойдёт, — с лёгким удивлением сказал офицер. — Как же иначе?

— Да глупо! — выкрикнул Олег. — Надо...

И вдруг он понял, что не знает — а что «надо»? Как сделать так, чтобы тысячи умных, смелых, честных людей с двух сторон не сцепились в чудовищной мясорубке?! Перед глазами Олега промелькнули кадры хроник... И каждый будет уверен, что защищает «правое дело». И, что самое жуткое, в значительной степени будет прав...

Только **Ему** ведь всё равно. Кроме погибших на фронтах (а они не его пища) будут замученные, умершие от голода, от болезней, разочарованные во всём на свете, сошедшие с ума...

— Я не знаю... — прошептал Олег. — Я не знаю... но так не должно... Ну не должно же!!!

И увидел, что офицер его не понимает.

— Я поеду, — сказал он, вставляя ногу в стремя. — Прощайте... и спасибо вам за всё...
...Ковыльная степь распахнулась перед ними в тот момент, когда Олег догнал Генку.

Снова там, где стоят часы

В степи притихли даже неугомонные Борька с Олей. Когда Олег предложил отправить их домой, Олька просто вцепилась в рукав Саши, Борька помотал головой и тихо попросил:

— Ну пожалуйста... когда всех выручим...

Олег мысленно вздохнул и чертыхнулся. Ход мыслей Борьки был ясен, как вода того родничка, возле которого они остановились: может, всё-таки, его возьмут «на дело»?

Как же. Если честно, Олег начинал подумывать, что «на дело» не стоит брать даже Артура. Ребята и так получили «по полной», пусть отдыхают, а уж он как-нибудь сам. Один. Не привыкать. Как говорит Князь: «Одна не болят голова, а и болят — так одна...»

Костёр развели, когда начало темнеть — «просто так», чтобы был огонь. Недалеко от родничка расставили высушенные до лёгкой белизны ветви несколько уже совершенно неопознаваемых деревьев — получившиеся из них дрова сгорали быстро, жарким прозрачным пламенем. Неподдалёку то и дело стучали колёсами поезда, все начинали вертеть головами, хотя Олег предупредил о здешних фокусах.

Все — кроме Генки.

Его не было слышно и почти не было видно. Сашка держалась с ним ровно, Олька — никак вообще. Артур не замечал так явно, что это само по себе оскорбляло. А Борька начал с того, что наорал на старшего мальчишку, когда тот положил в костёр слишком большую (по мнению Борьки) ветку — а закончил тем, что вылил на колени Генки кружку с горячим чаем.

Тот дёрнулся всем телом, но потом молча стряхнул с хаттских форменных штанов воду и тихо сказал:

— Извините... — и это слово ударило, покорило Олега.

— За что? — резко спросил Артур. Генка промолчал, а Олег поманил Борьку за собой:

— Пошли ещё дровишек принесём.

— Пошли, — с вызовом отозвался Борька, вставая.

Они отошли к деревцам и стали ломать ветки. Потом Олег тихо сказал:

— Не трогай его. Я не приказываю, я прошу. Он сам мучается, ты ему больше всё равно не сделаешь. Да и нечестно это — так пытаться человека.

— Я пытаю?! — изумился Борька, прижав к себе охапку ветвей. Его синие глазищи буквально брызнули искренним удивлением. — А он не сам себя пытается? И за дело! Он в сто раз сильнее меня, а даже по морде не дал сейчас, потому что знает, что за дело получает!

— Борис, — Олег положил руку на плечо Борьке, — вот тебе вопрос: ты меня уважаешь?

Борька сперва засмеялся. Но потом пригляделся к Олегу, посерьёзnel и коротко ответил:

— Да.

— Тогда больше не задевай его.

— Хорошо, — сказал Борька после секундного раздумья, — я не буду.

— Вот и отлично — кивнул Олег. — Пошли ещё у костерка посидим, ага?

— Попроси Артура, чтобы он попросил — пусть Сашка споёт, — Борька посмотрел на свои босые ноги, дёрнул пальцами стебелёк ковыля.

— А сам? — Олегу стало смешно.

— Не, я её стесняюсь, — искренне ответил Борька. — Попросишь? — он поднял голову, локтем убрал со лба рыжие пряди.

— Попрошу, — Олег сдержал улыбку.

И понял неожиданно, что ему самому хочется, чтобы Саша спела...

... — Заболело сердце у меня
Среди поля чистого,
Расседлаю своего коня
Буйного да быстрого.
Золотую гриву расчешу
Ласковыми гребнями,
Воздухом одним с тобой дышу,
Друг ты мой серебряный...

Шумят вдали поезда — часто, много. Где-то течёт река. Олька спит, укрытая лёгким армейским одеялом — интересно, из чего их делают хатты? Горит костёр, мальчишки сидят возле него, молча сидят...

А Сашка — Сашка поёт...

— Облака над речкою клубят.
Помню, в день гороховый
Из-под кобылицы взял тебя
Жеребенком крохотным.
Норовил за палец укусить,
Все козлил да взбрыкивал.
Понял я тогда: друзьями быть
Нам с тобою выпало.
И с тех пор стало тесно мне в доме моем
И в веселую ночь, и задумчивым днем,
И с тех пор стали мне так нужны облака,
Стали зорче глаза, стала тверже рука.
Не по дням ты рос, а по часам,
Ворожён цыганкою.
Стала молоком тебе роса,
Стала степь полянкою.
Помню, как набегаешься всласть
Да гулять замаешься,
Скачешь как чумной на коновязь
Да в пыли валяешься...

Борька тихо вздыхает. Он приткнулся к Олегу, голову — на плечо. Смешно и странно, никогда так не было. Хоть бы родители младшего брата завели, что ли? Олег попытался сам вспомнить, сидел ли так у огня со старшим братом? Сидел, точно так же всё было (не сидел, закричало внутри, не мог сидеть, брат погиб, разбился на мотоцикле на мосту через Воронежское море, ещё до того, как ты родился!!!) Олег сердито сглотнул.

— Ну, а дед мой седой

усмехался в усы,
Все кричал: «Вот шальной!
Весь в отца, сукин сын!
Тот был тоже мастак
уходить от погонь,
От ушей до хвоста
весь горел, только тронь!»
Никого к себе не подпускал
Даже с белым сахаром.
Мамку раз до смерти напугал,
Охала да ахала:
«Ой, смотри, сыночек, пропадешь,
С кручи дурнем сброшенный!»
Только знал я, что не подведешь
Ты меня, хороший мой!
Так что, милый, скачи
да людей позови,
Что-то обруч стальной
сильно сердце сдавил!
Ну, а будет напрасным
далекий твой путь,
Ты себя сбереги
да меня не забудь!¹²

* * *

Олег проснулся, как по заказу — от запрограммированного внутреннего толчка. Быстро, но тихо сел.

Было тепло, даже душновато — Олег сказал бы, что собирается дождь, если бы был уверен, что тут вообще возможна такая вещь. Но на безоблачном небе сияла начищенная до прозрачности луна, дул лёгкий ветерок. Остальные спали, и их тихое дыхание мешалось с вечным шуршанием ковыля. Спали даже кони.

Не вставая, Олег обвёл взглядом лица спящих, хотя и знал, что делать этого нельзя — можно разбудить. Ещё раз попытался оценить свои действия с точки зрения логики, прибавочной стоимости и прибыли в процентах. Выходило, что он так и так в проигрыше. Он даже не удосужился снять на камеру мобильного торговлю рабами или убитого Раванаристу, чтобы потом загнать эти плёнки любителям таких зрелищ через Интернет. А как можно было бы навариться...

Он вздохнул. Опершись на локоть, достал блокнот, карандаш. Задумался на миг, быстро набросал на листке несколько строчек:

Я ушёл за Тимкой, Олей и Кириллом. Отсюда никуда не уходите. Я должен скоро вернуться. Если вдруг не вернусь, попробуйте найти выход.
Олег.

¹² Слова А. Розенбаума

Покусал досадливо карандаш, а когда поднял голову — Артур сидел и смотрел на него.
— Собрался уходить? — тихо спросил кадет.
— Я не вас бросаю, я... — начал Олег, но Артур перебил его:
— А я знаю, что не бросаешь. Собрался в этот «код 3»?
— Ну собрался. Собрался, — раздражённым шёпотом ответил Олег. — Тебе-то что?
— погоди, я с тобой, — Артур потянулся за своими мягкими сапогами. Олег зашипел от досады:
— Зачем это тебе?!

— Мне это, — тщательно подтягивая голенища, ответил кадет, — может, ещё больше надо, чем тебе.
— Блин, идиот, — сказал Олег.
— А ты врун, — сказал Артур, выпрямляясь. — Руку мне жал, козёл...
— Поговорили, — пробормотал Олег. — Ладно. Пошли... — и, сделав несколько шагов, повернулся и попросил: — Прости, ага?
— погоди, записку всё-таки надо написать, — Артур, закидывая на плечо ружьё, кивнул на блокнот, который Олег так и держал в руке. Олег кивнул, взял карандаш.

Мы ушли за Тимкой, Олей и Кириллом. Отсюда ни ногой. Скоро будем.
Саша, ты старшая. Если не вернёмся, попробуйте найти выход.
Олег, Артур

— Сашка меня пристрелит, — усмехнулся Артур, через плечо Олега глядя, как тот пишет, опустившись на корточки. Олег поднял голову, встретился с ним взглядом и сказал, опуская глаза:
— Знаешь... я офигенно рад, что не удалось уйти одному. Туда-сюда и всё такое.
Артур ткнул Олега кулаком в спину:
— Поцелуемся потом. Пошли давай. Куда там идти-то вообще?
— Не знаю, — сердито сказал Олег, поправляя рюкзачок. — Ничего не знаю, кроме того, что откуда-то получил возможность... А, хватит трепаться, пошли прямо.
Они пошли по ковылю.
— Тут есть большущая река, — задумчиво сказал Олег. — По ней ходят корабли... Я, когда увидел корабль на реке, подумал: интересно, что за люди на нём плывут? Знаешь, мне иногда хочется представить себя на месте каждого человека на свете.
— Каждого? — в голосе Артура не было иронии. Было понимание и интерес.
— Ага... Чтобы **понять**. Понимаешь — понять, что ими движет, людьми.
— Я читал такую старую книжку, — сказал Артур. — Растрёпанную всю... В общем, долго рассказывать... Там двое мальчишек, девчонка и её дед путешествовали во времени. Их никто не видел, они могли просто наблюдать... А если... ну, как бы совместить своё тело с кем-то из жителей прошлого, то можно было проникнуть в его мысли. И вот там один мальчишка так совместился с каким-то историческим злодеем, не помню, с каким. Чтобы проверить, а правда ли тот верит, что нужно делать зло ради достижения великой цели? И удивился, потому что...
— Потому что тот **верил**, — договорил Олег. — Да, то-то и оно... Тебе кажется, что он злодей и изверг, а он на самом деле хочет всех осчастливить... Но я не думаю, что те, кто вас украл, такие же. Деловые люди...
— А ты правда видел... ну... — Артур замялся.
— Можешь не бояться, меня уверяли, что сюда он не заходит, — усмехнулся Олег. — Да, видел. По крайней мере, я так понял, что это он — он сам себя никак не называл. И упирал на своё всемогущество. Но вас-то я вытащил. И вообще нам повезло.
— Смотри, — сказал Артур, берясь за приклад ружья.
Навстречу — чуть в стороне — проехали два всадника. Пахнуло конским потом, было

слышно, как поскрипывает кожа сбруи и одежды. Лица всадников прятались в тени широкополых шляп, но эти шляпы качнулись в сторону мальчишек. Олег поднял руку, качнул ею.

— Люди ищут что-то своё... — сказал Олег. — Не хватайся за ружьё.

— Чёрт! — вырвалось у Артура.

И их окружил яркий свет солнечного летнего дня.

Мальчишки стояли на верху крутого, поросшего зелёной сочной травой откоса.

На арене богов

Эти места не были похожи на те, что ребята видели прежде.

Во-первых, здесь было хотя и жарко, но иначе, чем в Оранжевых песках. Жара была влажная и от этого ощущалась тяжелее. Во-вторых, на небе тут и там были раскиданы весёлые облачка — белые, подсвеченные по краям розовым. В третьих, тут было зелено — множество рощиц среди лугов придавали местности идиллический вид.

— Похоже на Грецию или Рим, как их в учебнике рисуют, — сказал Артур, цепко осматриваясь.

— Это и настораживает, — голосом Ельцина отозвался Олег. — Не могу понять, какой это код... — Он тоже осматривался, но без любопытства, скорее деловито-настороженно. — А вон дорога.

Действительно, прямо внизу откоса — пять метров у ног мальчишек — шла вымощенная ровным булыжником дорога. Она была до такой степени отполирована теми, кто ходил по ней — наверное, на протяжении столетий — что казалась политой водой. На самом деле это просто блестящие камни — плоские, размером примерно с человеческий череп. Слева и справа от дороги рядами шли тополя — пирамидальные, похожие на наконечники огромных медных копий, покрытые патиной.

— И правда Рим, — вынужден был признать Олег, вспомнив картинку в учебнике для пятого класса. И повторил — уже без шуток: — Да, это настораживает.

— Где Рим — там и гладиаторы, — понимающе сказал Артур. Олег кивнул, продолжая рассматривать окрестности рассеянно-внимательным взглядом. Потом добавил:

— Не вижу ни людей, ни населённых пунктов. Тем более — большого города.

— Может, дальше, — предположил Артур, — за горизонтом, так сказать?

— Может-может... — рассеянно ответил Олег. Артур продолжал допытываться:

— Ну ты совсем не знаешь, где мы?

— Код 3 — рабовладельческое общество типа Древнего Египта, на пол-земного шара империя, — на память заговорил Олег. — Код 4 — там что-то типа нашего века, в смысле XX, начала. Марат сказал, что туда часто солдат набирают. Ещё там есть какой-то Торбайский халифат. Код 2 — раннее средневековье, все со всеми воюют, государств почти нет, но люди в основном хорошие. Рабами торгуют, но не мучают и специально не издеваются. Про код 5 Марат ничего не знал... В принципе — может подойти всё, что угодно. Исходить нужно из двух вещей: это, скорей всего, один из нужных нами миров, а кто-то из нужных нам людей — скорее всего, достаточно близко.

— Внимание, — Артур присел на корточки. Олег сделал то же, не задумываясь и ничего не спрашивая, а в руку переключал револьвер.

Зрение снова не подвело будущего лётчика. На дороге сформировалось облако пыли. Оно приближалось неспешно и неуклонно, пока не трансформировалось в козье стадо, погоняемое двумя мальчишками лет по 8-10. По ним вряд ли можно было точно сказать, какой это мир, по их козам — тем более. Следом колыхалась двухколёсная повозка, запряжённая быком — ею управлял философского вида мужик лет 40, чернобородый, одетый так же безотносительно, как и пацаны — какая-то перепоясанная верёвкой накидка неопределённого цвета. Только на мужике были ещё сандалии. Настроение у мужика было, очевидно, неплохим, потому что он громко горланил песню, капитально перекрывавшую

блеянье коз. Особых лингвистических ассоциаций песня не вызывала, но Олег и Артур слушали её внимательно, пока весь этот караван не скрылся за поворотом дороги.

— А отсюда что следует? — спросил Олег, поднимаясь. Артур с интересом спросил:

— Что?

— А вот что. Таких клопов не послали бы гнать стадо далеко. Значит, какой-то населённый пункт близко в той или в другой стороне.

— Точно, — Артур с уважением посмотрел на Олега. — Пойдём туда?

— Вариантов нет, — вздохнул Олег. — Только нужно привести себя в мало-мальское соответствие с эпохой.

То, что мальчишки сделали, было одновременно тупо и беспроектно. Олег стащил обувь, носки, штаны и остался в майке навывпуск, заткнув револьвер за плотную резинку спортивных трусов, а нож привесив снаружи на верёвку, сошедшую за опояску. Артур тоже разулся и стащил куртку и бриджи, а его балахон, купленный в Гарбее и бережно сохранённый после приобретения нормального барахла, был одеждой всех времён и народов.

Надёжно припрятав имущество и оружие за камнями, мальчишки спустились на дорогу. Артур оглянулся сожалеюще:

— Жалко будет всё это потерять.

— Жизнь странствующего рыцаря полна лишений, — заметил Олег, не без удовольствия ступая по тёплым камням.

— Это ты рыцарь, — буркнул Артур. — А я нормальный наёмный воин. Да и то — в будущем... Куда пойдём? За козами или в другую сторону?

— За козами, конечно, за козами, у наёмников ведь это в обычае... — насмешничал Олег. У него внезапно резко подскочило настроение. Артур посмотрел сердито, и Олег покаялся: — Извини, я что-то раздурчился. Просто кажется, что и тут всё будет хорошо.

— Между прочим, — Артур покусал губу, — языка здешнего мы даже близко не знаем, ничего похожего я и не слышал. А вдруг у них тут обычай — всех иноземцев сразу под топор?

— А вдруг — за стол сажать, в баньку вести и спать укладывать? — не согласился Олег. — Будем решать проблемы по мере поступления. На крайняк — прикинемся немymi.

— Ага. И глухими... — Артур с интересом посмотрел на Олега: — Слушай, ты меня вот тоже так искал?

— Ну... нашёл же, — слегка растерялся Олег.

— Поразительно, — задумчиво подытожил Артур. И тяжело вздохнул. А потом вдруг сказал: — Слушай. А ты не задумывался, что тебе **очень** повезло? И нам всем — тоже?

— К чему это ты? — быстро спросил Олег.

— А к тому. Может, у твоего... **оппонента** есть другой оппонент — посильнее? И он нам помогает? Может, **Он** врал, что бога нет?

Олег честно задумался. Они уже шагали по дороге, сами того не заметив.

— Не знаю, — честно сказал Олег наконец. — Но я не верю в бога. Просто... просто, мне кажется... ну вот знаешь, римляне говорили, что тем, кто рискует — сопутствует удача. Вот и всё.

— *Who dares wins* ¹³, — сказал Артур. — Ну, может и так.

— Ты ведь и сам бы выбрался. По крайней мере, из рабства, — продолжал Олег.

— Да, наверное, — согласился кадет. — Я — да. А вот Оля, например...

...Всадник вырвался из-за поворота — того самого, за которым скрылись козы — тяжёлым галопом. Верховом на огромном белом коне, покрытом синей с золотом попоной, с непокрытой головой, в кожаном с нашитыми металлическими бляхами доспехе, он бешено шпорил коня (именно шпорил, на высоких жёстких на вид сапогах блестели зубчатые

¹³ Кто рискует — побеждает. Английская пословица является одновременно девизом английского армейского спецназа SAS.

колёсики) и колотил его плашмя длинным мечом, который сжимал в правой руке. Проскочив рядом с мальчишками, всадник, даже не посмотрев в их сторону, помчался дальше по дороге. Следом за ним с шумом и треском вылетели ещё трое — таких же, но не с мечами, а с короткими копьями, в круглых шлемах с чёрными пышными султанами, с квадратными щитами у левого колена — и полетели следом, едва не стоптав по пути Артура.

— Гонцы, — сказал тот спокойно. Олег кивнул:

— Точно, так скачут только гонцы или... — он всмотрелся в дорогу. — Или от погони удирают, но никого не видно. Это точно не код 4, тут XX веком и не пахнет. И не код 2, на раннее средневековье не очень похоже. Скорей всего — 3 или 5... А хорошо на такой дороге, пыли нет...

Мальчишки зашагали дальше. Идти было жарко, но зелень радовала глаз после Оранжевых песков. Правда, вскоре захотелось пить, но, как по заказу, справа у дороги показался каменный столб, у подножья которого бил родник. Тут же лежал деревянный ковш, а сам столб украшали буквы, чем-то напоминавшие те знаки, которые писал на песке недолгий знакомец Олега Дима-Ро. Неподалёку виднелось вытоптанное место с кострищем в центре, а подальше — какое-то строение, над крышей которого вился дымок.

Мальчишки напились по очереди. Потом Артур, вытирая мокрый подбородок, сказал:

— Смотри.

Олег хотел спросить — куда. Но и сам заметил вдали поднимающиеся непонятно откуда дымы. Не костровые, нет. в пяти или шести местах валил к небу дым пожаров. — Что-то горит, — пробормотал Олег. Артур поправил:

— Что-то подожгли. Одни коз гоняют, другие дома поджигают... Круговорот вещей в природе.

— Может, просто пожар? — Олег посмотрел на близкое строение. — Пошли, заглянем?

— Стоит ли? — кадет не отрывал взгляда от дымов. — Говорить не можем, откуда взялись — непонятно...

— Нас двое, револьвер есть. Отобьёмся, если что.

— Ладно, — Артур нагнулся, подобрал из травы незамеченную Олегом дубинку — в полторы человеческих руки длиной, отполированную, с утолщением на одном конце — вечное и интернациональное оружие. — Пошли глянем.

Мальчишки зашагали по траве...

...Внешне заведение выглядело типичный таверной из голливудских исторических боевиков: массивная дверь из широких потемневших досок на металлических скрепах, вывеска над нею — квадратный щит на двух могучих цепях, на котором было намалёвано (иначе не скажешь) нечто апокалиптическое. Олегу это напомнило картинку из детской Библии — истребление младенцев или нашествие саранчи на Египет. Артур вообще смотрел на эту вывеску с лёгким опасением.

— Притон какой-то, — буркнул он хмуро. — Наверняка кошек вместо зайцев подают.

— Ты на дискотеки собачьи крекеры покупал? — спросил Олег. Артур хмыкнул и кивнул. — Ну так нам ли быть в печали?

И он первым вошёл под вывеску.

* * *

Внутри заведение оказалось таким же страшным, как и снаружи. Черные — то ли от времени, то ли просто от грязи и копоти — потолок и стены; похожие на них по цвету низкие столы и тяжеленные скамьи, которыми при случае нетрудно было высадить замковые ворота. Посетителей не имелось, но торчавший у очага хозяин способен был навести страх и сам по себе — лысый, безухий и кривоногий, с тесаком в правой руке, он чем-то напоминал Шрека из одноимённого мультфильма. На вошедших внутрь мальчишек Шрек даже не обернулся — продолжал рубить на колоде кошку не кошку, но что-то похожее.

— Ну что, — громко объявил Олег, — мне здесь нравится. Чисто, светло и, наверное, хорошо кормят.

Вообще-то его слова имели целью привлечь внимание хозяина — и это получилось, хотя сказанного по-русски тот, конечно, не понял. Но, по крайней мере, он обернулся и с ног до головы оглядел посетителей сумрачным взглядом. Во взгляде отчётливо читалось: «Принесла вас нелёгкая...» Однако Олега это ничуть не смутило. Улыбнувшись дебильной сияющей улыбкой голливудской кинозвезды, мальчишка заявил:

— Хозяин, нам бы ням-ням бы, буль-буль бы нам бы! — и сопроводил эту идиотскую просьбу соответствующими телодвижениями. Артур за его спиной тяжело вздохнул. Но, как не странно, хозяин понял и произнес длинную ворчливую фразу, ткнув тесаком в угловой столик. — А, понятно, вы нас обслужите сами?

— Мы же договорились быть немыми, — процедил Артур.

— Ла-адно... — Олег хлопнул его по плечу. — Пошли посидим, отдохнём, а там и поедем, глядишь.

Но хозяин не торопился устремляться на обслуживание. Он подошёл к столу, за которым расположились мальчишки, долгим взглядом по очереди оглядел того и другого, потом потёр палец о палец.

— Будем надеяться, он деньги спрашивает, — вполголоса сказал Артур. Олег достал золотую монету, щелчком по краю заставил её завертеться на столе и ловко убрал из-под самых пальцев хозяина.

«Шрек» неожиданно разинул пасть и расхохотался. Ткнул Олега в плечо и, что-то ворча, пошёл к колоде. Громко рыкнул, откуда-то ответил другой голос — и через пару минут растрёпанная и чумазая, но украшенная ожерельем из разноцветных бус девчонка поставила перед мальчишками большое блюдо. На нём были навалены куски дымящегося жареного мяса на рёбрах, длинные стебли лука-порей, стояли две миски — с тушёной капустой и коричневой жидкостью — и две большие кружки без ручек, в которых оказалось явное вино. Рядом с мясом лежали несколько круглых ломтей белого хлеба. Олег протянул монету, но девчонка помотала головой и, неожиданно захихикав, выскочила наружу.

— Да, с языком тут будет плохо, — сказал Олег. Артур добавил:

— С вилками и ложками тоже. Вино я пить не буду.

— Я тоже, запью потом водой.

Мальчишки собирались приняться за еду, но подошедший хозяин на редкость доходчиво, хотя и при помощи жестов, потребовал монету. Покрутил в пальцах двадцатипятирублёвку, хрестоматийно покусал её, кивнул, что-то сказал, разглядывая рисунок чеканки и, когда мальчишки уже успели прикончить половину заказа, вернулся и положил на стол пять больших, чуть ли не с 210-мегабайтный лазерный диск, серебряных монеты — довольно ровные, с выпуклой чеканкой — и семь или восемь неровных медных квадратиков. Дождавшись, пока он отойдёт, Олег придвинул к себе серебряную монетку. Одна её сторона просто была покрыта бугорками, на второй по кругу шла надпись, а в неё была заключена парящая птица. На медяшках не было ничего, кроме надписей.

— Золото в цене, кажется, — сказал он Артуру, рассматривавшему другую серебряную монету.

Из-под соседнего стола рассеянной походкой вышел, задрвав хвост, большой белый кот. Прошёл под столом между мальчишками, вспрыгнул на скамью, сунул нос в блюдо, взял одно из рёбер и унёс с собой обратно. Напоследок оглянулся и коротко, презрительно сказал: — М-мя.

Ребята, переглянувшись, рассмеялись:

— Вот и настоящий хозяин. — заметил Артур. — А этот, без ушей который, так — киборг.

— Кстати — без ушей, — вспомнил Олег. — Не сам собой он их потерял, верно? Ну, одно — всяко может быть. А два — наверняка за что-то отрезали...

— Да ради бога, — Артур поболтал куском хлеба в миске с коричневой жижей. —

Белый хлеб я не люблю, а маринад вкусный.

— Чеснока много, — Олег захрустел луком, потянулся. — Ноги горят.

— А у меня ничего... Ну что, дальше пойдём?

Олег, глядя в проём двери, ответил негромко:

— Нет, похоже не пойдём.

Артур поднял голову.

* * *

Вошедших было трое, но снаружи через открытый проём были видны ещё не меньше десятка человек, подходивших от дороги с лошадьми в поводу. Впрочем, на них Олег поглядел лишь мельком.

Среди вошедших один был темнокожим — не негром, и не чернокожим, а именно темнокожим, с тонкими чертами лица и узкими глазами. Двое других — бородачи пониже ростом, но мощнее; один черноволосый, второй — белокурый. Однако, все трое были похожи одним — металлическими панцырями и длинными мечами на поясах. В остальной одежде явственно читалась небрежность — плетёные из ремней вытертые сапоги, не очень-то чистые нижние рубахи и короткие кожаные штаны...

В первую секунду Олегу показалось, что они всё-таки «проскочат». Темнокожий, осмотрев помещение, вышел наружу (там уже вовсю гомонили люди и ржали кони, звякал металл...), а бородачи, подойдя к хозяину, заговорили с ним, даже не оглядываясь на мальчишек.

— Давай уйдём, — сказал Артур спокойно. — Встанем и попробуем выйти. Хуже не будет.

— Думаешь, это бандиты? — Олег занёс за спину правую (её не могли видеть вошедшие) руку и взялся за револьвер.

— Не думаю. По-моему, мы попали в войну. Это воины. И, скорее всего, не из той компании, которую мы видели на дороге.

Но в этот момент оба бородача обернулись и подошли (синхронно, как автоматы) к мальчишкам. Прорваться мимо них к дверям было вряд ли возможно — да и к чему? Снаружи те же люди...

Чернобородый что-то спросил. Олег покачал головой. Если сейчас открыть огонь — можно прорваться. На лошадей — и галопом... Чернобородый задал ещё какой-то вопрос.

— Не понимаю, — ответил Олег. Чернобородый свёл брови, что-то сказал белокурому. Тот кивнул и спросил что-то на языке, похожем на слух на финский. — Не понимаю, — ответил Олег снова.

Чернобородый почесал пальцами бороду. Пожал плечами. И, вынув меч, приблизил его к плечу Олега, уже громче сказав одно-единственное слово.

Олег скосил глаза. Меч был не блестящий и ровный, как в фильмах. Клинок во вмятинках и ямках, кромка очевидно зазубрена.

И отточена так, что казалось — к тёмному клинку приварены две полосы солнечного света.

В следующую секунду дубинка Артура ударила чернобородого снизу по запястью. Крик мужчины — не столько болезненный, сколько удивлённый — смешался со звоном упавшего на стол оружия. Вскакивая, Олег коленом перевернул стол (тяжжёлый, зараза) — и меч белокурого глубоко завяз в крайней доске. Артур ударил второго противника палкой в плечо, но белокурый ловко развернул туловище, пропустил вдоль него палку Артура и, перехватив запястье мальчишки, с силой вывернул его. Чернобородый одной рукой схватил, нагнувшись через стол, Олега за шею — и, охнув, повалился на пол, потому что мальчишка сильно и точно ударил его снизу в нос сгибом ладони. Артур ударом ладони по щеке освободился от белокурого. Но внутри уже лезли другие воины — с мечами в руках, ещё не

понимающие, что происходит внутри, но уже готовые драться.

Олег схватился за револьвер. Артур поднял оброненный белокурым меч. До того, как начнётся драка (с закономерным финалом) оставались секунды, но...

Повелительный отрывистый голос что-то произнёс — и оружие разом опустилось. Даже бородачи, поднявшиеся с пола, отступили в стороны.

В зальчик вошёл человек.

Мужчина.

Он относился к людям, у которых трудно определить возраст. Что было совершенно точно — он не выглядел старым, хотя коротко стриженные волосы были почти полностью седыми, а на лице хватало морщин. Но серые глаза были внимательными и блеснули молодо. Среднего роста, очень быстрый в движениях, вошедший напоминал чем-то породистого охотничьего пса. Впечатления особой физической мощи он не производил, нет — но зато от него буквально распространялись волны сигнала: опасен! очень опасен!! **смертельно опасен!!!**

Олег ощутил это сразу, ещё до того, как разглядел человека — уже просто по тому, как раздалась вооружённые люди. Вообще-то это могло показаться странным и даже смешным. Мужчина был одет в серую с синей каймой тунику, потёртые сапоги из коричневой кожи под колено — и всё. На широком поясе с простой тёмной пряжкой, правда, висел длинный меч в чёрных ножнах, но и только.

В установившемся молчании он подошёл к столу, возле которого стояли мальчишки. Подошёл так близко, что Олег ощутил запах конского пота и увидел, что на левой щеке вошедшего — тонкий шрам, а ещё три (два слева и один справа, грубые, широкие) видны на руках.

Быстрый взгляд обшарил обоих с ног до головы.

— Командир, — выдохнул Артур, не опуская меча. — Может, договоримся...

— Как?.. — начал Олег. И испугался. Потому что увидел, как это человек — побледнел. Мгновенно, как будто ему в лицо выплеснули белую краску. Качнулся вперёд, схватился за стол и выдохнул:

— На каком языке?!

— Что?.. — начал Олег, услышал невнятное восклицание Артура и только после этого сообразил, что... **недоговорённый вопрос был задан по-русски!** — Вы знаете русский?! — вырвалось у Олега. Стоящие вокруг воины недоумённо переглядывались, но молчали.

Человек коротко усмехнулся — как будто вытолкнул из себя кашель.

— До двенадцати лет я только на нём и говорил, — сказал он. Ещё раз смерил ничего не понимающих мальчишек потрясённым, не в пример спокойному тону, взглядом и продолжал: — Меня зовут Гришка... Григорий. Григорий Викторович Ёлохов. Хотя Григорием Викторовичем меня никто не называл никогда. Я не успел до этого дорасти. **Там. На Земле.**

* * *

В самом начале лета 1972 года семиклассник (на самом деле, он только **перешёл** в седьмой, но величал себя уже только так — для солидности) одной из калининских (Калинином тогда называлась Тверь) школ Гришка Ёлохов возвращался домой с практики. Последним, что он запомнил **на Земле**, было — сворачивает во двор собственного дома, хрущовки-пятиэтажки. И сразу — жара, ярко-ярко синее небо, какая-то тропинка, чужие люди, одетые, как с картинок в учебнике истории, шум, крики...

Очевидно, канал переброски иногда открывался и в те времена. Хотя и не так часто, как сейчас. Гришка не успел опомниться, не успел ничего понять, как оказался в партии рабов, которых гнали на продажу в Лодду.

Правда, тогда он знать не знал, что это Лодда и вообще не очень хорошо понимал, что с

ним происходит (общая беда всех, попавших в эту ситуацию). Но зато хорошо знал, что он — двенадцатилетний Григорий Ёлохов — советский пионер. И что безвыходных положений — не бывает.

Первый раз ему здорово досталось, когда с него срывали галстук. Не затем, чтобы унижить, а просто потому, что рабу лишние тряпки не нужны. Понимая, что силой тут ничего не сделаешь, мальчишка сбежал через два дня — ухитрился вывернуться из сковывавшей всех цепи. Его догнали и избили снова...

В общем, скорее всего, до Лодды его не довели бы — да и кому нужен раб, совершивший за семь дней пути три попытки побега и упрямо не желающий подчиняться? Гришку спасла жадность — жадность хозяина каравана, твёрдо решившего хоть что-то выручить от такого неудачного приобретения — и жадность управляющего плантации, мимо которой проходили на восьмой день, решившего задёшево приобрести «заваль».

Пролежав неделю в вонючем, грязном и душном подвале, Гришка решил быть умнее. Всем могло показаться, что он смирился. Управляющий, гордясь тем, что ему легко удалось то, что не удавалось опытному работоторговцу, решил пристроить поднявшегося на ноги и не знающего языка мальчишку подпаском к пастуху.

Гришку это вполне устраивало. Пасты скотину он не умел, но старался, пожилой мрачный напарник, хоть и поколотил мальчишку пару раз, но в целом был не злой и охотно учил Чужака (так прозвали Гришку) здешнему языку и обычаям, не отбирал Гришкину часть однообразной еды и никак не пытался демонстрировать свою власть сверх меры.

На самом деле смирения в Гришке было не больше, чем в герое его любимой книжки «Иван» — про мальчишку-разведчика, который ходил по фашистским тылам, прикидываясь нищим. Взрослый на месте Гришки мог бы чокнуться или опуститься, подавленный невероятностью происходящего. Но Гришка и раньше твёрдо верил, что чудеса бывают. А что не только добрые — так что ж... Это только значит, что **и добрые — бывают тоже**.

Через три месяца он сбежал. По-хитрому, выбрал время, когда напарник увёз на плантацию сделанный сыр. К этому моменту он многое знал об окружающем его мире и решил добраться до горных лесов на севере — жившие там племена не держали рабов и знали с колдовством. В колдовство Гришка не верил, как и положено пионеру, но подумал, что тут так могут называть какие-нибудь невероятные научные умения.

Никто не хватился Гришку три дня.

Добираться было далеко — почти два месяца непрерывной ходьбы по землям Синмейи, где каждый шаг грозил смертью беглому рабу. Но мальчишка прошёл больше половины пути — и только тогда попался. Случайно — искали не его, шла «плановая облава» на беглых рабов.

На этот раз он и не подумал притворяться. Сброшенным с тропинки валуном искалечил двух преследователей. В драке на той же тропинке самодельным копьём — обожженным на огне колом — заporол насмерть помощника охотников за рабами. Ещё двоих — ранил и не был убит лишь потому, что освирепевшие ловцы людей решили взять его живьём и устроить показательную казнь.

И снова ему повезло. Хотя потом он много раз проклинал это «везение» и думал, насколько всё было бы лучше и проще, погибни он — как угодно тяжело! — в тот день.

Среди собравшихся смотреть на «представление» жителей лежащего рядом городка оказался проезжавший бывший офицер имперской пограничной охраны. Старый вояка оценил мужество, с которым держался едва стоящий на ногах мальчишка, когда ловцы (а их отставник глубоко презирал) стали привязывать его за руки и ноги к лошадям, чтобы разорвать. Он тряхнул кошельком — и вид золотых монет опять оказался самым сильным аргументом.

Офицеру не нужны были рабы. Он просто решил помочь храброму парнишке — но... на свой лад. Большинство здешних жителей сказали бы, что это и в самом деле была помощь, милосердие...

Гришку продали в школу гладиаторов...

...Сперва мальчишка пришёл в ужас. Его ужаснула мысль, что придётся убивать людей, которые ничего ему не сделали, и он твёрдо-натвердо решил, что никогда, никогда, никогда... Но те, кто содержал школу, имели огромный опыт «работы».

За неподчинение и нежелание учиться Гришку и не подумали наказывать. Наказали... всех остальных пацанов из группы, в которую он попал. Нет, мальчишка не боялся, что наказанные ему как-то отомстят (да пусть бы забили!) Но видеть, что из-за него мучаются другие, было выше сил Ёлохова.

В ту ночь в камере Гришка потихоньку распустил на полосы грубое одеяло и прокрался к решётке.

Вешаться.

Раз нельзя было жить человеком, раз невозможно было бороться — оставалось не допустить, чтобы тебя сломали.

Гришку остановил один из мальчишек, проснувшийся в этот момент.

Тогда они проговорили до рассвета, сидя на полу под решёткой. Шептались, поглядывали, как светлеет небо. Гришка расплакался (стало легче) и мальчишка, удержавший его от самоубийства, не стал смеяться. Лория — так звали мальчишку — и стал первым настоящим Гришкиным другом.

Потом он подружился и с остальными. И привык. Жизнь в школе была тяжёлой, но... **интересной**, временами Гришка забывался, ему казалось, что он просто в каком-то странноватом спортивном лагере... Нет, он не забыл родину, семью — временами тоска скручивала до слёз — но всё это как-то отодвинулось на второй план...

Да, он привык — но не смирился. Просто у него появилась другая мечта. К этой мечте Чужак (так его звали теперь все), шёл следующие одиннадцать лет — три года учёбы и восемь лет боёв.

Через одиннадцать лет двадцатичетырёхлетний Чужак — любимец публики по всей Империи, победитель десятков схваток — получил на Арене Богов свободу из рук самого лугаля. Давно уже не было в живых ни Лория, ни других приятелей по школе. Гришка был счастлив уже тем, что ни одного из них не довелось убить своей рукой.

Удачливый гладиатор в Синмейе — фигура значительная, даже если он раб. А уж получивший свободу... Гришка завёл свой дом (не мог лишь одного — держать рабов, ему служили только свободные). Часто (и за хорошую плату) давал уроки. Обучал на дому дюжину избранных учеников. Учил офицеров гвардии лугаля. Воевал — два раза уходил добровольцем на южные границы, в джунгли, откуда приходили орды дикарей-людоедов.

И ни на секунду не забывало, что он — Гришка Ёлохов, внук человека, сражавшегося за свободу всего мира и отдавшего за эту свободу жизнь под городом Варшавой.

Так прошло ещё девятнадцать лет. **Девятнадцать!!!** Ни разу за всё это время Гришка не встречал намёков на то, что есть какие-то пути обратно. Хотя искал... правда, не очень активно. Он привык держать своё слово, пионер Ёлохов, и намеревался сдержать и то, данное ночью возле решётки, с которой свисала верёвка из одеяльных обрывков.

Четыре года назад случайно был раскрыт заговор. Чудовищный по размаху — он охватил почти треть Империи и вовлёк в себя тысячи рабов в городах, на плантациях, в гладиаторских школах — и даже некоторых свободных! А во главе заговора стоял уважаемый человек (хоть и бывший гладиатор), личный знакомый лугаля и многих армейских и гражданских чинов — Григо Ёллу по прозвищу «Чужак»!

* * *

... — В общем, сначала было у меня всего двести человек, с ними и ушёл в леса, — Григорий Викторович вздохнул и широко улыбнулся. — С тех пор уже почти четыре года воюю. По всей империи гуляем! Доходило моё войско и до семидесяти тысяч. Сейчас всего тридцать две. Но бывало, что по десять-двенадцать тысяч оставалось, так что выправимся и

на этот раз! — и он подмигнул мальчишке. Снаружи было почти тихо, лишь ветер время от времени дёргал затянутый полог шатра — и тогда металось пламя в широких плоских чашах, стоящих на высоких витых держателях-треногах. Да иногда слышались приглушённые команды ночной стражи и конский храп дальних патрулей.

Заворожённый рассказом, Олег только теперь перевёл дух и осмелился пошевелиться. И сказал первое, что пришло в голову:

— Но это же история Спартака!!!

— А я о чём? — кивнул Григорий Викторович. — Я знаешь — я о нём тогда и подумал, ночью. У меня дома осталась книжка лежать, как раз я её дочитал и собирался в тот день сдать в библиотеку. «Спартак» Джованьоли. Вот так всё совпало... Не читал?

— Читал... — кивнул Олег. И, помедлив, сказал то, что только сейчас пришло ему на ум — и что, может быть, говорить не стоило: — Но вы же должны понимать... такие восстания не побеждали никогда. Никогда за всю человеческую историю, **никогда** !

Последнее слово Олег почти выкрикнул. Григорий Викторович слушал его с улыбкой, потом кивнул:

— Да всё я понимаю... — и улыбка пропала с его лица. — Я просто... — он снова раздвинул губы, но это была уже не **улыбка** , а **усмешка** , — ...просто хочу показать кое-кому, что в мире бывают не только рабы и господа. Есть ещё просто **свободные люди** . И пусть они попробуют не **разгромить** нас — это они рано или поздно сделают! — а **заставить сдаться** ! — он стукнул кулаком по столу.

— Заставить сдаться... да... — Олег пробормотал это в ответ на свои мысли. И снова поднял глаза: — Значит вы не пойдёте... не вернётесь?

Глаза Ёлохова вдруг вспыхнули безумной, дикой надеждой. Он привстал. Спросил хрипло:

— Ты... знаешь?... можешь?..

— Да, — кивнул Олег. — Знаю. Могу.

Григорий Викторович смотрел несколько секунд остановившимися глазами. А потом... потом неожиданно улыбнулся. Улыбнулся своей прежней — мальчишеской улыбкой, как улыбался, наверное, Гришка, которым он был — больше тридцати лет назад:

— А говоришь, «Спартак» читал!

— Читал... — слегка удивлённо ответил Олег. Григорий Викторович качнул головой:

— Тогда вспомни... В самом конце. Красс ему предлагает. Свободу, деньги, даже любимую женщину, даже возможность уехать. И оставить своих людей. Может, Джованьоли всё это и выдумал. Но мне кажется — было такое. И Спартак так и ответил. А я потому и уцелел, что хотел быть похож на него. Всегда.

— Я понял. Ясно, — ответил Олег. И почти простонал: — Простите меня...

— Да ладно... — он хлопнул мальчишку по спине. — А я гляжу — ничего у нас там дела, если такие, как ты... — он не договорил. — Твоих ребят мы вытащим. А пока... — он замялся. — Пока... Ты давай... расскажи мне, как там — **у нас** ?

И Олег — Олег стал **врать** .

Он врал с ужасом, внутренне содрогаясь от отвращения к самому себе, от омерзения, чуть не плача от понимания, что иначе — **просто нельзя** . Иначе можно обесценить всё то, чем жил Чужак и ради чего выжил и победил.

Да! Победил, чёрт возьми, **победил** !!!

Олег врал о Союзе Советских Коммунистических Республик. О городах на Луне и Марсе, об экспедициях в пояс астероидов. О вертолётах в каждом дворе и ещё о чём-то... врал, врал, врал...

Врал без опаски, что тот захочет вернуться. Он и так хотел. Хотел так, что дальше уже и некуда. Просто он — он не свернул бы со своего пути, даже расскажи Олег ему, что люди стали бессмертны и умеют летать в небе и меж звёзд, взмахнув руками.

А ещё Олег очень хотел сказать ему, что смерти нет. Что нет её, чёрной суки, нет её, подлой гадины! Но он бы не поверил. Пионеры не верят в сверхъестественное. Разве что в

чудеса, которые делают своими руками...

Но, когда он... когда он закончит свой путь здесь — он поймёт, что смерти нет. И что он всё делал правильно. И, может быть, дойдёт **домой**. Страхнёт годы, страхнёт жуткий опыт, страхнёт всё, что налипло на него тут. И вбежит в свою квартиру в хрущовке с воплем: «Ма-а, я вернулся!» — двенадцатилетний, каким был когда-то. И мать удивится: «А куда ты пропадал-то?» А он засмеётся — взхлёб, звонко, как смеялся недавно, как не разучился смеяться, несмотря ни на что...

И на следующий день расскажет друзьям интересный сон. А потом вырастет — и, может быть, **у него в мире** будут Союз Советских Коммунистических Республик, города на Луне и Марсе, экспедиции в пояс астероидов... Вертолёты в каждом дворе!

Может быть, всего этого не стало у Олега — потому что летом 1972 года пропал из его мира Гришка Ёлохов.

Смешно, но эти странные старики, коммунисты, были правы. Личное — не так важно, как общее. Вот только дойти до этой мысли каждый должен своим умом...

... — Всё ещё говорите? — вошедший Артур приглаживал влажные волосы. Положил на пол шлем — круглый, с невысоким двойным гребнем и синей щёткой короткого султана. — Прошу прощения, командир.

— Ничего... ничего... — Григорий Викторович оглянулся на Артура мельком, но потом, словно проснувшись, повернулся к нему всем телом: — Ну что?

— А вот как вы говорите — ничего, — присев, Артур начал расшнуровывать ремённые сапоги. — Пусто вплоть до этого самого Тале-Тиалу.

Олег с невольной улыбкой наблюдал за кадетом. Нет, всё-таки есть люди, которые рождаются воинами. Вместо того, чтобы послушать рассказ Григория Викторовича хотя бы из вежливости, Артур, оправившись от первого вполне естественного удивления, тут же напросился у него в разведку с конным отрядом к ближнему городу — Тале-Тиалу. И теперь с явным удовольствием, **со вкусом** как-то, освободился от пояса с мечом, положил оружие на колени и, вытянув ноги, пошевелил ступнями. Да, подумал Олег, Артур Волков не философ и не рыцарь. Не освободи его он, Олег — кадет лет через двадцать тоже возглавил бы какое-нибудь восстание...

Кажется Григорий Викторович тоже подумал о чём-то таком же, потому что несколько секунд смотрел на Артура с улыбкой. Потом сказал негромко:

— Если бы вы знали, как я рад вас видеть, пацаны... У нас всё ещё говорят «пацаны»?

— Говорят, — кивнул Олег. — А что у Тале-Тиалу пусто — это плохо или хорошо?

— Плохо, — бывший пионер и гладиатор нахмурился. — Против меня послали Сиано Демо. Смешно, он командовал на юге подразделением, в котором я служил инструктором по бою на мечах... Хороший человек. И очень хороший воин, преданный лугалю. Если его нет впереди — а те всадники, о которых вы говорили, конечно, посланы из города за помощью — то где он? Я был уверен, что оторвался от него — и сзади его нет тоже...

— Разве может пропасть целая армия? — удивился Олег. Григорий Викторович усмехнулся:

— Ещё как может... И пропасть, и появиться из ниоткуда...

Он задумался, облокотившись на стол и левой рукой перекладывая на нём какие-то бумаги — не свитки, как можно было ожидать, а именно вполне обычные листы, как будто надёрганные из альбома. Олег тихо поднялся и подошёл к Артуру. Наклонился, сказал негромко:

— По-моему, у него и своих проблем хватает, — Артур кивнул. — Может, нам стоит самим продолжить поиски? Начнём с этого Тале-Тиалу... Далеко до него?

— Пешком — часа три... — Артур положил ногу на ногу. — Поспим, или прямо сейчас пойдём?

— Подожди, — в голову Олегу пришла неожиданно мысль, навеянная то ли приключенческими фильмами, то ли чувством вины и преклонения перед сидящим у стола худощавым усталым человеком, так упорно сражавшимся не за победу, нет — за признание

человеческого достоинства. Мальчишка подошёл к столу и кашлянул.

Григорий Викторович поднял голову. Улыбнулся, кивнул.

— Мы собираемся в Тале-Тиалу, — напрямик сказал Олег. — Мы вполне можем сойти за местных, за глухонемых, как собирались вначале. Вряд ли мы себя выдадим, а специально нас проверять тоже не станут — не того полёта птицы. Но я вот что подумал... Мы можем сделать не только своё дело, мы можем ещё и посмотреть там для вас... ну, если вы объясните, что вам нужно высмотреть. Только вы поподробней расскажите нам, как и что, чтобы не наломать дров всё-таки...

* * *

Под утро совершенно неожиданно прошёл дождь — короткий, но бурный, от которого совершенно негде было спрятаться. Олег мрачно подумал, что можно было выйти на полчаса позже, но тут же задавил эту мысль, чтобы не расстраиваться. Тем более, что вскоре взошло солнце, стало жарко, над мокрыми камнями закурилась дымка и на дороге стало довольнолюдно, не то что вчера. К городу шли пешие, гнали скот, проезжали верховые, ехали на телегах и повозках целые семейства с разным барахлом... Артур вдруг тихо сказал:

— Мда-а... Освободительное движение освободительным движением, а ведь для этих вот крестьян воины Григория Викторовича — просто взбунтовавшиеся рабы, от которых надо держаться подальше...

Мальчишки переоделись в местное. Точнее — разделись под местных, кисло подумал Олег. Идти без трусов было стыдно — хотя подол этой чёртовой хламиды доставал до колен, но так и казалось, что всем всё видно. И револьвер пришлось оставить. Из вещей у мальчишек были только «оборотень» и кошелёк у Олега и дубинка у Артура. Кстати, Григорий Викторович сомневался и насчёт кошелька, но Олег по-прежнему возлагал большие надежды на силу денег, тем более — золотых, и им даже отсыпали ещё и из войсковой казны три десятка местных монет.

— Ничего, — раздражённо ответил Олег — тоже еле слышно, — наши предки без рабов обходились, и эти могли бы. А теперь нечего плакаться.

— Были у наших предков рабы, — возразил Артур. — Холопы были.

— Во-первых, холоп — это не совсем раб, — заметил Олег. — А во-вторых, рабовладельческого строя всё равно не было¹⁴.

— Ну, они же не знают, что можно жить по-другому, — заспорил Артур.

— Кто из нас в ошейнике побывал? — довольно бестактно поинтересовался Олег. Артур не обиделся:

— Не, ты погоди. Я-то знал, что такое свобода. И понимал, чего меня лишили. А большинство рабов даже и не думают о настоящей свободе. В лучшем случае — просто хотят поменяться ролями с хозяевами. Как ты думаешь, почему у Григория Викторовича

¹⁴ Распространённое гордое утверждение, что «славяне не знали рабства» — к сожалению неверно. Рабы у славян (как, впрочем, у всех народов) были (холопы, которыми становились в результате пленения, насильственной продажи за долги, брака с холопом или холопкой; закупа — добровольно продававшиеся в рабство за долги; рядовичи — продававшиеся в рабство по каким-то иным причинам с составлением особого договора). Но, во-первых, число рабов никогда не превышало 10–15 % от свободного населения (сравните это с Грецией или Римом, где рабов было в 3–20 раз больше свободных). Во-вторых, процедура освобождения из рабства была довольно лёгкой и вполне доступной любому сообразительному, трудолюбивому или просто смелому человеку. В третьих, обращение с рабами было не просто намного, а кардинально более мягким, чем у «цивилизованных народов». И наконец, славяне никогда не перегружали на рабов большую часть физического труда и не считали такой труд «чёрным» и «недостойным свободного человека». Так что рабство в привычном нам «книжном» варианте (с колодками, издевательствами, продажей семей в разные руки, диким самодурством хозяев), к сожалению, пришло в Россию с сильнейшим опозданием, в XVII–XVIII веках — когда окончательно утвердился крепостной строй...

армия всё ещё не разбежалась? Да они надеются, что победят и он их наградит. А чем? Землями и рабами из местных. Это он о свободе для всех думает... ну, может, ещё сколько-то особо продвинутых, кто пограмотней или поразвитей. А большинство или лично ему преданы или просто хотят сами стать господами.

— А что ж ты тогда так за коня и за шлем уцепился? — иронично поинтересовался Олег. — Лично ему предан или надеешься, что тебя пожалуют виллой и комплектом полевых рабов?

Кадет смутился, помолчал, потом ответил:

— Я — это я. Я бы и вообще тут остался, может быть. Уж больно дело классное — динамит!

— Его же всё равно разобьют. Он и сам, кстати, это знает.

— Да ну и что? — Артур тряхнул головой. — Зато его точно запомнят.

Мальчишки спустили с плеч верхнюю часть своих накидок и наслаждались теплом, по временами бегло осматривая людей рядом. Впереди — уже недалеко — поднимались серые стены Тале-Тяллу.

— Стены так себе, — шептал Артур. — Я так понял, что тут уже лет двести не было никаких бунтов или войн, а этот город — торговый центр чего-то типа провинции. Ночью я видел, что стены спешно укрепляют. Но в город пока пускают всех.

— Думаешь, наши там? — Олег с интересом рассматривал начавшиеся по обочинам дороги статуи. Они стояли слева и справа — высеченные из чёрного камня изваяния распростёрших крылья длинноклювых птиц в человеческий рост образовывали как бы своеобразную стену.

— Если подумать, то скорее всего да. Давай договоримся, как поступим.

— Предлагаю разойтись, — сказал Олег. — Сразу за воротами. Поделим деньги. Ты будешь смотреть насчёт войск и всего такого, а я начну искать наших. Встретимся у тех же ворот в полдень и решим, что делать дальше.

— Договорились, — Артур кивнул.

— Натяни свою хламиду, — сказал Олег. Артур недоумённо посмотрел на него. — Натяни, говорю... там видно ещё, как тебя... били. Ещё решат, что ты беглый раб.

— Блин, — кадет неспешно (молодец) поправил одежду. — Всё. Неееем начисто.

Около ворот возились с десятков человек — с лопатами. Олегу стало смешно. Они откапывали створки! Из могучих досок, окованные металлом, те прочно вросли в землю. Слева и справа стояли по пять-шесть воинов — в жёстких кожаных доспехах, металлических круглых шлемах, с овальными щитами и длинными копьями, наконечники которых походили на сильно вытянутые ромбы. Если исходить из мысли, что это коренные жители Синмейи, то они были похожи на что-то типа древних ассирийцев, и мальчишки на их фоне казались довольно-таки чужими. Впрочем, среди входящих в город хватало людей с кожей, волосами и глазами разного цвета.

Около ворот стояла ещё одна «птичья» статуя. К её лапам, вцепившимся в край вогнутого постамента-чаши, входящие бросали монеты — квадратные медяшки. Олег бросил две, буквально окаменев внутренне от того, что сейчас... Но никакого «сейчас» не произошло — по ним даже не скользнули взглядами, и мальчишки вошли в ворота, которые по-прежнему упорно откапывали, как бы подтверждая интернациональность русской пословицы о громе и мужике.

* * *

Тале-Тяллу не понравился Олегу ещё больше, чем города Оранжевых Песков. Может быть, потому что там он был защищён — непосредственно своим внешним видом и оружием, косвенно — патрулями хаттов. А здесь никакой защиты не было.

Были затиснутые многоэтажными — по три, а то и пять этажей — домами с плоскими

крышами грязные улицы, переполненные шумным и напуганным народом. Неприятные запахи (а точнее — вонь) мешались с запахами готовящейся тут и там еды. На мощёной булыжником мостовой тут и там валялась всякая дрянь, среди которой конский и бычий навоз был почти самым безобидным. Олег пару раз вляпался и понял, что про брезгливость надо забыть. Да и ещё хуже было то, что он и правда ощущал себя глухонемым — совсем, начисто. Внезапно ему стало страшно и тоскливо — где сейчас Артур, где Григорий Викторович — два человека, которые в этом мире могут понять, что он говорит?

Нет, есть ещё трое.

Ещё трое, может быть — здесь. Может быть — рядом. И Олег стал внимательно осматриваться и прислушиваться, в то же время делая тупое и равнодушное лицо.

В нижних этажах домов (в точности как на Земле) располагались лавки, закусовые, какие-то конторы — все с яркими вывесками, иногда не более внятными, чем вывеска той придорожной харчевни, иногда — вполне художественными. Воинов на улицах было немного, пешие. Конных Олег увидел только на большой овальной площади, на которую выбрался после часа, не меньше, шатаний по улицам. Двое всадников, очень похожих на вчерашних гонцов, неподвижно сидели верхами возле пяти кольев, окружённых жиденьким кольцом любопытствующих.

Олег не сразу понял, что там вообще происходит. И только подойдя поближе — увидел, что на колья посажены люди.

К счастью, все пятеро были, похоже, уже мертвы. Во всяком случае — ни один из них не шевелился. Понять, сколько им лет и разглядеть лица было почти невозможно — во всяком случае, все пятеро были бородатые и худые, со следами побоев на теле. По кольям на камни натекла чёрная кровь, в ней толклись мухи. Разглядев всё это, Олег поспешно отвернулся, скользнул взглядом по лицам людей вокруг. Лица были равнодушными, изредка — любопытными. Люди переговаривались; мальчишка лет 10, сидя на корточках, с интересом рассматривал казнённых снизу вверх.

Олег повернулся и пошёл к фонтану в другом конце площади.

Женщины набирали стекающую из пяти торчащих в ряд трубок воду в подвешенные на верёвочные ручки цилиндрические кувшины, переговаривались, смеялись. С другой стороны фонтана плескалась в воде ребятня, но все — мельче Олега, намного, и он ограничился тем, что напился и присел на край фонтана, стараясь не глядеть туда, где торчали колья. Больше всего на свете он хотел бы сейчас понимать язык — хотя бы с пятого на десятое.

Рядом остановились двое воинов. Олег подвинулся так, чтобы его прикрыл фонтан — на всякий случай — и увидел, как из улицы вышли ещё трое. Двое обнимали ярко накрашенных девиц (Олег хмыкнул), третий — на ходу играл на короткой дудке что-то весёлое, от чего один из его приятелей то и дело пускался в пляс (почти вприсядку, хлопая себя по бокам), бросая свою нарочито громко хохочущую спутницу. Перед этой командой расступались.

Они тоже подошли к фонтану. Двое стоявших возле него воинов оживились, послышались громкие восклицания, потом появился небольшой бурдючок — кажется, встретились приятели. Девыцы надули губы. Одна присела на край фонтана и вздохнула; вторая поболтала ногой в воде. Нога была ничего — с гладкой кожей, стройненькая и открывшаяся до самого практически верха. Олег уставился на неё почти против своей воли. Девыца поймала этот взгляд и улыбнулась мальчишке профессиональной улыбкой (и зубы хорошие), что-то сказала, качнув головой в сторону улицы. Олег развёл руками, помычал, показал на рот и на уши.

Лицо девушки сделалось искренне сожалеющим. Она присела рядом, снова что-то сказала, погладила с улыбкой щёку Олега (тот напрягся, но не двигался — прикосновение было приятным и пришла даже соблазнительная мысль — а если...) Но тут её напарница издала предупредительный возглас, послышался какой-то шум, рык — и мальчишка невольно взвился на ноги.

Один из воинов, пьяно раздражённый наглым покушением на его собственность,

мгновенно забыл, что минуту назад ему уже не было до девчонки дела и ринулся примерно наказывать наглого селянина. Обдавая Олега запахом вина, он замахнулся кулаком... и, коротко хрюкнув, осел на камни. Олег нанёс ему единственный удар — ребром ладони пониже уха — и отскочил.

Немая сцена.

Дальше всё смешалось. На Олега бросились сразу двое. Девчонки (едва ли из особой симпатии к мальчишке, скорее из присущей всем представительницам их профессии любви к скандалам) с визгом повисли на одном и всей компанией рухнули в фонтан. Второй, не долго думая, рубанул мальчишку мечом, промахнулся и, не успев ничего понять, отправился туда же, получив пинок в зад. Олег развернулся на пятке, готовясь встретить атаку двух других — но один из них, стоя на месте, смеялся, а второй, присев, пощупал шею лежащего воина (тот замычал и завозился) и что-то коротко сказал. Смеявшийся кивнул, потом обратился к Олегу и с явной досадой махнул рукой, когда тот повторил жест с ушами и ртом. Удержал выбравшегося из фонтана. Девчонки и тот, кого они завалили, вылезать уже не стремились — они с визгом и хохотом плескали в воина водой, он весело рычал и отбрызгивался, женщины с кувшинами ругались, мелкота орала подбадривающее.

Двое трезвых тем временем переговорили друг с другом, и тот, который смеялся, поманил Олега. Мальчишка подошёл с опаской, но воин помахал ладонью: не бойся. Ткнул Олега в грудь и поднял брови. Олег неопределённо махнул рукой, показал руками что-то вроде взрыва и сказал губами «пуххх!» Воин закивал, потрогал плечи мальчишки и показал на себя, на своих приятелей, на меч на поясе. Поднял в пальцах золотую монету, выуженную из-за пояса, хлопнул мальчишку по груди. Олег снова показал на уши и рот, покачал головой. Воин нахмурился, потом вздохнул и развёл руками. Снова хлопнул Олега по плечу, протянул медяк и улыбнулся.

Вербовать хотел, настороженно подумал Олег. Интересно, этим закончится? Он читал, как вербовали людей в армию в иные эпохи — напоят и всё.

Или ещё проще — утащат силой.

Но эти люди, похоже, не имели таких мыслей. Или умело их скрывали? Если близко вражеская армия — то у них каждый меч должен быть на счету... Мальчишка поднялся и пошёл с площади, стараясь не спешить и не оглядываться. Но краем глаза заметил, что обе девицы идут следом. Правда, они тоже не спешили, останавливались, смеялись, махали оставшимся у фонтана воинам.

Но шли за Олегом.

Мальчишка остановился сразу у входа в улицу, возле лотка, с которого торговали какими-то сладостями. К его облегчению, девушки прошли мимо — лишь та, вторая, поймав брошенный вслед взгляд Олега, подмигнула и вытянула губы трубочкой. Олег засмеялся и помотал головой. Девица развела руками и со смехом подтолкнула свою подружку вперёд. Они свернули под вывеску с изображением, которое в мире Олега назвали бы порнографией, никак иначе. Под вывеской скучал здоровенный лоб с дубинкой за поясом. Да, похоже, некоторые вещи мало меняются со временем...

Постояв у лотка и ничего не купив (продавец выдал длинную гневную тираду и махнул в сторону мальчишки метёлкой, которой отгонял мух — в это время мелкая девчонка, крутившаяся рядом, подхватила печенье и тихо слиняла раньше, чем продавец успел что-то заметить), Олег двинулся дальше. И, пройдя мимо охранника, остановился и задержал дыхание.

Сразу за дверями, в которых скрылись те девицы, была привязана голая девчонка. Привязана зверски — за волосы и сведённые за спиной, вывернутые к затылку локти — к большому кольцу, вделанному в стену. Девчонка стояла на пальцах ног и была в полузабытии — глаза закрыты, рот оскален и залит запёкшейся слюной, все мышцы подёргиваются, как натянутые струны. Большинство проходивших мимо людей даже не смотрели в её сторону, но некоторые останавливались и отпускали какие-то замечания. Впрочем, девчонке было, скорее всего, всё равно.

Олег огляделся беспомощно. Но никого тут нельзя было позвать на помощь. Хозяйка заведения наверняка находилась в своём праве, наказывая вещь. Мальчишка на миг прикрыл глаза, потом открыл их, собираясь идти дальше...

...и вдруг увидел повыше пупка привязанной всё ещё хорошо различимый значок — китайский «инь-янь». Но это был не просто значок.

Это была переводная «татушка».

* * *

Сидя на камне, Артур ел лепёшку с мёдом и хладнокровно считал вывезенные из распахнутых ворот арсенала машины. Он не знал, как они называются в этих местах, но для себя определил: шесть больших катапульти для стрельбы камнями, три бриколя — машины, залпом пускающих стрелы, десять маленьких баллист. Все машины в довольно фиговом состоянии — это можно понять по суетливости людей возле них и рыку пожилого офицера.

Кругом хватало пацанов и женщин, да и мужчины тоже имелись. Это тоже надо отметить — ополчения не собирают. Непонятно, кстати, почему, город немаленький... ну да и ладно, просто перескажем.

Артур уже выяснил, что стены охраняются неплохо, но плохи сами по себе (впрочем, это было ясно сразу), а большая часть гарнизона — пехота, занятая спешными тренировками и авральным приведением в порядок «матчасти». Вечная беда вот таких сонных от сознания своей безопасности гарнизонов торговых мест... Артур даже пожалел Тале-Тиалу. Если не подоспеет этот неведомый Сиано Демо — Григорию Викторовичу вряд ли понадобятся тридцать с лишним тысяч воинов, чтобы взять город. Хватит и восьми, ну — десяти тысяч. Остальные можно развернуть в тыл — на случай внезапного нападения — и укрыть за возведёнными валом и рвом. Также посоветовать, что ли? И лучников, кстати, совсем мало, их только что повели тренироваться куда-то за арсенал.

Надо посмотреть.

Артур неспешно дожевал лепёшку, вытер пальцы об одежду, поднялся и нога за ногу пошёл туда, куда скрылся отряд лучников...

...Лучники тут были фиговые. Фиговые вообще, а не эти конкретно — тянули руку с тетивой щепотью к груди, а не согнутыми пальцами к уху. Может быть, поэтому семь мишеней из десяти ещё были...

Ещё были **живы**.

Мишенями служили рабы. Очевидно, их привели какой-то другой дорогой и привязали за ошейники на верёвки длиной метров по пять к столбам, поставленным на несколько большем расстоянии друг от друга. Потом дали овальные пехотные щиты и теперь метров с пятидесяти садили по этим мишеням то залпами, то по одиночке. Трое рабов лежали убитые наповал (один вообще походил на страшного ежа), ещё у троих в телах торчали стрелы, но они продолжали бегать и прикрываться щитами.

Тут тоже были зеваки, поэтому Артур ни у кого не вызвал подозрений. Хотя он не был уверен, что сможет не вызывать подозрений и дальше.

Про себя мальчишка знал совершенно точно, что ни за что на свете не смог бы выстрелить в человека, который не способен защищаться. Разве что расстрелять предателя. Но это же совсем другое!!! Неужели они — эти воины — не понимают, что происходящее ужасно, постыдно в первую очередь для них самих?! Артур увидел, как один из рабов, отбросив щит, упал на колени — очевидно не в силах больше выносить этой страшной игры — и закрыл ладонями глаза. В него немедленно вонзилось не меньше пяти стрел. Почти тут же упал ещё один, уже раненый в плечо — стрела попала ему в лицо над верхним краем щита...

Артур отвернулся, чтобы уйти. И... и услышал отчаянный звонкий крик:

— Да кинь же мне щит, блин, баран!!!

Мальчишка развернулся, как ужаленный. Как раз тут упал второй раненый — не успел поднять щит и получил стрелу в грудь. Но на него Артур и не взглянул. Он буквально зашарил глазами по столбам, около которых метались обречённые. И увидел!!! Как же он не заметил сразу!!! Может быть, из-за того, что вообще не хотел на это смотреть?..

Светло-русый длинноволосый мальчишка, тощий, но крепкий, жилистый, держа щит одной рукой, как раз ловко пригнулся за ним, упав на колено — стрела пролетела над верхним краем, ещё одна вонзилась в щит. Там уже торчали две целых и несколько обломков. Мальчишка резко выпрямился, ударом окровавленной руки обломил древки — чтобы щит не тяжелел от стрел. Крикнул снова — но матерные ругательства тут понимал один Артур...

Упал ещё один — получил стрелу в спину, неудачно повернувшись.

— Кинь щит! — крикнул мальчишка по-русски одному из оставшихся, у ног которого лежал откатившийся щит кого-то из убитых. То ли собирался взять щит на вторую руку, то ли заменить свой, уже всё-таки потяжелевший от обломков стрел... Опять ловко укрылся за щитом, перекатился, заставив лучников пульнуть по пустому месту...

Упал раненый — стрела попала в горло. Последний — тот, около которого лежал щит — бросил свой и что-то закричал.

— Трус! — со слезами крикнул пацан. И повернулся к толпе. — Сволочи, гады!

Упал предпоследний. Но Артур не видел этого. Он видел только бешеные мокрые глаза мальчишки, ходящую ходуном грудь, на которой пот и пыль превратились в грязь...

Несколько стрел сразу ударили в щит — мальчишка отшатнулся, чуть не упал. Обломил их... В толпе что-то кричали, и Артур неожиданно уловил, что крики сочувственные. Но мальчишке было, конечно, не до этого.

Лучники выпустили ещё с полдюжины стрел и опустили луки, переглядываясь растерянно. Мальчишка тоже опустил щит, навалился на него. Видно было, как старается он отдышаться... А от воинов тем временем отделился один и, на ходу доставая меч, пошёл к упрямой живой мишени.

Артур не успел даже ничего подумать или сделать.

— У-ухххх!!! — выдохнула толпа, и этот выдох заглушил короткий противный хруст. Щит, брошенный мальчишкой, как спортивный диск, ударил подошедшего на три шага воина в горло. Тот рухнул на спину, и мальчишка, в один прыжок добравшись до него, выхватил из руки меч, перерезал привязь и добрался до щита как раз в тот момент, когда в него полетели первые стрелы опомнившихся лучников. Переждав залп, мальчишка вскочил и закричал:

— Подходите! Все! На меня, на одного! — и засмеялся горлом.

Переглядываясь и переговариваясь, лучники двинулись вперёд, обнажая мечи. Но не успели они сделать и двух шагов, как послышался истошный вопль их командира.

Все — и воины, и следившая за происходящим, затаив дыхание, толпа зрителей, и даже пригнувшийся за щитом мальчишка — поглядели в ту сторону.

Командир стоял в напряжённой позе, запрокинув голову. Не своей волей — за бороду его держал высокий, коротко стриженный парень, по виду — нищий. А в правой руке он сжимал нож, который вдавил под кадык бородачу.

— Всем стоять на месте, — сказал парень на незнакомом никому языке. Но и так всё было ясно до предела. А парень спросил, повысив голос: — Там, за щитом, ты кто?

— Кир... Кирилл, Сигаев, — раздался из-за щита горловой всхлип. — А ты?

— Свой. Только не надо обмороков. Нам ещё отсюда выбираться, — парень надавил ножом на горло засучившего ногами командира лучников. — Иди сюда, Кирилл.

* * *

— Оля, — позвал Олег. — Оля, это ты, Оля?

Глаза девчонки приоткрылись. Их затягивала муть, Олега она не видела. Сухая корка пены на губах разломилась, девчонка простонала:

— Не... буду... не... заставьте... ни... за... что... — потом у неё вырвался громкий, мучительный стон, и она повисла на вывернутых руках и натянувшихся волосах.

Амбал, наблюдавший за мальчишкой с подозрением, оторвался от стены и шагнул вперёд. Странно; мальчишка-бродяжка говорил на том же языке, на котором говорила эта сумасшедшая злючка, которую обламывали уже три дня — после покупки, казавшейся такой удачной и, похоже, оказавшейся на деле совершенно убыточной. А языка-то никто не понимал... Впрочем, это дело хозяйки. А его дело — гонять вот таких...

Олег отшагнул чуть в сторону, не сводя глаз со здоровяка. Бросил взгляд на Ольгу. Протянул руку за ножом. Вышибала усмехнулся — а точнее оскалился — и положил лапицу на дубинку за поясом.

Люди, шедшие мимо, если и смотрели — то на наказанную рабыню, а не на мальчишку и вышибалу... Олег решил и достал кошелек. Он не имел представления, сколько тут стоят рабы, поэтому вынул одну за другой десять местных золотых монет. Показал на рабыню, потом — на себя. Вышибала сделал движение вперёд — Олег схватился за нож и невольно оскалился, пригибаясь.

Вышибала остановился. Рабыня стоила семь лиар. На грязной ладони мальчишки лежали десять. В кошельке, похоже, было больше. Отобрать кошелек? Убежит. Или порежет. Конечно, справиться с ним можно, но порежет точно. Отказаться?.. Десять лиар... Амбал поднял руку с растопыренными пальцами четыре раза. Всегда можно сказать, что это сумасшедшая сдохла и он оттащил её на свалку за стеной. Кто там станет доискиваться? Да если и доищутся — отдать половину, и никто не будет внакладе... Ясно же, что она сдохнет, но работать не будет. Похоже, из какого-то северного племени, совсем дальнего, у ближних язык не такой... Эти северяне через одного сумасшедшие — то разобьют себе голову о стену, то перережут жилы, то повесятся на чём-нибудь... Только бы мальчишка не заупрямился платить... Хотя, похоже, ему эта девчонка нужна пуще жизни. Родич или жених... Пусть берёт и уносит ноги к Крылатой или куда там его потащит... Амбал снова помахал рукой четыре раза.

— Хорошо, — Олег кивнул. — Двадцать.

Краем глаза он увидел, что через узорную решётку окна на него смотрит давешняя девица — удивлёнными глазами. Это хуже. Скорее надо...

Отсчитывая монеты, Олег держал одну руку на ноже. Но амбал, похоже, не таил никакого коварства — перепилил верёвку, небрежно срезал узел волос и навалил тело девчонки на подставленное плечо Олега. Проходивший мимо человек задержался, что-то спросил. Амбал буркнул пару слов, махнул рукой и хлопнул девчонку по спине. Подтолкнул Олега, который обмер, ощущая, как медленно, с переборами бьётся сердце Ольги. Неужели умрёт?! Что же делать, куда тащить?!

Он не сделал и десятка шагов от этого проклятого здания, как послышался стук сандалий по булыжнику. Олег тяжело обернулся. Его догоняла та девица с каким-то свёртком в руке. Выставив вперёд руку, она что-то быстро проговорила и, развернув свёрток, закинула Ольгу простым серо-белым платьем. Показала вперёд по улице, потом повернула ладонь, показала два пальца. Второй поворот? А теперь какой-то непонятный жест. Ладно, пусть. Олег кивнул на всякий случай.

Девица, склонив голову к плечу, смотрела на Олега непонятно. Потом погладила волосы Ольги, что-то прошептала. Подняла глаза на Олега. Губы её дрогнули, глаза повлажнели. Наклонившись, она крепко поцеловала мальчика в губы и, оттолкнув его, пошла назад, покачивая бёдрами и что-то напевая...

Олег стоял на месте. И было ему странно и тяжело, и хотелось плакать. А ещё — было жалко эту девушку. Не нашлось у неё того, кто вот так ради неё пришёл бы спасать...

Ольга на плече застонала тихо и пошевелилась.

— Никогда... ни за что... — выдохнула она. И Олег, придерживая тяжёлое, но **живое**

тело, зашагал по булыжникам.

Сперва он хотел идти к воротам. Но по времени было ещё рано, и мальчишка свернул на втором повороте. Тут оказалась такая же улица, только, пожалуй, почище и не настолько многолюдная. И что ему тут делать?

Внезапно его охватило отчаянье. Куда же всё-таки дальше? Мальчишка замедлил шаг, пытаясь сообразить. И встретился взглядом с наголо бритым человеком. Безбородый, безусый, запахнутый в серый плащ, он стоял на верхней ступеньке лестницы, вёдшей к двери с изображением — не на вывеске, а прямо на двери — алых человеческой руки и ножа странной формы.

Глаза человека — пронизательные, холодные (серые, кстати) обежали с ног до головы босого, потного мальчишку-оборванца и его ношу. Потом бритый лёгкими шагами спустился по ступеням, подошёл, откинул край платья. Ещё раз окинул взглядом Олега.

И кивнул на дверь...

...Едва сделав первый шаг, Олег понял, что попал к врачу. Можно было догадаться по рисунку на двери, если бы мальчишка дал себе труд. В небольшом помещении, куда он попал с улицы, был устроен фонтанчик — а точнее, умывальник — в виде всё той же птицы, из клюва которой в мраморную чашу падала вода. А около входа в другую комнату с обеих сторон стояли чёрные каменные статуи женщины с плоским лицом без черт. В обеих руках она держала ножи той же формы, которые были изображены на двери. Ноги женщины опирались на человеческие черепа.

Бритый поманил Олега за собой. В соседнюю комнату свет попадал через потолок, закрытый огромной пластиной какого-то прозрачного материала — вроде бы даже стекла, из-за чего всё помещение приобретало неожиданно и неуместно «современный» вид. Между двух закрытых полотном длинных столов стояло каменное ложе. Бритый что-то сказал. Олег помотал головой. Тогда он указал на Ольгу и на это ложе.

Почти с облегчением, но осторожно, Олег уложил свою ношу на камень. И отвернулся. Теперь смотреть на девчонку было стыдно. Он стал тщательно сворачивать платье и услышал какой-то вопрос врача. Уже привычно показал на рот и уши — и отшатнулся, когда врач, подойдя, взялся за нижнюю челюсть мальчишки. Подвигал ею, резким нажатием заставил открыть рот, потом поводил пальцем перед глазами мальчишки. Олег сердито вырвался. Врач усмехнулся, покачал головой и потёр руку об руку, помахал ими в воздухе, показал на лицо Олега и ноги, потом — на ещё одну дверь в дальней стене. Предлагает вымыться, понял Олег и сделал было несколько шагов, но потом оглянулся на лежащую на столе и вроде бы даже не дышащую Ольгу. Врач сделал нетерпеливый жест — иди! Олег взялся за рукоять ножа, чуть подвытащил его и убрал обратно. Посмотрел прямо в глаза бритому и пошёл, не оглядываясь, в дверь.

Там оказался почти настоящий умывальник плюс ванна для ног — с проточной водой, тёкшей через всю комнатку по наклонному жёлобу от стены до стены. Больше всего на свете Олег хотел вымыться весь, но раздеваться не решился — спустил до пояса свою одежду и начал обливаться, встав ногами в жёлоб. Воды была холодная, но после первой нестерпимой секунды — даже приятная. От неё и мысли успокоились. Наверное, этот врач часто лечит девиц из того дома, может даже, по договорённости с хозяйкой. Не доложил бы только... Но Олег вспомнил глаза врача и понял — не доложит.

Он не доложит, но не сегодня завтра армия восставших возьмёт город и скорее всего перебьёт всех. И врача, и тех женщин у фонтана, и купавшуюся в нём малышню, и воинов (неплохих в целом мужиков), и девчонок из публичного дома... Да. Одно дело в учебнике читать про справедливую борьбу или спорить с Артуром, а вот так вот — другое всё-таки...

Кстати, как там Артур?

* * *

— Садись в седло, — Артур упёрся в коновязь спиной. Воины остановились, глядя на мальчишек и не снимая рук с оружия. Начальник лучников тяжело дышал, держать его было противно — от него сильно пахло потом. От страха...

— Умеешь ездить верхом?

— С седла не упаду, — не переставая прикрываться щитом, мальчишка ловко взобрался на лошадь, рывком снял поводья с коновязи. Та стояла смирно, не протестовала, что на ней — чужой. — Теперь что?

— Поддай мне вторую, — Артур старался видеть и то, что происходит по бокам. Всё висело на волоске, на тонюсенькой паутинке. В эти времена вряд ли уж так ценна жизнь одного человека, пусть и командира. Увидев, что уходят двое врагов (да ещё и верхами), воины вполне могут решить, что начальником можно пожертвовать... Может, правда, он какой знатный. Тогда повезло.

Жаль, что придётся бросить Олега. Но он ни в чём не замазан, едва ли кто-то вспомнит двух мальчишек, вместе вошедших в город. Выкарабкается.

Кирилл, толкая лошадь пятками, подал Артуру вторую. Кадет заметил теперь, что спина мальчишки буквально сплошь покрыта хорошо знакомыми ему самому следами побоев. Если и ниже — тоже, то ему сидеть голым задом в седле — всё равно что на раскалённой сковородке... Ладно, сейчас главное — выбраться отсюда...

— Держи повод, — Артур надавил ножом — командир лучников курлыкнул. — Веди коня так, чтобы он прикрывал мне спину, сам смотри по сторонам.

— Понял, — отрывисто сказал Кирилл. Молодец парень... — Двинулись?

— Ага.

Ощущая, как колеблется конский бок и не сводя глаз с ползущей по пятам вооружённой толпы, Артур начал медленно смещаться. Руки уставали. Но главное сейчас было — не давать себя думать слишком далеко вперёд. Только на дистанцию следующего шага. Шаг за шагом. И хорошо, что это идиотское стрельбище прямо около стены.

Не слушать шум. Люди собираются, всё больше и больше... И не думать о том, что сделают, если схватят. Наверняка работа живой мишени покажется райским наслаждением... На лицах у большинства — непонимание; кто-то из воинов — наверное, младший командир — что-то кричит Артуру... Не понимаю, что ты орёшь, но вот, смотри — перережу горло твоему начальнику и не задумаюсь.

— Ворота уже близко, — голос Кирилла. — Но там толпа.

— Конём вперёд.

— Понял...

Лица — совсем рядом. Передние расступаются от конских грудей, но задние жмут, давят. На лицах — удивление, любопытство... ненависть. На некоторых — ненависть. Наверное, думают, что он агент, соглядатай повстанцев... Пошевелить ножом... Правильно думают...

Конных вокруг пока не видно. Это хорошо, можно будет получить фору. Если, конечно, дадут забраться на коня... Ворота. Караульные прикрылись щитами, те кадры с лопатами бросили откапывать створки. Неужели получилось?

Стой, не думай, думай только о следующем шаге...

— На дороге народу полно, — опять Кирилл. — Не понимают, что происходит.

— Покажи этим, чтобы за ворота не выходили.

Кирилл не спросил — как, мол, показать? Махнул рукой с мечом, как бы проводя черту, над самой головой Артура. Поняли. Остановились. Повозка, остолбенелые женщина и мужчина, полдюжины детей хлопают глазами, наблюдая совершенно непонятную картину.

— Когда я сяду в седло — сразу скачи с дороги вправо и через поле. Понял?

— Понял... Не отпускай его, зарежь, он сволочь. Садист.

Посмотреть бы, какое сейчас лицо у мальчишки. Но голос спокойный. Зарезать? Полоснуть по горлу, оттолкнуть от себя тело — будут две-три секунды столбняка... Этот что-то почуял, заговорил — быстро, хрипло... Артур нажал ножом — заткнулся... Нет, не

зарезу, не смогу...

Толчок — от себя! В седло! (Хорошо, что тут изобрели стремена...) А почему Кирилл...

Кирилл, резко наклонившись с седла, с коротким выдохом взмахнул мечом, обрушивая его на шею удержавшегося на ногах бородача. Тот издал странный звук, голова отвалилась налево, а дальше Артур уже не видел — конь нёс его через поле, и Кирилл скакал рядом. Сжимал в руке меч, с которого срывались и срывались тёмные капли...

* * *

— Ты кто? — слабо спросила Ольга, чуть-чуть повернув голову. — Ты мне снишься? Мне снилось, что ты говоришь по-нашему... я, наверное, всё-таки умерла... я так хотела умереть...

— Помолчи, тебе нельзя пока говорить, — присев на корточки рядом с низким ложем, Олег поднял руку, чтобы погладить неровно срезанные ножом волосы девчонки, но вдруг смутился и не стал этого делать. Глаза Ольги вспыхнули, она сделала отчаянную попытку приподняться, но Олег решительно её удержал: — Да лежи же ты!!!

— Это... правда... — она задыхалась от усилий и от волнения. — Ты... правда... ты...

— Да, я из наших мест, — с нелепой, самого смутившей важностью ответил Олег. Ольга сморщилась:

— Ты... тоже... — она сглотнула: — Ты тоже раб? Но мы не... **там** ... Меня продали?

— Ну, тебя заклинило, — покачал Олег головой, но тут же подумал, что, пожалуй, это с точки зрения Ольги наиболее разумный вариант. — Я не раб. И я тебя не купил, а **выкупил**. Ощущаешь разницу? Немного отлежишься — и мы отправимся домой...

— Домой? — девчонка нахмурилась. — Как... домой? Как же мы... домой?

— Молча, — отрезал Олег. — Спи давай.

— Сон... — вздохнула Ольга, закрывая глаза. — Сон... ну и пусть...

Кажется, она тут же уснула.

Олег поднялся с колена и оглянулся на врача — скрестив руки, он с непонятной усмешкой стоял рядом. Но несмотря на усмешку, в его глазах не было ни ехидства, ни каких-то ещё недобрых чувств. Он поднял руку и потёр палец о палец. Так, значит всё-таки не альтруист. Ну и ладно.

Олег вытащил из кошелька местную золотую монету. Врач усмехнулся, что-то пробормотал насмешливо. Показал на монету — и поднял три пальца. Ничего себе... Но Олег заплатил без спора, и врач, кивнув, показал на мальчишку и на второе ложе в этой же комнатке. Сложил ладони под щекой, потом покачал пальцем и, обхватив себя за плечи, вздрогнул. А, понятно. Предлагает не бояться. Ну и ладно, вряд ли он в самом деле что-то сделает плохое, тем более, что Олег ничего противозаконного по меркам здешнего мира не совершил...

— Я хочу пройтись, — Олег показал пальцами. — Поесть, посмотреть... Я могу сюда вернуться?

Кивок. Врач взял Олега за руку, поводил по ней пальцем, что-то говоря с объяснительными интонациями, потом, видя, что Олег не понимает, поморщился, вздохнул, показал на Ольгу, ровно дышащую под покрывалом, показал на кошелёк Олега, повёл Олега за руку, как маленького, в небольшую дверь. Там, в конце короткой лестницы вниз, оказалась небольшая кухонька, где хозяйничала классическая повариха — толстая и независимая, хотя и с ошейником на шее. Они с врачом перекинулись несколькими словами. Оба посмеялись. Олег стоял, не понимая, что он тут делает. Но врач показал Олегу кувшин, налил из него в чашу густого вина, снова показал. Потом потряхнул кистью винограда, ткнул пальцем в кусок мяса, лежащий на разделочной доске. Показал пальцем на потолок и обрисовал женский профиль.

— А, понял... — пробормотал Олег. — Ей нужно вино, мясо, фрукты... Понял, — и в подтверждение своих слов энергично закивал. Врач тоже кивнул, но тут сверху послышался отчётливый металлический стук, врач заторопился, совершенно утратив интерес к Олегу, и, когда мальчишка выходил, то вынужден был прижаться к стене, чтобы пропустить богато одетого толстяка (через открытую дверь было видно, что снаружи ожидают носилки). Толстяк скользнул по мальчишке взглядом и со смехом что-то сказал врачу. Но тот на шутку не отреагировал — довольно холодно показал толстяку внутрь покоев. Олег сердито оглянулся через плечо (то ли жирдяй посмеялся над врачом, что тот обслуживает нищих, то ли вообще принял Олега за... ну как бы сказать?) — и увидел, что врач...

...**Врач подмигнул** мальчишке, брезгливо кивнув вслед своему клиенту.

Олег невольно улыбнулся в ответ...

...Настроение у Олега было отличное. Во-первых, оказалось, что тут не так уж мало хороших людей (что с ними будет завтра-послезавтра, подумал мальчишка, но прогнал от себя эту мысль). Во-вторых, он нашёл и спас Ольку. В третьих, подошло время встречи с Артуром. Он бы, наверное, замурлыкал песенку, если б не ампула глухонемого. Поэтому мальчишка просто шагал пружинящим, почти танцующим шагом и безотчётно улыбался.

Пройдя шагов триста, он вспомнил, что собирался поест и зашарил глазами по вывескам. Всё-таки вывески — великое изобретение; даже неграмотному сразу понятно, что где. Хотя... вон на той вывеске изображён зверского вида мужик с ножом в руке, нависший над другим мужиком. Интересно, это парикмахерская или контора киллера?

Первая «столовая», как определил для себя Олег, была явно слишком шикарной — выложенная рисунком из цветного стекла дверь, молодой хорошо одетый мужик, что-то лихо горланивший явно в рифму — зазывала... Конечно, кормили здесь наверняка хорошо, но мальчишку, одетого в драньё и босого, сюда не пустили бы точно.

Но буквально за поворотом обнаружилось заведение другого типа. Из открытого дверного проёма несло ливером, у самых ступенек лежал облёванный пьяный, на тех же ступеньках смурные личности неопределённого возраста жрали руками из мисок, бросая по сторонам настороженные взгляды. Подумав, Олег решил зайти — всяко это выглядело не страшнее дискотеки в железнодорожном клубе Фирсанова, а он туда захаживал — и выжил.

Когда Олег подошёл к ступенькам, завсегдатаи, как по команде, уставились на него тяжёлыми взглядами. Один из них со стуком поставил миску и преградил путь мальчишке вытянутой ногой. Ясно было, что и здесь его не рады видеть.

Олег остановился. Широко улыбнулся. Нагнул голову. И смачно харкнул в миску, сказав:

— На десерт. Приятного аппетита.

Как не странно, после короткой паузы, в течение которой мальчишку рассматривали выпученными глазами, раздался общий хохот. Громче всех хохотал тот, в чью миску плюнул Олег. Он убрал ногу и одобрительно хлопнул Олега по локтю, а потом ткнул рукой в дверь и что-то сказал.

Мальчишка вошёл внутрь.

Внутри заведение напоминало забегаловку безухого Шрека — в расширенном варианте и с обилием посетителей. Требухой тут разило ещё сильнее, чем снаружи. Хозяин был ещё страшней, чем Шрек, хотя и с ушами. Столы и скамьи были каменные — чтоб уж точно не поднять, случись что. Посетители ничем не отличались от сидящих снаружи — разве что тут были и женщины, а точнее — бабы. Другое название к ним не подходило.

Кстати, на мальчишку никто не обратил внимания. В целом это его устраивало — отсюда, случись что, не очень-то смоешься, не снаружи. Правда, и аппетита всё то, что готовилось в большущем очаге, не вызывало. Но... с другой-то стороны, тут наверняка нет соевого мяса, гамбургерских булочек из геномодифицированной пшенички и разбавленного крахмалом соуса. Если и отходы, то натуральные стопроцентно, так чего корячиться?

Олег подошёл к хозяину и вдруг сообразил, что сделал глупость — разрушил образ немого и создал образ некоего невнятного иностранца, находящегося под защитой лишь

собственной наглости. А это может привести к самым непредсказуемым последствиям... Но в принципе отступить-то было уже некуда, и Олег потребовал жестами еды.

К счастью для мальчишки хозяин, видимо, придерживался нехитрой философии «деньги не пахнут» и (в точности как Шрек), ткнув в один из столиков, отвернулся. Олег подошёл, присел на край скамьи (холодная, зараза). Сидевшие за тем же столиком двое оборванных волосатых типов на него даже не оглянулись, занятые обсуждением каких-то проблем — они то и дело били себя в грудь и друг друга по плечам, воздевали руки к потолку, закатывали глаза — короче, вели деловую жизнь. Олег положил руки на стол и вдруг обнаружил, что они дрожат. Мелко и противно. Всё это время его, оказывается, не отпускало дичайшее нервное напряжение. Интересно, как это выдерживают разведчики. Играющие чужие роли куда более изощрённо — и годами? Едва Олег заметил эту дрожь, как его начало потряхивать всего, и остановить это было почти невозможно. Трясло всё сильнее с каждой секундой.

Достав под столом нож, мальчишка раскрыл его и с силой резанул по ноге, по бедру. Молча, только прикрыв глаза, вытерпел вспыхнувшую боль, прижал к порезу подол своей одежды и, складывая «оборотень», понял, что дрожь прошла. Теперь, правда, дёргалось порез...

Не прошло и трёх минут, как подбежал мальчишка — в каком-то дранье, синий от побоев, но выглядящий вполне жизнерадостно. Он сгрузил на стол миску, ложку, большой кусок серого хлеба и кружку, после чего подмигнул Олегу и ловко спрятал куда-то в лохмотья одну из пяти медяшек, протянутых ему наобум. Судя по тому, что хозяин не подошёл выяснять насчёт оплаты, тут такое было в порядке вещей.

В миске оказался гороховый суп с мясом непонятного происхождения, в кружке — нечто, напоминавшее по вкусу разведённый яблочный уксус. Надо полагать — вино. Ложку следовало бы помыть или хотя бы собакам дать облизать — Олег протёр её о край всё той же одежды. В каждой избушке свои зверушки, чего морщиться?

Кстати, суп оказался не только вполне съедобным, но и довольно вкусным. И хлеб тоже, он чем-то напоминал финский подслащённый, который Олег любил. К вину мальчишка не притронулся, чем вызвал удивление наконец-то завершивших спор соседей. Тогда Олег молча придвинул кружку им. В ответ посыпались какие-то вопросы, но мальчишка помотал головой и отмахнулся рукой. Прокатило — волосатые схлебали вино и убрались, с руганью расплатившись.

Тянуло ещё немного посидеть (ноги горели со страшной силой, Олег уже сто раз проклял идею идти босиком, в конце концов, что, так уж подозрительны были бы сандалии или даже сапоги?). Но пора было спешить к воротам. И ясно, что, чем больше сидишь — тем труднее будет встать. Олег решительно поднялся, убирая кошель и нож в складки на поясе, даже руками от стола оттолкнулся, как будто подтверждая самому себе — всё, ухожу!

Снаружи на ступеньках сидели всё те же оборванцы. А ещё стояли двое людей, которых Олег определил, как «стражников» — в кожаных шлемах и доспехах, с маленькими круглыми щитами, длинными кинжалами на поясах, дубинками в руках и какими-то бляхами на шеях. Они о чём-то возбуждённо говорили, и Олег шастнул мимо, но... совершенно неожиданно дубинка в загорелой жилистой руке преградила ему путь, а другая рука схватила за волосы и запрокинула голову назад с такой силой, что Олег замычал от боли. Хорошо, что именно замычал...

Один из стражников что-то спросил, подкрепив вопрос толчком дубинки в пах (больно). Олег сделал непонимающее лицо, мыкнул, показал на уши, на рот. И обмер.

Оборванцы со ступеней смотрели прямо на него. Все. Внимательно и вроде бы насмешливо.

Потом тот, которому Олег плюнул в миску, что-то лениво сказал. Стражник повторил те же слова, его товарищ что-то буркнул, и Олег, получив неожиданный пинок, пролетел пару метров и распластался на булыжниках. Будь тут асфальт — он свёз бы всю кожу с коленей, ладоней и локтей, а так — просто обидно проехался. Вскочив, мальчишка

обернулся — но стражники на него уже и не смотрели. А оборванцы активно сигнализировали глазами — мотай отсюда!!!

Олег юркнул в улицу. И обнаружил, что по щекам текут злые слёзы. Не от боли. Его ни разу в жизни не пинали вот так — под зад. На секунду даже возникла мысль вернуться и...

Нет. Нельзя. И так непонятно, чего они прицепились — подозрительно... Размазав слёзы руками, Олег плюнул на булыжники и пошёл к воротам — на встречу с Артуром. А потом ещё предстояло искать лавку почище — купить еды для Ольки.

* * *

Погони не было. И хорошо, потому что кони оказались фиговыми — быстро начали засекается, запалённо сипеть, и на удары пятками не реагировали почти совсем. Наверное, «мобилизованные» у крестьян или ещё у кого.

— Пржевальские чёртовы, — Артур выругался, соскакивая наземь. Стремена растёрли середину подошв. — Пошла отсюда, скотина! — он замахнулся рукой, но лошадь и ухом не повела.

Кирилл тоже слез, бросил меч, сел на траву, сжался в комок и заплакал. Артур смотрел на его трясущиеся плечи со вспухшими рубцами — свежими — от кнута и не понимал, что делать. Опять выругался, начал рассёдлывать лошадей. В одной попоне прорезал дырку, получилось что-то вроде пончо. Откромсал кусок ремня с затяжным узлом — вместо пояса... Пока он этим занимался — Кирилл пришёл в себя и хмуро смотрел обведёнными тёмным глазами. Спросил:

— Ты как тут оказался?

— Долгая история, — Артур сел рядом, стащил до пояса свою накидку. Кирилл покосился, криво усмехнулся:

— А, понятно...

— Ничего тебе не понятно, — беззлобно буркнул Артур. — Потом расскажу. Вообще-то тебя ищем... и других. С тобой сюда кто-нибудь...

— Нет, наших никого больше не было... — Кирилл взял меч. Поводил по клинку пальцем, тихо сказал: — Я его убил. По-настоящему убил. Я никогда даже воробья не убивал, а тут человека убил...

— Ну убил, — Артур вздохнул. — Я тоже убил. И кто его знает, что там дальше будет... Оденься, вот. Пахнет, правда...

— Пахнет... — Кирилл рукой убрал с лица грязные сосульки волос. — Пить хочу... — он поднялся, накинуд «пончо», перепоясался. — Пошли ручей поищем, а?..

...Кирилл попал сюда из собственной квартиры. Делал зарядку, разминался — и вдруг... что «вдруг» он не очень помнил, вроде бы распахнулась дверца шкафа... или просто какая-то дверца... И он оказался прямо посреди каравана, который гнали в Тале-Тиалу.

Дальнейшее развитие событий было стандартным. Его продали перекупщику. Там мальчишка первый раз взбунтовался — истерично, но яростно — и его первый раз избили. Несильно, чтобы не портить товар. И почти сразу продали какому-то городскому меценату, которому был нужен мальчишка для спектаклей домашнего театра. Отсюда Кирилл сбежал и был пойман раньше, чем выбрался за пределы городских стен. Его избили снова и продали в село, на плантацию. Работать там он отказался начисто и после трёх сильнейших порок его приковали во дворе — около ворот, рядом с будкой для привратников. Мальчишка сумел расшатать штырь, удерживавший в стене цепь, оглушил попавшегося под руку хозяйского сына и снова попался. На этот раз хозяин собирался просто-напросто посадить мальчишку, осмелившегося поднять руку на свободного — на сына хозяина — на кол, но проходивший мимо отряд лучников перекупил Кирилла — им был нужен работник-слуга. Кирилл чистил доспехи, ухаживал за несколькими лошадьми отряда — без сопротивления, это была не унижительная и даже, в общем-то, не рабская работа. Может быть, он бы прижился у

лучников — и кто знает, как дальше пошло бы дело, не сменись в Тале-Тиалу командир отряда. В стычке с мятежными рабами прежний командир получил копьё в живот и через два часа умер, а новый начальник пришёлся не по нраву и многим воинам, что уж — рабам при отряде... Кирилла он почти не задевал, но однажды мальчишка заступился за старика-раба, который изготавливал древки для стрел — за какую-то мелкую оплошность, допущенную по возрасту, тому досталось по голове щитом. Не ожидавший худого начальник оказался в пыли раньше, чем сумел сообразить, что и как — и щит с гулким звуком обрушился на его голову.

Если честно, потом мальчишка не раз пожалел о своём заступничестве. То, что его избили — это было уже почти привычно. Но потом начались обычные настоящие пытки. Начальник вознамерился наказать наглеца — кроме того, ему явно доставляло удовольствие издеваться над мальчишкой. Днём Кирилл отлёживался в душном крохотном помещении за оружейной, привязанный за руки к двум крюкам в стене, а вечером начальник лучников начинал развлекаться. Об этих развлечениях Кирилл наотрез отказался говорить. Артур было заподозрил, что бородатый скот оказался извращенцем, но потом понял — нет, «просто» садистом...

Как не пытался Кирилл сопротивляться, в конце концов от боли и её ожидания он дошёл до того состояния, когда человеком управляют самые примитивные инстинкты. Очевидно посчитав, что непокорный раб сломлен, начальник лучников выставил его как мишень на той тренировке. Наверное, мальчишка покорно умер бы под стрелами, но незадолго до этого увидел, как начальник по очереди в кровь избил ножнами меча семерых лучников, наотрез отказавшихся стрелять в «Кейоду».

— Это они меня так прозвали, — Кирилл улыбнулся дрожащей улыбкой. — Поздешнему это «В каждой бочке затычка», что-то вроде. Я сперва обижался, а потом не стал, они почти все без зла это говорили, так, со смехом... Ты знаешь, глупость, конечно, но там многие были хорошие люди... Ну, простые, как наши мужики. Хорошие, в общем...

Мальчишки полулежали на берегу ручья, загорали, отдыхали... Артур слушал Кирилла.

— В общем, меня как-то встряхнуло, что ли... — Кирилл осторожно сел. — Я подумал — ну всё равно сейчас убьют, так я хоть им покажу, что я... что я человек. Ну а дальше ты и сам видел.

— Видел, — кивнул Артур. — Ты молодец. Просто молодец.

— Да ну... — Кирилл опять слабо улыбнулся.

— А ты их язык что, понимаешь? — вдруг вспомнил Артур интересовавший его вопрос. Кирилл удивился:

— Немного понимаю, а как же? Два месяца же прошло...

— Лажа какая-то... — пробормотал Артур удивлённо-озабоченно. — Олег говорил, ты пропал девятого июня. Сейчас примерно 24-25-е... А ты говоришь, что ты тут уже два месяца...

— Кто такой Олег? — Кирилл опять обхватил коленки руками.

— Один отличный парень, — усмехнулся Артур. — Ты с ним познакомишься... надеюсь.

* * *

Артура возле ворот не было.

Но Олег не растерялся, потому что была дикая суeta, вопли, свист уличных пацанов и всеобщее хаотичное метание. Прямо в воротах лежал какой-то бородач с перерубленной шеей — кровищи натекло столько, что смотреть было, прямо скажем, тошновато. Вокруг трупа суетились человек пять, на лицах у многих в толпе было написано скорей злорадство, чем сочувствие. Конечно, языка Олег не знал (хотя и предполагал, что несколько часто повторяемых всеми слов — это местная ругань), но был уверен — без Артура не обошлось, куда уж там.

Уверенность его приобрела крепость железобетона, армированного сталью, когда, отойдя чуть в сторону, он обнаружил около какого-то стрельбища, где спешно засыпали песком кровавые пятна, дубинку кадета. На секунду Олег перепугался, но потом решил, что едва ли Артур попался или убит. Собственно, никаких причин для такой уверенности вроде бы и не было... а вот уверенность — была. Олег мимоходом стянул с лотка у возбуждённо обсуждающего что-то с соседом разносчика оранжевый фрукт и, откусывая от него большие куски, стал осматриваться внимательней.

Фрукт оказался совершенно неизвестным, сладковато-мучнистым, похожим на банан — и в то же время имел неизменно присутствующий во всех тропических плодах привкус земляники. А внимательный осмотр опять же ничего не дал. Ясно было только — тут что-то произошло, и в этом чём-то активно участвовал Артур. Оставалось надеяться, что это не было попыткой захвата власти.

Оставаться у ворот дальше было не слишком разумно. Олега неожиданно охватило ощущение, что его внимательно рассматривают. А это могло и не быть ощущением — да, лениво поведя вокруг глазами, Олег убедился, что на него смотрит один из стражников у ворот. Неужели запомнил входивших в город утром мальчишек?

Но стражник отвёл глаза, а Олег, доев фрукт (внутри оказалась круглая косточка, которую он щелчком из пальцев запулил в спину какому-то «полицейскому» в кожаном доспехе и довольно подумал «хаеую»), быстренько сдёрнул от ворот.

Поиски хороших продуктов довольно быстро привели его на улицу, почти сплошь застроенную двухэтажными зданиями, украшенными солидными вывесками с изображениями счастливых рыб, довольных телят-поросят, дымящихся булок и прочего. Судя по тому, что входили-выходили туда-сюда люди прилично одетые, которых ожидали на улице один-два слуги (или раба?), торговали тут не собачьим студнем и не ливерной колбасой.

Правда, переступив порог первой лавки, Олег ощутил внезапно себя так, словно вошёл в лучший продуктовый магазин Фирсанова, одетый в драные шорты и босой после того, как всё утро месил глину и забыл помыться. Это было глупо и неожиданно, но мальчишка по-настоящему впал в ступор сразу за порогом и был готов к тому, что его элементарно вышвырнут.

Однако, выяснилось, что торговцы тут достаточно терпимы и демократичны. Наверное, были в городе лавки, куда Олега и правда не пустили бы на порог, но не на этой улице. Правда, сперва его почти везде встречали хмурым взглядом — или даже удивлённым взглядом: мол, ну обнаглели побирушки! — но после появления монет становились равнодушно-услужливыми: дескать, глаза б на тебя не глядели и провались ты, но уж если есть деньги...

Олег купил винограда. Купил копчёного окорока (кто там будет готовить свежее мясо?). Купил (с опаской — не всучили бы дрянь, уксус какой-нибудь опять) запечатанный сосуд с вином. Купил белого хлеба. И купил, наконец, корзину, куда всё это сложил. Корзина получилась приятно тяжёлой.

И пустился в обратный путь — благо, хорошо помнил дорогу до дома того врача...

...Оля Томилина шла домой с дискотеки, когда очередной шаг привёл её на городскую — точнее, в закоулок, где поджидали несколько человек. Один тут же выбыл из строя, причём надолго — девчонка, ещё ничего не понявшая, но отреагировавшая на стандартную ситуацию с занятий по ОБЖ, нанесла ему сокрушительный удар носком туфли между ног и с визгом «пожар!» принялась вырываться из рук навалившихся остальных. Ей показалось, что нападающие — какие-то бомжи и она была уверена, что сейчас всё разрешится самым лучшим образом.

Уверенность кончилась очень быстро. Когда Ольга осознала произошедшее, то впала в ступор и вполне равнодушно позволила себя продать «мадам», как женщины такого рода назывались в России. «Мадам» содержала отнюдь не худший дом развлечений и искренне была уверена, что обеспечивает девушке лучшую долю. Сама «мадам» тоже так начинала —

уж всяко лучше, чем попасть на работу в поле или в домашнюю прислугу к какой-нибудь мегере... Поэтому дальнейшее поведение лопочущей на каком-то неудобоваримом языке девицы искренне возмутило «благодетельницу» и крепко пошатнуло её взгляды на мир.

Если бы Ольгу в день дискотеки спросили, что такое «чувство собственного достоинства» — она бы не смогла ответить, да и не захотела бы отвечать, скорее всего, просто рассмеялась бы и махнула рукой: на дворе не девятнадцатый век. Но совершенно неожиданно оказалось, что чувство собственного достоинства у неё есть. Началось всё с кувшина, разбитого о голову «инструктора», явившегося в отведённую Ольге каморку. А дальше покатилося...

Если честно, Олька и сама не смогла бы объяснить, что заставляет её так упорно сопротивляться. Никаких надежд на лучшее будущее или возвращение домой она не питала. Может быть, отчаянное сопротивление, которое не могли сломить никакие испытанные наказания, действовавшие на самых строптивых, было просто реакцией на неприятие всего этого мира?

После предпринятой сумасшедшей рабыней попытки покончить с собой, мадам прибегла к последнему средству — девушку, привязанную в мучительной позе прямо на улице, лишали воды и пищи. Олег застал девчонку в начале вторых суток её мучений — суток, скорее всего, ставших бы для Ольги Томилиной последними.

Излив душу, Олька наконец спросила:

— А ты вообще кто?

— Вольный рок-стрелок Мовсес Расчёскин, борец за права пассивных феминисток... — сонным и раздражённым голосом ответил Олег с соседнего ложа. Больше всего на свете ему хотелось раздеться и как следует поспать. Раздеваться он постеснялся, а спать не давала отлично выспавшаяся за день Олька. Голосок у неё был всё ещё слабенький, но энтузиазм переполнял девицу, и она то и дело будила начинавшего дремать Олега сакраментальным: «Ты спишь?!» Поэтому мальчишка пребывал в совершенно бредовом состоянии, пронизанном некрасивой, но простительной мыслью: «Да чтоб ты!!!»

— Я тебе спать не даю? — осознала наконец эта трещотка. — Ой, прости... Но ты знаешь, я столько пережила за этот месяц... — в голосе её прозвучал настолько дурацкий сериальный пафос, что Олег невольно улыбнулся, хотя смысл сказанного был совершенно правильным.

Вот ещё фокус. Почему месяц-то? Олег подумал, что эта хрень со временем ему очень и очень не по душе. Знаем мы, чем это кончается¹⁵.

— Давай спать, — попросил он. — Нам завтра надо выбраться из города, потому что на днях, наверное, тут будет бой.

— Бой?! — изумилась девчонка. Но Олег наотрез отказался слушать и вскоре уснул — крепко, благо, девчонка замолчала. Спала ли она — осталось загадкой, но что не мешала мальчишке — точно.

* * *

Свою и Олега одежду и снаряжение Артур упаковал в аккуратный тюк, который водрузил себе на спину. Не сказать, что очень легко, но нести можно... Кирилл, наблюдавший за его действиями внимательным взглядом, вдруг сказал:

— Знаешь, я только сейчас поверил, что ты по правде из нашего мира. А так... — он вздрогнул, — я стал уже думать, что его просто нет...

— Угу, — буркнул Артур. — Давай-ка быстро назад, нам сначала надо к Григорию Викторовичу, должен же я ему сведения передать — да потом ещё обратно до города

¹⁵ См. книгу «Если в лесу сидеть тихо-тихо или Секрет двойного дуба».

добираться, а по дороге идти нельзя...

Ночь до рассвета мальчишки провели под кустом и дико замёрзли — выпала роса, похолодало, в лесу были какие-то звери. С утра, ещё до рассвета, почти бегом добрались до «схрона» — Артур, почему-то ожидавший, что там ничего не окажется, обрадовался.

— Мы будем искать ещё этого мелкого, как его — Тимку? — Кирилл полюбовался мечом и поместил его в импровизированную перевязь.

— И девчонку, — Артур осмотрелся. — Девчонку придётся искать Олегу, в город мне теперь не сунуться... Может, и мальчишка там. Куда могли продать восьмилетнего?

— Не спрашивай, — глухо ответил Кирилл. — До фи́га мест и все — отвратительные.

— Блин, — ругнулся Артур. — Ладно, пошли, тут до лагеря часа четыре быстрого хода.

Они маршировали довольно ходко; двустволку Артур убирать не стал и держал наготове заряженной. Солнце поднялось высоко в небо; по горизонту в нескольких местах тянулись дымы, но местность была совершенно пустынной. Неожиданно Кирилл остановился и резким жестом откинул со лба волосы:

— Ты слышишь это?

— Что? — насторожился Артур.

— Ну... **это**, — Кирилл поднял палец. — Я слышу это уже пару минут. Какой-то шум... знаешь, похоже, как на стадионе.

Артур тоже прислушался. У него было великолепное зрение, на слух он тоже, в общем-то, не жаловался, но...

Хотя да. Шум. На самой грани восприятия, но у Кирилла, наверное, слух острее. Какой-то рёв, как будто и правда на стадионе беснуются тысяч шестьдесят фанатов.

И вдруг Артур обмер. Он **понял**, что это за шум.

— Кирка! — крикнул он вздрогнувшему младшему мальчишке. — Кирка, скорее! Это же — это **битва** !..

...Очевидно, на повстанческую армию напали ранним утром, когда мальчишки только проснулись. Григорий Викторович выбрал место для лагеря умело, даже укрепил его, что не было в традициях этого мира, но, наверное, подвела стража. Не нужно было быть гением, чтобы понять — враг подобрался со стороны реки, где укрепления были хиловатыми, то ли заранее зная, то ли втихую разведав броды. И одновременно вторая группировка противника подошла лесом и обрушилась на лагерь, когда войска повстанцев стали выходить оттуда, чтобы построиться для боя с ворвавшимся в расположение противником. Получились классические «клещи» между занятым врагом собственным лагерем — и атакующими из леса отрядами.

Странно, но картина, которую увидели мальчишки с холма, была очень похожа на голливудские блокбастеры. Рябило в глазах — сражалось не менее ста тысяч человек одновременно. Разобрать какие-то эпизоды было невозможно, только били в глаза тысячи солнечных вспышек на оружии. Заполнивший всё пространство между холмами, лесом и рекой звук больше всего напоминал низкое мрачное «гггуууу...», лишь изредка пронзаемое визгом — не ржанием, а именно визгом, жутким и тонким — коней. Там, где бой уже прокатился, поле шевелилось, как разворошенный муравейник — десятки искалеченных или оглушённых пытались подняться, ползли среди разбросанных тел и целых груд трупов, просто возились на одном месте. Потоками чёрных штрихов летели в воздухе стрелы. До мальчишек доносился тошнотворный, непередаваемый ни в каком кино запах — дикая смесь пота, крови, рвоты и дерьма.

— Господи, — потрясённо сказал Кирилл. Артур промолчал. Он пытался разобраться в том, что происходит на поле, кто побеждает. Флаг Григория Викторовича — алый кулак на белом поле — он нашёл сразу. Но со всех сторон текли реки воинов под золотыми флагами с чёрной птицей, распростёршей крылья и распахнувшей клюв — отряды Сиано Демо. Артур нашёл взглядом группу конных позади атакующих войск Синмейи — и понял, что старый знакомый Григория Викторовича находится именно там, руководит войсками...

А потом он нашёл и самого бывшего гладиатора. Под тем самым флагом с кулаком, тоже в конном отряде. Но этот отряд не стоял на месте, а рубился. Воины Синмейи бросались на него, как рушится морской прибой на скалы — и так же откатывались, брызгами пены оставляя всё новые и новые трупы...

...И как раз по тому, что Григорий Викторович бился **сам**, Артур понял — всё кончено.

* * *

Самые неприятные предчувствия начали сбываться, когда один из воинов, стоявших слева от ворот — незнакомый — протянув копьё, остановил Олега. Ольга не остановилась — шла, как шла, вполне уверенной походкой, даже не покосившись в сторону мальчишки, которого зачем-то задержали. Олег мог только искренне поблагодарить её за такое поведение и, с туповатым видом повернувшись к воину, в ответ на его вопрос замычал и показал руками на рот и уши.

Неизвестно, какой приказ получил (и получил ли вообще) насчёт Олега стражник, но «глухонемой» его удивил, он опустил копьё... а в следующую секунду судьба послала Олегу подкрепление в виде буквально вихрем подлетевшим к воротам троих всадников. Передний — в выложенном золотом шлеме, молодой — что-то крикнул высоким голосом, вскинул коня на дыбы и промчался в ворота. Стража разразилась ликующими криками, вскидывая копья и щиты. Про Олега, конечно, и думать забыли, и он — сперва неспешно, осторожно, потом — почти бегом — нагнал Ольгу.

— Я думала тебе крышка, — прошептала та, идя, как шла. — Перепугалась страшно.

— Хорошо, что не остановилась, — Олег оглянулся, не выдержал. Ликование у ворот становилось всё более и более бурным, похоже — перекидывалось в город. — Интересно, чего они так взбесились... Давай-ка свернём с дороги.

— Куда мы пойдём? — Ольга послушно свернула. Она была в платье и в сандалиях, купленных Олегом.

— Устала? — спросил мальчишка.

— Нет, я сколько нужно пройду. Просто спросила...

— Пойдём в лагерь Григория Викторовича. Артур должен быть там.

— А Григорий Викторович... — удивлённо начала Ольга, но Олег прервал её:

— Сейчас я тебе про него расскажу. Идти будет веселей, да и кроме того, он заслуживает, чтобы о нём рассказывали почаще...

* * *

У всех историй есть финал. Бесконечные истории бывают только в детских книжках. Да и то — пока не иссякнет нетребовательный интерес читательской аудитории.

Нечестно, думал Олег, глядя на вечернее небо. Я бы написал по-другому. Я бы написал, что он победил и стал правителем — справедливым и мудрым. И пусть бы это была сказка.

Они с Артуром лежали за густыми кустами, ограждавшими неприметную, укромную полянку, на которой отдыхали Кирилл и Ольга. Олег глядел в небо. Артур смотрел перед собой, на равнину между холмов. Последние отзвуки битвы утихли часа два назад, примерно через час после того, как две двойки наших путешественников по пространствам встретились.

Надо было поесть, и еда была — но есть никто не мог. Даже Кирилл и Ольга, которые не знали Григория Викторовича.

— Завтра отправь их на Дорогу, — сказал Артур. — А мы будем дальше искать этого. Мальчишку. Тимка он, да?

— Уходи с ними, — предложил Олег. — Ты тут теперь личность известная, а вокруг уже завтра будет полно разных карательных отрядов. Я вывернусь, меня мало кто знает.

— Ага, около ворот чуть не схватили.

— Ну... всё равно, — Олег перелёг на живот. — Всё равно меньше засвечен, чем ты.

— Не уйду я никуда, отстань.

— А думаешь, они уйдут?

Артур не ответил.

— Ты же знаешь, — тихо сказал Олег, кладя руку ему на плечо. — Ты же знаешь, он **не мог** выиграть.

Артур ожесточённо мотнул головой. Промолчал. Плечо было горячим и вздрагивало.

— И он это знал.

— Я бы, может, остался с ним... — тихо ответил Артур. — Не гляди на меня, я плачу.

— Ничего, — сказал Олег. — Я не гляжу... Как бы ты остался? А родные, а наш мир?

Артур снова промолчал. Тогда Олег лёг лицом в сухую траву под кустами и закрыл глаза. Ему хотелось поспать, но уснуть не удалось снова. Артур прикоснулся к его спине.

Олег открыл глаза.

— Всадник, — Артур перекатился на спину и смотрел на Олега. — Один.

Олег чуть приподнялся на локтях, вглядываясь в приближающуюся шагом фигуру. Солнце садилось и светило всаднику в спину, не давая ничего рассмотреть, превращая его в плоский чёрный силуэт. Но он и правда был один. И ехал так, как будто никуда не торопился.

Уцелевший воин из армии Григо Ёллу? Кто-то из воинов Сиано Демо, ошеломлённый побоищем и желающий побыть от него подальше? На гонца не похож... Хотя — не похож и на спасающегося от врагов. Непонятно... А может, просто какой-то человек, едущий куда-то по своим делам — ведь такое бывает и во время войны...

Ну что ж — едет и пусть едет... Мальчишки прилегли к земле. И как раз в этот момент услышали детский плач.

Плакал не маленький ребёнок, но и не подросток — так плачут дети, которые уже научились понимать происходящее, но не в силах как-то на него влиять. Олег и Артур вновь приподнялись.

— По-моему... — начал Артур неуверенно, но тут же почти вскрикнул, хотя и шёпотом: — Это же Григорий Викторович!..

...Ёлохов держался в седле очень прямо и без удивления кивнул выскочившим из кустов мальчишкам. Шлема на нём не было, голова перевязана какой-то тряпкой. Доспехи — от ворота панциря до пластин, защищавших подъём ступни — были забрызганы кровью, конь тоже весь в крови; на нём было видно не меньше десятка ран.

— Он всё-таки меня обманул, — сказал Григорий Викторович — без злости и без гнева, скорее даже уважительно. — Всегда был умным... Я бы мог догадаться об этой повадке дикарей, вместе служили ведь — выводить людей в нужное место в полной скрытности мелкими группами, потом — сбор и удар кулаком... Я разбит. На этот раз окончательно.

— Мы видели, — Артур придержал коня.

— Я бы не бросил своих... но из меня не получилось Спартака вот поэтому, — Григорий Викторович погладил растрепанные волосы сидящего прямо перед ним мальчишки лет 7–8, одетого в драную набедренную повязку, грязного и босого. Мальчишка всё ещё всхлипывал, удивлённо и недоверчиво глядя на стоящих перед конём «больших ребят». Слёзы оставили на лице подтёки грязи и промытые дорожки. На тонкой шее свободно, но плотно сидел металлический ошейник с остатком цепи. — Привезли как раз перед самым боем, нашли на одной брошенной плантации. Все убежали, а его как приковали около выгребной ямы, так и забыли... Когда всё кончалось уже, я с ребятами прорубился к шатру... они погибли, чтобы я мог его увезти. Было так много смерти, что должна остаться хотя бы одна жизнь...

— Тимка? — Олег подошёл ближе. — Ты Тимка Борус?!

— Да-а... — тонким, дрожащим голосом ответил мальчишка. — Только меня били, если я себя так называл... А ты кто?..

— Мы ищем тебя! — Олег протянул руки, но мальчишка отпрянул и прижался к улыбнувшемуся Григорию Викторовичу. Тот погладил волосы мальчика:

— Не бойся. Они хорошие ребята, вернут тебя к маме... — и помог поджимающему ноги мальчишке слезть. Тот, недоверчиво посматривая на Олега и Артура, не спешил отходить от коня. — К маме... домой... — словно во сне повторил Григорий Викторович.

— Но вы ведь живы, — сказал Артур. — Вы сможете начать заново. Всё заново... Это всё равно как уцелевшее знамя — оно есть, и армия не разбита...

— Домой... — повторил Григорий Викторович ещё раз. — Всё было не зря, но... домой...

Он склонился на гриву коня — и мальчишки увидели в его спине — под правой лопаткой — два близко сидящих дротика. Брошенные, очевидно, с близкого расстояния и со страшной силой, они пробili броню насквозь.

— Иду, мама, — неожиданно ясно и чисто сказал бывший гладиатор и пионер. Его глаза расширились, он улыбнулся и мягко соскользнул в руки Олега, который сумел его удержать.

— Нет! — яростно крикнул Артур. — Нет, ну нет же, нет, нет, не-ет!!! Гады!!!

Тонко и жалобно заплакал Тимка. Олег с натугой, но осторожно, положил тело Григория Викторовича на траву и обняв младшего мальчика, прижал к себе.

* * *

Григория Викторовича похоронили на холме над рекой.

Ребята, как могли, отмыли кровь с доспехов и тела полководца, обломили дротики и расстелили в выкопанной мечом и руками могиле плащ, прикреплённый позади седла. Его полый хмурый Кирилл закрыл лицо Григория Викторовича.

Артур держал в руках меч в потёртых ножнах. И вдруг сказал:

— Если я не положу его... возьму себе... он не обидится?

— Не обидится, — сказал Олег. — Ты ведь берёшь его не на стенку вешать.

— Не на стенку, — кивнул Артур.

— Ну и бери...

Они какое-то время стояли возле открытой могилы, из которой тянуло холодком. Пока темнота не скрыла того, кто лежал на дне — и не стала быстро наползать на окрестности. Ребята нехотя, но быстро засыпали могилу. Ясно было, что никаких знаков ставить нельзя — но они всё-таки замерли растерянno. Это и есть — **всё** ?!

— Мальчишки, скажите что-нибудь, — попросила Ольга, пряча руки под платье. — Надо сказать.

— Говори ты, командир, — тихо сказал Артур.

— Я? — Олег огляделся немного беспомощно. — Хорошо, — он поднял голову. — Я скажу. Когда трудно быть человеком — некоторые ломаются. Другие остаются людьми. Но только настоящий человек может и сохранить себя, и повести за собой других. За мечтой. Григорий Викторович, врут те, кто говорит, что мечта — это напрасная ложь. Просто врут. Я не знаю, как сказать, но вы меня поймёте... Вы жили как человек. Как воин. И умерли как человек и как воин. Счастливого вам пути домой, Григорий Викторович. Вы всё сделали правильно.

И, достав револьвер, Олег трижды выстрелил в потемневшее небо...

...Ковыль переливался бесконечными плавными волнами. В каменном жёлобе вдоль рельсовых путей с отчётливым журчанием бежала прозрачная вода. Прямо перед Олегом высилась груда брёвен — некогда бывших стеной какого-то здания вроде склада.

А по другую сторону этой груды таращил глаза Борька — с охапкой щепок.

И опять там, где стоят часы

Костёр развели со старанием — до самых небес, чтобы стало жарко здешней холодновато-голубой луне, благо — в топливе недостатка не предвиделось. Олег и опомниться не успел, как у костра оказались какие-то всадники, оставившие неподалёку рассёдланных лошадей и снявшие лёгкие доспехи, парочка ну совершенно первобытного вида джентльменов, какие-то мальчишки и девчонки, солдаты в непонятной форме — и в форме начала XX века... Короче, всего — человек тридцать, не считая его собственных подопечных. Над огнём оказался вертел с тушей оленя и отчётливо запахло виноградным вином из притащенного кем-то меха.

В руках у Кирилла оказалась гитара, и он аккомпанировал, а Олег, плюнув на смущение и условности, пел, видя, что его все понимают — и радуясь тому, что его понимают все:

— Как уезжал я — не вспомнится...
Будто мне с неба что крикнули!
Ночью подкралась бессонница —
А утром лишь досочки скрипнули...
Может, я ветренный — может быть
Все вы окажетесь правыми...
Да я бы остался, я пожил бы,
Если б не ветер над травами!
А что душа моя? Да пылинка в пространстве.
Я вернусь, как и исчез — на рассвете!
Ведь хозяин мой один — ветер странствий,
Богом посланный с небес странный ветер...

Артур, кивая песне, оттачивал меч у кого-то одолженным бруском. Тимка с Олькой-младшей спали неподалёку, накрытые одеялами — торчали только макушки. Сидели рядом, приобнявшись, Саша и старшая Ольга. Борька, подбрасывая ветки в огонь, что-то объяснял мальчишке своих лет — белокожему, с длинной медной гривой, одетому в ребристый переливчатый комбинезон. Усатый воин весело взмахивал рогом с вином в такт песне Олега:

— А чтобы душою не маяться —
Надо порой лишь проветриться!
Ветер — он тоже меняется!
Шарик-то крутится-вертится!
И вот эта улочка пыльная,
Домик наш с крышей покатою...
А я не узнал тебя, милая —
Стало быть, будешь богатою!..¹⁶

...Встретили их руганью — Борька даже сбился на мат. Оказывается, они ушли четыре

¹⁶ Стихи В. Третьякова

(а не два) дня назад, и всё это время оставшиеся не знали, что и подумать. Но ругань быстро утихла, даже Сашка простила Артура, когда Олег быстро, но подробно рассказал о том, что они видели и что с ними было. А вечером как-то сама собой вдруг собралась вся эта компания.

Но в какой-то момент Олег устал от шума, от пламени костра — ото всего. Он поднялся (благо, Кирилл уже сопровождал одного из первобытных товарищей, певшему нечто, звучащее в «автоматическом переводе» как не очень приличная песенка о проделках дикого кролика) и пошёл в темноту.

Ну как — в темноту? Она быстро превратилась в серебристую ночь, и Олег не удивился, когда вышел на берег знакомой реки.

Далеко внизу, на берегу, тоже горел костёр, двигались тени, и Олег хотел было туда спуститься, но обнаружил, что берег обрывистый — и просто остался стоять над откосом, скрестив на груди руки и глядя за реку. Позади катился в ковылях тёплый, упругий ночной ветер. Почему-то вспомнился Женька. Как он там, сделал ли то, на что надеялись его друзья? И ещё — а ведь этот Женька был кадетом авиационки...

— Артур, — окликнул Олег. И не удивился, когда Артур возник рядом, хотя позвал-то он негромко. — Ты случайно не знал такого у вас в авиационке — Женьку Баруздина?

— Баруздина? — Артур удивился. — Знал. Вернее, почему знал, знаю. Хороший парень, упёртый. Но он старше меня. Три года назад спасал мальчишку маленького, чуть сам не погиб, и учиться у нас ему врачи запретили. Из-за травмы — что-то там с давлением у него стало... А прошлый год явился и потребовал восстановить. Его так-сяк покрутили — и руками развели. Ремиссия, абсолютно здоров. Необъяснимо, но факт... А что это ты?

— Да так, — Олег засмеялся. — Так просто. Всё правильно.

Тут тоже был какой-то временной закидон. Однозначно. Но главным было другое — у Женьки **получилось**.

— Возьмёшь меня дальше? — Артур положил руку на плечо Олегу. Олег медленно повернул голову.

— Опять рисковать? — спросил он. Артур шевельнул бровями неопределённо: — Ну зачем?

— Слушай, — в голосе кадета не было ни сердитости, ни недовольства, — если бы я гонялся за адреналином, ты бы мог спросить: «Ну зачем?» Но я не гоняюсь за ним. Уверю тебя. Ты ошейник на Тимке помнишь?

Олег кивнул. Ошейник с мальчишки снял один из подошедших к костру офицеров начала XX века — покрутил, пощёлкал, потом сунул в замок проволочку, повертел — и, брезгливо отбросив туго щёлкнувшую металлическую полоску в ковыль, потрепал мальчишку по голове. И Тимку тут же как будто «отпустило» — до этого натянутый, словно струна, он обмяк и почти сразу завалился спать.

Олег вспомнил всё это и сказал:

— Возьму. На этот раз не обману.

— А помнишь, как Тимка пропал? — неожиданно спросил Артур.

Олег опять кивнул. Тимку похитили не «неожиданно» — его классически запихнули в машину под аркой собственного двора, увезли куда-то на окраину и там втолкнули во двор заброшенного дома... И всё.

— Он говорит, что одного похитителя точно запомнил, — задумчиво продолжал Артур. — Вот если бы его там, у нас найти и...

— Давай сначала здесь закончим, — предложил Олег. — Смотри, Саша идёт.

Девчонка появилась рядом, выйдя из ковыля, как серебристая тень. Посмотрела на одного мальчишку. На другого. И приоткрыла губы, чтобы попросить — Олег даже знал, о **чём**. Но Артур опередил её:

— Пошли, — он взял Сашу за руку. — Пошли пройдемся.

И увёл её — так и не сказавшую ни слова — за собой.

Олег посмотрел им вслед. Присел в траву. Около костра на речном берегу громко

засмеялись, послышался плеск. А ещё — музыка, музыка не с берега, а из воздуха. Олег узнал её — «Hotel California» Вентуры. И, прикрыв глаза, стал слушать. Слушал, пока рядом не зашуршали шаги и не засопел присевший рядом человек.

— Борь, — не открывая глаз, спросил Олег, — тебе какая музыка нравится?

— Да так вообще никакая, — немного удивлённо отозвался Борька. — А откуда ты узнал, что это я?

— У рыжих особый запах, — Олег со вздохом открыл глаза и повернулся. Борька сидел рядом, обняв поднятые колени. Смотрел печально. Потом спросил:

— Не возьмёшь?

Олег покачал головой.

— Не возьму.

И ничего не стал объяснять. А Борька больше не стал ничего спрашивать. Помолчал и добавил:

— Я своё ружьё Кирке дам.

— Зачем? — удивился Олег. Борька удивился тоже:

— А как же? Он с тобой идёт.

Олег усмехнулся:

— Вот так?

— Ты его возьми, — серьёзно сказал Борька. — Вдвоём — это мало. А там кто его знает, как. Ты же не знаешь, куда попадёшь... Лучше втроём. И с ружьями.

— И ещё два меча, револьвер и нож, — добавил Олег. — Возьму. Ладно. А ты больше не матерись, когда мы вернёмся.

— Не, я случайно... А кто на берегу? — он вытянул шею. Олег пожал плечами:

— Не знаю. Люди.

— Какие?

— Хорошие, — Олег встал. — Тут не бывает плохих людей... Пошли?

— Не, я ещё посижу... — Борька поставил подбородок на колени...

...Около костра остались только Кирилл с Генкой. Старшая Ольга спала, Артур с Сашей ещё не вернулись, «гости» разошлись, оставив какую-то одежду (Кирилл уже был переодет в грубую балахонистую куртку с капюшоном, плотные штаны и тяжёлые ботинки на ремнях) и что-то из еды. Да ещё неподалёку сидел на седле и перебирал струны всё той же гитары молодой рыцарь в вытертой коже — не смотрел по сторонам, напевал для себя о белой ночи и серебряной воде. Тихо, как будто опять пел воздух...

— Пойдёшь со мной? — кивнул Олег, садясь к огню. Кирилл вскинул голову — пряди волос отлетели с глаз:

— Возьмёшь?!

— Возьму.

Кирилл отчётливо-судорожно вздохнул. Но совладал с собой и почти равнодушно ответил:

— Пойду.

— Ружьё тебе Борька даст, — Олег хотел опять прикрыть глаза. Но услышал голос Генки — еле-еле слышный:

— А меня... возьмёшь?

Олег смерил Жукова взглядом. Губы у того дрожали, руки он прятал между колен. А глаза блестели нехорошим блеском. Сказать «нет» — всё равно что толкнуть человека, балансирующего на краю пропасти, протянувшего руку за спасением...

— Попроси ружьё у Ольги, — сказал Олег. — Лучше четыре ствола, чем три.

Сказал — и ощутил какой-то толчок изнутри. **Как будто потянуло за душу.**

Но лишь на секунду.

Разбудила всех Ольга. Старшая.

Олег не сразу понял, что к чему. Но потом ощутил запах кофе и увидел, что уже утро. Никакой усталости не было, он чувствовал себя совершенно отдохнувшим.

Мальчишки собирали вещи — припасы, оружие, нехитрое снаряжение. Ольга, сидя у огня, разливала кофе в кружки. Младшие спали под одеялами. Саша готовила бутерброды с сардинами.

— Кофе откуда? Сардины? — Олег потянулся, кивнул Артуру: — Слей...

— А эти оставили, ночью, — откликнулась девчонка. Посмотрела на Олега большими глазами, шевельнула губами. Олег покачал головой, и она со вздохом промолчала.

— Садитесь есть, — сказала Саша. И, когда Олег подошёл к ней за бутербродом, тихо сказала:

— Генку берёшь?

— Сам попросился.

— Смотри.

— В оба глаза.

Саша фыркнула и поглядела негодуя, отвернувшись. Олег отошёл к Артуру, присел рядом, шепнул:

— Просилась?

Тот молча кивнул, и Олег вдруг увидел, что у него сильно припухли губы. Местами даже полопались и подсохли корочкой — Артур пил кофе осторожно, морщась.

Олег сообразил отвернуться раньше, чем Артур поймал его взгляд...

...Потом они шли по степи. Шли, наверное, долго — снова трудно стало определять время. Пару раз проскакивал где-то справа невидимый, но отчётливо слышный поезд. Мальчишки не разговаривали — как-то не разговаривалось и, если честно, Олег стал опасаться, что на этот раз с переходом ничего не получится. Он не очень понимал, как и почему это получалось в прошлые разы и честно пытался сосредоточиться, но мысли лениво расплзались в стороны. Олег усмехнулся. «Поручик Ржевский попытался подумать, но уж очень непривычным оказалось это занятие...» Почему-то вспомнился старый фильм — «Гусарская баллада». А, да, это ведь оттуда поручик Ржевский перекочевал в анекдоты...

— Чёрт! — вскрикнул Артур.

«Где?!» — почти спросил Олег.

И сообразил, что спрашивать не имеет смысла.

Прибыли.

Круши, гусары!

Первое, что Олег увидел — это был труп лошади.

Большой рыжий конь лежал на боку, и над этим боком торчал в небо загнанный в стремя обитый металлом носок сапога. Всё это было до такой степени неожиданно и так близко, что Олег какое-то время не понимал, **что именно** он видит. Потом обошёл вокруг лошади — и увидел, что ничего, кроме ноги в сапоге, там нет. Разве что — лужа крови.

Он обернулся, стряхивая в руку ружьё.

Похоже, нужды в этом не было. Артур, Кирилл и Генка, озираясь и тоже сжимая в руках оружие, стояли неподалёку. Пахло сухой травой — так, словно они ещё находились в степи. Но к этому запаху примешивался ещё один.

Пахло кровью.

Мальчишки в самом деле стояли в степи. Точнее, тут начиналась степь. В сотне метров зеленел лес. За него садилось солнце, ещё было светло, но тени деревьев тянулись по равнине. Олег вскинул голову — в небе парили большие птицы. А в другую сторону степь продолжалась до холмов на горизонте — и была совершенно безлюдна. Разве что лежали ещё три конских туши. И...

Олег скривился. Пожалел, что взял ребят с собой. Но они, оглядывавшиеся туда-сюда так же ошарашено, как и он сам, тоже заметили...

— Опа, — сказал Артур излишне спокойно.

— Йо... — выдохнул Кирилл.

Генка молча отвернулся и закрыл глаза. Веки у него тряслись.

Три трупа лежали в траве рядом, явно специально положенные, ничком. Совершенно голые, один — без ноги. Раны казались на телах синими, кровь — чёрной. Все трое — коротко стриженные, широкоплечие. В волосах горело солнце. Волосы... как это, тёмные, но в то же время вроде бы рыжие? А, шатен называется...

— Смотри, — Артур что-то поддел ногой. — Гильзы.

Олег подошёл. На ходу приказал:

— Кирка, Ген, смотрите по сторонам.

Кирилл отвернулся с облегчением. Генка и так не смотрел.

— А ты сюда смотри, — Олег привычно заметил следы. — Вот лёжка. Кто-то в ковыле прятался... и не только люди, но и кони. Много, не меньше десятка...

— И гильз — прямо россыпь, от винтовки так не будет... — Артур присел. — Длинные какие, пулемёт, наверное... — он поднял голову. — Я так понимаю. Эти трое выехали из леса. И их в упор срезали из пулемёта. Били прямо впритык, ногу-то очередью срезало... Потом раздели трупы. Или бандиты, или сильно нужна одежда.

Машинально кивая, Олег осматривал (морщась от неожиданной жалости) одного из мёртвых коней. В холке тот был выше орловского рысака и мощней, шире в кости. Снаряжение — без индивидуальности, стандартное какое-то, зато Олег нашёл распотрошённые седельные сумки, чехлы от оружия, пробитую пулей круглую флягу. Фляга была жестяная, в серо-зелёном ворсистом чехле. Сбоку — тиснёная эмблема:

AMORI'S HUSSARS

Ниже — треугольный щит, на нём — сверху вниз — прямой меч, на меч наложена большая буква А в дубовом венке. А ещё ниже —

KINGDOM OF NORSLIF

R.A.M.

— Тут по-английски, — Олег показал флягу Артуру. — Королевство Северного Листа, если перевести. Немного с ошибками, но понятно. А наверху — «гусары Амори», что-то вроде... Странно, я про гусар как раз думал, когда мы сюда вышли...

— На сёдлах то же самое, и на сумках, — Артур выпрямился. — Похоже, опять влетели куда-то в заваруху. А?

— Ну а ты чего ожидал? — Олег почесал нос. — Так. Ну это точно не второй код. Не средневековые это — что раннее, что позднее. Пятый или четвёртый... Хорошо бы пятый.

— Почему? — Артур положил сумку рядом с конской тушей.

— Из-за Юрки, — честно признался Олег. — Я всё время ощущаю себя так, как будто конкретно именно его должен освободить — и опаздываю, а он ждёт...

— Давай-ка в лес уйдём, — предложил Артур вдруг. — И поглубже. Кто тут хороший, кто плохой — чёрт его знает, но видно, у них тут отношения простые. Кто раньше выстрелил — тот и король... — и вдруг добавил: — Знаешь, а мне на трупы не противно смотреть. Уже не противно, понимаешь?

— Понимаю, — Олег кивнул. — Но знаешь... мне их жалко, — он кивнул на убитых. — И по-моему, они — «наши». Ну, «хорошие». Ощущение такое... Пошли! — он махнул рукой Кириллу и Генке — и зашагал к лесу последним, то и дело оглядываясь и вертя головой и стволом ружья.

И, уже дойдя до крайних деревьев, подумал: лошадей было четыре.

А трупов — три.

* * *

В лес забрались на полкилометра, не меньше — чтобы совершенно точно было не слышно никаких звуков и не видно огня костра. Без костра тут оказалось никак — лес стоял стеной, дремучий, весь из дубов и буков, не то чтобы очень высоких, но кряжистых, могучих, каждый сук — как отдельное немаленькое дерево. В общем, неприветливый, лес, в подлеске — можжевельник, и почти ночная темнота наступила, едва отошли на полсотни метров от опушки. В кронах деревьев перекликались птицы, а внизу царила тишина. Так и казалось, что, едва стемнеет совсем, как начнутся неприятности. Поэтому все четверо на небольшой полянке как можно скорее развели костёр, натаскали гору сушняка и с облегчением уселись у огня. Сперва, пока закипал котелок с водой, прислушивались внимательно к лесу, не снимая рук с оружия. Но потом мальчишки успокоились. Похоже, лес был не слишком опасен.

— Что будем с утра делать? — спросил Артур, заливая кипятком заварку в стоящих в ряд кружках.

— Неохота в степь выходить, — признался Олег. — Не по себе как-то. Но опять-таки, раз мы тут оказались, значит наши где-то рядом.

— Может, как раз в лесу? — сказал Кирилл. Олег согласился:

— Может. Всё, что угодно может быть... Поэтому предлагаю поесть и поспать, чтобы разбираться со здешними проблемами на свежую голову. Дежури́м по два часа. Первым Жуков. Потом Кирилл. Я дежурю третьим. Артур последним.

— Вообще-то мы только недавно встали, — заметил Кирилл. Олег усмехнулся — как ни крути, а это было правдой.

— Ну, тут-то ночь, — возразил он. — Так что будем применяться к условиям...

...Олег, если честно, и сам думал, что не уснёт, не получится. И первые минут пять правда лежал без сна, завернувшись в одеяло. От костра осталась алеющая куча углей, новых дров не подбрасывали. Над нею пробегали синеватые полосы огня. Потом они свились в клубок, похожий на шаровую молнию. Клубок оторвался от углей и поплыл по воздуху — выше и выше, к верхушкам деревьев. И там взорвался беззвучной вспышкой пламени...

Пламя потекло по окружающему, как вода по экрану телевизора — смывая и размывая. Олег увидел себя... нет, не так. Он **был собой**, но не этим, спящим в лесу далёкого мира.

Он полз по канаве вдоль горящих домов. Полз и узнавал то, что видел — Марфинку. Деревня горела, она была сплошным озером пламени. Олег слышал собственное дыхание — свистящее и горячее. В правой руке он сжимал ружьё — не нынешнее, трофей Оранжевых Песков, а свою «сайгу» 12-го калибра, записанную пока на старшего брата. В канаве пахло сыростью, тиной. Земля упруго вздрагивала, и мальчишка знал, от чего — совсем рядом по дороге шли плоские пятнистые бронемашины. С них раздавались очереди. Длинные, гремучие, как падающая из рук металлическая цепь. Поднимать голову было нельзя. Можно было только ползти, надеясь на одно — добраться до речки, до прибрежных кустов, переплыть на ту сторону...

Окрик над головой заставил Олега приподняться. На краю канавы метрах в трёх от него стояли два человека, казавшиеся огромными и громоздкими в тяжёлом пятнистом снаряжении. В опущенных на глаза больших защитных очках металось пламя. Тонкие стволы винтовок были наведены на замершего мальчишку.

Олег увидел, как шевельнулся обтянутый чёрной перчаткой палец на спусковом крючке — и с криком попытался перевернуться на спину, вскидывая «сайгу». Но опоздал — прорезанный щелями пламегасителя конец ствола беззвучно расцвёл оранжевой звездой...

...Наклонившийся к Олегу Кирилл отшатнулся — Олег сел, тяжело дыша.

— Ты чего?!

— Я? — Олег потёр руками лицо. — Нет, ничего... А что, пора?

— Пора, — Кирилл стоял рядом на одном колене. — Послушай лучше.

Олег прислушался. И понял, что из степи — еле-еле, но слышно — доносятся какие-то клёкот, бульканье, икание... Кирилл передёрнул плечами:

— Блин, это же этих... жрут. Слушать невозможно. Уже с час так.

— Ладно, — Олег сел удобнее, начал обуваться. — Ложись на моё место... — он передёрнул плечами: — А холодновато, слушай.

— Угу, — Кирилл, морщась, лёг на живот. Олег, натягивая ботинок, спросил:

— Болит спина?

— Всё болит сзади, — отрезал Кирилл.

— Извини, я просто так спросил.

— Ладно, ничего.

Как обычно в таких случаях, Олег больше всего хотел завалиться обратно под одеяло. Он знал — это желание скоро отступит, но всё равно злился, что приходится вставать, двигаться...

Действительно — здорово похолодало. Не мороз, конечно, но градусов 15, не больше, пожалуй. Для летней ночи — маловато. Олег перепоясался ремнём, застегнул куртку, взял на руку ружьё и, отойдя тихим шагом метров на десять, присел (глаза к темноте привыкли) на поваленный ствол.

Мальчишка проспал почти четыре часа и чувствовал себя вполне отдохнувшим. А терпеливо ждать он привык давно — недаром Князь впервые взял его на охоту, когда Олегу было всего семь лет (хотя в семь лет ты знать не знал никакого Князя, привычно добавил внутренний голос). Лес сейчас был наполнен привычными ночными звуками. Пробежало что-то мелкое. Протрусило — покрупнее. Прошёл недалеко совсем крупный зверь. Сова скользнула между деревьев — наверное, выследила мышь.

Сон, подумал Олег. Неприятный сон. Страшный. Даже во сне страшно, когда война у тебя дома... А если... он похолодел. Если это не сон, вернее — **не простой** сон, а что-то типа пророческого, вещего? Если это будущее, недалёкое будущее?! Нет, стоп, а то ему раньше война не снилась. Это просто от напряжения такое в голову лезет.

Он выдохнул, стараясь с этим выдохом вытолкнуть из себя тяжёлые мысли. Но не получалось. Они продолжали слетаться из темноты, как тяжёлые ночные птицы. Всё когда-нибудь кончается. В ночь на 22 июня 1941 года тоже была обычная жизнь. У людей был выпускной в школе. И кто бы поверил тогда, что война уже фактически началась? Что кончилась мирная жизнь? Вот так вернёшься домой — а там...

Прекрати, сердито подумал Олег. Переставил ружьё удобнее. Ничего этого нет. Просто неудобный сон.

Внезапно ему ужасно, до боли в сердце, захотелось домой. И на какой-то неуловимый миг он понял — **он дома**. Сидит на ступеньках и ждёт Валушку. Потом накатился запах, пришли звуки летнего жаркого полдня — и Олег судорожным усилием «выдернул» себя обратно в ночной лес чужого мира.

Обдумать произошедшее или как-то иначе отреагировать на него Олег не успел. Какой-то звук привлёк внимание мальчишки.

Звук плыл в высоте над деревьями, где-то в небе, очень-очень далеко. И тем не менее был совершенно реален.

Это был звук самолётного винта.

* * *

Место, где лежали трупы коней и людей, Олег с Генкой обошли стороной.

Если честно, Олег сам не очень понимал, зачем решил высунуться в степь, если ночью, слушая звук летящего самолёта, почти решил искать в лесу тропинки или дороги, а потом —

людей, товарищей этих убитых. Может быть, потому что просто не хотел оставлять позади ничего непроверенного? А уж Генку-то он взял с собой из чистой психологии. Собирался, конечно, Артура, но Жуков молча и умоляюще смотрел над дымящейся кружкой с чаем, и Олег, поднимаясь, сказал: «Пойдёшь со мной на рекогносцировку.» Генка просиял. Артур громко хмыкнул. Кирилл пожал плечами.

Мальчишки прошли метров двести через ковыль. Олег то и дело поглядывал на небо и гадал — а уж не почудился ли ему всё-таки тот звук? Конечно, ничего странного в наличии самолётов тут нет. И всё-таки — зачем летать ночью?

Было жарко. Олег подал знак остановиться, оглянулся на лес, чтобы оценить пройденное расстояние. И тут же удивлённо спросил:

— Куда ты так уставился? — увидев, что Генка каким-то странным взглядом смотрит за его плечо. Вместо ответа Генка попятился, поднимая ружьё. Стволы описывали бесконечную восьмёрку.

Олег резко обернулся. И тут же бросил ружьё стволами на ладонь.

Не меньше двух десятков всадников приближались через ковыль. Откуда они взялись — было непонятно, как из горячего воздуха сформировались. Всадники были похожи на классических монголов — плосколицые, в мохнатой одежде, хвостатых шапках, на невысоких косматых лошадях... Только у монголов не могло быть винтовок — упертых прикладами в бедро, поднятых тонкими стволами в небо.

Увидев, что Олег обернулся, всадники, как ни странно, остановились. Они рассматривали обоих мальчишек с сёдел узкими, ничего не выражающими глазами.

Лошади пофыркивали.

Ветер шуршал ковылём.

Генка тяжело дышал за спиной.

— Ген, — не оборачиваясь, сказал Олег, стараясь как можно незаметнее шевелить губами, — отступай назад. Не оборачивайся. Пройдёшь пятьдесят шагов и остановишься. Окликни меня, целясь в них и жди меня.

— Я... — голос Генки дрожал. Олег прервал его:

— Только не бойся и не беги. Лес рядом. Дойдём. В лесу не погонятся. Понял?

— Понял...

— Иди, — Олег уловил слева движение, угрожающе дёрнул стволами. Крикнул — английские слова сами пришли на ум: — Стэй хир, ор айм шут!¹⁷ — должен же хоть один из них понимать английский, если в этом мире пишут на нём...

Похожая на полумесяц линия всадников замерла снова. Олег отчётливо понимал — если кто-то из них решится действовать, то он, возможно, даже один раз выстрелить не успеет. Оставалось надеяться лишь на то, что каждый побоится рисковать первым.

Он думал и считал. Десять... пятнадцать... двадцать пять... сорок пять... Пятьдесят. Олег напрягся. Всадники молчали. Стволы смотрели в небо, как будто подпирали его. Или протыкали.

Генка молчал.

«Семьдесят... восемьдесят пять... сто...» — машинально считал Олег. Потом обернулся — быстро, на миг всего, посмотреть, что делает Жуков. И так и застыл с повернутой к лесу головой, даже не думая о том, что на него могут напасть. А всадники и не думали нападать.

Они засмеялись.

Сперва один, потом другой, третий... а скоро хохотал — громко, с подвизгом — весь отряд.

Но Олегу было всё равно. Он смотрел и смотрел на пустую степь, на кусты, всё ещё раскачивающиеся на опушке леса. А потом сказал — с безграничным изумлением, не со

¹⁷ Стоять, или я стреляю! (искаж. англ.)

злостью даже — в жаркую ковыльную пустоту:

— Сбежал, паскуда.

* * *

— Что-то они долго, — Кирилл сплюнул в огонь. Артур молча протянул ему галету с толстым слоем паштета. — Спасибо... А ты правда кадет авиационки?

— Угу, — Артур вгрызся в свою порцию.

— Здорово, — задумчиво сказал Кирилл, не поясняя — что именно. — А я вообще бальными танцами увлекаюсь.

— Чем?! — Артур поперхнулся. Кирилл засмеялся:

— Бальными танцами. Один раз даже мы заняли — в смысле, моя пара заняла — второе место по области...

— Вообще-то нас тоже классические танцы учат танцевать, — вспомнил Артур. — Вальс там... Только мне это не нравилось никогда.

— Ну и зря, — Кирилл увлечённо наклонился к огню, сцепил перед ним руки. — Здорово. Особенно с девочками.

— А что, есть варианты? — уточнил Артур.

— Это у вас есть, — заметил Кирилл, — вам же не сразу партнёрш приводят. Сперва со стульями там, друг с другом...

— Кино посмотрелся? — сердито посмотрел Артур. — Не танцуем мы со стульями.

— А друг с другом? — засмеялся Кирилл, подкладывая в огонь ветку.

Артур не успел ответить, хотя явно собирался.

Кусты затрещали так, как будто через них ломился кабан, не меньше. Мальчишки вскочили на ноги, хватаясь за ружья. Но вместо кабана к костру вывалился Генка — растерзанный, как будто вырвался из когтей льва, тяжело дышащий, мокрый от пота, с блуждающими глазами. Лицо — расцарапано тут и там. Ружьё он тащил за стволы. Вид его был настолько ошеломляющ, что Артур невольно заорал:

— Чё случилось?!

Генка замотал головой, забулькал и заикал. Потом согнулся пополам, уперся руками в колени, уронил ружьё и затрясся. Мальчишки смотрели на Жукова в полном обалдении. Кирилл спросил недоумённо:

— А где Олег?

Не разгибаясь, Генка судорожно замахал рукой и забормотал:

— Там... много... верхом... с ружьями... он там... я побежал...

Несколько секунд мальчишки молчали, переваривая сказанное. Потом Артур даже не сказал, а кашлянул:

— Бро... ты его бросил?!

Генка начал отплёвываться зеленоватыми сгустками. Артур шагнул к нему и ударил в ухо — не по-боксёрски-рассчитанно, а с размаху, от души, по-деревенски. Генка завалился на бок, сжался и даже не попытался встать.

От опушки донеслись сразу несколько выстрелов...

* * *

— Ты живой?

Спрашивали по-английски. Это было, пожалуй, единственное, что Олег сообразил внятно. Для всего остального слишком болел затылок.

— Мх, — сказал Олег. И понял, что голый лежит на чем-то колком и упругом.

Вокруг был полусумрак. Какой-то оранжевый, пронизанный тут и там пыльными

лучиками света. За пределами этого полусумрака слышались звуки — гортанно-визгливая речь людей, ржание коней, блеянье овец... Что-то мешало на шее. Олег поднял руку.

Пальцы наткнулись на металл.

Он был в ошейнике, цепь от которого уходила куда-то в этот сумрак.

— Не дёргайся, — сказал тот же голос — голос мальчишки. — Не вырваться, я пробовал.

Олег повернул голову.

Возле него стоял на коленях парнишка лет 14–15. Голый и тоже на цепи с ошейником. Попривыкнув к полутьме, Олег различил, что его сосед буквально сплошь покрыт синяками и кровоподтёками. И ещё различил короткую стрижку, широко поставленные глаза, крепкий подбородок и усмешку.

— Где я? — спросил Олег по-английски.

* * *

Пятнадцатилетний Хирст Доррен был корнетом гусар эрла Амори — 5-й полк лёгкой кавалерии Королевства Норслиф. День назад во время рекогносцировки патруль, который он вёл, попал в засаду кочевников, нанятых Торбайским Халифатом после его поражения в Приморской компании, чтобы беспокоить южные границы королевства. О самом Олеге Хирст не особенно расспрашивал. Тот лишь рассказал, что попал в плен в степи, его товарищ погиб (при мысли о том, что произошло в реальности, Олег стиснул зубы так, что крошилась эмаль), и Хирст сказал только:

— А, ты егерь... То-то я слышу — у тебя такой акцент... Нам говорили, что ваш полк сюда перебрасывают. Только это без пользы. В лес они не пойдут, а в степи пехотинцу делать нечего.

Возраст Олега его не насторожил. А говорил Хирст и правда почти на классическом английском, только иногда вставлял какие-то непонятные слова.

Тогда, в степи, Олег успел выстрелить из обоих стволов. А дальше что-то туго перехлестнуло горло — и была темнота, из которой он вынырнул лишь тут, в войлочной юрте, на цепи, прикованной к глубоко вбитому в землю металлическому столбу. Хотелось пить, но Хирст сказал, что воды нет и не будет.

— Нас захватил Юргил, — морщась, пояснил Хирст. — Каган Юргил, у нас по нему давно плачет верёвка. Жирная тварь почти без мозгов, но с огромным самомнением. Торбайцы осыпают его золотом, он разоряет наши границы. Всё просто.

— Зачем мы ему? — Олег старался подавить то и дело охватывавшую его дрожь.

— Ему нужны... рабы? — он с усилием выговорил это слово.

Хирст дёрнул губами:

— Ему нужно потешить своё самолюбие. Рабов у него — всё его племя. А мы — развлечение и игрушка.

Олег прикрыл глаза.

Да, это был код 4. Это Олег понял, едва Хирст упомянул Торбайский Халифат. Но понял как-то отстранённо, потому что теперь думал о том, что же будет с ним.

Именно с ним.

— Ты держись, Эльги, — тихо сказал Хирст. — В конце концов, мы все знаем, на что идём. Никто не встаёт под знамя насильно...

Да, мы знаем, на что идём подумал Олег. Знаем, но мне страшно.

Мне хочется пить. И мне **очень** страшно.

Неужели это — всё?!

* * *

Трудней всего переносят плен, рабство, заключение те, кто никогда не находился под угрозой потерять свободу. Олег не питал особых иллюзий насчёт сверхценности своей жизни. В конце концов, он родился и вырос в России — а дети этой страны во все века — как бы она не называлась! — гибли в больших и малых войнах с изумлявшей врагов и друзей отвагой, временами напоминавшей фанатичное безразличие.

Но быть убитым — это одно. А другое — когда тебе выкручивают руки! Когда тебя кормят какой-то гнилью! Когда держат голым в вонючем сарае!

От этого начинали заклинивать мозги. Он и взялся-то за это дело именно потому, что ему была непереносима мысль, что мальчишки и девчонки одного с ним народа — где-то в рабстве.

И вот сейчас он сам оказался на их месте...

Тому, кто живёт среди опасностей и бед, они начинают казаться частью жизни. Он может смириться — или мужественно бороться за своё достоинство — но в любом случае окружающее его не потрясает. А если случается перемена к лучшему, такой человек воспринимает перемену как временный праздник и всегда готов к возвращению прежних неприятностей. Но Олег-то был лишён подобного иммунитета! Он никогда не интересовался такими научными вещами, как статистика поведения в плену (он и не слышал о существовании такой науки!), иначе узнал бы, что в ситуации, похожей на его, ломались очень многие профессиональные военные. Сильному, уверенному в себе человеку вообще трудно осознать себя зависящим от чьей-то злой воли.

Двое мальчишек сидели в юрте уже почти двое суток. Жажда у Олега стала непереносимой, сводящей с ума. От неё путались мысли и немел язык. Хирсту было ещё хуже, он сидел тут дольше, но виду юный англичанин (не **англичанин**) не подавал. И вообще вёл себя так, как будто ничего особенно страшного не случилось.

Но по тому, как много он говорил о своём доме где-то в горах на севере, Олег понял: **ему тоже очень страшно**.

Временами Олега охватывала нелепая надежда, что его выручат. Кто? Кирилл и Артур? Лучше будет, если они и не станут пытаться... А временами — приходила тупая злость на Генку. Не просто злость — ненависть к нему, удушливая и страшная. Убил бы. Трус, трусло, отвратительная тварь. Ведь они бы спаслись! Они бы дошли до леса — не струсь этот... этот...

Хотелось ругаться вслух.

И ещё хотелось хоть какого-то исхода. Какого угодно, лишь бы кончилась эта душная полутьма.

Но Олег мало об этом думал, шагая к шатру Юргила. Мысли вообще путались, ворочались медленно, как плохо смазанные детали механизма — похоже на то, что он испытывал тогда, в пустыне. То сзади, то спереди то и дело дёргали за верёвки, привязанные к ошейнику — не потому, что он шёл слишком быстро или слишком медленно, а просто чтобы показать свою силу и его, Олега, зависимость. Под ноги постоянно попадало что-то липкое, и Олег порадовался, что сюда не «добывает» свет факелов, чадающих в два ряда у входа в шатёр. Он подозревал, что это дерьмо, причём не только животное. И не столько... Животные-то редко гадят там, где живут. А вот эти, похоже — постоянно.

Эта мысль его немного развлекла и он хихикнул, в ответ на что удар свободным концом верёвки ожёг плечо. Олег обернулся и беззлобно сказал по-русски:

— И тебе того же тем же по тому же месту, друг.

В ответ конвоир что-то проикал и отвесил Олегу снова. Мальчишка, пересиливая боль, улыбнулся и уже себе под нос пробормотал:

— Ну и урод...

Его огрели в третий раз. Олег вежливо улыбнулся. Он и сам не знал толком, с чего его так пробило на шутки, если внутри всё сжималось в дрожащий комок, а на заднем плане мелькала жуткая (и вдвойне более от своей возможности!) картинка: сейчас в шатре его

поставят на колени и перережут глотку. Может быть, именно поэтому он и хохмил — чтобы эта мысль не выпирала вперёд.

Ростан¹⁸ — тот, который написал про Сирано де Бержерака¹⁹ — говорил: «Умирать нужно так, чтобы твой смех глушил твой предсмертный стон». И, едва Олег это вспомнил, как его пинком вбили внутрь шатра.

Юргил был тут. Олег сразу понял, что это он. Развалился на подушках в окружении всех своих шести жён (или кого-то ещё женского пола). Они поочерёдно лезли к нему с ласками, но каган отпихивал их толчками то ног, то левой руки — правая у него была занята. Он жрал. (Олег, хоть и был очень голоден, смотрел на еду довольно равнодушно — жажда была сильней). Рыгал, сплёвывал в серебряное блюдо, кидал кости в одноногого уродца, ловко подхватывавшего их золотым кувшином... Икал, чесал волосатое пузо в разошедшемся запахе халата... Морда Юргила лоснилась от жира, он вытирал его тяжёлым от драгоценного расшива рукавом.

Во всей этой картине было что-то беспредельно, но удивления, мерзкое.

Двое лбов с карабинами в руках подпирали столбы шатра. Лица у них были типичные — похожие на классические русские блины. Блины Олег любил, особенно с маслом и сахаром... Есть мир, где Марфинка, мир, в котором пекут блины... Почему одновременно с ним существуют эта жирная рожа, и всё, её окружающее? Странно... Какое-то противоречие...

Для каждого католика, читал где-то Олег, вызовом на бой является сама мысль о существовании дьявола. Не обязательно его видеть. Важно **знать**, что на свете есть зло — и оно в противоречии с тем, чем ты живёшь. Разное зло. Большое, огромное. И вот это — маленькое и жирное, гордое величиим раздувшегося клопа, самого большого на матрасе...

Горели несколько ярких масляных ламп. В тёмном углу заунывно дребезжали какие-то инструменты — самих музыкантов не было видно. Пахло грязью, едой и чем-то сладким, тошным. Олег вздохнул. Обстановка неожиданно напомнила ему дворец гангстерского «короля» Джабы Хута из «Звёздных войн». Да и сам Юргил похож. Видом и размерами...

Принимать позу юного героя — вскидывать голову, сверкать глазами, расставлять ноги пошире — не хотелось. Потому что было страшно.

И тошно. Больше, чем страшно.

Юргил рыгнул особенно звучно. В американских комедиях ему как актёру не было бы цены... Выпучил глаза, зашарил по низенькому столику, отдуваясь — добрый мальчик Олег с надеждой подумал, что сейчас каган загнётся от инфаркта. Но Юргил схватил чашу, булькая, хрипя и отдуваясь, закачал в себя не меньше литра белёсого кумыса. Удовлетворённо выдохнул, издал продолжительный и отчётливый «пук» и зашарил в штанах. Одна из жён немедленно подставила золотой сосуд. Юргил снова вцепился в мясо; громкое журчание почти перекрыло музыку.

Олег почувствовал, что ему смешно. Выразилось это в том, что у мальчишки вырвалось громкое «хрм!»

Юргил поднял глаза, продолжая жевать. Олег сказал бы, что сейчас он походил на хомяка, но хомяки ему всегда нравились.

— Ну что — подумал? — кивнул он, коверкая английский так, что хотелось заткнуть уши. — Отвечай давай, что думал, что придумал, а? Я тебе долго дал подумать! Второй

¹⁸ РОСТАН Эдмон (1868–1918), французский поэт и драматург. В героической комедии «Сирано де Бержерак» создал романтизированный образ известного французского поэта 17 в., восстающего против окружающего мира подлости и пошлости.

¹⁹ СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК Савиньен (1619–55), французский писатель. Философско-утопические романы «Иной свет, или Государства и империи луны», «Государства и империи солнца». Стихи, памфлеты, драматургия. Помимо этого де Бержерак был одной из лучших «шпаг» своего времени, героем нескольких войн и известным дуэлянтом.

глупый, хочет умирать! А ты подумал?

Олег молчал. Перевёл взгляд с огня одной из ламп на свои ноги. Точно — наступил в навоз... Что-то, мелькнув перед глазами, сильно ударило по верхней губе — вспыхнула боль, брызнули слёзы. Олег услышал хоровой смех, похожий на лай, проморгался. У его ног валялась большая полуобглоданная кость.

Олег сцедил нить алой слюны, потрогал губу языком изнутри. Там кровоточила солёная рана.

— Пошёл ты... — прошептал он достаточно громко, но тоскливо. Получилось шепеляво. Олег сплюнул снова. Кровь опять...

Юргил захохотал, сотрясаясь всем телом. Олег не заметил, как одна из жён, подойдя сбоку, выплеснула ему в лицо мочу мужа — вонючий тёплый поток окатил мальчишку. Он вскинулся — но тут же сник. Почему-то ещё больше захотелось пить. Весь мир вонял, накатывало страшное безразличие. Броситься? С места не дадут сдвинуться эти, с верёвками... и руки связаны... Неужели всё, неужели убьют — вот тут, в этом мерзком месте, сейчас, ночью?! Дико захотелось увидеть солнце, вдохнуть свежего воздуха...

Олег сцепил зубы, чтобы удержать слёзы.

— Дурак! — Юргил всё ещё смеялся. — Ты большой маленький дурак! Почему не хочешь мне служить, а-а?! А, дурак?! Я самый сильный здесь, я каган этих земель! Меня все боятся! Торбаи меня боятся, дают мне оружие и золото, чтобы я в их земли не ходил, чтобы я на север ходил! Послов ко мне присылают, дружбы моей просят — боятся!

Олег равнодушно смотрел на глупую гору жира, бахвалящуюся какой-то непередаваемой, первобытной в своей дремучей наглости чувшью. А ведь он верит, отстранённо подумал Олег. И в то, что он каган всех этих мест, и в то, что его боится Торбайский Халифат, хотя любой из отрядов халифа мог бы размазать всё кочевье в кровавую кашу... Что он там ещё несёт?..

— У меня даже рабам хорошо! Хочу себе белого раба, как ты! Поклонись! Я тебе одежду дам, будешь моих овец пасти! Жену дам, будете с ней новых рабов мне рожать! Сыновей родите — будут моих овец пасти, дочерей — я их в жёны возьму!

Как же тут воняет, и это не моча — это **вообще** воняет. И как пить хочется. Сильней, чем тогда, в пустыне Оранжевых Песков. О чём он там... проснуться бы сейчас.... Нет, стой. Нельзя даже думать, что это сон, это прямой путь «на ку-ку»...

— Я умный! — орал Юргил, упиваясь собственными словами. — Я знаю — вас, северян, мучить долго, вы упрямые! Голодом вас не заморишь, вы долго не жрать можете! А вот воды вам охота, без воды вам плохо! Третий день не пьёте, ещё два дня не попьёте — помирать станете! Тебе ещё долго жить, много жить — зачем ты глупый, зачем умирать?!

Правда — зачем? Ну если он не герой — что же теперь, умереть из-за этого?! Это вообще не его мир, не его война, не его знамёна...

— Пожалуйста, — услышал он свой собственный голос, — дайте мне пить...

Юргил вскинул руку и щёлкнул пальцами, что-то выкрикнув. Стало тихо.

— Что ты сказал? — спросил он.

— Пожалуйста, — ненавидя себя, повторил Олег, — дайте мне пить...

— Громче!

Олег вскинул голову, но тут же опустил её. Вдохнул и громко сказал:

— Пожалуйста, дайте мне пить.

— Повтори: пожалуйста, господин! — заорал Юргил.

— Пожалуйста, господин... — в горле Олега пискнуло, все захохотали.

— Повтори сначала!

— Пожалуйста, господин, дайте мне пить...

Самым ужасным было, что выговаривалось это каждый раз всё легче и легче...

Юргил удовлетворённо кивнул жирным подбородком и лениво махнул рукой. Кто-то — Олег даже не понял, кто — поставил к ногам мальчишки, рядом с костью, большую чашу. Литра на два, и вода плескалась вровень с краями, прозрачная, чистая, отражавшая огоньки

ламп...

У его ног — нагнуться и поднять. А потом — выпить разом всю, залпом, погасить эту жажду, которая сейчас, при виде воды, вспыхнула, как злое пламя...

— Пей! — весело крикнул Юргил. — Пей всю, до дна! Я добрый!

Олег, уже ни о чём не думая и не жалея, рванулся... И застыл.

— Руки, — просящее сказал он. — Руки, господин, развяжите, пожалуйста... Его передёрнуло от собственных слов. Но они уже были сказаны.

— Руки? — задумчиво спросил Юргил. — А зачем? Ты так пей. Становись и пей, — и вдруг захохотал, еле выговорив, — на колени, привыкай, баран! Давай, пей, пей! — и, наверное, прокричал то же самое на своём языке, потому что хохот рухнул со всех сторон обвалом, похоронив под собой Олега. В шатре ржали все — в предвкушении развлечения, зрелища, как сейчас упрямый мальчишка со связанными за спиной руками встанет на колени и будет лакать воду, как щенок... Ух и развлечение! Ух и зрелище!

До Олега не сразу дошло, что именно от него требуют. И, когда дошло... когда дошло — ему внезапно захотелось...

Да. Ему захотелось одного. Встать на колени. Напиться. И поблагодарить за воду. И пусть всё идёт, как идёт. Он привыкнет — и к этой вони, и к побоям, и к тому, что приходится называть Юргила «хозяином». Человеческая психика — штука гибкая. Он забудет Россию. Он даже во сне не будет её вспоминать. Это, наверное, окажется нелегко — но зато больше никаких мук, никаких развилочек в судьбе, когда не знаешь, куда идти... А самое главное — **сейчас** прекратятся эти страдания. Он и будет жить этим **сейчас**. И — всё. Хватит. **Сейчас** — без **вчера**, никогда не переходящее в **завтра**. Когда ему говорили — родители, в школе, старшие друзья — о чести, об отваге — никто не знал, как мало будут значить эти слова, если тебе просто хочется пить, а вода — вот, у твоих ног, и за ней надо просто... просто нагнуться.

Просто встать на колени.

Просто! Даже не обязательно потом быть рабом. Он убежит, он просто наберётся сил и убежит, он притворится покорным — и убежит! А сейчас сделает вид, что покорился — на время...

...«А разве можно предавать на время?» Олег вспомнил, как год назад нашёл на чердаке школы подшивку старых журналов «Пионер». Там была пьеса. По Гайдару — настоящему Гайдару, писателю. Про какого-то мальчишку со смешным именем, его Олег никак не мог вспомнить сейчас. Там тоже было что-то похожее. И вот там были эти слова. Разве можно предавать на время? Правда — это книжка, а не жизнь... но что он знает о жизни?

Немного. Например — что путь к предательству начинается тоже с какого-то шага, которому можно найти оправдание. Например — «просто» встать на колени. Это и правда просто. Только потом уже не поднимешься. Так и проживёшь на коленях всю жизнь — долгую или короткую, не важно. Важно, что после этого тебя будут всё глубже и глубже втаптывать в грязь. И любая долгая жизнь обернётся просто долгой мукой. Особенно — если будешь помнить, кем ты **был**. Конечно, жизнь у человека одна.

Но ведь и честь — тоже одна. И что с того, что в неё почти никто уже не верит, что в моде другие книжки, освящающие право предавать снова и снова, лишь бы выжить — такие приятней читать трусам и слабакам, которых много развелось на свете...

Да, всё просто.

Стоишь в рост — умираешь человеком.

Становишься на колени — живёшь рабом.

Выбирай, Олег Серёгин. И помни, что ты уже занёс ногу для первого шага в никуда. Ты трижды назвал эту бочку сала «господином». Ты — сын и внук русских людей, мальчишка великой страны, плоть и кровь отважного народа — назвал. **И уже об этом будешь жалеть всю жизнь.**

«Может быть — недолгую,» — с усмешкой подумал Олег напоследок.

И одним точным ударом ноги отправил чашу прямо в ухмыляющийся блин лица Юргила. Как футбольный мяч по центру ворот, не жалея босой ноги.

— Гол, — сказал Олег спокойно, видя, как каган уныло обмяк на подушках от пушечного попадания в лоб.

Потом его стали бить. И били долго — уже после того, как вышибли сознание.

* * *

Бить того, кто ничего не чувствует — не интересно. Поэтому Олег пробыл без сознания недолго — ровно столько, сколько понадобилось воинам, чтобы понять: мальчишка вырубился — и, вытащив его наружу, привязать к козлам для распилки дров. После этого на него выплеснули два ведра ледяной воды. Олег широко схватил воздух ртом, поймал губами и языком несколько струек и, хрипло выдохнув, открыл глаза.

В ту же секунду его спину обжёг секущий, беспощадный удар — такой, что, казалось, разлетелся пополам позвоночник. Боль от удара перехватила горло, Олег просто открыл рот — и тут же по ещё не успевшей отхлынуть боли рубанул огненным клинком второй удар.

— АААА!!! — истошно заорал Олег и рванулся, но ремни впились в запястья и щиколотки.

В ответ на третий и четвёртый удары — его били с двух сторон — не раздалось ни звука. Олег лежало. Мотал головой, бросая её со щеки на щёку.

Грыз дерево. И молчал. Потом послышался стеклянный, очень красивый звон, вокруг пошёл снег — ложась на спину, он обжигал, но потом превратился в ледяной водопад, и ночной мир, полный болью и огнями, снова выплыл из приятного забвения. Олег не видел, что стекающая с его спины вода имеет розовый цвет. Но он чувствовал такую боль, что стон невольно прорвался сквозь стиснутые зубы. Рот был полон кровью, взявшейся непонятно откуда.

В губы ткнулся мягкий сапог. Олег чуть вывернул шею и увидел ухмыляющееся лицо Юргила. Лоб «хозяина» был замотан тряпкой — это радовало.

— Целуй, — сказал Юргил и снова ткнул загнутым носком в губы мальчишке. — Целуй, ну?

Олег с удовольствием плюнул кровью на расшитую кожу. И засмеялся прежде, чем его вновь начали полосовать кнутами.

* * *

На третьи сутки Хирст перестал бояться, что Олег умрёт. Судя по всему, кочевникам это тоже перестало быть нужным — во всяком случае, мальчишек стали поить и кормить. Не хотелось только думать — зачем... Одному, если честно, было страшно, поэтому трудно даже передать радость Хирста, когда на исходе третьего дня Олег не просто перестал метаться в бреду, крича что-то на совершенно непонятном языке, но и пришёл в себя. и что-то зашептал по-английски — Хирст наклонился ближе и услышал:

— На вершине снежного сугроба сидит человек, рядом лежит перевёрнутая машина. Мимо едет ещё один, притормаживает, кричит из окна: «Что тут случилось?!» А первый отвечает: «Не знаю, я сам только что тут очутился...» Привет, Хирст.

— Очнулся, слава богам! — выдохнул тот и помолчал, пережидая спазм в горле. — Спина очень болит?

Скривившись, Олег прислушался к себе:

— Болит... А что, там очень страшно?

— Очень. — признался Хирст честно. — Как будто тебя палашом рубили.

— Может, и рубили, не помню... У нас пить есть? В смысле, вода есть?

Хирст напоил Олега. Потом тихо спросил:

— Чего они хотели?

Олег помолчал. Отвернулся к стене и внятно, коротко, но точно рассказал обо всём, ничего не скрывая.

— Короче, мне до предательства оставался один шаг, — беспощадно заключил он. — За это с меня ещё не так надо шкуру спустить.

Хирст помолчал — что тут скажешь? Олег попытался сесть — и не удержал длинного стога.

— У меня плохие новости, — тихо сказал Хирст.

— Да ну? — хмыкнул Олег. — Я бы удивился, случись наоборот...

— Нас стали поить и кормить.

— Это — плохая... — Олег осекся, его лицо окаменело. — А. Понял. Ну и что с нами сделают?

— Скорее всего — сдерут кожу, а потом посадят на колья, — ответил Хирст. — Люди так живут ещё дня по два...

— Меня это не устраивает, — Олег перевёл дыхание. — Я всегда раньше думал — зачем американцы в набор для выживания обязательно кладут библию. А теперь понял — это на случай, если всё остальное не поможет... У тебя библия есть?

— Нет, — серьёзно ответил Хирст. — А кто такие американцы, это твой народ?

— Нет, слава тебе, господи. Так нет библии?

— Нет, но есть добрый совет, — Хирст сел поудобнее:

— Если враги
Тебя окружили —
Найди в себе силы,
Уйди достойно,
Как подобает
Отважному мужу...

— Поня-атно-о... — протянул Олег. Усмехнулся, пожал плечами, застонал снова. Потом засмеялся и признался: — Страшно... Вот фигня — жить-то осталось всего ничего, а я всё равно хочу дожить... Слушай, я не умею, — он огляделся. — Что тут можно сделать-то?

Хирст обхватил руками колени. Сказал в сторону:

— Я умею. Нас этому учат, как только сажают в седло, чтобы никто не говорил, что видел раба-англианина... Только это очень больно. Недолго, но... **очень**. Я не хотел умирать один. И я надеялся... — лицо Хирста на миг стало совсем детским, как у смертельно обиженного пацана. — Что меня... что выручат... — и он со всхлипом вздохнул.

— Тогда давай сейчас, — предложил Олег. — Чего тянуть? Я только больше бояться буду.

— Подожди... — Хирст вдруг задумался. — Самоубийство вещь почётная, но... я вот только сейчас подумал. А если попробовать бежать?

— Бежать? — Олег звякнул цепью. — Не выйдет...

— А что мы теряем? — глаза Хирста опасно блеснули. — В крайнем случае, нас убьют они. Это легче. Можешь мне поверить, в бою умирают очень легко. Один я бы не смог. А вдвоём можно попытаться...

— Давай, — кивнул Олег. Англианин стиснул его колено горячими сухими пальцами:

— Только надо будет убивать. Ты сможешь?

— Да уберите же его! Он сдох, я говорю вам, сдох! А-а-а, уберите его!!!

Стражнику уже порядком надоели эти истошные вопли, от которых сотрясалась стена. Северянин вопил с таким ужасом, что в немудром мозгу кочевника непривычно завозились мысли — похоже, там правда померли. Позвать Юргила и сказать, что поротый подох?.. Нет, лучше зайти и посмотреть...

Он передвинул на живот автомат, отодвинул полог и вошёл внутрь, прихватив с собой факел.

Орущий мальчишка скорчился в углу — подальше от своего товарища — и молчал, только дрожал. А второй вытянулся лицом вниз, раскидав руки. Повёрнутое вбок лицо было неподвижным, только глаза стеклянно отражали зыбкий огонь факела.

Будь мальчишка здоровым, кочевник — при всём его невеликом уме — не поверил бы. Но он видел, как северянина били — и в смерти после этого не было ничего неестественного. Надо идти к Юргилу, нести ключи, расковырять труп... Но сначала всё-таки самому убедиться, что помер.

Не спуская ствола автомата с Хирста, кочевник подошёл и нагнулся над Олегом.

Олег набросил ему на шею петлю из цепи — и рванул, как раз в тот момент, когда кочевник больше всего подался вперёд и вниз. Стражник ухнул и зарылся носом. Олег уперся ногой ему в плечо и потянул изо всех сил; Хирст, загремев цепью, прыгнул на спину кочевника и резким рывком рук сломал ему шею. Тело содрогнулось и издало отвратительный звук.

— Готов, — сказал Хирст. — Ключей у него нет, попробуем так...

Он высвободил из-под тела автомат. Олегу сперва показалось, что это «калашников», но потом он различил, что оружие просто похоже — магазином и прикладом, и всё. Не как те винтовки, которые были у захвативших его в степи.

— Хочешь перебить выстрелом? — тяжело дыша, спросил Олег. Спину резало, но боль почти не ощущалась, её забивали азарт и вспыхнувшая надежда на свободу. Хирст промолчал, и Олег понял, что сказал глупость. Англичанин просунул ствол до мушки в кольцо, приклёпанное к ошейнику Олега и начал крутить. Олег молча заколотил ногой по земле — ошейник врезался в кожу, но, когда боль стала невыносимой, кольцо отскочило со щелчком.

— Давай ты, — Олег ощутил в руках тяжесть автомата. С ошейником Хирста удалось справиться быстрее, и мальчишки нагнулись над трупом...

— Всего четыре магазина, — Хирст прямо на голое тело закрепил на бёдрах потрескавшийся ремень с подсумками. — О, пистоль.

Олег уже сдёрнул с крепления кобуру с длинным тяжёлым пистолетом, молча проверил его, посмотрел запасную обойму, ухмыльнулся, на миг нацепив кобуру на... как бы сказать помягче? Хирст подавился смешком и подал Олегу ещё две маленьких ручных гранаты, круглых и увесистых.

— Запасные, под кобуру повесь, — тоже прикололся он. Олег не сразу понял шутку, но потом с трудом удержал смех.

Мальчишки подошли ко входному пологу.

Тот откинулся им навстречу...

...Уже начавший входить кочевник выкатил глаза, но не растерялся и ловко отскочил, когда Хирст попытался его схватить. Впрочем, это не спасло любопытного — Олег выстрелил ему прямо в грудь с расстояния вытянутой руки, опалив халат. Кочевник попятился и тяжело упал на спину. Олег (не испытывавший ничего, кроме азарта) коршуном метнулся вперёд, за оружием, не обращая внимания на встревоженный вопль неподалёку — происходящее заметили, побег фактически сорвался. Когда Олег с оружием руке бросился (на четвереньках) обратно, отовсюду уже бежали кочевники.

Автомат оказался таким же, магазинов было четыре. Если на убитом ещё было что-то

— искать было поздно.

— Ложись! — крикнул Хирст, и Олег рухнул на живот раньше, чем задумался. Это было хорошо — войлочные стены сразу с нескольких направлений разодрало ураганом огня. — Сорвалось! — крикнул он, и Олег кивнул. Он сейчас был спокоен, думал лишь о том, что погибнут они именно в бою... и ещё — что ребята, может, как-нибудь выберутся домой... — Держи вход, я здесь! — англичанин рванул войлок, подпёр его какой-то палкой и залёг у импровизированной амбразуры. Олег перекатился ко входу, не обращая внимания на взорвавшуюся в спине боль, залёг. — Оставь два патрона в пистолете, слышишь?!

— Слышу! — отозвался Олег, целясь.

Кочевники ещё не очень поняли, что случилось. И, похоже, решили, что угрохали пленных наповал своей стрельбой. Во всяком случае — трое прямиком бежали ко входу, даже не пригибаясь, смешно переваливаясь на неприспособленных для бега ногах. Не поднимаясь, Олег зацепил кольцо одной из гранат о мушку, выдернул его и по дуге бросил гранату под ноги кочевникам — так, словно он сто раз это делал раньше.

Взрыв гранаты был совсем не таким, как в кино, когда люди взлетают в воздух, мотая руками и ногами, а пламя — как будто загорелся бензиновый бак. Коротко хлопнул выбиваемый пыльный мешок. Олег увидел, что один кочевник, воздев руки и шатаясь, бежит обратно, другой крутится на земле, забрызгивая её чем-то тёмным, третий — просто лежит неподвижно.

Тот, который бежал, упал тоже. Олег не смог отказать себе в удовольствии — тремя короткими очередями прошёл шатёр Юргила. (Автомат упруго толкал в плечо, в ушах оставался какой-то звон.) Вряд ли в кого попал, но хоть душу отвёл... Мальчишка перекатился на другую сторону входа. Покосился — Хирст менял магазин.

— Они там пулемёт тащат, — пояснил англичанин.

— Может, попробуем прорваться к лошадям? — внёс свою лепту в обсуждение Олег. Пули продолжали вырывать клочья из шатра в разных местах.

— Можно! — крикнул Хирст, перекатываясь ближе. — Сейчас попробуем!

Он сделал ещё один перекат, оказался рядом с Олегом. Кочевники не умели вести перестрелку и вообще перемещаться пешком — орали и стреляли почём зря, неловко перебегая по лагерю. Олег стрелял короткими очередями — и видел, как неловкие мишени кувыркаются в пыли...

— Когда скажу — «бросай!» — сразу кидай гранату и бегом вперёд, — Хирст прижал автомат прикладом к плечу. — Стреляй влево.

Олег поправил пояс на бёдрах и снова выдернул кольцо о мушку. Потом привстал и метнул гранату, на этот раз — по-настоящему, за шатры, подальше — едва Хирст рывкнул: «Бросай!»

Мальчишки выскочили наружу, стреляя в обе стороны от животов. Кочевники ожидали этого меньше всего, и сто с чем-то шагов до коновязи бывшие пленные преодолели одним духом.

Коней у коновязи не было. Судя по всему, их увели только что.

Мальчишки, не сговариваясь, опрокинули на бок поильную колоду и распластались за ней. Олег перезарядил, повозившись, автомат.

— Не получилось, — заметил он, целясь. От толстой разбухшей колоды полетела мокрая щепка. — Мы попались?

— Для тебя это новость? — Хирст выпустил веером длинную очередь. — У тебя что, не исправилось настрояние? Свежий воздух, отличная компания...

— Чувство юмора — великая вещь, — заключил Олег. Пуля с хрустом расщепила дерево у его лба. — Ого... На, получай! — кочевник заперебирал ногами куда-то в сторону и завалился в груды хвороста. — Знаешь, что меня волнует? Что я не доберусь до Юргила. Ради этого я готов ещё раз рискнуть. Где он может быть?

Хирст выстрелил — двое скакавших между шатров всадников, как в кино, синхронно вылетели из сёдел и грянулись оземь.

— Они могут подобраться сбоку, — Хирст ловко перевернулся на месте. Мальчишки легли, упираясь друг в друга пятками; головами и стволами — в разные стороны, прикрыв один бок колодой. — Да, неплохо бы добраться до этого бора. Только боюсь, что это лишь мечты...

Олег чуть повернул голову и посмотрел вверх, в небо. Кажется, рассветёт уже скоро.

К чёрту.

Он сменил второй магазин. В пыли неподалёку от импровизированной баррикады лежали несколько тел. Кто-то возился, кто-то нудно и громко стонал.

— Скоро начнёт светать, — Хирст повозился, устраиваясь удобнее. И вдруг сказал с остро прорвавшейся тоской: — Будь всё проклято! Никогда не думал, что погибну в бою с этими ничтожествами, это всё равно, что с крысами воевать... — а потом добавил: — Ты должен меня проклинать, Олег.

— Проклинаю, — охотно согласился Олег. — А за что?

— Ты из-за меня влип в эту кашу...

— Оставь, — усмехнулся Олег. — Я сам хотел этого и сам влез в это... граната!

Хирст, извернувшись всем телом, подхватил короткий цилиндр и швырнул его обратно — граната разорвалась в воздухе. В следующую секунду мокрая щепка, выбитая пулей, вонзилась ему в правое плечо. Хирст молча выдернул её — кровь ленточкой вытекла из раны и застыла.

— Больно! — он смеялся. — Убило щепкой — это было бы смешно, хотя одного из моих предков убило во время погрузки на корабль мешком с овсом... Давай пока не стрелять, побережём патроны.

Мальчишки подняли головы от прикладов. Кочевники продолжали палить, эта трескотня стала даже какой-то надоедливой.

— Если они и сюда подтащат пулемёт — из нас сделают решето вместе с этой скотобазой, — Олег пнул колоду пяткой. — Ага! Юргил!

Он завопил это, подскочив на земле, словно его тряхнуло током. Но Хирст и сам уже заметил знакомую фигуру, мелькнувшую — ого, как быстро! — между двух шатров. Автомат в руках англичанина выплюнул короткую очередь, потом — длинную, потом — ещё короткую...

— Не попал, — отрезал Хирст со злостью на самого себя.

— Семь бед — один ответ, — Олег дословно перевёл это на английский, сел, сложившись пополам, глаза его блеснули. — Давай попробуем его задавить. Найти и задавить, а то нечестно получается — мы откинемся, а он будет пукать и кушать.

Хирст думал какую-то долю секунды. Потом, бросив: «Прикрой меня!» — молнией метнулся к ближайшему шатру. Оказавшись за ним, махнул рукой и, держа автомат навскидку другой, начал палить одиночными наугад. Олег, сжавшись в комок, проскочил туда же. Мальчишки бегом обогнули шатёр, держа стволы в разные стороны. Тут кочевников не было. Ребята перебежали за следующий. Хирст рывком усадил Олега на корточки и точным, коротким ударом уложил появившегося сбоку врага, тащившего ручной пулемёт — приклад ахнул ему в лоб, Хирст забросил автомат за спину, поднял пулемёт, приплюснутый сверху похожим на большую консервную банку диском. Проверил, отведя затвор, патронник, кивнул:

— Пригодится... Пошли дальше!

— Стоп! — Олег влепил две короткие очереди в грудь одному и другому кочевнику — они выскочили из-за шатра, преследуя мальчишек, отброшенные пулями, столкнулись и рухнули наземь. — Теперь давай!

Олег окончательно овладел азарт. Он начисто забыл, что их окружают враги, что их ловят — и пребывал в полной уверенности, что ловят как раз они. Мальчишки, наверное, могли бежать прочь от кочевья и, возможно, скрыться в ночи — но они гонялись между шатров за одним-единственным кочевником...

... — У меня последний, — Хирст вставил в автомат магазин. Олег выстрелил над его

плечом и сообщил:

— Я тоже последний распечатал...

Мальчишки сидели спина к спине между здоровенными тюками ткани, стреляя поверх них. Спину Олега мозжило и пекло, но это едва ли сейчас могло беспокоить по-настоящему — оставалось не так уж много...

— Пистолет не потерял? — поинтересовался Хирст.

— На месте, — спокойно ответил Олег, поняв смысл вопроса, — ты не беспокойся.

Пули с силой били по тюкам, но вязли где-то в толще плотных слоёв. Ткань защищала ребят достаточно надёжно — но скоро кончатся патроны, и тогда...

... — Что это? — Хирст приопустил ствол и недоумённо закрутил головой: — Что это, Олег?

Олег, встав на колени, смотрел через плечо друга в ту сторону стойбища, где разрастался многоголосый вой — вопль страха и безнадёжности. В пляшущих отсветах огней метались тени; стрельба усилилась, но стала ещё более беспорядочной и была направлена не в сторону мальчишек. Тенями из жуткой сказки мелькнули всадники — чёрные, на непредставимо огромных конях...

Открыв рот, Олег опустил автомат, поднялся в рост и ошарашено наблюдал за происходящим. Хирст тоже вскочил, бросив автомат на тюк — но для него, похоже, всё стало ясно, потому что он замахал руками так, словно собирался взлететь и заорал что-то такой скороговоркой, что Олег совершенно не понял, что он там голосит.

Совсем близко протрубил горн — несколько слитных, накатывающих друг на друга нот, в которых была торжествующая угроза. Багрово-чёрная тьма раскроилась, как полог под ударом острого лезвия — и Олег словно во сне увидел высокого всадника на рослом рыжем коне, грудью надвинувшемся на тюки. В безумных глазах рыжего пылало пламя, мощно ходила ходуном перечёркнутая посеребрёнными ремнями сбруи грудь. Конь раздувал выложенные изнутри розовым ноздри. Возле самого своего лица Олег увидел квадратный носок сапога с узорчатой серебряной пряжкой и зубчатым бликом шпоры. Выше — за отворотом сапога — торчала рукоять хлыста. Ещё выше — свисала вытертая кобура револьвера, тяжёлого и большого.

А совсем высоко над Олегом нависало бесстрастное молодое лицо — лицо с пугающими глазами жестокой хищной птицы под квадратным козырьком сдвинутого на лоб кепи, украшенного бело-алым пляшущим султаном.

— Барон ван Доррен, Ваша Светлость, это вы? — послышался высокий металлический голос. И, увидев, что Хирст шагнул вперёд, наклоняя голову, Олег смог только выдохнуть:

— Вот блин...

А потом совсем близко истошно заорал Артур:

— Олег, сука, ты живой?!?!?!?

— Живой, — сказал Олег и сел на землю. Повторил, глядя на то, как качается травинка: — Живой.

* * *

Лёжа на животе, Олег сонно и бездумно смотрел, как покачивается угол палаточного полога. Туда-сюда... туда-сюда... Спина ныла, но несильно. Ноги и руки ныли тоже, почти приятной тянущей болью. Думать не очень хотелось, да и вспоминалось всё плохо, напоздало друг на друга и морщилось. Туда-сюда, туда-сюда... Рядом на раскладном столике белел кувшин и стояла жестяная кружка. Привстав на локте, Олег дотянулся, отпил — вода. Холодная вода, и кувшин тоже, конечно, полон холодной воды.

Он снова лёг, подтянул жестковатое лёгкое покрывало повыше — и закрыл глаза...

...Когда Олег проснулся снова, то в палатке кроме него сидели Кирилл и Артур. Они устроились прямо на полу, тихо шлёпая картами — играли в очко. Вместе с ними сидел и

наблюдал за игрой, время от времени что-то тихо комментируя, мальчишка лет десяти, круглолицый, коротко стриженный, одетый в белую рубашку, серо-зелёные нейтрального вида штаны и грубые ботинки. Рядом с ними лежало оружие и снаряжение, среди которого Олег с облегчением увидел свой револьвер и нож. От этого облегчения стало смешно: чуть не погиб, но беспокоится, что надо будет вернуть чужую вещь. Револьвер-то Ванькиного дяди...

А потом Олег увидел, что в палатке — ещё один человек, тоже мальчишка. Не Хирст (Хирст вообще сейчас казался сном — был ли на самом деле?), хотя и чем-то похожий, пусть и младше. Мальчишка сидел на раскладном стуле и читал какую-то книжку, Олег не видел обложки. Серо-зелёную рубашку перечёркивали смешно выглядевшие подтяжки, поддерживавшие подшитые кожей штаны того же цвета, только с чёрным узором по шву ниже карманов. Коричневые сапоги с белым отворотом были в пыли, на них поблёскивали шпоры. Со спинки стула свисала куртка с нашивками. На полу стоял длинный горн на витом шнуре. С горна свисало кепи — низкое, с бело-алым султаном.

Олег рассматривал мальчишку на стуле около полуминуты, удивляясь, как никто не заметил, что он проснулся. А потом, подчиняясь какому-то наитию, окликнул:

— Игорь.

Мальчишка быстро поднял голову. На звук голоса Олега повернулись и все остальные, но Олег сейчас не обращал на друзей (и даже второго незнакомого пацана, младшего) внимания. Он повторил:

— Игорь Марков?

— Да, — кивнул горнист. И встал, аккуратно положив книгу на стул. — Я Игорь.

* * *

— Значит, ты на самом деле сын шефа полка.

Олег и Хирст шли по тропинке между склонившимися ветви буками. За спиной, в лагере аморийских гусар, горн пропел: «Go-go-go, boys, clean the horses!»²⁰

Хирст точным ударом хлыста сбил бледный цветок шиповника. Кивнул:

— Да. Сын шефа полка. Юргил об этом не знал. Я и тебе не сказал, чтобы ты невзначай не выдал. Но ведь и ты не сказал правды.

— Не сказал, — подтвердил Олег. — Конечно, я не егерь. Теперь ты прикажешь арестовать меня и моих друзей?

— Если бы не твои друзья — вряд ли бы я был на свободе, — Хирст понюхал цветок и усмехнулся: — Хорошо быть живым.

— Хорошо, — снова подтвердил Олег.

И подумал, что правда — хорошо.

Артур и Кирилл тогда вычислили становище кочевников по следам. И вернулись в лес ненадолго — подготовиться к ночному налёту. Они собирались на него совершенно спокойно, как будто напасть вдвоём на становище, где одних воинов — больше трёхсот — пустяки.

Когда мальчишки снова выбрались в степь, то буквально натолкнулись на приземлившийся самолёт из авиаразведки 5-го полка. И уже тем же вечером две конных роты обрушились на Юргила, освободив сына шефа полка, барона Хирста ван Доррена, сына эрла Амори, а заодно и покончив с бандитским племенем.

— Четыре месяца назад, — Хирст снова рубанул шиповник, — война ещё шла. Я прибыл в полк. Мы сражались на юго-востоке, брали укрепрайон Сарык-Шан. Я первый раз убил человека. И второй, и третий... Потом устал считать. Они взорвали дамбы, вода из

²⁰ Сигнал к купанию и чистке коней.

арыков пошла на поля. Кони вязли в грязи, мы сражались по колено в жиже... Кони не шли, выбивались из сил. Плакали. Мы несли на себе пулемёты и горные пушки. Разбили стены... В инженерной пехоте служил суб-лейтенант Гэри Шало. Мы с ним дружили в школе, долго, почти семь лет. Он был немного постарше, попал в армию раньше и я очень радовался, что мы служим вместе... Он был не англичанин, рипуар с северо-востока, но всё равно... Их рота вошла внутрь и стала расчищать улицы. Огнемёты, заряды на шестах... Торбаи вышли на вылазку. Гэри прикрывал раненых. Его схватили и прибили к доске, а доску подняли над стеной. Тогда я... — Хирст растёр цветок между пальцами. — Я не помню. Просто мы вошли в форт, а потом мне сказали, что я был впереди. Не помню, правда... А Гэри уже умер. Я не успел, ему отрубили голову... Там мы освободили двух мальчишек. Впечатление было такое, что они помешались. Даже язык почти забыли. Мы от них ничего не могли добиться толком... Ингер стал у нас трубачом, а Дэнни просто... воспитанником... — Хирст остановился и взял Олега за плечо: — Они оттуда же, откуда ты? Ты ведь их искал?

— Да, — Олег кивнул, глядя прямо в немигающие глаза корнета.

— Где ваша родина? — Хирст не сводил глаз с Олега. — На какой звезде?

— Далеко, — Олег улыбнулся. — За временами и мирами...

— За временами и мирами... — мечтательно повторил Хирст. — Значит, есть место, откуда прискакал конь Хенгиста и привёл за собой наших предков? Я читал про это много книжек... А отец смеялся и говорил, что это просто сказки бардов.

Олег не совсем понял, о чём говорит корнет. Но кивнул:

— Да. Есть это место.

Хирст кивнул, как будто только и ждал подтверждения. Потом кивнул снова:

— Друзья — всё, что у нас есть, — сказал он. — Хорошо тому, у кого они не только называются друзьями, но и живут, как друзья... Возвращайтесь к себе. Но знай, Эльга, — Хирст встал прямее. — Знай: если тебе понадобится помощь — найди меня среди этих своих времён и пространств. Я приду и встану стремя в стремя с тобой.

— Спасибо, — искренне ответил Олег.

Хирст кивнул в третий раз. Повернулся на каблуках. И пошёл прочь — не оглядываясь, ровный и негнувшийся, как клинок палаша.

Олег долго смотрел вслед гусарскому корнету. А в голове, в мозгу, бился пульс...

— Кто сказал: «Один не воин, не величина!»?!
Кто сказал: «Другие времена!»?!
Мир жесток и неспокоен,
За волной — волна...
Не робей — и не собьёт она!
Кто сказал, что страсть опасна, доброта смешна,
Что в наш век отвага не нужна?
Как и встарь — от ветра часто
Рушится стена...
Крепче будь — и буря не страшна!
Кто сказал: «Борьба напрасна, Зло сильнее Добра!»?!
Кто сказа: «Спасайся — вот нора!»?!
Путь тяжёл — но цель прекрасна,
Как огонь костра!
Человек! Настал твой час! Пора!
Встань!
Страх преодолей!
Встань в полный рост!
Встань на земле своей —
И достань рукой

Медленно, задумчиво, повернулся Олег — и...

— Подожди, Олег!

Олег обернулся. Игорь нагонял его, подняв руку и придерживая на боку горн.

— Подожди, надо поговорить.

— Что такое? — Олег напрягся, каким-то чутьём поймав напряжённую нотку в голосе Игоря.

— Да нет, ничего... — Марков снял кепи, зажал под мышкой, вытер лоб рукавом. — Просто я не поеду... в смысле, не пойду с вами. Тебе, конечно, офигенное спасибо, ты настоящий мужик. Но я не вернусь.

— Ты что, бредишь? — даже не рассердился, а изумился Олег. Но Игорь покачал головой:

— Послушай... Тебе, конечно, может показаться, что я правда брежу... Только ничего подобного. Я всё обдумал, я долго думал. Мне нечего делать дома. Понимаешь, Олег... — он вздохнул. — Ты можешь сказать, что я чокнутый или урод, но мне там скучно. Не в какой-то конкретно момент, а вообще скучно. Я сколько себя помню, всегда хотел воевать...

— А что, у нас нельзя быть военным? — спросил Олег зло. Он и правда злился на этого мальчишку. Но Игорь помотал головой:

— Ты не понял. Я не просто мечтал **быть военным**, я мечтал **воевать**.

— А? — Олег поднял брови. Игорь вздохнул, его серые глаза вдруг заискрились:

— Я... вот когда мы шли в атаку... конь летит, все кричат... выстрелы, а мне не страшно. А когда я затрубил... когда я затрубил... — глаза Игоря заблестели. — А потом они побежали... спины... и мы скачем... — он сбивался, захлебываясь словами. — Они кричали, что нас повяжут и посадят на колья... а детей и женщин возьмут себе... как нас с Данилкой... когда мы... когда нас... в сарай... и кнутом, понимаешь, его, мелкого — кнутом!.. а теперь бежали, как... как стадо... — он махнул рукой: — У меня не получается объяснить, но я не вернусь. Этот мир мой. И война моя. И эти люди — мои старшие друзья, и я буду таким, как они. Я стану полковником, и Его Величество даст мне имение и герб, в котором будет горн. И если даже меня убьют, это будет не зря. И можешь считать меня придурком или маньяком. Вот.

Почему-то злость у Олега пропала. Совсем. Он спросил тихо:

— А мать? Отец?

— Я не вернусь, — Игорь стиснул зубы так, что вспухли скулы, повернулся и пошёл вниз, с маху нахлобучив кепи — прямой и упрямый.

Чем-то похожий на Хирста.

* * *

Когда Данила узнал, что Игорь остаётся, то у него набухли губы. Олег терпеливо ждал. Конечно, за четыре месяца здесь (опять фокусы времени!!!) младший мальчишка привык смотреть на старшего, как на брата, как на защитника, а дом подстёрся в его памяти. Но всё-таки не **стёрся**. А возвращаться один Данила не хотел.

— Ну хорошо... — пробормотал он наконец, когда Олег в отчаянье и ему напомнил про маму. — Только я пойду... пойду с Игорем по... — он передохнул. — Попрощаюсь.

И пошёл между палаток, украдкой размазывая слёзы.

Старшие мальчишки смотрели ему вслед.

²¹ Песня рок-группы «Ария».

— Скотина всё-таки этот Игорь, — мрачно пробурчал Кирилл. Но Артур возразил, опираясь на ружьё:

— Нет... Я, может, тоже остался бы... С Григорием Викторовичем остался. Если бы он был жив... и если бы не кадетское. А кстати, видели здешние самолёты? Тридцатые годы прошлого века, смех.

Они заспорили насчёт самолётов, причём Кирилл постоянно «зарывался», не желая признавать, что ни фига не смыслит в теме. Олегу это было не очень интересно, он хотел, чтобы поскорее вернулся Данилка и чтобы опять что-нибудь не произошло.

Ничего не произошло. Если не считать того, что сзади подошёл Генка.

Олег обернулся равнодушно. За все эти три дня он видел Генку всего однажды — тот пятился от него между шатров, когда Олег первый раз вышел наружу. Но Олег тогда прошёл мимо — а Генка вдруг повернулся и побежал, как будто его ударили.

Олег больше и не вспоминал о нём. И не злился, что странно. Нет, он не простил Генку. Но и не желал больше прикончить Жукова, как хотелось ему в плену.

Просто Генка перестал его интересовать. Он как бы **перестал быть** для Олега.

И сейчас Олег отвернулся снова. Даже не посмотрев — скользнув взглядом...

...Данила вернулся повеселевший. Неизвестно, что сказал ему Игорь — но слова точно нашёл. Правда, не пришёл сам.

Зато Хирст шагал рядом. Подтолкнул младшего в плечо, а сам остановился перед Олегом.

— Кое-кто из офицеров настаивал на том, чтобы вас задержать, — прямо сказал он. Олег усмехнулся и сказал:

— Ну что ж...

Взрослые — они такие же, как дети.

Только жаль — не верят в чудеса...

Это он сказал по-русски, больше для себя. Но Хирст кивнул — и вдруг протянул Олегу коричневую потёртую перевязь, на которой крепился длинный палаш в черных, стянутых бронзовыми оковками, ножнах. Тяжёлую рукоять палаша закрывала выпуклая гарда в рядах мелких ямок. Хирст подвыдернул из ножен плоское, без выборок, лезвие.

— Смотри, — сказал он, поднимая оружие к глазам Олега. — Рукоять новая. Но клинку больше семисот лет. Тогда не полировали сталь.

— Вижу, — Олег в самом деле видел на матовой поверхности переплетения узоров, образовывавшие вроде бы фигуру человека, стоящего с прижатыми к бокам руками расставив ноги. А около эфеса чернели буквы — не современные, а руны.

— Так писали наши предки, — сказал Хирст, убирая клинок. — Тут написано: «Я — закон». Может быть, это и неправда. Но моих предков это спасало. Возьми его, Эльга. Пусть он служит тебе. Тем более, я думаю, что закон — рука, которая держит это оружие, а сам клинок — лишь орудие воли. Твоя воля не будет злой.

— Мне нечего тебе дать... — растерялся Олег, но потом спохватился и сорвал с пояса чехол с «оборотнем». — Бери. Это хороший нож. И надёжный инструмент, им много можно делать... ну, ты разберёшься.

Хирст кивнул. Потом уже привычным жестом взял Олега за плечо:

— Будь осторожен с этим, — он скосил глаза в сторону Генки. — Он трус. Я не знаю, что там у вас с ним произошло, но у него глаза труса. Я наблюдал за ним эти дни, и мне даже странно, что он вместе с тобой.

— Мы не выбираем, кого нам спасать, — сказал Олег. Хирст приподнял светлые брови и медленно сказал:

— Да. Это, наверное, так. Но всё-таки будь осторожен. Иногда трусы начинают

ненавидеть остальных как раз за то, что те прощают им их трусость...

Ещё раз там, где стоят часы

- Пас!
- Даю!
- Оп!
- Держи!
- Взял!

Чёрно-белый потёртый мяч метался между ногами мальчишек. Мяч нашёл Борька — просто нашёл в траве — и теперь он, Тимка, Данилка и даже Кирилл пасовались между двух импровизированных ворот из сухих сучьев.

Девчонки готовили обед. От костра тянуло запахом горохового супа — из запасов, оставленных каким-то караваном, прошедшим здешними местами в те два дня (не восемь), что отсутствовали старшие ребята. А Артур с Олегом загорали в ковыле, расстелив куртки, голова к голове. Олег рассматривал палаш, вынутый из ножен.

— Бриться можно, — сказал он, вдвигая оружие обратно. — Только пока нечего.

— Почему ты не сделал то, что от тебя требовал тот гад? — вдруг спросил Артур. Олег поморщился. — Ну всё-таки?

— А ты бы сделал?! — рассердился Олег.

— Не знаю, — вдруг ответил Артур. — Меня просто несколько раз ударили палкой. Не больше, если подумать. А тебя пытали.

— Зачем тебе это, Артур? — прямо спросил Олег. И Артур ответил так же прямо:

— Затем, что я — будущий военный. Мне интересно, что даёт... что даёт силу. В такой вот... ситуации.

— Правильное питание и чистка зубов пастой «колгейт», — ответил Олег. И, увидев, что кадет помрачнел, искренне добавил: — Извини... Не знаю я. Это высокие слова надо говорить.

— Скажи, — серьёзно посоветовал Артур. — Хватит ёрничать и ползать по дерьму. Нам этого и дома выше крыши... Скажи высокие слова, командир.

— Честь, — коротко ответил Олег. — Русская честь. Оказывается, она действенна во всех мирах и временах. А я и не знал, что она у меня есть.

— Я пойду с тобой и дальше, — Артур сел. — И знаешь что? Когда вернёмся... ну... давай дружить, что ли?

— А сейчас мы что делаем? — искренне удивился Олег. Но Артур ответил рассудительно:

— Сейчас — это другое. Сейчас ты командир, я подчинённый, мы оба — соратники. А там, дома, мне хотелось бы, чтоб у меня был такой друг.

— Смотри, какие облака... — Олег поднял голову, оперся ладонями о землю за спиной. — Облака-облака... Первый раз вижу тут облака.

— Про облака есть стихи, — вздохнул Артур. — Отец их любит петь, как песню...

— Отец... он у тебя военный? — спросил Олег. Артур отвернулся и тихо сказал:

— Он у меня... был военным. Он инвалид. Без обеих ног.

— Что? — выдохнул Олег.

— Ничего, — сказал Артур. — Вот такое стихотворение. Я запомнил. Я только спеть не смогу...

Над землёй бушуют травы,
облака плывут, кудрявы.
А одно, вон то, что справа, —
это я...

это я...
это я...
И мне не надо славы.

Ничего уже не надо
мне и тем, плывущим рядом.
Нам бы жить — и вся награда.
Нам бы жить,
нам бы жить,
нам бы жить —
а мы плывем по небу.

Эта боль не убывает.
Где же ты, вода живая?
Ах, зачем война бывает,
ах, зачем,
ах, зачем,
ах, зачем,
зачем нас убивают?..

А дымок над отчей крышей
всё бледней, бледней и выше.
Мама, мама, ты услышишь
голос мой,
голос мой,
голос мой —
всё дальше он и тише...

Мимо слез, улыбок мимо
облака плывут над миром.
Войско их не поредело, —
облака,
облака,
облака...
И нету им предела!²²

— Грустные стихи, — задумчиво сказал Олег. — Почему у нас так много грустных стихов?

— Жизнь такая, — мрачновато ответил Артур. — Вот ты мне скажи — с чего нам, например, веселиться?

— А облака всё-таки красивые, — подытожил Олег, укладываясь животом на куртку.

— Ты не передумал? — спросил Артур, по-прежнему глядя в небо. Олег вопросительно посмотрел на него, приподняв голову. — Искать тех, кто всем этим занимается?

— Нет, — отрезал Олег.

— А не думаешь, что это могут оказаться весьма высокаторчащие граждане?

— Ты когда-нибудь видел барабан? — лениво спросил Олег, уткнувшись носом в локоть. Артур сердито спросил:

— При чём тут барабан? Ну видел.

²² Слова Вадима Егорова

— А лейбгвардейский? — серьёзно допытывался Олег. — Высокий такой, у него по бокам ещё струны натянуты?

— При чём тут это? — окончательно разозлился Артур. — Что всякую хрень спрашиваешь?

— А при том тут это, — Олег улёгся удобнее, — что мне как раз по такому барабану, насколько высоко они торчат, эти граждане. Я детьми торговать никому не позволю.

— Ну и правильно, — сказал Артур.

— Мальчишки! — крикнула Саша. — Идите есть! Борька, бросайте эту штуку пинать, есть, вам говорю!

* * *

Олег не собирался уходить. По крайней мере — не сейчас. Просто, когда лагерь уснул, он перепоясался ремнём с револьвером и палахом, забросил за плечо ружьё — и отправился побродить по степи. Со стороны, наверное, могло бы показаться, что он отправился на какую-то странную охоту...

Временами ему казалось — совершенно отчётливо — что в этой степи можно найти ответ на все загадки. Хотя он и не очень-то понимал сам, **какие** загадки имеет в виду. Да и не стремился разобраться, если честно.

Степь и луна.

Олег побежал. Размеренно, не ощущая тяжести оружия, придерживая палаш у бедра рукой. Усталости не было; мальчишка не удивился бы, увидев, что его ноги в насквозь пропылённых ботинках, уже не подлежащих никакой чистке, не касаются земли.

И не удивился он, опять увидев реку. Странно, но над нею всё ещё пылал закат — огромный, какой-то неестественно-красивый — хотя вроде бы уже давно была ночь.

Олег остановился. И вдруг, глядя на то, как среди лесной черноты на той стороне горит одинокий огонёк, подумал: а что, если ему переплыть реку? Широкая, но можно справиться... А далёкие предки Олега верили, что за рекой начинается другой мир.

Но верили ещё и в то, что за рекой — **тот свет**.

По реке опять плыл корабль — колёсный пароход. Может, тот самый? Когда же это было? Олег понял, что не ощущает времени. Нет, конечно, тут его и не существует. Но он даже не мог посчитать, сколько дней длится его эпопея...

Странно, что Одиссей²³ десять лет добирался домой. Как-то, классе в шестом, Олег взял карту и нашёл Трою и Итаку. Их разделяло всего несколько сотен километров. Даже учитывая гнев богов и прочие неприятности — можно было добраться и быстрее. Именно тогда, рассматривая карту, Олег подумал, что, наверное, Одиссей просто **не торопился** домой. Мир, который он увидел, был большим и чудесным. Куда больше его маленького острова.

Но Одиссей вернулся на Итаку. В конце концов — всё-таки вернулся, потому что это была его **Родина**.

А Игорь Марков не вернулся. Просто **не захотел**. Выходит, он — предатель?

Олег не додумал эту мысль — и обернулся. Неспешно, но уверенно, потому что ощутил присутствие двух человек за спиной.

Он не ошибся.

Двое людей над берегом сильно напоминали обложку военного журнала, причём западного: громоздкое снаряжение, пятнистая форма, высоченные ботинки с тугой шнуровкой, глубокие шлемы, очки в пол-лица (в них отражался закат, не давая ничего

²³ ОДИССЕЙ — в греческой мифологии царь Итаки, участник осады Трои, главный герой поэмы Гомера «Одиссея». Славился умом, хитростью, изворотливостью и отвагой. После победы над троянцами десять лет добирался домой, где его верно ждала жена — красавица Пенелопа.

рассмотреть за стёклами), хорошо узнаваемые винтовки — М16 с высоким прицелом и рукоятью для переноски. Оба целились в Олега, но как-то неуверенно.

— Ясно, — пробормотал Олег и помахал руками, ощущая, что положение нелепое и смешное. — Новенькие... Э, братва! (хорошо, что можно не опасаться быть непонятым...) Уберите стволы, миру-мир!

— Бросай оружие! — грозно, но неуверенно (и каким-то тонким голосом) крикнул тот, который стоял слева. Предложение было не просто глупое. Предложение было странное, так как и палаш, и револьвер у Олега висели на поясе, а ружьё — за плечами, и проще было бы всё оставить, как есть. Всем меньше хлопот.

— Если настаиваете — могу и бросить, — вздохнул мальчишка. — Думаете, необходимо?

— Бросай оружие! — повторил тот же с интонациями героя кинобоевика.

— Заклинило... — пробормотал Олег. — Ну, брошу. Дальше что?

— Лечь на землю, раздвинуть ноги и заложить руки за голову, — ещё более неуверенно предложил тот же кадр.

— Зачем?! — искренне изумился Олег. Предложение выглядело несколько двусмысленным.

Неизвестно, как далеко зашёл бы этот идиотский разговор, если бы второй незнакомец — до сих пор молчавший — не закинул винтовку стволом на плечо и не буркнул товарищу:

— Хватит орать.

Потом он поднял на лоб большущие очки с жёлтыми стёклами. И Олег понял, что голоса-то недаром звучали как-то слишком тонко.

Ну конечно. Пацаны. Лет по 13–15, и можно было сразу догадаться, просто не с чем сравнивать — оба показались Олегу выше, чем на самом деле. Да ещё и снаряжение сделало их похожими на киборгов... А так — мальчишки, и говорят они на... (Олег прислушался к себе) на английском. Точнее — на «американском». Тот, который «давил на психику» — светловолосый, чуть веснушчатый, сероглазый. Второй — пониже, черноволосый, смуглый, с яркими синими глазами.

— Ну что — добро пожаловать на Дорогу, — Олег сделал гостеприимный жест рукой. — Прошу к нашему костру, разделите с нами лепёшки и весёлую воду. Пошли?

* * *

Джок Рутберг и Анри Халлман оказались кадетами — как и Артур, только кадетами пехотной школы где-то на Иллинойсшине. Само по себе это было не так уж и удивительно дураков, стремящихся вырасти и защищать родную страну, везде хватает, как ни странно, даже в наше время.

Куда удивительней было то, **что именно** они тут делали.

Две недели назад у Джока и Анри пропали младшие брат и сестра. В тихом городке, где располагалась школа и где жили семьи мальчишек (потомственные офицерские), подобные события не происходили никогда. В смысле — не **редко**, а **вообще никогда** на человеческой памяти. Кадеты участвовали в поисках, так как самым вероятным было, что восьмилетний мальчишка и семилетняя девочка «просто-напросто» заблудились в лесу. Как раз в этом не было ничего невероятного. Вместе пошли погулять (а их видели именно вместе в тот день) и заплутали. Лес был глухой, хотя и без особых опасностей.

Невероятным скорее было то, что детей так и не нашли. Хотя искали полиция, масса добровольцев, те же кадеты...

Немедленно по любимой американской привычке власти начали грешить на «заезжего» маньяка, поиски раскинулись на весь штат. Возможно, Джок и Анри тоже поверили бы в эту версию — если бы не одно **но** ...

Джок и сам не поверил в то, что обнаружил, а уж тем более — не поверили взрослые,

когда он бросился к ним. «Уличные» кроссовки его братишки стояли дома, под стойкой для обуви, вместе со спортивными тапочками сестры Анри. Получалось, что дети пришли домой к Рутбергам — и пропали **из дома** !

Естественно, что от кадета отмахнулись. Ну, даже если и были они дома — позабыли ребятишки переобуться, вышли опять на улицу... Но Джок точно знал: его помешавшийся под влиянием реклам на гигиене братец **никогда** не позволил бы себе такого. Это — во-первых. И даже не в главных.

Вторым было то, что в их общей комнате (с тех пор, как Джок переселился в школу и дома стал бывать только по выходным и на каникулах) Джок нашёл песок. Песок был в шкафу. Когда-то мокрый, а потом высохший, он сохранил форму следов — нескольких следов мужской обуви, ботинок 43–44 размера.

Песок был **только** в шкафу. И одежда... Она висела странно.

Как будто кто-то шагнул от задней стенки шкафа к дверце, а потом... а что было **потом** — Джок не мог предположить. Он просто бросился к Анри.

Подобно всем юным американцам, кадеты в душе твёрдо верили в живущих в шкафах чудовищ (хотя вслух никогда бы в этом не признались) и почитали Стивена Кинга²⁴ новым мессией литературы (да и кинематографа). Начали они с того, что в выходные устроили дома у Рутбергов засаду. Несколько раз врываются в шкаф с травматическим пистолетом и ружьём 410-го калибра, снаряженным специально отлитой серебряной пулей (Олег, слушая это, с трудом удерживал смех — несмотря на всю общую серьёзность изложенного.) Конечно, из этой затеи ничего не вышло.

Но через четыре дня после того исчезновения, когда кадеты были на полевом выезде (соревновались в пейнтбол на заброшенном заводе), на их глазах из захламлённого цеха выехала машина. Серебристо-серый «шевроле» скользнул по рельсам, перевалился через полуразрушенный мостик — и исчез...

Они видели это только вдвоём. И немедленно сунулись в тот цех.

Чтобы убедиться — там нет ничего. Там даже просто не может проехать автомобиль. Да он там и не проезжал.

Следующие три дня Джок Рутберг и Анри Халлман готовились к побегу и совершению сразу нескольких уголовных преступлений.

Пробравшись в локальную компьютерную сеть школы, Анри вскрыл кодовые замки оружейной комнаты. Джок в это время стоял ночным дежурным — сам напросился. В спящей казарме мальчишки тихо обмундировались, набили поясные рюкзаки консервами, галетами и пачками патронов, взяли две M16A2, два «кольта», восемь гранат, штыки. И ушли на завод.

Вообще-то они были готовы просидеть там как угодно долго. Были уверены, что искать их там никто не станет. И были уверены, что на правильном пути, хотя толком не понимали, что вообще происходит. Может быть, именно из-за этой уверенности им повезло. Как везёт тем, кто готов идти до конца.

Машина появилась, как по заказу — в два ночи. Мальчишки готовы были расстрелять шины и крупно поговорить с теми, кто внутри. Но автомобиль остановился около въезда в цех. Вышедший из неё мужчина вынес на руках завёрнутое в одеяло тело — ребёнка, не понять, мальчишку или девчонку. И сказал, наклоняясь к переднему окну: «Это в девятый код. А ты поезжай на базу.»

Машина дала задний ход.

Мужчина с телом на руках шагнул в проём входа.

Кадеты бросились следом...

²⁴ Американский писатель. Начавший работать в жанре «романа ужасов», постепенно «перепрыгнул» себя и последние его романы — скорее эпически-философские произведения о человеке, долге, месте в мире. Широко известен в мире. Многие произведения Кинга экранизированы («ОНО», «Сияние», «Кристина», «Способный ученик» и прочие.)

...Американские мальчишки сидели, скрестив ноги и положив руки на винтовки, около импровизированного костра над берегом. Олег полулежал по другую сторону огня.

— Значит — просто хотеть? — Анри свёл брови. — Сильно хотеть? Если я захочу увидеть сестру — я попаду туда, где она находится?

Олег кивнул:

— Да, и учти — довольно близко от неё. И второе — это не факт, что мальчишка... ну, твой брат, — он кивнул Джоку, — тоже будет рядом... — Олег подумал и спросил: — Ну а этот, которого утащили в девятый код? Что вы думаете делать?

— Вытащим и его, — мужественно сказал Джок голосом Вьетнамского Ветерана. — Когда спасём наших близких.

Олег опять хотел фыркнуть. Но потом понял, что зря. Просто эти двое не умели выражать мысли иначе, чем киношными штампами. Однако, от этого их намерения не становились менее определёнными.

— Я бы пошёл с вами, — сказал Олег вместо насмешки. — Но...

— Мы понимаем, — кивнул Джок. — Ничего личного.

— Но ты знаешь, — вдруг вмешался Анри, — нам теперь легче.

— Легче? — удивился Олег.

— Легче, — повторил Анри. — Похоже, что не только мы считаем это своим делом. Ну, я имею в виду — борьбу с **этим**.

— Можете быть уверены — не только вы, — подтвердил Олег, поднимаясь. — И вот ещё что. Вы тут, в этой степи, встретите немало людей. Учтите — это всё хорошие люди. Не машите винтовками — и, может быть, получите более существенную помощь, чем от меня... А вот если где-то **там** к вам подкатит джентльмен, который будет уговаривать вас бросить ваше дело...

— Мы не бросим, даже если нам прикажет сам Президент, — заверил Анри. — Понимаешь, младшие ведь ждут нас, так что...

— Ну, вашему президенту до него далеко, — заметил Олег. — А этот джентльмен — просто Сатана. Не купитесь.

У американцев были большие глаза. И Олег, отряхивая зад джинсов, грубовато сказал:

— Ну а вы что думали? Что это русская мафия? Вернее — это и русская мафия, и итальянская, и вообще, я думаю, много кто в этом замешан. А заправляет всем Сатана. Самый обычный. Усрались, бойцы?

Какое-то время американцы молчали — и блики огня метались по их лицам.

— Я католик, — сказал Анри. — И я правда верю в Господа. Господь нас не оставит, а Сатана потерпит поражение, — и мальчишка перекрестился, — ведь мы идём защищать беззащитных.

— А я верю в свою винтовку, — Джок хлопнул по прикладу M16. — И Сатана точно потерпит поражение вместе с любой мафией. Потому что я выбиваю 100 из 100 на трёхстах ярдах.

— Так вот вы какие на самом деле... — Олег улыбнулся. — Ну и отлично. А мне пора.

Он повернулся и зашагал прочь. И остановился, услышав:

— Эй!

— Чего? — Олег обернулся. Американцы стояли у костерка.

— Удачи, русский! — крикнул Анри. А Джок поднял в руке винтовку и крикнул:

— У нас есть мы!

Олег шёл и улыбался. Не оглядывался — зачем? Американцы **были** там. **Были**, и всё тут. Он вспоминал строчки из прочитанной когда-то книжки:

«— Ты глупец. Один мальчишка не может изменить мир.

— Разве я один? — спросил он вслух.

— Да конечно нет, — сказал прошедший навстречу рослый человек в лохматом одеянии. Возник из лунной тьмы — и исчез в ней.

Олег засмеялся.

Край вечного леса

Погодка здесь была так себе. Хотя стояло явное лето, хмурое небо висело низко, сочилось не то дождём, не то туманом, было холодно и ветрено. По узкому озеру бежали гряды одинаковых белых барашков. Совсем недалеко от берега шёл узкий низкий корабль без паруса, равномерно взмахивавший длинными вёслами; хорошо ещё, что со стороны ребята казались вышедшими из кустов. Гребцов на корабле не было видно за большими круглыми щитами, развешенными вдоль борта, но стоявший на носу человек в белой короткой куртке махнул рукой и крикнул сильным хриплым голосом:

— Хаэл, свиэтта! Уэ канал вэм Житица? Хэлда зилвэ! — и поднял в руке явный кошелёк.

Все промолчали, хотя и помахали кораблю. Человек в белой куртке ещё что-то крикнул, потом махнул рукой. Корабль быстро удалялся, волны расседились под его носом, и судно напоминало ловко ныряющего между них морского змея, гибкого и опасного.

— Викинги, что ли? — Артур поёжился. — Холодновато... А вот странно, почему мы ещё ни разу не попали в зиму?

— Накаркаешь, — ответил Олег. — Может, и викинги. А может, какие саксы. Между прочим, саксы ещё лет за пятьсот до викингов пиратствовали в северных морях. Саксы, англы, юты... Германцы, в общем.

— Я не понял, — Кирилл смотрел вслед кораблю. — Что он нам обещал-то?

— Деньги, чтобы дорогу показали, — пояснил Олег. — Похоже, недалеко какой-то город или что-то вроде. Ну, всё правильно... Пойдём берегом?

— Да пошли, — кивнул Артур, — всё равно стоять холодно.

Мальчишки неспешно зашагали по берегу — песчаному, узкому, к которому вплотную подступали густющие кусты орешника. Стоило их задеть — и они щедро делились с проходящими накопившейся водой.

— Да что ж такое! — не выдержал в конце концов Артур. — Они что думают — я лучше расти буду?!

— Они ничего не думают, — ответил Олег, — кусты думать не умеют...

...Это скорее всего и был код 2 — по крайней мере, похоже. Где-то тут, наверное, находились Игорь Парушев, Маша Лалина и Макс Караваев.

Ружья мальчишки опять припрятали под валежником в том самом месте, где появились. Револьвер Олег спрятал, а холодное оружие у всех троих выглядело вполне естественным. Да и одежда, в общем, тоже, хотя Артур — во френче — слегка выбивался из общего строя. Хотя никто из троих не отказался бы сейчас от плаща. Можно даже местного, какого-нибудь шерстяного, лишь бы поплотнее.

— В городе купим барахло понадёжнее, — буркнул Артур, — или я больше не играю... Да что ж так холодно-то правда?!

— Может, у них тут ледниковый период? — оптимистично предположил Кирилл. — Как раз прёт ледник. Я всегда мечтал увидеть...

— Дорога, — прервал его Олег, как раз отвёдший в сторону очередную ветку.

²⁵ В.П. Крапивин. «В ночь Большого Прилива».

Уже даже не вздрагивая и не ругаясь, трое парней выбрались на утопанную и наезженную грунтовку — узкую по сравнению с привычными им, с глубокими колеями, в которых рябили от мороси лужи. Пейзаж навевал тоску и уныние. Но в то же время внушал надежду. Все дороги куда-то приводят...

— Пошли, что ли? — Артур повёл плечами. — Корабль плыл в ту сторону — и мы туда же...

Олег и Кирилл молча двинулись рядом с ним. Идти было довольно муторно — ноги разъезжались, противно хлопало. Героических мыслей в голову не приходило. У Олега в голове возник дикий, но, в общем-то, реальный образ: Илья Муромец едет по такой дороге, и борода у него промокла насквозь. Илья матерится тихо и выжимает бороду, а копыта коня хлопают по лужам...

Жуть.

И, чтобы отогнать эту картину, Олег забухтел под нос:

— Справляют дни рождения по-разному, бывает —
Кто любит просто дома,
Кто в гостях, кто в кабаках,
А я свой день рождения на улице справляю —
С фуфыриком в кармане и с гармошкой в руках...

— Ты что там бормочешь? — отреагировал Артур. — Давай вслух, командир.

— Да ради господ бога душу мать, — Олег сдул с носа каплю. — Хорошо, что у меня бороды нет.

— Почему? — удивился Кирилл.

— Выжимать нечего, — пояснил Олег. И рявкнул:

Зачем мне рестораны? Там в два счёта обсчитают!
А дома — гости наглые, да и жена шипит...
А тут — стою на улице, стою себе, играю
И жду, когда волшебник в вертолёте прилетит!
Стою. Пою уж третий час. Рука играть устала.
Уже поллитру скушал я — волшебника всё нет...
Чегой-то трудно вдруг у нас с волшебниками стало...
Шалют чегой-то мужики — не знаю, в чём секрет!
Я так играл, что аж вспотел, промокла вся рубашка.
И я занюхал огурец, ещё поллитру съел...
И вот гляжу — уже стоит со мною рядом Чебурашка
И рожи корчит мне, подлец! Ну, в корень, обнаглел!
И тут вскричал ужасно я
И топнул я ногою:
«А ну-ка, тварь, — говорю, — ушастая,
Оставь меня в покое!»
А он хихикнул — и пропал, и появился сзади,
И уколол меня, прохвост, рогами прямо в бок!
Я ещё стакан принял на грудь, сноровки ради,
Хотел поймать его за хвост — но он уже убёг.
«Но ничего! Мы встретимся — и пусть не ждёт поблажки! —
Подумал я и накатил ещё один бокал. —
Ведь ежели каждый так начнёт, навроде енттой Чебурашки...

Начнёт наглотать...» — подумал я... подумал... И упал.
Я лежу и вижу вдруг: подлетает
Прямо к телу голубой вертолёт.
И пропеллер синим цветом мигает,
И в нём волшебников сидит целый взвод.
Я навстречу им: «Здорово, ребята!
Доставай скорей презент-провиянт!»
А навстречу мне — волшебник усатый,
Симпатичный. В званье младший сержант.
Он ко мне в волшебной форме подходит.
Я привстал — он руку мне подаёт.
Тихо так обнял — и с улыбкой заводит
В этот самый голубой вертолёт.
«Вот же ж, — думаю, — дождался успеха!
Счас начнут подарки мне раздавать!»
А они мне: «Из свиньи в человека
Полетим тебя сейчас превращать!»²⁶

Как обычно, тоска и уныние, перепугавшись песни, попрятались по мокрым кустам. Кирилл и Артур тихо ржали; потом Артур ткнул большим пальцем за плечо:

— Обоз.

Мальчишки оглянулись и расступились. Обоз не обоз, но две телеги, поскрипывая и потряхивая на выбоинах, приближались к ним. Запряжённые каждая парой невысоких, но мощных лошадей, они преодолевали дождливую дорогу непреклонно и решительно. Груз затягивала кожа, растянута на верёвках. Каждой телегой правил мужик, с ног до головы закутанный в какой-то куколь, из-под которых торчали одинаковые бороды — воинственные и пегие. Борода сверху, самострел снизу, топор сбоку. Короче, серьёзные были мужички. Под стать всему окружающему.

— Подъедем? — воспрянул Кирилл. — Ноги-то не казённые... — он выжал длинные волосы, и Олег содрогнулся, опять вспомнив Муромца. Быстро согласился:

— Да поехали, только давайте осторожнее — получишь стрелу в живот, долго лечиться будешь...

Он вышел на середину дороги и поднял руку.

— Пррр!

Телеги остановились. Передний возница откинул островерхий капюшон — обнаружилось словно из дуба вырезанное лицо с пристальными серыми глазами.

— Ну что те? — спросил возница не то что неприветливо, а как-то предупреждающе. — Что поновь-то?

— Опа, — Олег мельком оглянулся на друзей. Те активно сигнализировали бровями и губами: отлично, поехали-поехали, раз уж они ещё и по-русски говорят... Ну, может, и не совсем по-русски, отметил Олег, но понять просто. — А что, дядь, не подвезёте до Житицы? — память сама подсказала нужное слово, которое кричал тот викинг-сакс-англ-кто он там.

Мужик закричал, и Олег не сразу понял, что так тот смеётся. Покрихтев секунд пять, он поинтересовался:

— Издали будете, не то?... Поморские, что не то?

— Угу, — кивнул Олег с умным видом.

— Ну дурные... — мужик покачал головой. — Садись вот. Ты сюда садись, а ты,

стрижена голова, — кивнул он Артуру, — и ты, — Кириллу, — в позадний возок. Скачите резвей, тянемся уж час который...

— Быстро давай, — Олег кивнул друзьям и сам ловко запрыгнул на передок. Мужик тряхнул вожжами (но не ударил), длинно чмокнул губами и, надвигая капюшон, посмотрел на Олега искоса:

— Меня зови давай Пегаш. А ты-то кто станешь?

— Вольг меня называют, — представился Олег. Мужик крикнул:

— Ну и есть поморский... По делу шукаете, аль от дела стрекаете?

— Людей ищем. Родно, — сказал Олег, подбирая ноги повыше и ставя их на специальную перекладинку. — Двое мальчишек, девчонка. Один мальчишка моих лет, девчонка и второй парень — помладше. Были мы в походе, посёлок наш разорили, а их увезли...

— Эка! — мужик снова посмотрел на Олега. — Да ты накройся, — он набросил на мальчишку край плаща. — Не по месту оделись-то... да и то — дождит у нас вот с как лето пошло-покатилось... Небось саксонцы набежали, полымя белобрысое?

— Они, — Олег отметил слово «саксонцы» — саксы, ага...

— Беда... — мужик покачал головой. — Да не скорбей, саксонцы-то детей умучивать не будут. Найдёте небось, да и выкупите... Сами-то тож грех завели, тож продыху не стало соседям-то? Вот и аукнулось, как в лесу... Мы-то за князем, как за тыном — что саксонцы, что ваш брат — носа не кажут с мечом, товарами расстилаются... А что ж одни-то, что ж князь-то ваш?

— Поклялись, что сами справимся, — ляпнул Олег первое, о чём подумал. Но мужик кивнул:

— Чудное вы племя... Как в Житицу станете — первым делом идите на торг. Да и поспрашайте. Торг-то на берегу разом. Мимо не прокатите... Ээх, беда... — он хлопнул Олега по колену. — Вот жизнь-то разноцветь — кому счастье в уделы, кому беда без предела... Я перво глянул — трое, да с мечами... Ну, думаю — разбитчики набежали, вот уж не было кого! По-молодому-то помню — вошью кишели по лесу!

Не чихни, не ступи... А уж как князь сел на стол — повыбил, вроде на град... Во, — он откинул полу своей накидки, — нога-то у меня — вечная, наперёд меня в иной-то мир зашагала... — Олег увидел протез, довольно искусно сделанный и даже обутый в сапог. — Два десятка уж прошло. Саксонцы на берега прихлынули. Раньшим-то временем они тут безвозбранно брали, а князь их окоротил. Ну, мы пошли. Со всех мест собрались. Бились-бились, там-то мне саксонец ногу-то бравдой и смахнул, начисто смахнул. Уж на земле лежал, посекали его. Молодой был, как младший мой тогда, борода и не шла вовсе... Ступи я за него — а он меня ыть! Я ни чогу ни вздоху — лежу, а нога сбоку, и он на меня ползёт, как кобель на суку, а в руке нож... — мужик хмыкнул. — Придушил я его кой-как-то и сам обеспамятел. Жена моя меня и выходила, по время нашла, припоздай — стёк бы я кровью в землю... А саксонцев мы погна-ли-потопили...

Под плащом было сыровато, но тепло, и Олег, пригревшись, начал задрёмывать. Пегаш, кажется, не обращал на это внимания — продолжал что-то говорить, и его слова, уже почти неразличимые, как-то странно успокаивали... Дремота уже почти перешла в сон, когда Олега разбудил лёгкий толчок и слова возницы:

— Вот и Житица наша.

* * *

Город был неожиданно некрасив. Не такой, каким Олег привык себе представлять славянские города (а он был, конечно, славянским). Серые стены, серые крыши, серые доски мостовой с серой грязью на них, серые плащи на большинстве попадавшихся навстречу людей... Наверное, виноват был дождь, но настроение у мальчишек всё равно упало

окончательно. Кирилл сказал, тоскливо глядя по сторонам:

— А в Синмейе повеселей было.

— Ага, — поддержал Артур, — особенно весело было вокруг столба на верёвке бегать — попадут, не попадут? Р-романтика!

— Я про погоду... — Кирилл поморщился; очевидно, воспоминания о тех двух месяцах ему удовольствия не доставили. Олег его понимал. Хотя у здешних ворот тоже стояла стража, и пришлось платить пошлину, разменивая золотую монету на несколько продолговатых серебряных слитков, клеймённых головой какого-то хищного животного — всё-таки Житица выглядела как-то... **попроще**, что ли?

Мужики-возницы свернули за воротами куда-то направо. Деньги за подвоз они взять категорически отказались — и Олег настоял на том, чтобы хотя бы заплатить пошлину и за них. И вот теперь трое мальчишек шагали по улице под всё тем же дождём...

...Навстречу рысью проскочили двое на невысоких лошадях, в алых плащах, длинноволосые, гладко выбритые, с тяжёлыми золотыми украшениями на шеях и запястьях. Скакавший слева бросил на посторонившихся мальчишек быстрый взгляд — и Олег удивился тому, какие у него глаза: светло-голубые, почти прозрачные и лишённые абсолютно любого выражения. Неприятные глаза, если честно.

— Власть поехала, — заметил Кирилл.

— С чего взял? — машинально спросил Олег, всё ещё глядя вслед всадникам.

— А ты видел, какие у них лица? Мороз-воевода дозором обходит владенья свои! Если б мы не посторонились — стали бы дорогой, точно тебе говорю.

— У нас в училище командир второй роты такой, — поделился Артур. — Прозвище Пока. От Апокалипсис. Двадцать шесть боевых вылетов и треть бошки титановая. Хороший мужик.

— Считаешь, у этого тоже титановая бошка? — задумчиво уточнил Артур. А Олег подумал, что они о чём-то не о том говорят, совсем не о том. И, скорее всего, это были просто нервы. Погода, сумрачный город, нервы, нервы... И, скорее всего, будь погода другой, и город выглядел бы иначе, и вообще... Может, лужи загорелись бы, как начищенные листы металла, и небо было бы голубым и высоким, и люди скинули бы серые плащи, пропитанные этой мокрой мерзостью...

Мальчишка повёл плечами. Нет, не в погоде тут дело, не в погоде... Просто есть какое-то ожидание чего-то неприятного.

Очень.

— Может, зайдём погреемся и обсушимся? — отвлёк Олега от его философски-тревожных размышлений голос Артура. Олег поднял голову, повёл бровью. Артур показал пальцем через плечо на вывеску (господи, как надоели эти вывески!!!) — лежащая на блюде жареная тушка поросёнка с ножом в боку. Изнутри слышалось позвякивание струн и неразборчивый задумчивый напев.

— Сделаем так, — Олег собрался с мыслями, достал кошелек, отсыпал на ладонь несколько спасительных золотых пятёрок (хорошо запасся!). — Артур, останешься тут, займёшь столик и узнаешь насчёт комнат — мало ли. А мы с Киркой пойдём искать рынок.

Артур согласно кивнул:

— Договорились. А встретимся здесь... — он хлопнул Олега по плечу: — И пожалуйста, не вяжись в скандалы!

— Мне это нравится! — искренне возмутился Олег. — А кто взял в заложники начальника отряда лучников, угнал казённых лошадей и лишил воинов законной тренировки по стрельбе? Я?!

— Были упущения, — согласился Артур. — Зато я не крал невинных девиц из публичного дома.

— Все мы грешны, — не менее философски, чем прежде, отозвался Олег, глядя вдаль по улице. — Интересно, у них тут всегда дождь?

— Мы идём — или нет? — Кирилл проводил взглядом какую-то девчонку. —

Красивая. Если плащ снять, то...

— Зря мы тебя освобождали, половой агрессор, — ласково сказал Артур и шагнул в дверь, за которой ещё громче забрякали струны. — Купите плащ какой-нибудь! — крикнул он через плечо.

— Скафандр купим! — пообещал Кирилл. — Слушай, я мокрый навывлет.

— Я тоже, что уж теперь? — пожал плечами Олег. Подумал и на ходу сделал пару снимков мобильником, благодаря небо за то, что его вещи не пропали у Юргила. — Помещу в Интернете на каком-нибудь сайте ролевиков, — пояснил он.

— Никто не поверит, — хмыкнул Кирилл, придерживая меч, чтобы не чиркнуть о забор.

— А я и не претендую... Смотри, порт.

Улица повернула — точнее, разделилась. Одно ответвление уводило прямо и вверх. Оказывается, дальше начинался овраг с крутыми склонами, через который был перекинут мощный мост, в который и превращалась улица. За оврагом поднимался холм, увенчанный, как короной, крепостными стенами с шестью башнями. Над одной из башен виднелся флаг, но непонятно, что на нём было изображено. Крепость, конечно, проигрывала по сравнению с каменными замками поздней средневековой Европы, но Олег был уверен — взять её будет очень и очень трудно. Даже просто подняться по склону оврага и откосу холма — уже нелегко, даже не будь стен...

А дорога, уводившая вправо, спускалась к причалам. Там двигались люди и стояли не меньше трёх десятков кораблей, а ещё два — пузатые, короткие, похожие на жуков — как раз подваливали к берегу.

— Торг рядом с причалом... — Кирилл всмотрелся. — Наверное, за вон теми сараями.

— Это торговые склады, — Олег кивнул в сторону лавки, возле которой они остановились. — Зайдём, тут как раз вещи продают.

— Откуда знаешь... — начал Кирилл и сам себя оборвал: — А, вижу.

На овальной вывеске был изображён кафтан под шапкой и над сапогами.

Мальчишки один за другим вошли в предупредительно приоткрытую дверь.

Внутри лавка напоминала магазин секонд-хенда — хотя, если учитывать, что тут всё было сделано из кожи, меха и шерсти, стоимость здешней одежды скорее тянула на фирменный магазин. Плечистый бородач-хозяин возник откуда-то из-за шуб, крытых разноцветными тканями (Олег подумал мельком, что это единственные яркие пятна, которые он пока что видел тут) — с предупредительным вопросом:

— Пожелается чего?

— Нужны плащи. Три, — Олег показал три пальца. — С капюшонами.

— С чем? — подрастерялся хозяин. Олег сделал движение, как будто покрывал голову, и тот рассмеялся: — Накидки, так-то? Будут, сей час же будут...

И действительно — выложил на откидной прилавок три тёмно-синих тяжёлых плаща с капюшонами на завязках-затяжках. Плащи были из плотного сукна — вряд ли быстро промокнул, но и сохнуть будут долго — однако, выбора тут не имелось. Вернее, выбор-то был неплохой, вот только полиэтиленовых накидок или хотя бы брезентух — не изобрели пока.

— Берём, — решил Олег, выкладывая на прилавок золото. Хозяин внимательно проверил монету, уважительно покачал головой и даже сдал что-то — Олег, не считая, высыпал в кошель.

— А золото тут в цене, — заметил Кирилл, когда они вышли наружу.

— Если исходить из того, что у всех этих миров похожая география, то золота в этих местах мало, — подтвердил Олег. — Серебро... Кстати, не хотелось бы так этими монетами раскидываться — чего доброго, привлечём внимание властей...

— А им что за дело? — Кирилл ловко перескочил большую лужу.

— А сам подумай. Пришли трое мальчишек и швыряются золотом непонятной чеканки... Думаешь, тут все домоседы такие? Да я тебе точно говорю, что у того же князя в

дружине есть эти самые поморы. И они в два счёта пояснят, что мы говорим не на их языке, а чёрт-те-на каком... И будут вопросы.

— Блин! — Кирилл затормозил, распахнул глаза и схватился за меч. И Олег через секунду понял — почему.

Со стороны причала шли — в ряд — трое... три... ммм... В общем, это были не совсем люди. Они были даже меньше похожи на людей, чем встреченная Олегом девчонка-волк. Невысокие — не выше полутора метров — круглыми головами похожие на рыжешёрстных котов, остроухие, но одетые: меховые безрукавки шерстью наружу, кожаные мешковатые штаны заправлены в высокие мягкие сапоги с завязками поверху, на поясах — большие сумки, длинные сабли с обратным изгибом... ятаганы, вспомнил Олег, только шире и короче, чем турецкие. За левым плечом у каждого — круглый небольшой щит в чехле. За правым — пучок дротиков с остриями-иглами.

Тихо мурча что-то друг другу (на слух это звучало именно так — как будто мурчат большие коты), троица прошла мимо мальчишек, не обратив на них ни малейшего внимания. Кирилл громко сглотнул.

— Тише! — прошипел Олег. Сверху прошли, покосившись на мальчишек, несколько человек, по виду — купцов. — Что дёргаешься, я же рассказывал, что...

— Ну да, ну да, — Кирилл закивал. — Волки с револьверами и всё такое... — он вытер рукой лоб. — Рассказывал он. Рассказывать одно, а видеть — другое... Блин! — повторил он, глядя котам вслед. — Жутик...

— По-моему, вполне симпатичные, — возразил Олег. — Хотя за ушком такого не почешешь, конечно... Пошли, чего стоять?

— Да я не об этом, — Кирилл на ходу снова несколько раз оглянулся. — Просто непривычно... — он хихикнул. — Не почешешь, конечно.

* * *

Вообще-то этот торг напоминал рынок в Гарбее, в Оранжевых Песках. Ряды затянутых сверху кожаными пологамми или прикрытых лёгкими навесами лотков, ларьков — как их тут называют? Но... но Олег поймал себя на том, что напоминать-то напоминает, а всё-таки... ничего общего. Вообще-то в этих мыслях не было ни малейшей логики, и тем не менее — это было так. И дело не в том, что тут другая природа, что тут малолюднее... Просто этот торг не вызывал напряжённого чувства **чуждости**, постоянной опасности. И это несмотря на непрекращающийся дождь! Смешно, но даже угол, где продавали рабов, даже сами эти рабы выглядели как-то иначе, не так жутко и безысходно — хотя тут-то уж какая разница?!

Рабы сидели на каких-то колодах — похоже, специальных. Без ошейников, хотя кое-кто был привязан к ввинченным в дерево колод кольцам за сведённые за спиной руки. Товар никто не «рекламировал», похоже, морось забодала продавцов, которые или тоже сидели рядом с товаром, укрываясь плащами, или, собравшись в кучку, играли в кости, обмениваясь короткими репликами. Среди играющих были местные, один саксонец, один кто-то непонятный, похожий на араба лицом, но одетый вполне по-местному... Несколько человек бродили, лениво приценивались к «товару».

Кирилл побелел. С трудом сказал:

— Не могу смотреть... ну как так можно-то?!

Олег промолчал, только вздохнул. Что он мог ответить?

Детей тут не продавали отдельно, да и было их всего два или три — совсем мелкие девчонки, ни одного пацана. Убедившись в этом, Олег, сопровождаемый глядящим под ноги Кириллом, подошёл к играющим. Те мельком глянули и продолжали кидать кости.

Играли на рубленное серебро. Олег быстро понял, что тут выбрасывают не наибольшее число очков — наоборот, стараются выкинуть наименьшее. Когда после очередного броска выигрыш забрал один из местных, Олег выложил один из кусочков серебра (от

«разменянной» у ворот монеты) и сказал:

— Играю.

— Зачем? — прошептал Кирилл. Олег за спиной показал ему кулак и про себя благословил этот мир, где его возраст не считается препятствием в общении со «взрослыми».

— С каких мест? — спросил выигравший, снова тряся три кубика в деревянном стаканчике, расписанном какими-то рисунками.

— С Поморья, — Олег присел на край одной из колод.

— Это откуда ж... тьфу!

У него выпали две шестёрки и пять. Помянув какого-то «белебеса», он протянул стаканчик и кости Олегу:

— Ну, почни, помор.

— А что, плоховато торговля идёт? — Олег выбросил кости. Шесть, три, два...

— Бабу, не то, прикупить стал? — худощавый рыжеватый купчик потянулся за стаканчиком. — Так не гулящие тут. Не торгуем таким-то.

— Почему сразу бабу? — усмехнулся Олег. Саксонец — светло-желтые волосы, потемневшие от воды, у него были непокрыты и собраны в тяжёлый узел на макушке — усмехнулся и спросил:

— Можьет ти не любишь девок?

— Не люблю, когда меня задевают, — Олег посмотрел ему прямо в глаза. — Но и не хочу ссориться. Или посмотрим, у кого длинней меч, а у кого язык?

— Будет, будет, — помахал рукой пожилой купец, чьё лицо было скривлено шрамом. — Басня пошла: помор с саксонцем носами толкнулись, так три лета всем миром войну воевали... Вон, пары и точка выпали...

Сыграли ещё круг. Олег проиграл, но не огорчился — во-первых, проиграл не он один, во-вторых — разговор начинал клеиться.

— Не, торговля не стоит, чего ж стоять, — сказал рыжеватый. — Товар-то не пряник, не смокнет, не развалится, не почерствеет... А всё ж — чего ищешь-то?

— Да людей ищу, — Олег бросил кости. Шесть, три, один... — Двое мальчишек, один моих лет, один помладше. И девчонку, ещё младше. Мальчишек зовут Максим и Игорь, девчонку — Маша...

— Погоди, — саксонец тряс стаканчик так, словно хотел вытрясти из него счастье. — Постой... Ваши, поморские? — Олег кивнул.

— А, были, были, — вспомнил шрамованный. — Девку не помню, врать что... А парней помню. Тоже как ты говорили, мы ж и подумали — поморы, не иначе... Шабал их продавал. Как лето ещё началом было... Старшой мальчишка — зверь натуральный. Кто его купил-то, Свинфильд? Ваш ведь купил...

— Хильдер эрл Марбоддсон, — сказал саксонец и развёл руками. — Хильдер эрл уплыл срасу токта ж. На лесной берег.

— Блин! — вырвалось у Олега. — А когда он вернётся? Или...

— Будет назад, — успокоил шрамованный. — По осени будет. Он всякий раз тут зимует...

— А другой мальчишка? — допытывался Олег, ощущая невероятную досаду: ждать осени или искать этого Хильдера на каком-то «лесном берегу»!

— А братан мой купил, Шелест, — сказал шрамованный. — Тут у него огнище, два дня переходом в лес. Мошной тряхнёшь — в обрат продаст, серебро-то нужнее. С приплатой, понимать надо.

— Понимаю... — Олег кивнул. С другой стороны — вроде всё и не так уж плохо. Опять «попадание» — оба мальчишки тут. И очень удачно, что даже хозяев и места назвали с ходу. Только вот Максим... — А старший что — убегал?

— И убегал, и то, и сё... — шрамованный кивнул. — Зверь, говорю. Ну да и то — кому охота рабом-то...

— А зачем он этому Хильдеру? — Олег повернулся к Свинфильду. Саксонец покачал

головой:

— Думаю, он хочет дарить мальчишку будущая весна там, на наш берег. Хильдер эрл сфатает одна достойную женщина. Её млатший брат херцог рода. Ему будет подарок. Такой волчонок — хороший подарок. Но, если ваш парень не станет слушать — Хильдер эрл может просто топить его.

— Чёрт... — процедил Олег. — Уже хуже... Я буду очень благодарен, если ты покажешь дорогу к своему родичу, — обратился он к шрамованному. — А тебе, — он посмотрел на саксонца, — если ты расскажешь, где этот Хильдер собирается побывать на лесном берегу. Я не могу ждать. Буду искать его.

— Пф! — саксонец засмеялся. — Сам Хильдер эрл не спать, где встретит новое утро. Я покажу, куда он хотел плыть сперва. А дальше... — и он покачал головой.

* * *

Дождь полил по-настоящему, когда мальчишки поднялись к уже знакомой развилке. Хлынул, будто небо вспороли кинжалом — и плащи, сперва державшиеся, сдались. Мальчишки, правда, даже не ускорили шага — в принципе, было всё равно.

— Надеюсь, Артур позаботился снять нам номер, — пробормотал Кирилл. — Хочу в ванну с горячей водой...

...Ванны, правда, не было. Но Артур в самом деле развернул активную деятельность — хозяин с поклоном встретил мальчишек за порогом, клятвенно обещая, что через полчаса будет готово горячее, а пока можно вымыться в мыльне (баню не могли успеть протопить), оставить там мокрую одежду и вообще всё; если же у постояльцев ничего нет на смену — всяко в жизни бывает — то и сухое найдётся... А комната есть на втором этаже, и там тоже всё будет готово вот-вот — хорошая комната...

— Чем ты его приворожил? — со смешком спросил Олег Артура — Кирилл уже нырнул в низкую дверь в дальнем конце большого обеденного зала, сейчас почти пустовавшего.

— Ничего особенного, показал монеты и одну уже отдал, — Артур усмехнулся. — Правда, не успел расспросить ни про что.

— Ну а мы нашли следы Максима и Игоря, — поделился Олег. — Игоря, пожалуй, выручим уже на днях. С Максимом будет посложнее... Но, думаю, тоже вытащим.

— Остаётся девчонка, — подытожил Артур. — Как её?..

— Лалина, Маша, — сказал Олег и вздрогнул: — Брр, пошли мыться, что ли? Кирка про ванну вспоминал — вряд ли она там есть, но уж горячая-то вода найдётся?..

...В комнатке стоял здоровенный котёл с кипятком, второй — с холодной водой. В этом втором котле плавали несколько деревянных черпаков, напоминавших корабли. Царило приятное, хотя и влажноватое тепло. На деревянной резной стойке висели несколько больших полотенец.

Артур подтолкнул Олега локтем — довольно больно. Олег собирался возмутиться, но увидел, что Артур косит глазами на Кирилла.

Тот успел раздеться и, довольно беспечно побросав барахло прямо на пол, голышом стоял возле котла с холодной водой. Левой рукой он управлял одним «кораблём», правой — другим. Корабли сталкивались и маневрировали, Кирилл бухтел под нос что-то вроде «бум», «бац», «кррх» и осуществлял прочую воинственную озвучку. Азартно почесал одну ногу другой.

Олег попытался, отесняя Артура обратно в коридорчик. Уже хотел сказать строго, чтобы кадет не смел смеяться... и увидел, что Артур уже не смеётся.

— Ему тринадцать лет, — сказал Олег негромко. Артур кивнул:

— Я сейчас вспомнил, как он того бородатого... сбоку по шее — и голова набок... Давай-ка пошумим, что ли? Чтобы он услышал...

— Слушай, — вдруг сказал Олег. — А тебе совсем не хочется попускать кораблики?..

...В ходе баталии значительная часть воды пролилась на пол, а кипяток успел подостыть. Но всё пролитое ушло в сток под стену, а вымыться можно было и чуть остывшей водой.

— Может, сами постираемся? — Артур вылил себе на голову ещё один ковш. — Псссххх...

— Ага, и подошьёмся подворотничками, — дурашливо предложил Кирилл. — Кстати, наших спин хозяину лучше бы не видеть...

— Не прошло? — Артур подвигал лопатками, попытался заглянуть себе за плечо.

— У тебя почти не видно уже, а у Олега картина маслом — «беглый».

Олег засмеялся. Мальчишки присели на лавку, вделанную в стену. По очереди вздохнули, посмотрели друг на друга и засмеялись уже вместе.

— Есть в жизни счастье, а? — с комичной серьёзностью спросил Кирилл. Олег дал ему подзатыльник. — Ай, — грустно сказал младший мальчишка и, вытянув ноги, пошевелил пальцами. — Меня обидели.

В приоткрывшуюся дверь просунулась голова работника:

— Одежа тут сухая... — нерешительно сказала она. — И сбрали там на стол-то...

...Хозяин не обманул. В чашках дымились горами гречневая каша с поджаренным в меру золотистым луком и кусками печёнки, на полотенце лежал нарезанный чёрный хлеб, на блюде — солёные грибы. В больших глиняных кружках дымился какой-то приятно пахнущий настой.

— Чёрный! — обрадовался Кирилл и носом воткнулся в ломоть хлеба. — Настоящий чёрный, уххх!!!

Мечи мальчишки поставили рядом. По босым ногам немного тянуло из дверей, но в целом они чувствовали себя согретыми и от этого окончательно проголодавшимися. Заработали ложки. Олег и не думал, что настолько проголодался — пока он не опустошил чашку, даже и не заметил, что на другом конце стола лежат гусли. Очевидно, кем-то забытые...

Кирилл продолжал лопать грибы — его чашка была пустой. Артур приканчивал кашу. Олег отхлебнул сладковатый, с привкусом трав и мёда, настой, потянулся за гусями. Положил их перед собой, как видел в кино. Щипнул струны — они звучали грубовато в сравнении с «Paganini Steel», но в целом ничего. Олегу вспомнилась походная песня, которую то ли сам написал, то ли просто любил Андрей. Как он там? Как там все **вообще** ?

Он снова щипнул струны.

— Если слёзы в глазах,
Если руки как лёд,
Если пропасть лежит впереди —
Значит, снова не спать,
Значит, снова в поход,
Эй, товарищ, стой, подожди.

А вокруг всё в дыму,
А вокруг всё в огне,
А вокруг только слышится стон —
Может, это не так,
Может — снится всё мне,
Может это — всё только мой сон?

Позади — трын-трава,
Впереди — бурелом,

Справа, слева — и вовсе темно...
Если — это всё ложь,
Если — это всё сон —
Почему на душе тяжело?

Конь споткнулся в ночи,
Друг глаза опустил,
А на небе погасла звезда...
Я коня напоил,
Друга молча простил
И пошёл — сам не зная куда...²⁷

Только теперь он обратил внимание, что и хозяин, и какая-то женщина, и работник-половой, и полдюжину посетителей его слушают — и со смущённой улыбкой отложил гусли.

* * *

Олега разбудило солнце.

Оказалось, что он очень устал. Даже не помнил, как уснул, повалившись на заботливо застеленную лавку²⁸ у стены. А сейчас лежал и смотрел, как в затянутое слюдой окно бьёт яркий летний свет. На улице слышался многоголосый деловитый шум.

Мальчишка привстал на локте.

Их одежда и вещи лежали на табурете у двери. Там же — таз и кувшин в нём. Кирилл и Артур дрыхли без задних ног. Артур молча, Кирилл — тихо, но отчётливо посапывая. Олег отвёл глаза, чтобы не разбудить друзей, откинул одеяло и спустил ноги на пол. Посидел, привыкая, встал и, подойдя к окну, повернул засов и распахнул створки.

На него хлынуло лето.

На небе не было ни единого облачка. Сияло солнце. Лужи смеялись зайчиками. Прогрохотала телега, которой правил мужик в алой рубахе. Синим и белым плеснуло от пробежавших с весёлыми воплями мальчишек. Золотом и багрянцем — от платьев неспешно прошествовавших высоких женщин. А крыши домов светились мокрым серебром ольхового гонта²⁹. Синела ширь реки. Зелёным морем охватывал Житицу лес, у которого не было видно границ — только голубоватая даль, в которой он, казалось, смыкается с небом.

— Блинннн!!! — вырвалось у Олега. Он глубоко вдохнул сыроватый, но тёплый воздух.

Позади завожился и что-то пробормотал Кирилл, но не проснулся. Олег обернулся. Одну ногу тот поставил на пол и теперь дёргал ею от холода, зато укрылся с головой. Артур тоже повернулся и теперь как-то неприятно, словно мёртвый, лежал на спине.

Решив не будить их, Олег потихоньку умылся, пожевал неожиданно обнаруженную в сумке жвачку, оделся. Ещё посмотрел в окно, потом решил спуститься вниз и заказать

²⁷ Не знаю автора слов. Песню часто поют в томском туристском отряде «Странник».

²⁸ В обиходе славяне использовали **лавки** и **скамьи**. На скамье можно было только сидеть — и она легко передвигалась с места на место. На широких лавках, наглухо вделанных в стену, можно было и сидеть, и спать. Для гостя или посетителя место на скамье считалось менее почётным, чем на лавке.

²⁹ ГОНТ — кровельный материал, клиновидные дощечки с продольным пазом в толстой кромке. При устройстве кровли узкая кромка одной дощечки вставляется в паз другой. Длина 50–60 см, ширина около 10 см.

завтрак.

Он вышел наружу, тихо прикрыл за собой дверь. И почти тут же услышал, как внизу позванивают гусли — а под этот звон поёт девчонка:

— Ты слышишь печальный напев кабестана?
Не слышишь? Ну что ж — не беда...
Уходят из гавани Дети Тумана,
Уходят. Надолго? Куда?..

Олег застыл, как громом поражённый. Что?! Что такое?!

— Ты слышишь, как чайка рыдает и плачет,
Свинцовую зыбь бороздя —
Скрываются строгие черные мачты
За серой завесой дождя...

Он почти подбежал к перилам, ограждавшим площадку верхнего этажа. Внизу было полно народу. Сидели молча и, повернувшись в одну сторону, слушали девчонку лет 10–12 — сидя за столом, она аккомпанировала себе на гусях и пела, глядя в окно.

— В предутренний ветер, в ненастное море,
Где белая пена бурлит.
Спокойные люди в неясные зори
Уводят свои корабли...

Пела то, что никто не мог петь тут.

— Их ждут штормовые часы у штурвала,
Прибой у неведомых скал,
И бешеный грохот девятого вала,
И рифов голодный оскал...

И жаркие ночи, и влажные сети,
И шелест сухих парусов,
И ласковый теплый, целующий ветер
Далеких прибрежных лесов.

Их ждут берега четырех океанов,
Там плещет чужая вода...
Уходят из гавани Дети Тумана...
Вернутся не скоро... Когда?³⁰

³⁰ Стихи Б. Стругацкого.

Тут не хлопали — но дружный вздох, а потом восхищённый гул и звон серебра на столах свидетельствовали — песня понравилась. Девчонка без улыбки подняла голову и встретила глазами с Олегом.

На миг.

Маша Лалина, 11 лет, пропала 5 июня после репетиции детского хора...

Девчонка опустила глаза. Но Олег уже рассмотрел короткую толстую косу, круглое лицо, большие, широко поставленные синие глаза...

Это была она.

* * *

Когда двое из трёх юных постояльцев подошли к хозяину, считавшему серебро за столом около двери в жилые комнаты семьи, он решил, что мальчишки собираются заказать завтрак. Но ошибся...

— У тебя ведь живёт девчонка-певица? — Олег оперся ладонью на косяк. — Ты, верно, купил её на торгу. Недавно.

— Да тому месяц сошёл... — хозяин смерил постояльца недоумённым взглядом, очевидно, стараясь понять, чего хочет этот парень с чужим выговором и длинным странным мечом, упруго оттопыривающим плащ. — Что до неё тебе?

— Я хочу её купить, — Олег смотрел прямо в глаза хозяину. — Назови цену.

— А что мне проторговать-то её? — искренне удивился хозяин. — Думал — портомойкой будет, кто ж про её голос знал. А нуль глянь — платят за песни хорошо. Она от меня и не обижена, не рабой живёт, комнатёнка за нею, ест, что и мои...

— Она из одних со мною мест, — Олег чуть наклонился вперёд. — Мы проделали долгий путь, чтобы её найти. Сколько ты хочешь?

Видно было, что меньше всего хозяину хочется продавать Машу. Но, очевидно, и ссориться с заезжими он не хотел — расскажут в своих землях, чтоб стороной обходили его заведение, наплетут лыка на три короба — бывало такое... Корчмарь соображал, как ему выпутаться из щекотливой ситуации. И нашёл решение в полном соответствии со своим занятием.

— Ну чего ж то... — пробормотал он. — Все люди, никто не зверище... понимаю... Только в прогаре мне б не стать... Серебра она немало приносит...

— Сколько? — Олег мысленно усмехнулся. Он видел корчмаря насквозь и, в общем-то, испытывал к нему лишь брезгливую жалость из-за этой страсти на всём наживаться.

— Тридесять гривен, — быстро сказал хозяин — как будто наносил смертельный укол шпагой, уверенный в том, что противник уже убит.

— Ах ты... — выдохнул Кирилл, Олег увидел, как его глаза почернели. — Да тут за здорового мужика цена восемь, много — десять! Мы вчера узнали!

— Ну... — хозяин огорчённо развёл было руками. Но Олег улыбнулся ему в лицо:

— Золотом возьмёшь?

— А... златом-то? — хозяин заморгал. — Возьму... чего не взять...

— Держи, — Олег высыпал на прилавок сверкнувшую чешую монет, быстрыми тычками пальца отсчитал тридцать штук. — По одной за гривну. Справедливо?

— Малы больно... — облизнул губы хозяин, не сводя глаз со сверкающей кучки.

Олег отсчитал ещё десять.

Это были последние пятёрки, в кошеле осталась разномастная россыпь золота и серебра нескольких миров, бумажные деньги Хаттенмарка, медь Синмейи... Прожились, блин, весело подумал Олег, глядя, как хозяин зеленеет. Жаль, лошадей не прихватили с собой с Дороги...

— Твоя девка, — чужим голосом сказал он. — Часом людей позову, всё по чести

сладим... с видоками да послухами...

— Зови, — кивнул Олег. — Да сперва прикажи завтрак подать. К нам туда, наверх. **На четверых...**

...Кирилл ушёл наверх. Хозяин, отдав какие-то распоряжения, вышел наружу. Олег, если честно, надеялся, что он прямо сейчас приведёт Машу, но — не привёл, и Олег решил подождать. Сидел, пошире расставив ноги, опустив между них палаш, поставив подбородок на сцепленные пальцы. Думал.

— Эй, помор! Помор, глянь!

Олег обернулся.

Средний, кажется, хозяйский сын — мальчишка лет 12–13 — подошёл к столу. Олег поднял подбородок и встал:

— Ну?

Мальчишка остановился возле стола. Снизу вверх посмотрел на Олега.

— Машу выкупил? — спросил он.

— Выкупил, тебе что? — Олег не понимал, что нужно мальчишке. Тот вздохнул:

— Ну и правдой вышло... — посмотрел на свои сапоги, потом — в лицо Олегу. — Я жениться на ней думал. Года три минуло бы — женился б. Вольную ей крикнул бы. А отец не по правде сделал, что цену заломил. Вот, возьми проплату.

Он протянул Олегу кожаный кошель — небольшой, но увесистый. Олег приоткрыл его — внутри лежали местные золотые монеты.

Несколько секунд Олег рассматривал золото. Потом коротко спросил, взглянув на мальчишку:

— Откуда?

— Не мнись, моё золото, — сказал мальчишка. — Копил. Уж кой год... Честное золото. Тут на тридцать гривен серебра и есть разом.

— Не жалко? — Олег затянул завязку.

— Жалко, — мотнул головой мальчишка. — А всё одно — пусть её будет, Маши.

— Возьми обратно, — Олег протянул ему кошель. — У неё недостатка ни в чём не будет. Она теперь со своими.

Мальчишка взял кошель обратно без спора — но как-то равнодушно. Сказал снова:

— Я жениться на ней думал... У тебя жена есть, помор? Старше моего ты...

— Есть, — ответил Олег, подумав о Вальке. — Есть жена.

— По любви брал, али по сговору родительскому?

— По любви брал.

Мальчишка жалко улыбнулся, повыше поднял голову, повернулся и ушёл в дверь.

Плачет, подумал Олег. Чёрт, жалко парня... Как же всё запуталось...

Артур и Кирилл спустились вниз одновременно с тем, как вернулся с двумя солидными мужиками хозяин. Они неспешно поздоровались, присели, им подали пива. Хозяин ушёл в комнаты, но через минуту появился, ведя за собой девчонку. Кажется, он не врал насчёт обращения — она не выглядела голодной или забитой. Тоскливой — да, но это ж ясно... Поклонилась всем (научили), по мальчишкам скользнула взглядом... и снова посмотрела на них.

Олегу стало не по себе. От того, что он никогда ещё не видел, чтобы в человеческих глазах вспыхивала таким костром **надежда**.

— Значитца вот оно, Маш... — хозяин прокашлялся. — Купили, тебя, значит...

— Мы из Тамбова, Маш, — сказал Олег, вставая. — Ты ведь Лалина Маша, да?

Девочка закрыла глаза. И мелко-мелко закивала, прижав кулаки к груди. Тогда Кирилл встал, шагнул к ней и, положив руку ей на плечи, грубо сказал вздрагнувшим голосом:

— Это не сон, слышь, чикса мелкая? Мы за тобой.

Денег хватило на телегу и одного коня. Ну и на припасы. Да, прожились, снова весело подумал Олег. Ну и чёрт с ним!

Он легонько хлопнул вожжами. Конёк перешёл на рысцу, позади в телеге бухнуло. Олег обернулся и хмыкнул — так и есть. Кирилл перекинулся с борта, на котором самонадеянно сидел, как на наместе, и теперь барахтался на дне. Артур смотрел на это с каменным лицом. Маша, проснувшись от шума, растерянно улыбалась. Она вообще оказалась молчаливой — то ли от природы, то ли от пережитого. Даже странно при таком голосе — лучше, чем у Сашки... А может, всё происходящее казалось ей чудом, только добрым, и она боялась его спугнуть.

Девчонка пропала после репетиции, когда выходила из здания музыкальной школы. Открыла дверь на улицу — и всё. Олег склонен был думать, что Маше повезло — и с миром, и с хозяевами. Могло быть в сто раз хуже, что уж говорить...

Чёрт побери, подумал Олег. Я освобожу полтора десятка человек. А сколько их на самом деле? Десятки? Сотни? Тысячи? **Десятки тысяч?** Из нашего мира, из других миров, из тех миров, через которые я прошёл — сколько тех, кого освободить некому? Это ж кошмар, тому уроду, питающемуся людской болью и бедой, даже не стол накрыт — перед ним продуктовый склад с многокилометровыми стеллажами, заходи и выбирай, что хочешь, никакой охраны...

Олег передёрнул плечами. Да-а, поневоле руки опустятся. Куда не сунься — везде живут нормальные люди, хорошие, в общем-то, люди, смелые и честные люди... и везде кровь, слезы, война... Ну ладно — здесь, ну ладно — в Синмейе. Ну пусть дикость, ну пусть древность. Пусть. Но есть уже, может быть, сцепившиеся друг с другом Хаттенмарк и Венейя. И есть Норслиф, которому не дают жить соседи. И наверняка кто-то где-то, в одном из «кодов», с чистой совестью делает **Бомбу** — без смеха «с чистой совестью», чтобы защитить свою страну... а через год то же делает его враг. И мир застывает над пропастью, отчаянно колотя руками по воздуху в попытке удержаться. А потом... что потом?

Олег закрыл глаза. Чёрно-белая хроника — ставший осязательно-видимым воздух бьёт по домам, и они взвихряются белым пеплом. И уже нет никакой победы, нет победы **ни для кого**, только снег идёт над опустевшим миром. Да, наверное, гуляет по развалинам недобрый знакомец Олега, наслаждаясь спрессованным в секунду и навечно застывшим в холодном воздухе ужасом миллиардов смертей...

Как мороженым во время прогулки.

А ведь это не кино. Не сможет Олег просто так «выключить телик». Его мир, **его собственный мир** — тоже один из «кодов» и, похоже, гладкоречивый джентльмен с простым именем на букву «С» там разворачивается вовсю. Так что, кто знает, что будет завтра? **Или уже сегодня?** А как же будущее? А как же деревья за окном комнаты? А Валька — как же Валька, мама с отцом?!

Раз — и всего этого не станет?

— Ты что, уснул?

Перебравшийся на передок Артур толкнул Олега локтем в бок и удивился, увидев тёмные глаза друга. Повторил недоумённо:

— Эй, чего ты?!

— Я не хочу так... — прошептал Олег. И тряхнул головой. — А? Да, задремал, кажется...

— Смотри, заедем в трясины, — усмехнулся Артур, наклонился вперёд и что-то засвистал.

А Олег уже не мог остановиться...

Прошло десять лет. Тонет у берегов Калифорнии русский авианосец. Артур — нет, уже майор Волков успевает взлететь. Стремительный полёт... Ракета уходит вниз... И там, где был город — распухает и становится лиловым облако-гриб. Но снизу уже ловит его машину, уходящую в сторону от пылающего города, в прицел, выросший Джок — капитан армии

США Рутберг. Старт «пэтриота» — и «сухой» взрывается в воздухе. И незачем катапультироваться — внизу уже ад, поглотивший зенитную установку — Рутберг испаряется в своём кресле. Летит навстречу падающему Артуру стена пламени. Глотает его...

И никто больше не прочтёт «Властелина Колец». **Никогда.**

А, может быть, случится другое. Может, не будет никакой войны. Может быть, гоняясь за всё большей свободой, за всё более и более приятной и комфортной жизнью, люди в конце концов разрешат себе всё. Всё — работоторговлю, людоедство, гладиаторские бои — от чего так долго уходили. А что? Главное — жить в кайф... Разрешили же на Западе венчать в церквях любимых собачек? Разрешили в некоторых продавать наркотики? Разрешат и всё остальное. Главное — чтобы было поменьше запрещено. Запреты унижают...

И, наверное, такой мир будет хуже любой войны...

— Да что с тобой, в конце концов?! — вывел Олега из тяжёлых раздумий голос Артура. На этот раз кадет говорил по-настоящему сердито. — Если правда спать хочешь — давай я сяду, а ты вон — вались и дрыхни!

— Да нет, Артур, — Олег заставил себя улыбнуться, хотя улыбка — он это ощутил — получилась бледной. — Это я так...

— Ну если так, то на дорогу смотри, — Артур уселся удобнее.

Кирилл проснулся между друзьями и весело сказал:

— А вы знаете, что этот лес называется Вечным? Считается, что у него нет края.

— Нам край и не нужен, — заметил Артур. — А до места мы уже завтра доберёмся.

— А вот что дальше? — Олег заставил себя переключиться на насущные заботы. — Край не край, а где искать этого Хильдера?

— Может, он всё-таки остался в этом месте, как там тот саксонец говорил? — Кирилл нахмурился. — Синий Ручей.

— Он сказал, что Хильдер оттуда собирался **начать путь**, — ответил Олег. — А если они и правда похожи на своих предков, то Хильдер вполне может плыть, пока есть такая возможность. Представь себе, что нам надо будет искать корабль на протяжении реки Енисей? Если память меня не подводит — три с половиной тысячи километров.

— А! — отмахнулся Кирилл. — Будет день — будет пища. А тут на самом деле красиво, когда дождя нет!

Он был прав, что уж говорить... На свете вряд ли сыщется место красивее, чем леса средней полосы. Ни тайга, ни морской берег, ни тем более глупые кичливые тропики — ничто не может с ними сравниться. Деревья смыкались над дорогой полукруглым зелёным сводом. Заливались птицы. Из влажной полутьмы чащи пахло травами и водой. И далеко впереди неожиданно и важно пересёк дорогу лось — огромный, коричнево-бурый с какой-то зеленью, почти неразличимый среди теней.

Маша ахнула восхищённо. Мальчишки обернулись. Оказывается, она потихоньку перебралась из-под плаща вперёд и теперь с интересом осматривалась. Кирилл снисходительно потеснился, давая ей место.

— Красиво? — спросил он, как будто всё вокруг было его личной собственностью. Маша кивнула:

— Я не знала, что тут может быть так красиво...

Они о чём-то заговорили с Кириллом, а Олег неожиданно хмуро подумал, что, может, стоит её всё-таки отправить сейчас на Дорогу? От греха... Но предлагать этого не стал.

Почему-то был уверен: девчонка откажется

* * *

Дорога весь день вела без развилок — можно было быть уверенным, что не ошибёшься. Три раза слева и справа возникали деревянные строения, слышался собачий брёх и даже

голоса, но мальчишкам точно сказали — шестое поселение на дороге.

Артур предложил попроситься на ночлег в одну из деревушек, но Олег решил, что лучше будет заночевать «частным порядком», а не трубить о том, куда и зачем едут — а как без этого обойдёшься, если завалишься ночевать? И, как по заказу, вильнула откуда-то река (явно не та, на которой стояла Житица — меньше, в смысле — уже примерно вшестеро), потянулась рядом с дорогой. А там — солнце стояло ещё высоко — и бережок появился подходящий, рядом с которым обнаружилось до чёрта сухостоя.

Напевая «розпрягайте, хлопцы, коней...», Олег распряг коня, стреножил и пустил пастись на опушке. Кирилл и Артур тем временем развели костёр, а Маша аккуратно разостлала под телегой плащи и одеяла и теперь изучала продуктовые запасы.

— Она умеет готовить? — Кирилл, округлив глаза, толкнул Олега локтем. Тот усмехнулся:

— Спроси...

Вообще-то по правилам американских кино Маша должна была гордо заявить, что готовить ничего не будет и что попытка взвалить на неё готовку — мужской шовинизм. Но то ли она не смотрела американских кино, то ли (что вернее) уже понимала, какая пропасть лежит между ними и жизнью. Тем не менее Кирилл поинтересовался:

— А ты правда умеешь готовить?

Девчонка поправила косу и тихо ответила:

— На костре я никогда не готовила... А вообще умею.

— Тебе помочь? — без энтузиазма спросил Кирилл. Маша посмотрела на него удивлённо:

— Зачем?

— Отлично, — обрадовался Кирилл. — Тогда я лично искупаюсь.

Он отошёл к берегу и начал раздеваться. Покосился через плечо на девчонку и прошептал:

— У меня трусов нет.

— Мне жаль тебя, — серьёзно сказал Артур. — Я, пожалуй, тоже искупнусь.

— И я тоже, — решил Олег. Кирилл свёл брови и горько сказал:

— Подлые предатели.

— Извини, — сказал Артур. — Но мои трусы с тебя упадут. Покараулишь на берегу. Всё равно кому-то нужно.

— Точно, — спохватился Олег. — Похоже на пляж, согласен, но это не пляж.

— Купайтесь, — Кирилл с размаху воткнул в песок меч и сел рядом. — Но я буду торчать тут живым укором.

По правилам хорошего тона, в воду надо было влететь с разбегу и с воплем. (Кстати, она была прохладная, так что это не помешало бы.) Но мальчишки вошли по пояс — а потом дно у Олега ушло из-под ног. Впрочем, он не забеспокоился, а просто присел, погрузился с головой, выпрямился в воде, и движением ног вытолкнул себя на середину реки.

Артур поплыл в другую сторону. Олег несколько раз нырнул. Тут было глубоко, дно обрывалось в темноту, из которой даже водоросли не поднимались, и Олегу стало немного не по себе. Крокодилы-осьминоги — чушь, но есть щуки и сомы. До пяти метров даже в мире Олега. А тут?!

Но страх прошёл, едва мальчишка вынырнул. Ну их к шуту, этих щук и сомов. Переживём... Олег лёг на спину, раскинул руки и ноги и поплыл по течению.

А в небе плыло одно-единственное облачко и пылало вечернее жаркое солнце. Впрочем — как «вечернее»? Вечер был по ощущению (и по часам, кстати, тоже — как они, бедные, ещё с ума не стикнули от всех пертурбаций?) А так солнышко было ещё очень даже высоко. Похоже, это север. Может, тут вообще белые ночи...

Артур тем временем выбрался на берег, мотнул головой Кириллу, и тот, быстро оглянувшись, молниеносно разделся, не сводя взгляда с возящейся у костра Маши — и чуть ли не от берега нырнул. А вынырнул аж у другого берега — Олег даже перевернулся в воде

от удивления.

— Эй, балерина Большого Театра! — крикнул он. — Ты где так нырять наловчился?!

Вместо ответа Кирилл молча исчез. Олег, сообразив, что это значит, быстро и целеустремлённо погрёб к берегу, буквально ощущая, как Кирилл настигает его. Не успел — Олег выскочил на мелководье раньше, чем его схватили за ноги. Лениво брызнул в сторону появившегося на поверхности и тяжело дышащего Кирилла водой, встал в рост и побрёл к берегу. На секунду возник соблазн — подальше утащить барахло мальчишки. Кирилл, стоя в воде, с опаской наблюдал за Олегом, явно ожидая чего-то подобного. Но от костра уже начинало вкусно пахнуть, и Олег сообщил через плечо:

— Я тебя пощажу. Так и быть...

...Если Маша и не готовила раньше на костре, то это никак нельзя было определить. Во всяком случае, пшённая каша с копчёным салом и луком оказалась очень вкусной, и девчонка буквально засияла, увидев, как мальчишки едят — сосредоточенно похрюкивая от жадности и сопя — а потом разлила по кружкам чай из запасов, принесённых с Дороги.

— Я на тебе женюсь, — пообещал Кирилл. Олег внимательно посмотрел на него, вспомнив младшего сына хозяина. Девчонка покраснела и спросила:

— Ещё положить?

— Не, я лопну... — и Кирилл полизал миску. То ли ради шутки, то ли всерьёз.

— Послушай, — вспомнил Олег. — Ну, что ты петь умеешь — это понятно... А вот эта песня, которую ты пела, когда я услышал. Откуда ты её знаешь?

— А у меня дядя моряк, он её часто поёт, — охотно сообщила Маша. — Я просто запомнила. Грустная песня, но красивая. Только я не знаю, что такое кабестан.

— Ты слышишь печальный напев кабестана... — повторил Олег. — Кабестан, Маш, это такая лебёдка. Тросы на корабле вытягивать.

— А я думала... — девчонка немного смутилась. — Я думала, что это какой-то инструмент... А почему тогда «напев»?

— Говорят, он скрипит, когда его вращают... Раз скрипит кабестан — значит, корабль собирается в море.

— А... — девчонка задумалась и вдруг предложила: — А хотите, я ещё спою?

— Да конечно! — оживился Кирилл. Артур просто кивнул.

— Её один мальчишка из старшего состава пел, а я сразу запомнила... — Маша задумалась. — Мне кажется, что она... в общем — она вам понравится, потому что она как бы про вас.

Мальчишки — все трое — слегка ошалевшие от такой заявочки, ничего не успели спросить, потому что Маша уже запела — просто запела, глядя в огонь:

— Отпусти меня, лорд, отпусти на закат!
Там когда-то стояли ребята...
Среди них был и я — синий плащ, робкий взгляд...
Не забыть мне, что было когда-то!
Мы пришли в этот град — полусотня ребят,
Все в плащах цвета внешнего неба...
Дразнили нас детворой и не верил никто
Что мечи на боку не для смеха...
Их правитель ушел вместе с ратью в поход,
Им чего-то опять не хватало!
А вдали, за рекой — дым пожарищ горой,
Солнце красным от крови вставало...

Олег тихо поставил миску. Кирилл слушал, чуть подавшись вперёд. Его глаза отражали

пламя костра. Артур смотрел в небо, головой опершись на колесо телеги, возле которой они ужинали.

— Только выхода нет: чтобы встретить рассвет
Отстоять надо было ворота!
Только кто же пойдет — размышляет народ —
Отдавать свою жизнь неохота!
Нас никто не просил, просто не было сил
Посмотреть в глаза женщинам, детям...
Капитан лишь вздохнул — Добровольцы идут,
Рандеву у ворот, на рассвете...
Первый луч, первый взгляд — полусотня ребят,
И никто за стеной не остался!
Мы пошли побеждать, мы пошли умирать
Чтобы город врагу не достался!..

Кирилл коротко вздохнул. Олег мельком покосился на него. Вспомнил, как мальчишка попал к тому жуткому столбу — вступился за старика-раба... А Маша пела, ни на кого не глядя:

— В левой — щит, в правой — меч, кто-то должен здесь
лечь...
Взгляд в бездонную синь над собою...
Ветер в небе вздохнул, попрощаемся, друг!
Я не знаю, кто выйдет из боя...
Вот и враг под стеной, видно, близок наш бой —
Только мы не уступим ни шагу!
Неба синь за спиной, стали блеск, рога вой,
Кто-то вертит в руке левой дагу...
Мы застыли на миг — и пронзительный крик
Бросил в бой нас, друг другу навстречу...
Завертелась метель из щитов и мечей,
Пыль укрыла жестокую сечу...

Артур смотрел и смотрел в небо. Олег вспомнил и про него: «Я не выполню только одного твоего приказа — бросить тебя. В какие бы слова ты его не облёк.»

— Словно день, словно год длился тот хоровод,
А у смерти — глаза цвета стали...
Но прервался вдруг он и сквозь пот и сквозь стон
Мы смотрели — они отступали
На земле, у тех врат, где стоял наш отряд,
И куда мы врагов не пустили,
Ярко-синий клочок, словно неба мазок
Среди грязи, среди ржавой пыли...
...Отпусти меня, лорд, отпусти на закат!
Там когда-то стояли ребята...

Среди них был и я — синий плащ, робкий взгляд...
Не забыть мне, что было когда-то...³¹

Нет, подумал Олег, зло веселея. Мы ещё посмотрим, чья тачка дымит круче и чей мобильник звонит громче...

— Хорошая песня... — задумчиво сказал Кирилл.

— Про нас? — Артур допил остатки чая из стоящей рядом кружки. — Почему ты сказала, что это про нас?

Девчонка промолчала. Потом сказал — совсем о другом:

— Смотрите, всё-таки стемнело...

* * *

Игорь сидел на верхней жерди ограды и смотрел, как из-за леса встаёт солнце.

Это было первое, что Олег увидел, выйдя с сеновала, где они ночевали.

До Шелеста Будимировича они добрались только к вечеру. И первым, кого они встретили, подъезжая к сбитым в плотную кучку приземистым постройкам, был Игорь Парушев. Крепкий, хотя и тонкий, высокий — выглядевший старше своих двенадцати — мальчишка вывозил из какого-то закута навоз, сидя на мохнатой лошадке, запряжённой в волокушу. Он казался абсолютно местным — босиком, в серой рубаше и синих подвёрнутых штанах, волосы стянуты повязкой, на поясе — какие-то фигурки нож — и Олег было окликнул его — мол, парень, где хозяин? — но... мальчишка обернулся, и Олег тут же узнал фотографию.

Шелест принял их просто и радушно, особенно обрадовался, узнав, что проезжие привезли привет от двоюродного брата (братана, как тут называли). Долго говорил про своё хозяйство — фактически, только про него и говорил, даже вечером, когда за ужином собралась вся семья: жена (маленькая, молчаливая женщина) и — уму непостижимо!!! — шесть девчонок от 3–4 до 12–13 лет. Гостей усадили с почётной правой стороны, а что самое удивительное — появившийся Игорь тоже сел за тот же стол. Да ещё прямо сразу справа от хозяина.

Олег так и не успел поговорить про него, а сам мальчишка как в воду канул и появился только теперь. И взгляды, которые он бросал на приезжих, были странными. Олег определил бы их, как смесь грусти, благодарности и странного стыда, совершенно непонятного.

Олег встревожился.

И, сразу решив покончить с этим вопросом, заговорил о выкупе, о том, что они родичи и друзья... Реакция всех за столом его удивила. Девчонки — кроме самой младшей — уставились на него большими глазами. Хозяин вздохнул. Его жена, так и не присевшая за стол, опустила голову. А Игорь... он продолжал есть, но почему-то очень крепко стиснул ложку.

Так, что сидевший рядом Олег слышал тихий хруст черенка.

Шелест задал несколько вопросов Олегу и Игорю. Тот только кивнул в ответ на: «Твоих ли мест люди?» А Олег всё меньше понимал, что же происходит. И только обрадовался, когда Шелест сказал:

— Ну, утром и в путь потечёте. Ингоря сберём. То добро, что родня его жива и за него ревнует так-то...

Когда они выходили наружу, Олег услышал сзади плачущий голос жены Шелеста.

Вообще-то мальчишка собирался поговорить с друзьями обо всех этих странностях. Но

³¹ Стихи В.В. Ивановой

на сеновале на всех навалилась усталость, они перебросились какими-то ничего не значащими фразами — и уснули раньше, чем разговор перешёл на серьёзное.

А утром, проснувшись, как обычно, раньше всех, затемно, проспав-то всего три-четыре часа, Олег вышел наружу — и увидел Игоря...

...Почему-то ощущая себя очень неловко, Олег подошёл ближе. Трава была просто ледяной от росы. Он оперся рукой на нижнюю жердь и сказал:

— Подвинься...

— А? — Игорь посмотрел на старшего мальчишку через плечо и усмехнулся: — Знаю этот анекдот.

Олег оседлал жердь, поставил ноги на нижнюю. У Игоря ноги не доставали, он болтал ими, ловко держа равновесие.

— Спасибо, что нашёл меня, — сказал он. Олег махнул рукой:

— Да ладно, чего там...

— Не, это даже для родственника или друга не каждый так станет, спасибо... но... — Игорь вздохнул и посмотрел в глаза Олегу. — Ты не обижайся. Я останусь с дядей Шелестом.

Олег не сорвался в траву только потому, что удержался ногами. И, отстранившись, изумлённо посмотрел на Игоря. Тот ответил таким твёрдым и взрослым взглядом, что Олег понял: это не шутка. И удержал гневные слова: «Это что за блажь?!» — на языке, а вместо этого тихо сказал:

— Он же тебя купил. Как вещь, на торгу. Я знаю. Мне сказали.

— Купил, — Игорь опять посмотрел на солнце — оно поднялось уже почти полностью. — А как домой пришли, сразу двух соседей позвал и при них мне вольную сказал, это тут обычай такой... У него видел какая семья? И одни девки. Был сын, только ему ещё и пяти не исполнилось — умер. Останусь я. Я всегда мечтал... так жить.

— А твоя семья? — убито спросил Олег.

Теперь уже изумился Игорь. Неуверенно улыбнулся и заморгал. Потом сказал:

— А я же... ты что, не знал?... я же сирота. Я из детдома. Нет, там не плохо, но... — он примолк и показал рукой на приземистый дом за спиной, на надворные постройки, на Шелеста, который как раз вышел на крыльцо и тоже глядел на солнце.

И Олег понял.

Шелест подошёл ближе, кивнул Олегу, оперся руками о верхнюю жердь. Тихо сказал:

— Ну стало быть, Ингорь... Тамо тебе сбрала... жена... и сам коей-что, стало. Домой обратись — нас вспоминать без зла стать... Мыслил я тебя и в семью ввести, так что нунь про то...

— Я это... дядя Шелест, — Игорь повернулся на жерди, соскочил в траву и встал перед селянином — прямой, тоненький. — Я остаюсь, в общем. У тебя.

Лицо Шелеста стало удивлённым, как будто Игорь вдруг заговорил на непонятном языке. Он даже перевёл взгляд на Олега, как бы прося перевести.

— Да остаётся он, — буркнул Олег, тоже соскакивая и потягиваясь.

— Сыне, — как-то очень просто сказал Шелест, протягивая руки. Игорь поморгал, а потом — потом утонул в этих грубых лапищах, повис на селянине, обхватив его и руками, и ногами, вцепившись так, что затрещала рубаха.

Олег отвернулся.

Солнце встало над лесом...

...Он ещё долго сидел, один, глядя на это солнце. И мечтая только об одном: чтобы никто не подошёл и ничего не спросил. Чтобы его вообще не трогали. И зло обернулся, когда услышал тоненький голосок:

— Дядько заезжий...

В траве стояла одна из дочерей Шелеста. Не понять, какая, лет 5–6. смотрела снизу вверх большими синими глазами.

— Что тебе? — Олег подумал, что у него замёрзли ноги. Отвернулся. Девчонка,

сосредоточенно сопя, вскарабкалась на жердину, села рядом. Вцепилась руками и ногами в жердь. И, заглядывая сбоку в лицо Олегу (а он ей должен был казаться взрослым и даже страшным хотя бы по вчерашнему — с мечом, решительно и резко говоривший с её отцом, в сопровождении ещё двух — с мечами...), сказала тихо и упрямо:

— Не бери от нас Ингоря... У нас братика нет, ушёл от нас... Ему у нас хорошо будет... Тато его в сыновья возьмёт, и невесту ему сыщем... Что ему у вас? Не бери, а? А вы будьте к нам гости, как захочете...

И взяла Олега за рукав.

— Вот что, — Олег взял её под мышки, снял с жерди и опустил в траву. — Иди-ка ты на сеновал. И принеси там... там такая сумка лежит, моя сумка. Давай-ка. Неси...

... — А что то будет? — девчонка любопытно сопела Олегу в локоть. — Что будет-то, а? Дядько, что то будет, а?

— Не бухти, — Олег аккуратно подогнул на колене крылья, потом распрямил их, поднял руку и лёгким толчком послал бумажный самолётик из блокнотного листа в полёт — прямо к солнцу.

Девчонка восторженно пискнула, прыгнула в траву и с верещанием побежала за самолётиком, разом забыв обо всём. А он, не спеша приземляться, то взмывал выше, то спускался ниже, покачивал крыльями — и летел... летел... летел...

* * *

Поскрипывая и покачиваясь, телега спускалась к речному берегу — навстречу людскому гомону. Развалившись в ней, друзья слушали Олега, правившего конём:

— В общем, выгреб я серебро и там у них под столом положил, — мальчишка рассмеялся, и все его поддержали.

— Ну и правильно, — сказал Артур. — Чего там...

— А Игорь всё-таки зря... — начал Кирилл, но потом задумался и махнул рукой: — А, не знаю. Запутался я с этим. пусть каждый сам для себя решает.

— Вроде как бросать родину — хуже некуда, — Артур сел прямее. — А почему-то у меня язык не поворачивается — плохо про него сказать. Да и про Маркова — тоже...

— Ладно, — Олег махнул рукой. — Давайте вон думать, как дальше быть.

— Шелест сказал, что в этой Береговице можно корабль нанять. Речной, — тут же внёс предложение Кирилл. — Лошадь продадим, телегу тоже. Может, наскребём, да и махнем искать по реке?

— Ага, найдём — и этот эрл нас благополучно потопит, — хмыкнул Артур. — У него не заржавеет... Кстати, смотрите, вон саксонский корабль подваливает как раз.

Действительно, телега подъехала к причалу поселения как раз в тот момент, когда длинный узкий корабль, разом убрав вёсла, ловко подошёл впритирку к прочному деревянному причалу как раз между двумя большими пузатыми рыбачьими лодками, с которых таскали улов. На берег ловко перескочил и принял канат рослый, худощавый мальчишка, одетый в куртку чёрным мехом наружу поверх серой рубахи, синие штаны и высокие сапоги. Из оружия у мальчишки был только скрамасак на поясе. Светлые с рыжиной длинные волосы — чуть короче, чем у Кирилла — были стянуты в «конский хвост» на затылке.

— Траппа, Макс! — крикнул густобородый, но ещё очевидно молодой воин с носа корабля. Мальчишка помахал рукой, с силой затянул узел на кнехте.

— Макс... — Олег остановился. Постоял секунду. И окликнул мальчишку, который с удовольствием потягивался, разминаясь после корабельной «сидячки»: — Максим, Караваев!

Мальчишка обернулся растерянно и удивлённо...

Туман пополз от берегов после полуночи. Белёсый и невесомый, он сомкнулся посреди реки, и Хильдер эрл Марбоддсон перестал видеть с кормы нос скейды.

Из своих двадцати восьми лет Хильдер эрл шестнадцать провёл в походах. И ни разу туман не приносил ничего доброго. В тумане крадутся недобрые духи и давят спящих. В тумане приходят те, кто при солнечном свете не осмеливается бросить вызов амлунгам.

Недоброе время — туман.

— На якорях смотреть! — окликнул он.

— Смотрим, смотрим... — отозвались казавшиеся чужими голоса караульных. Эрл передёрнул плечами. Может, там уже **не его** люди? Может, он вообще зря вошёл в эту реку?

Он стиснул рукоять скрамасакса — и холод серебра прогнал недостойные страхи. До утра уже недолго. И, хотя впереди ещё самый жуткий предрассветный час, ни духам, ни здешним жителям не одолеть Хильдера эрла Марбоддсона!

— Не спится?

Эрл оглянулся. Тихо поднявшийся на кормовую площадку, старый друг, наставник, воспитатель, Ирмингер, встал рядом. В седой бороде поблёскивали в свете факела капли.

— Ты тоже думаешь, что я зря вошёл в реку? — ответил вопросом эрл.

— Никто из наших тут никогда не был. Даже славяне ничего не знают об этих местах, — ответил Ирмингер, опираясь рукой о борт. — Ты придёшь к ней и скажешь: вот, я был там, где не бывали люди. И реку, которую не видели глаза человека, назвал твоим именем. И она твоя. Они все падки на такое.

Эрл тихо засмеялся:

— Свою старуху ты взял тем же?

— А... — Ирмингер махнул рукой в кожаной перчатке. — Видел бы ты её на палубе «Глидана» в те дни, когда твой отец годился тебе в младшие братья — и ты бы понял, что моя старуха редкий случай в этом мире...

— «Глидан»... — задумчиво сказал эрл. — Где он спит вместе с моим отцом?

— Мир велик, — ответил Ирмингер. — А всё же плохой туман. Может, что-то знает твой волчонок?

И Ирмингер почти серьёзно кивнул туда, где под кожаным пологом, скорчившись, спал прикованный за ногу человек...

...На самом деле Максим не спал. Ему было холодно, но к холоду он более-менее привык. Просто спать, да сидеть, глядя на воду — это единственное, что ему оставалось.

Были ещё мысли. Тоскливые — о доме. Непонимающие — о том, как вообще он мог оказаться здесь, что с ним произошло? Последнее, что он помнил, был поворот в аллею в городском саду. Дальше — дождливая тропа, ему выкручивают руки... Рынок рабов... И этот... **хозяин**. Про себя его Максим так называл — как будто поливал ядом. Вслух не называл никак, вообще не хотел разговаривать. И в то же время понимал, что выходов у него два: подчиниться или довести саксонца до того, что тот бросит его за борт в мешке.

Был ещё третий выход. Бежать. Но он не смог убежать раньше, ловили — а как убежать, если сидишь прикованный к толстенной доске стальной цепью?

Звякнув металлом, мальчишка сел, подтянув босые ноги под себя. Хильдер — он уже вновь стоял один, седобородый старикан убрался в туман — повернулся, сделал два шага, присел на борт. Близко, но так, чтобы Максим не мог достать. Иначе он стопроцентно попытался бы спихнуть эрла в воду.

— Туман, — сказал Хильдер на местном славянском языке. Он говорил на этом языке чисто-чисто. — Нехорошо то.

Максим удивился. С чего это вдруг Хильдер решил с ним говорить на отвлечённые темы?

— Слушай, как буду говорить, — саксонец вздохнул. — Дарить тебя херцогу — беду

наживать. Не то зарежешь его? Так думай до утра. Одно — слово мне дашь, что будешь смирен. Слову твоему поверю. А там как судьба тебе покатит. Может стать, десятка лет не пройдёт — и водить тебе свою скейду. Рабом человек не век бывает, само — что за человек. Не дашь слова — не гневайся, рассвет взойдёт — заколю тебя, чтоб духи тутние к нам милостивы были. Храбрости тебе не искать, такой жертве они порадуются.

Максим обмер. Буквально обмер, сердце на миг остановилось, а всё тело покрыл ледяной пот. Мальчишка не сомневался, что саксонец не издевается над ним, не шутит и в самом деле выполнит обещанное.

Он изо всех сил зажмурился. Потом открыл глаза и сипло спросил:

— А ты? Если бы тебе предложили... такое, что бы ты выбрал?

— Я эрл, мой род — эрлы, — пожал плечами Хильдер. Странно, сейчас он говорил с Максимом, как с равным. — Мы не можем быть рабами. Свободными или мёртвыми. Не рабами.

— Почему ты думаешь, что другие хуже тебя? — Максим с трудом отдирает язык от нёба и не верит, что это говорит он.

— Потому стать — ты сидишь у меня на цепи, не я у тебя, — усмехнулся Хильдер.

— Ты просто сильнее. Разве это что-то значит? — мальчишка не понимал, почему он говорит на какие-то посторонние темы, а не упал на колени и не вымаливает пощаду за любую цену.

— Не то — нет? — удивился Хильдер. И насторожился вдруг. — Чуешь? — отрывисто спросил он, отталкиваясь от борта.

— Нет... — удивился Максим. А Хильдер вдруг заорал что-то по-саксонски, из чего Максим, нахватавшийся немало слов за последнее время, понял одно: «Стивва!» — «Вставайте!»

Ответом эрлу был шум множества разбужденных людей на корабле — и дикий многоголосый вой, непохожий на человеческий, донёсшийся с обеих берегов реки — что-то вроде: «Ййяяааауу!!!». В тумане вспыхнули шевелящиеся огни, послышался громкий перебивающий друг друга плеск вёсел.

Корабль вскипел, как чайник на сильном огне. Саксонцы быстро, поразительно быстро, облачались в броню — кое-кто в кольчуги, большинство — в плотные кожаные куртки, усиленные рядами металлических блях. Максим такого раньше не видел — какие там армейские «сорок пять секунд»! Через полминуты вдоль бортов выстроилась плотная стена щитоносцев, сдвинувших большие круглые щиты и наклонивших головы в глухих шлемах, увенчанных фигурами кабанов. Между них просунулись здоровенные копья, каждый наконечник — как меч. По центру корабля встали стрелки, держа наготове луки в рост человека.

Хильдер — в медном панцире поверх кольчуги, но ещё без шлема — пробежав на нос, наклонился над водой и что-то крикнул громко. Ответом был усилившийся вой. Эрл отдернул голову — в дерево скейда прямо возле его лица вонзился дротик. Эрл вырвал его кольчужной перчаткой, показал воинам и крикнул: «Каттэлингс!» «Хурррр!!!» — отозвался мрачным рёвом весь корабль.

Дротики полетели градом, вонзаясь в щиты и борта. Максим, не в силах сдержаться любопытства, приподнялся — и почти сразу был брошен на палубу сильным толчком. Над ним стоял Ирмингер.

Наклонившись к мальчишке, старик щёлкнул ключом — цепь упала. Максим таращил глаза, ничего не понимая, а Ирмингер подал ему свой щит:

— Закройся. Каттэлинги, люди-кошки. Может стать, сошла на нет наша удача. Если возьмёт их сила — слезай за борт и плыви, дальше уходи всё на закат и на закат, — он говорил по-славянски не хуже эрла. — Если мы одолеем — тебе лучше остаться с людьми.

Он перехватил обеими руками топор на длинной рукояти и исчез среди воинов.

Из машущей факелами туманной тьмы один за другим выходили большие плоты, огороженные плетёными щитами. На плотях метались огни и стоял неистовый мjav. По

временам то тут, то там опускался плетень — летели дротики. В ответ били стрелы — навесом, явно находя цель.

Первые плоты, подошедшие вплотную, саксонцы опрокинули — разом поддевая под них по три-четыре весла. Невысокие фигуры — вроде бы шерстистые, но в то же время одетые — с визгом сыпались в воду, покрывшуюся десятками казавшихся чёрными голов. Вёсла опускались на головы, как чудовищные молоты. Странные существа цеплялись за вёсла, прыгали на них с плотов, повисали кучами, делая неподъёмными. В борта скейда начали вцепляться разлапистые крючья. Максим помотал головой — вопль, превратившийся в сплошное: «Рррьяаааа...» был почти непереносим.

В край щита ударился дротик, и мальчишку крутнуло на досках — с такой силой было брошено оружие. Когтистая лапа возникла над кормой, поднялась голова, сверкнули зелёным глаза — но эрл, подскочив, ударил по лапе тяжёлым скрамасаксом. Плеснуло чёрным. Второй удар пришёлся в голову, третьим эрл поддел ещё одного полезшего из-за борта и расхохотался:

— Амлунгс, сиэгга!

— Сиэгга!!! — заревел корабль. Воины точными короткими ударами копий одного за другим скидывали в воду ползущих по ставшим беспомощными вёслам и по канатам кошек нападающих. Но боевой визг не умолкал.

На дне скейда лежали пока только двое воинов, ещё один зажимал плечо, уронив копье. Эрл взмахивал рукой; по пять-шесть воинов перебежали на нос и корму. Один на бегу споткнулся, махнул рукой за спину и упал — в спине качался дротик.

— Х-хух! — услышал Максим выдох. Удар верхушкой топора в левой руке пришёлся под скошенный подбородок появившемуся над бортом существу — оно молча полетело в воду. У следующего в руке... лапе... сверкнул изогнутый клинок — эрл перехватил его обухом топора и проткнул врага скрамасаксом. Ещё двух сбросили в воду дружинники. Но через борт лезли новые и новые. Одного дружинника достали дротиком в глаз, другому существо запрыгнуло на спину и, прежде чем само лишилось головы, перерезало горло. Максим смотрел на происходящее без страха, оглушённо-отупело, настолько всё это казалось нереальным, даже более нереальным, чем кино или компьютерная игра.

Бросок топора эрла буквально перерубил в поясе человекокота, собиравшегося метнуть дротики сразу с двух лап. Хильдер перебросил щит из-за спины. Дружинник, защищавший его сзади, поскользнулся, упал на бок, лёжа схватился сразу с двумя повисшими на нём существами... А вскочивший на борт лесной житель размахнулся дротиком.

Потом Максим часто думал, что медный панцирь, одетый на кольчугу, вряд ли удалось бы пробить даже сильным броском. А тогда он не думал вообще — вскочил на ноги и обеими руками выставил щит навстречу броску.

Его шатнуло, припечатало к спине эрла. Хильдер обернулся — на секунду, на миг. Но Максим успел поймать в его глазах — блеснувших в глубоких ямах наличника — вспышку изумления. Не успевший обнажить клинок человекокот упал с борта в воду, навывлет прошитый стрелой...

...Ночной налёт стоил жизни одиннадцати дружинникам. Трое были тяжело ранены. Сколько погибло человекокатов — считать никто не собирался. Их трупы лежали на плотках, на скейде, и даже на выступившем из тумана рассветном берегу тут и там виднелись выброшенные рекой тела.

Стоя около борта, Максим опирался на щит. И смотрел, как к нему, снимая на ходу шлем, идёт эрл Хильдер.

Саксонец остановился в двух шагах от мальчишки. Сплюнул далеко за борт густой шмат слюны, скопившийся во рту.

— Добрая была ночь, — сказал он. Повторил то же по-своему, за плечо — на скейде захохотали.

— Что ты скажешь теперь? — Максим поднял над щитом правую руку. В ней был скрамасакс. — Цепи на мне нет, и больше ты меня не закуёшь. Но, конечно, можешь убить.

В бою.

Эрл Хильдер рассматривал стоящего напротив мальчишку долго. И Максим, если честно, отчётливо понимал, что саксонец может сейчас бросить оружие, снять доспех, а потом выйти против него, Максима Караваева, с голыми руками — и скрутить, как малыша.

— Тебе грести со всеми, — сказал Хильдер. — Должно, ты не умеешь, но научишься споро, хотя будет трудно. А духи этих мест и так получили немало.

* * *

— Последний бой у старой цитадели...
На башне, что нависла над обрывом
Собрались те, кто в битве уцелели
И попрощались молча, торопливо.

И на краю, спиной упершись в небо
Плечом к плечу мы в строй последний встали
И друг за другом уходили в небыль,
Неся кровавый росчерк острой стали.

Саксонская арфа была непривычной, но Олег быстро подладился к струнам. Хильдер слушал, сидя напротив и поглаживая пальцами большую кружку.

— И кровь струилась, красная на черном...
Да станет же вам силы менестрели,
Чтобы воспеть геройство обреченных,
Погибших без надежды и без цели...

С трудом еще в свою победу веря,
Враги идут, безмолвные как тени,
А я с усмешкой загнанного зверя
Отбросил щит на стертые ступени...

Пусть подождет меня еще минуту
Чертог забвенья, мрака и печали!
Остатком жизни смерть неся кому-то,
Я шел в последний бой с двумя мечами...

Вам этот бой запомнится надолго —
Полет клинков, рассекших мир на части,
Последний хрип затравленного волка,
И два клинка, как проклятое счастье!

Какая ж мне нужна еще награда,
Когда уходит жизнь в последнем стане?
Я упаду красиво, как в балладах —
Сжав рукояти в стынувших ладонях.³²

— Ладно поёшь, — сказал саксонец. — Живёшь так же?
— Стараюсь, — коротко ответил Олег. — Ну так как же будем, эрл?
Хильдер коротко кивнул на сидящего рядом Максима.
— Он вольный человек.
— Максим? — Олег повернулся к мальчишке. И в какую-то долю секунды понял тоскливо: **и этот останется**. Это больше не Максим Караваев. Макс Лойфа. «Счастличик»...
— Прости, — сказал Макс. И Олег покачал головой... а в следующий миг понял, что это сказано не ему, а Хильдеру. — Прости, но там — моя родина.
Хильдер отодвинул пивную кружку. И сказал, вставая и бросая на стол серебро:
— Сакс оставь себе. И поминай нас не одним злом, Счастличик.

И вновь там, где стоят часы

Олег снова не спал.

Здесь это было поразительно легко. Сидя на склоне холма, обхватив колени руками, он смотрел, как бесконечными волнами плещется ковыль, как сияет холодная луна — и с улыбкой водил рукой по воздуху, извлекая из него обрывки знакомых, полужнакомых и вовсе незнакомых песен, похожих на этот ковыль, на свет этой луны, на запах этой степи...

... — Что ж ты стоишь на тропе, что ж ты не хочешь идти?..
... — Вот это — для мужчин — рюкзак и ледоруб...
... — За синим перекрёстком двенадцати морей, за самой ненаглядною зарёю...
... — Перемен требуют наши сердца!..
... — Спокойно, дружище, спокойно — у нас ещё всё впереди...
... — Но если покажется путь невезуч, и что на покой пора...
... — Подари мне рассвет у зелёной палатки...
... — Здесь вам не равнина, здесь климат иной...
... — Среди нехоженных путей один путь — мой...
... — Помирись, кто ссорился...
... — Мой конь притомился, стоптались мои башмаки...
... — Средь оплывших свечей и вечерних молитв...
... — Ветер ли старое имя развеет...
... — Песен, ещё ненаписанных — сколько? Скажи, кукушка, пропой...
... — Помню, в нашей зелёной роте...
... — Недавно гостил я в чудесной стране...
... — Всем нашим встречам разлуки, увы, суждены...
... — А я помру на стеньге — за то, что слишком жил...
... — В круге сразу видно, кто друг — кто во мраке, ясно, что враг...
... — Помнишь, как дрались мы с целой улицей?..
... — Ждут — уж это точно! — нашей крови полчища мошки и комарья...
... — Долой, долой туристов...
... — Знаешь ли ты, как память в эти часы остра?..
... — Дороги — как боги...
... — Не вдоль по речке, не по лесам...
... — Прощай, позабуди — и не обессуди...
... — На коня — и с ветром в поле!..
... — Хлопнем, тётка, по стакану!..

Олег со стороны походил, наверное, на сумасшедшего — он улыбался, качал головой, а

временами глаза начинали поблёскивать. Смешно, конечно, было даже думать, что он — он! — может плакать. Мужчины не плачут. Мальчишки — тоже. Это просто отражалась так луна.

Конечно, луна.

Костёр за его спиной, в распадке, почти догорел. Но Олег не удивился, увидев впереди — в степи, где-то неподалёку (или, может, за сотни километров?) огонь другого костра.

Он встал. Ветер отбрасывал назад волосы и приносил запах сухого дыма. Нет, близко. Олегу внезапно очень захотелось — подойти к костру и сказать: «Здравствуйте!» Просто сказать так.

Лёгким шагом он спустился с холма, и костёр как бы отдалился, но несильно. Его огонь, казалось, сигналил. Передаёт что-то непонятное морзянкой — ковыль раскачивался, плыл, то закрывая, то вновь открывая пламя.

А потом Олег услышал песню. Её пели на русском языке, он ощущал, что это именно русский язык, а не шутка Дороги, сплетающей языки в один...

И он пошёл на эту песню — раздвигая руками ковыль, ощущая, какая под ногами тёплая земля...

— Где был родник — чернеет яма, —

пел мальчишеский голос:

— Трава зелёная измята...
Но в их глазах — тоски ни грамма.
Здесь не росли мои волчата...

Костёр горел невысокий, но широкий, из какого-то сушняка, неведь где добытого. Олег видел, что около него сидят и стоят с десятков людей.

— Родник звенел, трава манила,
И сосны на откосе — строим!
И пела — пела, а не выла! —
Моя подруга под луною.

Здесь били огненные стрелы.
Могилы вырыла лопата.
Трава зелёная сгорела.
Здесь наши не живут волчата...

Пламя выхватило из темноты детали — лица — мальчишеские, задумчивые — военную, полувоенную и гражданскую одежду, оружие... Пел, скрестив ноги, без аккомпанемента, круглолицый чубатый паренёк, державший на коленях матово поблёскивающий карабин.

— И месяц в пламя опрокинут.
И сосны превратились в уголь.

И, прежде чем наш лес покинуть,
Я схоронил свою подругу.

В чужих краях волкам не рады.
И жизнь была к нам очень строга.
И выросли мои волчата.
И привела домой дорога!..

Около огня стояли два пулемёта. Но на них Олег обратил внимание мельком, потому что понял: на всех мальчишках — красные галстуки. Яркие, они казались в огне костра живыми языками пламени.

— ...За всё, что нынче дробно-зыбко,
Чем жил, что я любил когда-то —
Со злой, весёлою улыбкой
Идут на смерть мои волчата.³³

А потом тот, кто сидел рядом с поющим, поднял голову — и у Олега вырвалось — громко, все возле костра повернулись сюда, песня смолкла:

— Марат!..

...Это было странновато и почти смешно, но Марат обрадовался Олегу, как будто они были старыми друзьями, а не встречались всего раз в жизни (?) на какой-то час. С широкой улыбкой стиснул локти Олега крепкими пальцами, стукнулся лбом в лоб — довольно ощутимо — и повернулся к остальным мальчишкам, доброжелательно взиравшим от огня:

— Братцы, это Олег, я про него тогда говорил, помните? — согласный шум. — Наш человек!

— Ну, если наш, то налейте ему! — со смехом крикнул какой-то мальчишка — стройненький, даже хрупкий, лохматый, но с глазами смелыми и гордыми, как со старого плаката.

— Ребята, не могу! — засмеялся Олег (ему почему-то было очень-очень хорошо), увидев, что к нему уже тянутся две или три крышки от фляжек, над которыми вился парок. — Я вас рад видеть всех, но не могу, я на минутку отошёл... я не один тут...

— Выручил?! — Марат хлопнул Олега между лопаток. — Молоток!

— Не всех ещё, код 5 остался, — подчиняясь сильному, но дружескому давлению на плечи, Олег сел, скрестив ноги. Принял одну из крышек — там оказался травяной чай. Вокруг костра стихло; Марат, начавший было садиться, выпрямился:

— Код 5? — переспросил он. Олег кивнул. — А мы как раз туда...

— Туда?! — Олег заморгал. Марат ничего не ответил, о чём-то задумался, а плечистый крепыш, обнимавший приклад пулемёта неизвестно Олегу марки, пояснил с недобрым смешком:

— Ленниадскую империю зажали, уррвы своих с побережья Сантокада эвакуируют, а баргайцы их транспорты топят. С пацанвой и бабами.

— Ну мы и решили малость помочь империалистам, — весело сказал другой пацан, прокрутив на пальце воронёный револьвер Нагана. — Ихнее дело правое, как ни крути. А баргайцы — нелюди, чтоб их...

— Ленниадская империя... — что-то смутно забрезжило в мозгу Олега. — А! Это

³³ Стихи автора книги.

такие... на волков похожие?

— Похожие, — кивнул пулемётчик. — Внешне. А баргайцы — люди, зря Стёпка трендит. Только люди они тоже... **внешне**.

— Ничего, — послышался ещё чей-то голос, — соединимся со Станцем, старшие подвалят, нажмём — только лимфа брызнет.

Вокруг засмеялись. Олег удивлённо-радостно осмотрелся и непосредственно спросил:

— А вы что, вы все... мёртвые? В смысле — это, убитые...

Ответом был искренний, дружный хохот — даже Марат смеялся. И спросил первым:

— А с чего ты так решил?

— Ну... вы же пионеры... — Олег смутился. — А их у нас давно нет...

— А ты что, не понял, что на коде 1 свет клином не сошёлся? Ну тупой ты, парень, — дерзко заявил лохматый. А Степка, убирая револьвер, пояснил:

— Да нет, не все... мёртвые... — кто-то прыснул, словно его насмешила сама мысль о смерти. — Пионеры — да, все. Только мы из разных миров. Из пяти, кажется. И я, например, пионер с десяти лет. Принимали около Золотых Ворот стольного града Владимира. Сам Великий Князь галстук повязывал! — гордо добавил он.

— А меня — в Москве, на Красной Площади, около сталинского Мавзолея! — крикнул кто-то.

— А меня не успели, — сказал крепыш. — В смысле — там, дома не успели. Я оторва был... Я погиб, когда турецкие десантники пытались взять Одессу. В новогоднюю ночь 1993-го... Спрыгнул с мола в один их катер с гранатами в руках... — он помолчал и добавил: — Это потом уже ребята тут приняли...

— Ладно! — Марат хлопнул себя по коленям. — Славик, мясо-то готово?

Ещё один мальчишка, потыкав невесту откуда вынутым длинным ножом в тушку какой-то косули-не косули, непонятно как оказавшуюся над огнём, кивнул:

— Поджарилась.

— Ну и разрежай, — Марат улыбнулся Олегу. — Хороший ты парень... Степан тебе потом про пятый код расскажет, я сам там не был пока. А сейчас — давайте-ка закусим.

Появился большущий круглый каравай. Хлеб положили на разостланное полотенце, кто-то финским ножом нарезал его на большущие ломти и стал раздавать их по кругу, шлёпая на каждый почти такой же ломоть жареного мяса. Все разом принялись молотить челюстями, перебрасываясь шутками и подколками.

— Значит, идёте воевать? — спросил Олег тихонько. Марат пожал плечами — на нём, как только сейчас заметил Олег, был лёгкий маскхалат поверх рубахи и штанов:

— Си вис пацэм, пара бэллум³⁴... — и добавил насмешливо в ответ на недоумённый взгляд Олега: — Хочешь спросить, откуда такой сельский валенок знает латынь? — Олег машинально кивнул. Марат засмеялся: — Да я её и не знаю. Просто пистолет такой есть — парабеллум, фрицевский.

— Знаю, — кивнул Олег.

— Ну вот. Я ещё **там** спросил у нашего комиссара, почему такое название. Он и сказал, что это из пословицы. Хорошее вообще-то название для пистолета, — и он продемонстрировал именно парабеллум. — А так он люгер³⁵.

— Во, прошлый раз у тебя не было, — вспомнил Олег. Марат неожиданно смутился:

— Да-а... Я и **тогда** его хотел. Но не получилось. У меня был «зауэр», старый... — Марат о чём-то задумался. Олег не торопил его. Странное и приятное чувство посетило его: он ощущал себя с Маратом **на равных**. Ну — **почти** на равных. Не как в прошлый раз.

³⁴ Хочешь мира — готовься к войне (*лат.*).

³⁵ ПАРАБЕЛЛУМ — полуавтоматический восьмизарядный 9-миллиметровый пистолет немецкого конструктора Георга Люгера. Отсюда и два названия, каждое из которых является правильным.

Теперь и он знал, как это — когда стреляют в тебя и стреляешь ты, когда рискуешь, когда отвечаешь за других...

Когда **живёшь**. И даже когда готовишься умереть.

— Я познакомился тут — ну, тут, на Дороге — с одним фрицем. С гитлерюгендом³⁶...

— С кем? — Олег осекся, потому что вспомнил. — А... а он-то что тут делает?!

— Что-что... — Марат грустно улыбнулся. — Погиб. Где-то на западе, не против нас... Оборонял какой-то город, а потом взял и... в общем, с гранатами — под «шерман». Это танк такой американский... Он хотел... — Марат поморщился. — Хотел раненых давить. Там они лежали, под стеной... Ну и этот Лотар... это его зовут так — прямо под гусеницы... Я, когда его первый раз встретил — давно уже — цоп за автомат! — Марат удивлённо засмеялся. — И он тоже... Стоим. Вечер. Ковыль. Пахнет... как на сеновале у нас. В животы друг другу целимся. Так привычно... А у него глаза — зелёные с карими крапинками. Я раньше никогда ни у кого из них глаз не видел. Даже когда они... — Марат с усилием продолжил: — Даже когда они подошли вплотную. **Тогда**. Чёрные дыры...

— И? — тихо спросил Олег. Он держал в руке недоеденный «бутерброд».

— И я не стал стрелять, — сказал Марат. — Опустил оружие. Думал — он полоснёт. А он заморгал так — хлоп-хлоп-хлоп, смешно — и тоже опустил... Ну и мы с тех пор вроде как подружились. Редко видимся, он по другим местам ходит. А тут, в прошлый раз, я как раз его ждал. Когда с тобой увиделся. Он принёс парабеллум и подарил. Вот... — Марат пожал плечами и тихо добавил: — Мою маму повесили фашисты. В сорок первом... Может быть, вешал его брат. Или его отец. Я понимаю это. Но... — и он покачал головой.

Олег положил руку ему на плечо:

— Знаешь, что я думаю? — спросил он. Марат поднял подбородок. — Что ты прав. Что ты всегда будешь прав. У тебя слишком большая правота, чтобы она оказалась чушью.

Марат не ответил.

А чубатый парнишка — кажется, Димка — запел возле огня, высоко и бесшабашно:

— Когда мы были на войне,
Когда мы были на войне,
Там каждый думал о своей
Любимой или о жене...

И стало совсем тихо. Даже ковыль умолк. Только рвался голос — всё отчаянней и отчаянней:

— И он, конечно, думать мог,

³⁶ ГИТЛЕРЮГЕНД — нацистская молодежная организация в Германии в 1926-45. В неё входили дети и подростки 10–16 лет. Прошу моих читателей не спешить обвинять меня в симпатиях к гитлеровцам! Изучение данной темы привело меня к твёрдому убеждению, что эта организация оказалась буквально спасительной для многих немецких мальчишек, уведя их из подворотен, с улицы, из сомнительных компаний (всё это было так же характерно для Германии 20-х годов XX века, как и для нынешней Российской Федерации!), дав им смысл жизни. Гитлерюгенд так же давал своим членам бесплатную и разностороннюю подготовку — военную, спортивную, культурную. Подавляющее большинство его членов — и мальчишек и взрослых инструкторов — были честными, мужественными, справедливыми людьми, искренне уверенными в том, что служат своей Родине. В конце войны члены гитлерюгенда (младшим из которых было 12 лет!) массово вступали в ополчение-фольксштурм и тысячами гибли, пытаясь остановить натиск наших войск и варварских орд англо-американцев. Многие из них совершили подвиги, достойные встать в один ряд с подвигами наших пионеров-героев. К сожалению, эти подвиги остались почти никому неизвестными. У меня же мужество этих немецких мальчишек вызывает искреннее и глубокое уважение...

Да, он, конечно, думать мог,
Когда на трубочку глядел —
На голубой её дымок...

Как ты тогда ему лгала,
Как ты когда-то всё лгала,
А сердце девичье своё
Давно другому отдала...

И голос — взвился совсем высоко, непередаваемо:

— И он решил: «Я пули жду,
Я только меткой пули жду,
Чтоб утолить печаль мою
И чтоб пресечь нашу вражду!»...

Когда мы будем на войне,
Когда мы будем на войне —
Навстречу пулям полетим
На вороном своём коне...³⁷

Ожил костёр. Зашумел ковыль. Кто-то сказал:

— Да-а... — с выдохом.

— А ну-ка... — Марат вдруг подмигнул тому мальчишке, который нарезал мясо: —
Что-то мы загрустили... Давай, братишка!

— Даю! — охотно откликнулся он, вскакивая. Тряхнул головой. Упёр руки в бока...

— Между нами,
дикарями,
говоря —
Спать в кровати —
Значит, тратить время зря!
Нам под крышей
Плохо спится, душно нам!
Надо, братцы, разбежаться по лесам!
И у края пропасти,
И у тигра в пасти,
Не теряйте бодрости
И верьте в счастье!

Олег ощутил, что песня будит в нём что-то такое... что-то, чем он не мог подобрать название. А ребята и не подбирали. Раз — и около костра уже выплясывали какой-то первобытный танец — прыжок-наклон-удар ногой-взмах головой-рывок руками и всем туловищем — и снова то же самое — человек шесть. Два — и мальчишка взлетел на плечи

³⁷ Казачья песня XIX века.

двух других ребят, встал на ноги, не держась руками и не переставая распевать:

— Между нами,
дикарями,
говоря —
Захотелось
Антрекотов в сухарях!
Жизнь лесная
Возбуждает аппетит,
Хоть черникой и брусникой рот набит!
— И у края пропасти,
И у тигра в пасти,
Не теряйте бодрости

И верьте в счастье! — грянул уже целый дурашливый хор. И следующий куплет орала тоже дюжина мальчишеских глоток, а вокруг огня мчался круг хоровода, и земля гулко отвечала ногам, а галстуки казались пляшущими вместе с ребятами языками огня:

— Не пугают
Нас ни стужа и ни зной!
Только летом
Всё же лучше, чем зимой!
И в июле
Нет ни тени декабря,
Между нами, дикарями, говоря!

Коло , вспомнил Олег. Это называется не хоровод — хоровод у девушек, а это коло. Мужской танец. Перед битвой. Руки на плечи — и вместе вокруг огня... Интересно, они-то знают об этом? Наверное — нет, наверное, им просто весело этой ночью у огня...

— И у края пропасти,
И у тигра в пасти,
Не теряйте бодрости
И верьте в счастье!..

... — Скоро рассветёт, — Марат сорвал былинку ковыля, закусил. — Тебе пора...
— Ещё встретимся? — полувопросительно сказал Олег. Марат пожал плечами:
— Наверное. Почему нет?
— погоди, я послушаю... — Олег повернулся в сторону полупогасшего костра, возле которого почти все уже спали, только Димка напевал негромко, а человека два-три слушали:

— Я по совести указу
Записался в камикадзе.
С полной бомбовой загрузкой лечу.
В баках топлива — до цели,

Ну, а цель, она в прицеле,
И я взять ее сегодня хочу.

Рвутся нервы на пределе —
Погибать — так за идею.
И вхожу я в свой последний вираж.
А те, которые на цели,
Глядя ввысь, оцепенели:
Знают, чем грозит им мой пилотаж!

Парашют оставлен дома,
На траве аэродрома.
Даже если захочу — не свернуть.
Облака перевернулись,
И на лбу все жилы вздулись,
И сдавило перегрузками грудь.
От снарядов в небе тесно,
Я пикирую отвесно,
Исключительно красиво иду.
Три секунды мне осталось,
И не жаль, что жил так мало,
Зацветут мои деревья в саду!

Не добраться им до порта,
Вот и все. Касаюсь борта,
И в расширенных зрачках отражен
Весь мой долгий путь до цели,
Той, которая в прицеле.
Мне взрываться за других есть резон!
Есть резон своим полетом
Вынуть душу из кого-то,
И в кого-то свою душу вложить.
Есть резон дойти до цели,
Той, которая в прицеле,
Потому что остальным надо жить!³⁸

* * *

— Возьмёшь меня с собой?

Максим подкидывал скрамасакс и ловил за рукоятку. Подкидывал и ловил снова, и опять — подкидывал и ловил... Стоял небрежно, уверенно, но в глазах была просящая робость и страх отказа.

Олег оторвался от рассматривания начерченной Степаном карты. И сам понял, что взгляд, которым он смерил Максима, получился не слишком-то приятным — высокомерным таким... Максим вспыхнул и вздёрнул подбородок. Начал:

— Я...

— Конечно, пошли, — кивнул Олег. — Возьмёшь мою двустволку... Саш! — он

³⁸ Слова Александра Розенбаума

повысил голос, обращаясь к девчонкам, которые собирали вещи в дорогу парням. — Макс идёт с нами! Отдай свою пушку Кирке пока!

— Поняла! — Саша махнула рукой и что-то сказала сидящему рядом на корточках Артуру.

— Спасибо... — горячо начал Максим, но Олег отмахнулся без наигрыша:

— Не надо слов... Иди собирайся.

Подошёл Борька — донельзя довольный. Следом за ним важно поспедал Тимка, неся кожаный кошелёк.

— Я лошадей продал, — деловито сообщил мальчишка, садясь по-турецки и ставя ружьё между колен. Олег отвлёкся и поднял бровь; Тимка подтвердил сказанное яростными кивками — мол, продали-продали, точно! Олег осмотрелся — неподалёку какие-то двое товарищей будённовского вида осматривали четырёх коней, бросая в сторону Борьки опасливые взгляды.

— Не сильно ободрал? — только и смог спросить Олег рыжего нахала. Тот молча взял у Тимки кошелёк и высыпал из него на ладонь два десятка ровных, хорошей чеканки, золотых монет. Олег взял одну и обнаружил, что это червонец Евразийской Советской Республики, выпущенный в 26 году Революции и содержащий 15 грамм золота пробы 0,924. На одной стороне червонца был герб, похожий на старый герб СССР, только с мечом посередине. На другой — профиль Сталина.

Судорожно крикнув, Олег быстро убрал монету и сказал:

— Ну, продал, так продал... — приподнялся, сделал вопросительное лицо в сторону будённовцев. Те немедленно замахали руками: мол, всё в порядке, только эту рыжую холеру к нам больше не подпускайте...

Борька не уходил. Олег посмотрел на него и со всей возможной мягкостью сказал:

— Борь, ну нет. Не возьму я тебя.

— Ладно, я понимаю... — прошептал тот и на миг спрятал глаза, но потом распрямился: — Ну мы пошли.

Олег, хмурясь, глядел ему вслед. Потом просто рассеянно обвёл лагерь взглядом. Нашёл Генку Жукова. Он сидел на небольшом пригорке и смотрел куда-то в сторону, через ковыли. Олег поймал себя на мысли, что по-прежнему не испытывает к этому мальчишке ничего, кроме равнодушия. Говорят, что легко осуждать тех, кто не смог стать героем, когда сам ничего тяжкого не испытал. А если **испытал**? Испытал, вынес, прошёл? Не осуждать всё равно?.. А он и не осуждает.

Ему просто наплевать, есть такой Генка, или нет.

Потому что о себе он теперь знает точно: не унижался бы, не побежал бы.

Он отогнал эти мысли и снова посмотрел на карту.

Степан явно умел чертить. Карта была сориентирована вокруг надписи:

Сантокад

Судя по всему, так назывались одновременно узкая полоска земли между горами и морем (а, нет, написано «Лазурный Океан») и город на этой полоске. Ниже надписи «Сантокад» было подписано в скобках «Ленниадск. имп.» — ага, это Ленниадская Империя. За горами на северо-востоке было написано: «Жепы». Интересное словечко. Жаль, не спросил, что оно означает... так, ладно. Тут же маленькие надписи вокруг заштрихованных кружков: «Станац. Драгиле. Манче. Ровче. Южо.» Кажется, это места дислокации военных отрядов... На северо-западе уже в горах начиналась надпись «Баргайская Федерация». С гор тут и там текли в океан небольшие реки. Вдоль них шли стрелки — к побережью. Ага, это направления атак...

Карта — это хорошо. Правда, не факт, что Олег со своими окажется там же, куда торопятся пионеры Марата. Ну да ладно, ребята хотели помочь и помогли, чем могли.

— Ну, мы готовы! — крикнул Артур, перебрасывая поперёк груди ружьё.

Олег встал, привычным движением затягивая ремень. Потянулся. Сказал:

— Пошли...

...И обнаружил, что стоит на скальном уступе. Дул ветер — снизу, тёплый и сильный. Это было первое, что он понял. А второе...

— Ты что, решил всех взять, что ли? — спросила недоумённо Саша.

Олег обернулся, как ужаленный.

На него смотрели одиннадцать пар глаз.

Судьбы не бывает

Дирижаблей было много. Не меньше полусотни, они напоминали каких-то футуристичных летающих слонов, сцепившихся в бою за небесные пастбища. Олег не сразу понял, что дирижабли — двух типов. Одни — белые, яркие, как снег, с алыми гондолами и золотыми оперениями — были длиннее и уже. Их ребристые борта украшал большой герб — крылатый волк с оскаленной пастью в фас бросался вперёд, вокруг шла острая надпись, похожая на руны. Других дирижаблей было больше — примерно три на два белых. Пузатые, свинцово-серые, без надписей или эмблем, они вызывали неприязнь своим видом.

Дирижабли вели бой. Часть перестреливалась — по бортам гондол тут и там вспыхивали огни, тянулись трассы белого дыма, слышался надрывный треск очередей, временами перекрываемый ударами пушечных выстрелов. Но самым жутким было то, что другие дирижабли, сцепившись пандусами, дрейфовали по ветру — а на пандусах кипели дикие схватки. Вниз то и дело летели фигуры — по одной, попарно, по нескольку штук... Пандусы взрывались, обламывались, как деревянные линейки — и тогда фигурки сыпались градом...

Потом один дирижабль вспыхнул. Сперва пламя нестрашно и прозрачно побегало по верху баллона — и вдруг ярчайшая белёсая вспышка скрыла дирижабль. Соседние шатнулись, разлетелись, крутятся (и снова посыпались фигурки) — а когда бело-желтый клуб растаял, стало видно, как вниз падают груды горящих уже иным — чёрно-алым — огнём лохмотьев...

Олег сделал несколько шагов назад и вошёл в пещеру.

Одиннадцать пар глаз опять уставились на него. Чтобы избежать этих взглядов, Олег опустил глаза и сказал, усаживаясь:

— Бой идёт.

А то это не было ясно по звукам снаружи.

Кстати, именно эти звуки и разбудили их рано утром — всех сразу. Весь прошлый день они шли на юг по горной тропинке, и уже в сумерках наткнулись на эту пещеру, в которой и завалились спать. Недоумевающие. Не испуганные, нет — только недоумевающие. Младшие — особенно Борька — пожалуй, даже довольные. Никто не жаловался, никто не ныл, хотя все, конечно, очень устали.

А Олег никому не рассказывал, что весь этот день на ходу он снова и снова пытался вызвать в своей памяти ковыльную степь, Дорогу — чтобы вернуться. И весь этот день его попытки натывались на серую пружинистую стену. Он не мог вспомнить даже запаха...

...Вообще-то жутковато было сидеть в пещере и слушать, что происходит снаружи. Правда, бой постепенно куда-то откатывался, отдалялся. Все негромко переговаривались, разговор ни о чём ходил и ходил по кругу.

Когда Олег встал и вышел, чтобы проверить, что там — снаружи — то следом почти сразу появился Артур.

Сражения уже не было видно, лишь за пиками гор гремело и вспыхивало. Артур тронул Олега за плечо:

— Что случилось? — шёпотом спросил он.

— Я не могу, Артур, — Олег услышал в своём голосе страх. — Я не знаю, почему перетащил сюда всех... а теперь я не могу **открыть** путь обратно. Просто не могу.

Артур побелел. Загар ушёл с лица полностью. Кадет даже пошатнулся, на секунду прикрыл глаза. Но голос его, когда он заговорил снова, был спокойным:

— Ты только не волнуйся. Какой-нибудь временный сбой. На крайняк найдём твоих знакомых, они помогут.

Странно, но слова Артура помогли. Леденящая паника отхлынула. Олег провёл ладонью по лицу:

— Да. Да, конечно... Вот что, — он повернулся к Артуру. — Сделаем так. Вы все останетесь здесь. **Все**, — он повысил голос, видя, что Артур собрался возразить. — Будете сидеть в пещере и охранять младших и девчонок. Надеюсь, тут есть на кого охотиться. А я пойду по карте на побережье. Раз нас выкинуло здесь — значит, Юрка, Дима и Света где-то тут... — он сказал это и подумал: если дало сбой одно его непонятное умение, то и второе могло подвести — не исключено, что до тех, кого надо спасать — тысячи километров. Но Олег отогнал эту мысль и продолжал: — Я найду их и вытащу. Потом вернусь. Если не смогу вытащить сам — всё равно вернусь. За помощью. А там будем решать, как дальше.

— А если ты уйдёшь — и с концами? — возразил Артур. — Тогда мы тут застрянем точно. Я ведь... — он замаялся. — Я ведь тоже пробовал... ну, как ты. Перемещаться. У меня не получается. Не выходит — и всё... Давай ты останешься — а я пойду. Я справлюсь.

На миг Олега посетил страшнейший соблазн. Ему ужасно не хотелось идти в мир, где шла, судя по всему, настоящая война. А хотелось остаться в пещере и...

— Нет, — он покачал головой. — Это сделаю я. Только я. Ну а если я вдруг... — он вздохнул. — Если я не вернусь через десять дней — попробуйте найти Марата. Он где-то тут. И уходите. Сразу, как только сможете.

— Когда пойдёшь? — Артур больше не спорил. Олег вздохнул опять:

— Сейчас.

* * *

Тела были тут и там разбросаны на камнях. Кое-где они лежали по несколько одно на другом, и во всём этом была такая бездна безысходного и в то же время обыденного ужаса, что Олег не испугался. Он подошёл ближе, то и дело поскользываясь — и не сразу понял, что камни буквально залиты кровью.

Первые, кого Олег опознал — были соплеменники той девчонки-полуволка, встреченной на мосту над бездонной пропастью. В белой с золотом форме, в чёрных сапогах, перетянутых сверху голенища ремнями, они были защищены вытянутыми овалом шлемами с матовым стеклом забрала (со многих шлемы посрывало, поэтому Олег и понял, что это не люди) и тускло-золотыми панцирями с фартуком на пахе и похожими на крылья оплечьями. На поясах висели ножны, кобуры, гранаты. Тут же было разбросано (или зажато в четырёхпалых руках) оружие — пистолеты, похожие на «маузеры», винтовки — короткие, со складными прикладами, тонкими стволами, барабанными магазинами и длинными плоскими штыками, тяжёлые палаши с глухими рукоятками.

Но тут же лежали и люди — пожалуй, их было больше. В серой форме, коричневых шнурованных коротких ботинках, шлемах, похожих на русские «сферы», больших очках, перчатках, наколенниках, брассардах³⁹ и чешуйчатых жилетах. У них тоже были гранаты, совсем незнакомые пистолеты, длинные слегка изогнутые клинки, автоматы, похожие сразу и на «томпсон» и на ППШ — без штыков... Люди были светлокожие... в общем, самые обычные. Надписи на их форме были сделаны латинским шрифтом, но слова при прочтении звучали странно, ни на что не похоже. Но слово «Баргай» Олег определил.

Он огляделся. И внезапно ему стало очень страшно среди этого мёртвого поля. Так страшно, что закружилась голова. Захотелось повернуться и со всех ног бежать — бежать обратно, в пещеру, где остались его друзья.

³⁹ Защита для руки от запястья до локтя.

Олег закусил сгиб пальца. Сильно стиснул зубами. Страх отступил.

Он хотел подобрать оружие, но все, попадавшееся на пути, было искалечено падением с высоты. Всё-таки он подобрал пять гранат, похожих на пивные банки, только поменьше.

Страх начал возвращаться противными приливами, похожими на тошноту, когда он понял, что трупы лежат на протяжении взгляда. Дальше — уже вперемешку с догорающими кусками дирижаблей. Но обойти это место можно было только по скалам — отвесным и безразличным. Дирижабли сражались, пролетая через узкую долину. Побойшу не было конца.

— Мамочка... — пробормотал Олег, стараясь не побежать. Всё равно куда. Он ощущал: как только побежит — тут ему и конец. Нет, трупы не встанут, не накинутся на него. Он просто чокнется и будет бежать, пока не сорвётся куда-нибудь. — Это и есть война?

Трупы. Оружие. Кровь. Пышущие жаром каркасы. Над ущельем не было птиц — разлетелись в страхе. Даже стервятники...

Олег шёл и шёл по скользким камням...

...Если бы ночь застала его в той долине, он бы, наверное, не выдержал. Но, когда солнце уже коснулось нижним краем гор справа (ага, он всё-таки идёт правильно, он идёт на юг), и Олег, всхлипывая от напряжения и страха, то и дело бросал на него умоляющие взгляды — трупы кончились. Откуда-то слева в долину вбежала мелководная шумная речка, и Олег пошёл по её берегу, еле волоча ноги от усталости и облегчения. Его швыряло из стороны в сторону, и мальчишка понял, что в темноте идти не сможет — сломает ногу, стопроцентно.

Он набрал в котелок воды и поднялся немного на склон долины. Нашёл площадку, укрытую кустами. Развести костёр было не из чего. Олег достал еду — шоколад, консервы, сухари — и понял, что его стошнит. Перед глазами плыли, качались трупы на камнях.

— Ты будешь есть, — процедил Олег. — Ты будешь есть, потому что надо есть, слюняй. Будешь есть.

И со злостью долбанул в банку пистолетным шомполом.

А потом... потом вспомнил Хирста. Интересно, как он там — освоился с «оборотнем»?

Смешно. Но воспоминание об англичанине принесло облегчение. Олег вздохнул и с усилием начал испарывать тугую жёсть шомполом.

* * *

Утром было дико холодно. Олег корчился под одеялом, задрёмывал, вздрагивал и просыпался. Опять дремал, в полусне видя, что светлеет постепенно небо. Слушал, как клокочет и бурлит речка. Наконец рассвело совсем. Он сел, кутаясь в одеяло — и увидел, что всё вокруг подёрнуто инеем.

— Осень тут, что ли? — пробормотал мальчишка, клацая зубами. Но потом вспомнил, что в горах такое бывает даже в разгар лета.

Правда, от мыслей об этом не стало теплее. Не хотелось даже разводить костёр, хотя теперь он видел, что тут есть сухие ветки. Но для того, чтобы их собрать, пришлось бы вылезать из одеяла. Олег никак не мог на это решиться.

Самое смешное, что эта нерешительность, возможно, спасла ему жизнь. Потому что, когда он уже совсем собрался с духом, внизу, на берегу, появились люди.

Они шли двумя колоннами по обеим берегам. Негусто — шагах в пяти друг от друга — глядя в стороны и вверх. Молча.

Олег узнал баргайцев. И медленно, плавно откинулся на спину, сливаясь с камнями. От вчерашних страха и растерянности не осталось и следа — он снова стал бойцом.

Баргайцев было не меньше сотни — две длинные колонны. В середине колонн люди несли детали разобранного оружия — кажется, миномётов. А в конце той и другой цепочки двигались высокие, чем-то похожие на верблюдов, но массивнее, животные. На их спинах

качались расчёты — по два человека с какой-то штукой вроде большого пулемёта. Наверное, это были скорострельные пушки.

Под одеялом Олег нашарил револьвер. Просто для самоуспокоения. Ясно было, что тут от него помощи не будет. Тут **настоящая** война. Мальчишка постарался не смотреть ни на кого в колонне внимательно, зная, что опытный солдат может почувствовать такой взгляд, как упёршийся палец.

Колонна проходила очень долго. Олег не двигался с места, пока замыкающие её животные не стали неразличимыми среди камней.

И только тогда ощутил, что весь в поту от страха. Ему было жарко.

— Согрелся, — прошептал Олег. И посмотрел вверх, на скалу. Не такая уж она и неприступная. Лучше влезть туда, чем идти по той же долине...

* * *

Скала в самом деле оказалась не такой уж неприступной. Вернее, Олег, может, и не полез бы на неё просто так — тяги к альпинизму, что обычному, что промышленному, он не испытывал никогда. Но баргайцы в долине внизу были хорошим стимулом, и через два часа мальчишка — тяжело дышащий, уже совершенно согрешивший и даже где-то взмокший, с разбитыми в кровь пальцами — лежал на спине наверху подъёма, смотрел в небо и пытался унять дрожь.

Получалось плохо, но в конце концов дрожь ушла сама. Олег отполз подальше от края, встал на ноги и осмотрелся.

Горы лежали во все стороны. Но на юге они постепенно становились ниже и ниже, потом затягивались зелёным ковром, а дальше...

Дальше Олег увидел пронзительную синюю полосу. Океан. Лазурный Океан. И там, над этим океаном, тянулись дымы. Местами они сливались в сплошную пелену.

Олег напряг слух. Ничего не услышал, конечно, но тут не нужно было быть гением, чтобы понять: там идёт даже не бой. Там идёт настоящее сражение, по масштабам едва ли уступающее некоторым битвам Великой Отечественной. Приглядевшись, мальчишка различил тут и там над горами равномерное движение точек — летали дирижабли, в их полёте чувствовалась система, план...

— Попали... — прошептал Олег, отводя глаза. У него начало саднить пальцы. С такими пальцами стрелять будет трудновато... Мальчишкой вдруг овладели неуверенность и тоска. Он остро ощутил своё одиночество в этом мире, понимание того, что самое трудное и страшное — впереди; впереди линия фронта, где каждый шаг может стать последним... Он не справится, не дойдёт, не сможет... Ну разве он мало сделал уже? Огромное большинство взрослых людей проживают жизнь, не совершив и сотой доли того, что смог он... И, если он не может идти дальше — ну просто не может, не знает, как быть! — то...

А собственно, что — «то»? спросил он себя, машинально дуя на пальцы. Вариантов-то всё равно нет — один вариант остался: быть героем. Ухохотаться, но это так. Даже если наплевать и забыть тех, кто тут сейчас где-то мучается — даже в этом случае всё равно надо искать как минимум Марата. А он-то как раз там, где идут бои. Вот оно как подкашивает — отсутствие, так сказать, идейной платформы. Можно быть смелым, решительным, умелым — но, если у тебя нет веры во что-то большое, то, когда речь напрямую заходит о твоей жизни, появляется желание **отступить**, юркнуть в норку — лишь бы было куда... А у Марата есть такая вера. Он правда верит, что можно сделать мир (миры) лучше, уничтожая тех, кто несёт в них зло.

— Всправся? — тихо процедил Олег по-украински, обращаясь к самому себе. — А как вознёсся, какие думы о себе думал... Намочил подгузничек, малютка? Пойдёшь туда как миленький. Пойдѐ-о-ошь...

Придерживаясь рукой, которая меньше пострадала, за ветки кустов, тут и там

торчавших из склона, Олег начал спускаться в соседнюю долину — к счастью, тут спуск был намного проще.

* * *

Человеческие голоса — неразборчивые, но отчетливые — Олег слышал около полудня, когда после довольно крутого подъёма вышел к котловинке. Котловинка была небольшой, поросшей по краю густющим и колючим диким тёрном. На первый взгляд пролезть сквозь него не представлялось возможным.

Но через любые колючие кусты можно пролезть понизу — это Олег знал давным-давно.

Присев на корточки, он внимательно всмотрелся в заросли. Проход обнаружился почти сразу. Правда, судя по размерам прохода, проложили его барсуки. Но, где пролез барсук, там пролезет и мальчишка.

Олег вздохнул.

Олег шёпотом сказал несколько слов.

Олег достал револьвер и полез по барсучьим следам...

...Посередине котловинки горел костёр. И было возле него довольно многолюдно. Человек тридцать, не меньше, сидели, стояли и ходили вокруг костра. Мало этого — кто-то ещё и горланил:

— Рада партизанка в бой уходила,
Рада партизанка в бой уходила...
Эй, друже, чуете, чуете?
В бой уходила...

— и ему подпевали несколько девичьих голосов. Хотя разобрать с первого взгляда, где там парни, где девчонки, было сложно: все одеты в короткие куртки и мешковатые штаны цвета хаки, лёгкие туфли (а выше до колена нога оплетена ремнём), на головах — круглые чёрные шапочки с золотистыми перьями. Все — очень молодые, Олег бы даже сказал, что не старше его самого. У всех — оружие (не понять издалека, какое, но видно пулемёты, у всех есть гранаты, длинные кинжалы...). Аккуратным рядком сложены похожие на сосиски сумки с ремнями. Над огнём жарился хрестоматийный олень и кто-то активно поливал его из пузатой тёмной бутылки.

— Рада партизанка до чета пришла,
Рада партизанка до чета пришла...
Эй, друже, чуете, чуете?
До чета пришла...

Ага, вон девчонки — сидят отдельной кучкой. Одна расчёсывает волосы, другая перетягивает ремни обуви, третья чистит винтовку и подпевает, четвёртая тоже подпевает, ловко пробивая ножом какие-то банки и расставляя их вокруг. Всё-таки девчонок ни в какой форме с парнями не спутаешь. И дело не в том, что волосы длинные... хм...

Кстати, волосы практически у всех чёрные. Только у одной девчонки — той, что переобувается — светло-русые, да среди парней парочка-тройка просто русских.

— Друже комитаче, узмито меня!
Друже комитаче, узмито меня...
Эй, друже, чуете, чуете?
Узмито меня...

Похоже на сербский язык. Олег слышал у одного мужика из Марфинки сербские песни (мужик воевал где-то на Балканах) — «Хвала ти, Оркане», «Живео, Сербья», «Равна Гора», «Калашников». Не сказать, что они понравились Олегу, но общий склад речи запомнился.

Да, очень похоже.

Баргайцы? Вообще-то Олег представлял их себе как-то не так. Конечно, никогда раньше никаких баргайцев мальчишка не видел, но вот поди ж ты — не вязалась эта компания с описанием людей, которые могут топить корабли с женщинами и детьми. Эти явно могут с ходу снять голову, но вряд ли способны на подлость. Но и не те люди-волки — физиономии явно человеческие. Кто-то ещё. Интересно только, на чьей они стороне — «хороших» или «плохих»?

— Пст, — услышал Олег. И увидел глаза, смотрящие на него из кустов.

Глаза были ярко-синие, откровенно насмешливые и очень внимательные.

* * *

Командира этого отряда звали Станац.

Когда Олег услышал это имя, то испытал сильнейшее облегчение — оно значилось на карте, Марат упоминал его, как имя своего союзника. Вообще-то он и сразу не очень волновался — хотя в котловине моментально затих всякий шум (его сменила при виде конвоируемого Олега удивлённая тишина), и множество глаз изумлённо уставились на мальчишку, но никто не стремился на него броситься и даже вещи не отобрали, только ремень с палашом и револьвером. Олега усадили на камень. И он стал ждать.

Станац оказался парнем примерно на год старше самого Олега, таким же темноволосым и высоким, как и остальные ребята из отряда. И одет он был так же, как и все, и вооружён просто большим револьвером в потёртой жёлтой кобуре.

Но, едва Олег увидел этого парня, он сразу понял, что это и есть командир. Это не было просто словом — то, что Станац здесь старший, было видно просто по манере держаться.

Подойдя, он сел напротив Олега на плоский камень. Широко расставив ноги, уперся ладонями в колени. Внимательно оглядел Олега, вздохнул. Посмотрел в небо. Опять вздохнул. Спросил:

— Као ту сите? — и посмотрел наконец на Олега.

— Я Олег, — мальчишка подавил глупое желание ткнуть себя пальцем в грудь. — Я друг Марата.

— Казейо? — Станац оживился. — Ту сите рус? Оконд Жемья? Код едан?

— Да, да, код один, Земля, — понял Олег и закивал. — Рус, русский я.

— А, — Станац наклонился вперёд, хлопнул Олега по плечу. — Рус, добро рус... Чекай... — он с улыбкой поднял палец, повернул голову и крикнул: — Света!

Олег изумлённо напрягся. К ним шла та самая русоволосая девчонка. Шла — и с каждым шагом её глаза становились всё больше и больше. Вот она споткнулась... Остановилась. Приоткрыла рот. Но Олег опередил её:

— Ты Крыгина?! Света Крыгина?!

— А ты кто? — девчонка подняла к лицу ладонь. — Ты кто?!

— Олег!

Олег обернулся, опустив котелок с тушёным мясом и какими-то корешками. К нему подходили Светка и Станац. Станац смущённо улыбался, Светка решительно волокла его за руку.

— Ена есть розумом помрачетница, — сказал Станац, разводя руками. — То не мои придумы. То йо, — и он указал на Светку. — Доколь тягнешь?! — и придержал разлетевшуюся девчонку.

— Да, это я решила, — кивнула Светка и вдруг резко побледнела. — Я тебе очень благодарна. Очень-очень! — она подскочила к Олегу и, на миг обняв, поцеловала в губы, но тут же, отскочив, взяла Станаца под руку и прижалась к нему.

— Подождите, вы о чём? — Олег отставил котелок. — Я...

— Я расскажу, — Светка села напротив, не выпуская из пальцев руку вставшего рядом Станаца. Бледность не сходила с её лица. — Я расскажу...

...Её «прихватило» на лестнице. Когда она вышла из собственной квартиры. Следующее, что она восприняла — был кузов грузовика, где ей тут же начали крутить руки. Люди в форме, говорившие на совершенно чужом языке.

Девчонка не понимала, что происходит и куда её везут. (Станац объяснил Олегу, что Светку ожидал один из баргайских «комбинатов», где девчонок превращали в суррогатных матерей — заставляли рожать детей по 15–20 раз, после чего просто пристреливали и «утилизировали» тело). Да и не успела понять — ей повезло. Конечно, в какой-то степени, но повезло. Отряд Ровче Зегича налётом разгромил баргайскую колонну — жепа (что-то вроде конфедеративной единицы славянского государства Горна Крайна, старого и верного союзника Ленниадской Империи) Зегичей освобождала своих, но в числе освобождённых девчонок оказалась и Светка.

Наверное, она бы просто чокнулась, не встретить в отряде двух мальчишек с Земли, более того — совсем земляков. Юрку Гриднева и Димку Гаврилова. Они оба попали сюда три месяца назад (так, подумал Олег, а ведь Юрка пропал на день **позже** девчонки... а Димка — в один день с ней...). Похищенным предстояло превратиться в доноров крови для военного лазарета — но Юрка сбежал во время перевозки, утащив с собой и младшего мальчишку. В подобравшем его отряде Юрка был вторым номером пулемётного расчёта, а Димка помогал при кухне.

Это было месяц назад.

А две недели назад отряд Ровче и отряд Станаца (состоявший из полностью из подростков — жепа Лакичей потеряла в боях прошлого лета почти всех мужчин) встретились во время марша...

... — Так мы встретились со Станацем, — закончила Светка.

— Ты не будешь возвращаться, — Олег не спросил это, он сказал это утвердительно. Светка замотала головой. — Ясно...

— Я не дорассказала, — Светка тяжело вздохнула. — Три дня назад Ровче разбили во время штурма Грраурса — есть такой городок тут недалеко. Почти весь отряд погиб.

— Что? — Олег вскинулся. — Как...

— Боюсь, что и мальчишки тоже... — голос Светки упал до шёпота.

— Совсем все погибли? — Олег задержал дыхание. Станац покачал головой:

— Не. Ской-то побрали до плену. Еже не забийе по се час, тэ же забьют набыстро.

— Ясно, — Олег поправил пояс, который ему вернули. — Вы знаете, где держат пленных?

Станац кивнул. В его глазах было понимание.

— Ми жэлам тэгэ ж, — сказал он тихо. — За сем прийшов... Но то естем тяжко.

— Пусть, — сказал Олег. — Я иду с вами.

— Станьца, ми не шли — као ти био? — с интересом спросил Станац.

— Я бы пошёл один, — сказал Олег.

И ощутил облегчение от того, что понял: он сказал **правду**.

* * *

...На протяжении девяти столетий не было в мире — или Храсс-Горру, как называли его здесь — государства сильнее Ланниадской Империи.

Её народ — урры, как они сами себя называли, волкодлаки, как говорили про них ближайшие соседи-славяне или сэйт-токи, как говорили баргайцы — конечно, был не без греха по части захватов. И империя не просто так раскинулась на трёх материках, достигнув по площади примерно бывшего СССР. Набеги стай долго помнились людям, у которых возникновение государств сильно запоздало.

Но многие народы со временем мудреют (не все!) Урры не были исключением. Пришло время — и романтика набегов осталась лишь в песнях (до сих пор пугавших людей), книгах и кинофильмах. Новые и новые стройки, быстро развивающаяся наука, готовность помочь — всё это сильно изменило образ урры в глазах как людей, как и самих человеко-волков. Сто сорок лет мира и сотрудничества были самыми счастливыми в жизни Храсс-Горру...

...Всё изменилось двадцать семь лет назад.

В океане, который на Земле Олега назывался Тихим, а здесь — Лазурным, на множестве островов, жил народ баргайцев. Реже, чем другие, они подвергались набегам урров. И меньше, чем другие, имели с ними дела в поздние времена. Баргайцы были многочисленны и плодородны. Но в то же время скученность жизни на островах сделала их жестокими и нечувствительными к чужой боли. Пользуясь полученными от соседей знаниями, они сумели в короткие сроки построить мощное индустриальное общество.

И двадцать семь лет назад огромные десантные плашкоуты, прикрытые с неба армадами боевых дирижаблей, а с воды — стаями гигантских подлодок, вооружённых ракетами, хлынули на берега сразу двух континентов.

В короткой кровопролитной борьбе пали десятки государств. Баргайцы расправлялись с побеждёнными с нечеловеческой, механической жестокостью. Погибших считали десятками миллионов.

Тогда в Ланниаде на площадях завывали уже забытые Горны Охоты. Урры вышли защищать людей — тех, за кого теперь считали себя в ответе.

И очень быстро поняли, что противник сильнее. Просто потому, что многочисленнее...

...**Четверть века идёт война. Четверть века — без перерыва...**

...Всё это рассказал Олегу ночь Стана. И сейчас загибал пальцы в свете небольшого, хитро укрытого костра:

— Ойце... дядо... еж дядо... еж дядо, й еж... перше брача, дрги брача... — он вздохнул. — Све загнули...

— Отец, четыре дяди и два брата? — тихо спросил Олег. — Погибли? — Стана кивнул медленно. Добавил:

— Й племенники, й двоєродни брача... Много. Три племенника, восьме двоєродни брача... Баргаи забийе...

Олег промолчал. Что тут он мог сказать? А Стана продолжал:

— Ми забийе велки много баргаев. Шест, семье на едано наше... Аже баргаев тмы. А урры саме устувають...

— Почему вы им помогаете, если они... — начал Олег. Стана вспыхнул, как огонь костра:

— Ми ротили!

— А? — не понял Олег. Стана обмяк, улыбнулся:

— Ну... тэ й... Слово...

— Клятва, — понял Олег. — Это называется клятва, Станац... — он посмотрел в ту сторону, где горело небо — и повторил: — Клятва.

* * *

Грраурс оказался почти разрушен. Когда-то это был, судя по всему, довольно большой город — может, ненамного меньше Тамбова. Теперь — несколько километров руин, над которыми тут и там поднимались полуразваленные, а иногда — и вполне целые здания, смотревшиеся тут почему-то особенно нелепо и даже страшно. Тут и там виднелись выгоревшие, чёрные коробки бронетехники, непонятно — чьей. И — трупы. То ли их не озаботились убрать, то ли — некому.

— Видишь знамя над башней? — прошептала Светка в ухо Олегу. Тот кивнул, не отрываясь от бинокля. Позади ребята Станаца тихим слаженным хором напевали:

— Хай, шта се оно чуйе из далине:
Дал су вйетри, дал су вихорови,
Ил шуморе горе йаворове,
Ил са зємьом трава разговара,
Ил певайу на небеси звезде?

Нит су вйетри, нит су вихорови,
Нит шуморе горе йаворове,
Нит са зємьом трава разговара,
Нит певайу на небеси звезде...

А Олег видел знамя — вертикальные полосы: ярко-синяя, ярко-алая, ярко-синяя. Ему уже сказали, что это знамя баргайцев. — Станац сказал — дождёмся темноты и пойдём.

— Ты тоже пойдёшь? — спросил Олег, отдавая бинокль лежащему рядом Станацу и переворачиваясь на бок. Светка молча кивнула. Потом спросила:

— А что ты будешь делать потом?

— Мне надо будет найти Марата, — Олег закинул руки под голову, ложась на спину. — А потом — наших... И обратно.

— Марат, наверное, в Сантокаде, — девчонка села, скрестив ноги, оттянула тонкими пальцами затвор автомата. Щёлкнула. Вдохнула. — Мы тоже пойдём в Сантокад... Драгило и Манче уже тоже там, должно быть...

— Зачем тебе это? — тихо спросил Олег. — Потому что ты и Станац...

— Разве этого мало? — спросила девчонка.

— Тебе же всего тринадцать...

— Тебе ненамного больше.

Олег достал револьвер и принялся проверять его. Станац, наблюдавший за этим, одобрительно сказал:

— Добра зброя... Узми ще палер, — он похлопал по стволу своего автомата.

— Нет, — Олег покачал головой. — Незнакомая модель, боюсь, подведёт... У меня гранаты есть... Ну-ка, покажи ещё раз, где они держат пленных?..

...Ночь пришла рокошущая и светлая от пожаров. Пожары были вокруг, невидимые при дневном свете, они охватывали всё побережье. Огни плыли в небе — над Сантокадом шёл бесконечный бой дирижаблей. Дирижабли сражались и над горами.

Олег поправил за плечами переделанную перевязь палаша, заткнул револьвер спереди за пояс. Бойцы Станаца деловито разбивались на группы по три человека: один с ручным

пулемётом, другой — с автоматом и кучей ручных гранат, третий — со снайперской винтовкой.

— Обок меня, — Станац сунул в рот длинную щепку. Олег кивнул, вставая рядом. Достал револьвер. Станац пожевал щепку, выплюнул её. Стеклянным взглядом несколько секунд смотрел на огни — и, подняв руку, махнул вперёд...

...Скорее всего, баргайцы не ожидали, что враг войдёт в только что отбитый город с тыла. Во всяком случае, никакого боевого охранения не было ни на окраине, ни на окраинных улочках. Отряда пробирался между витых клубков колючей проволоки, полужасыпанных окопов, разбитых укрытий из мешков с песком, подбитой техники... Неслышными тенями разбегались в развалины собаки.

Олег несколько раз наступал на трупы. Он понимал, что это трупы — и не испытывал ничего. Никаких эмоций. Впереди была цель. Может быть, мальчишки были ещё живы. Эти, вокруг — мертвы. Им уже ничего не могло помочь.

Первый раз баргайцев встретили в каких-то двух кварталах от башни с флагом. Проскочили несколько легковых машин с установленными пушками-безоткатками — и всё. Но уже через сотню шагов впереди послышались выстрелы и крики.

Отряд остановился. Станац легкой побегкой пошёл вперёд, и Олег, подумав секунду, последовал за ним.

Передовая тройка распласталась по стенам у поворота в другую улицу. Её старший повернулся к Станацу и что-то быстро сказал. А Олег, присев на корточки, выглянул из-за угла.

Наискось стояла машина. Поставленный в ней прожектор широким лучом освещал стену дома — щербатые окна, пролом у земли... Полдюжины баргайцев, переговариваясь, вытаскивали из пролома людей.

Нет, не людей — уррвов. Женщину в разорванном платье... ещё одну... детей — мальчика младше Олега, ещё мальчика, совсем маленького, двух девочек лет по 10–12... Олег думал о них именно как о **женщинах** и **детях**, не как о нелюдских существах... Женщины обхватили детей. Старший мальчик, сжав кулаки, стоял перед ними, оскалив зубы. Один из баргайцев кинул что-то в пролом — там ухнуло, полыхнуло алым, затрещало. Уррвы закричали — скорее, завывли, страшно и жалобно, одна из женщин рванулась к проёму, и другой баргаец ударил её — без размаха — по шее саблей. Она шарахнулась в сторону, ударилась в стену, но устояла на ногах и побежала, запрокинув голову — кровь выбрызгивала по сторонам. Мальчишка бросился на баргайцев — ему несколько раз выстрелили в грудь, и он упал под стену. Прозвучали ещё выстрелы — стреляли в одну из девочек, бросившуюся за раненой женщиной. Девочка упала с криком и поползла; женщина повернулась, зажимая ладонями разрубленную шею, пошла обратно и рухнула рядом с девочкой. Они обнялись и замерли...

— Грррр... — услышал Олег рядом. А следующее, что он понял — мимо него тенями мчатся хрипло рычащие тени, и Станац кричит:

— Хха-ай, йих майком ... — и дальше ещё что-то полужнакомое, свирепое.

Всё кончилось мгновенно. В свете прожектора Олег увидел, как кто-то запрыгнул на спину водителю машины и перерезал ему горло. Один из баргайцев стоял, прижавшись к стене, поднял руки к лицу — и Станац вспорол ему живот, потом — перерубил шею.

Уцелевшие женщина, мальчик и девочка жались к стене. Кто-то из девчонок подошёл к ним, начал что-то говорить. Ещё кто-то нагибался над убитыми уррвами. Баргайцы лежали мёртвые. Кровь растекалась в свете прожектора.

Подошёл Станац, вытирая лезвие кинжала о рукав куртки. Ноздри его раздувались.

— Брзо, — сказал он, кивая в сторону башни. И повысил голос: — Слом!

— Сло-о-м!!! — отозвались вокруг...

...Олег не помнил своего страха — кажется, он и не боялся. Они перебежали, уже не скрываясь, через небольшую площадь. Машины около освещённого входа. Изумлённо поднимающийся из-за мешков с песком солдат. Ещё один — в дверях, пытается достать

висящий за спиной автомат. Взрыв гранаты. Ещё взрыв. Снова взрыв. Какой-то силой Олега вносит внутрь, в освещённый вестибюль. Из-за колонн стреляют, тело катится по широкой лестнице. Лопаётся лампа. Взрыв. Кто-то падает сбоку. Оглушительные очереди. Взрыв. Рукопашная — у входа в боковой коридор. Взрыв. Взрыв... Очереди...

Мальчишка «на автопилоте» свернул влево — вот она, дверь, про которую говорил Станац. Баргаец пытается её закрыть. Оглядывается. Карие глаза. Рот приоткрывается... Рука скользит по ручке.

Выстрел.

Перескочить через рухнувшее тело.

Лестница вниз. По ней поднимается второй баргаец — вскидывая автомат. Как они все медленно движутся... Револьвер Олег держал неудобно, у бедра. Из такой позиции попасть мог бы разве что киношный ковбой. Или реальный спецназовец. Олег не был ни тем, ни другим, но зато его «гном» был заряжен дробью. Через раз. Первому досталась пуля...

С близкого расстояния весь заряд кучным снопом попал баргайцу в пах.

Уронив автомат, тот молча согнулся пополам, подался назад и покатился вниз по ступенькам.

Уже прыгая, Олег подхватил оружие, сунул револьвер в кобуру. На верхних этажах слышалась густая пальба и истошные крики на разных языках, мешавшиеся в какой-то невнятный вой. Временами со звуком выбиваемого пыльного мешка разрывались гранаты. Но всё это очень мало интересовало мальчишку. Его беспокоило лишь, что он остался один и может не справиться.

Подстреленный баргаец лежал внизу лестницы, на боку, перебирая ногами. Стонал — громко, надрывно — но не поднимался. Вообще-то — по правилам войны — его следовало пристрелить. Но стрелять в лежачего Олег не мог. Может быть, ему ещё предстояло научиться, но пока — не мог.

Держа автомат наперевес, он побежал по коридору, равнодушно, мельком удивляясь тому, как громко стучат ботинки. Двери камер были распахнуты, внутри (он быстро заглядывал туда, вертя головой влево-вправо) — пусто, чисто, прибрано.

В одной камере лежали трупы. Люди были голые. Трое людей, двое уррвов. У всех разmozжены выстрелами в упор затылки.

Все — взрослые.

Дальше... На бегу Олег дозарядил револьвер.

Дверь. Внутри — трое и ещё одна дверь. Они как раз собираются выходить, кажется. Ещё не понимают, что произошло — неужели прошло всего несколько секунд?... Назад, вбок, гранату — сорвать, внутрь...

Взрыв. Наружу — истошный вопль, дым... Внутрь... Олег перескочил через корчащееся тело, плечом впечатался во внутреннюю дверь, распахнул её.

Комната пыток.

Первое, что Олег увидел — Юркино лицо. Олег узнал его сразу, мгновенно узнал, хотя этот Юрка был с пеной на губах, с судорожно открытым ртом. Он выгибался и бился, распятый на стене между каких-то клемм с «барашками». Молча. Но истошно, истерически кричал ещё один мальчишка — скорчившийся в углу за спиной нагнувшегося над реостатом баргайца. Сбоку от баргайца — стол с инструментами, похожими на хирургические. У другой стены — в таких же зажимах — уррв.

Олег выстрелил в затылок начавшему поворачиваться баргайцу — голова того раскололась, он рухнул на стол, сбил его и вместе с ним повалился на пол. Мальчишка подскочил к Юрке, рубанул палашом кабель. Ударило — ударило так, что Олег выпустил палаш и закричал. Но Юрка с тяжёлым вздохом повис в зажимах, потом приподнял голову. Он был весь залит потом, смешанным с кровью из аккуратно нанесённых ран. Провёл языком по чёрным губам, глядя на ругающегося матом Олега.

И узнал его.

— Ы-ы? — выдавил он. Моргнул, тяжело поднял веки — видно было, что это стоит ему

неимоверных усилий. Хотел ещё что-то сказать, горло задрожало, но явно не смог. Вместо этого Юрка расплакался — не бурно разрыдался, а просто по щекам потекли слёзы. Олег, продолжая ругаться, начал развинчивать барашки зажимов. Из пальцев опять потекла кровь, она мешалась с кровью Юрки.

— Русские на войне своих не бросают... — сказал Олег знаменитую фразу, чувствуя, что сейчас не выдержит сам — расплачется. — Не бросают, слышишь, Юр?! Нам домой пора. Домой...

— До... мой... — Юрка встал на ноги и, вскрикнув, чуть не упал. Олег понял, что пальцы на его ногах разбиты в кровь, хотел помочь, но Юрка, помотав головой, проковылял к столу в углу, взял графин, начал лить в себя воду, дрожа всем телом.

Олег быстро шагнул ко второму мальчишке. Тот перестал кричать и закрывался руками, весь дрожа, но Олег узнал Гаврилова. Хотел сказать что-нибудь подбадривающее... и вдруг понял, что Димка **свободен**.

На какой-то миг в голове у Олега воцарилась пустота. Он переводил взгляд то на мальчишку, то на рассыпанные на полу вокруг тела палача инструменты, среди которых были солидные ножи. Он же мог... он мог...

Олег сам не понял, как и когда с дикой, неконтролируемой силой почти поднял Гаврилова над полом:

— Почему ты не бросился на него со спины?! — заорал Олег, встряхивая Гаврилова за плечи. Лицо Димки перекошилось:

— Я боялся... — пролепетал он.

— Чего?! — продолжал орать Олег. — Ну чего ты боялся?!

— Что бу-бу-будет хуже-е-е-е... — Гаврилов разревелся, вытирая лицо обеими руками сразу.

— Хуже чем что? — опешил Олег, выпуская мальчишку. — Он собирался вас не просто убить — он собирался вас запытать! Сначала Юрку, потом — тебя! И ещё его! — он ткнул в сторону уррва. — Куда ещё хуже?!

Но Димка не отвечал — только ревел и икал, не отнимая ладоней от лица.

— Оставь его, — сказал Юрка, развинчивая зажимы на руках уррва. Ленниадец тихо хрипел. — Оставь, он не виноват, у него просто не хватило смелости. Это бывает... Это же не у всех получается... чтобы быть смелым всегда...

— У него наверняка хватало смелости издеваться над теми, кто ничем не мог ответить! — рывкнул Олег. — Над учителями в школе или над малышней в парке! И наверняка он думал, что это круто! Знаю я таких! Трус паршивый! Сидел тут при кухне, пока ты воевал! — неожиданно для самого себя он ударил Димку по лицу тыльной стороной ладони так, что тот отлетел обратно на топчан и тихо заскулил, подтягивая коленки к оплывающему кровью лицу, даже не делая попытки подняться.

— Не смей! — крикнул Юрка. Но Олегу уже и самому стало непередаваемо мерзко. Он посмотрел на свои перепачканные Димкиной кровью и кровью палача руки — и глубоко втянул воздух ртом, на миг прикрыв глаза. — Бьёшь его за то, что он не смог быть таким же смелым, как ты?! — в голосе Юрки звенел гнев. — Это подло!

Олег с удивлением посмотрел на этого фарцовщика тамбовскими долларами. Пёстрый от синяков, с распухшими губами, он стоял прямо и, глядя в глаза Олегу, наощупь продолжал крутить туго стянутые «барашки».

Ну как ему объяснить, что это неправильно? Что обратно в их мир вернутся Генка Жуков и Димка Гаврилов — малолетние, но — как ни крути! — уже многообещающие трусы и подонки. И **не вернутся** — отважный и гордый Игорёк Марков, трудолюбивый и добрый Игорь Парушев, верная и смелая Светка Крыгина... Остались в мирах, которые им больше подходят... Да, конечно — вернутся и Артур Волков, и Борька Ковалёв, и Сашка Ромина, и Оля Томилина, и Кирилл Сигаев, и Макс Караваев, и сам Юрка... и все остальные — пусть и не такие замечательные, но хорошие... и даже Генку с Димкой всё равно ждут дома, и надеются, и вообще...

И всё-таки было что-то ужасно несправедливое и горькое в том, что их мир, их Земля, лишится именно тех, кто там был бы так нужен.

Я не судья, вспомнил вдруг Олег свои слова, сказанные когда-то Борьке — в самом начале. Я не судья. Я спасатель. Но как не судить?! Как не судить, если горит в груди?!

— Хррасс, Хррасс... — Юрка, опустившись на колено около скользнувшего на пол уррва, трогал его за плечи. — Хррасс, давай, давай, открывай глаза, нас выручили, нас спасли... Да Хррасс же!!! — Юрка ударил по полу кулаком и мерзко выругался. — Нет, нельзя, не умирай!

Подойдя, Олег наклонился. И увидел, что уррв не дышит.

— Юр... — осторожно сказал Олег. — Юр, он умер.

— Вижу, — Юрка встал, мазнул по лицу рукой. Но глаза у него были сухими. — Остальные ребята...

— Их застрелили в камере, — тихо сказал Олег. И обмер — по лицу Юрки прошла какая-то **истощная** судорога, дёрнулось всё лицо сразу и в то же время — каждая мышца по отдельности. Но он не издал ни слова.

В соседней комнате загрохотали шаги. Димка вскрикнул и скорчился на топчане. Олег вскинул револьвер. Юрка, шатнувшись к двери, снял с крючка кобуру и достал большой пистолет.

Но внутрь ввалились Станац, Светка и ещё трое парней из отряда.

— Добро ти шов, — кивнул Станац за дверь. — Валком вальешь...

— Юрик! — вскрикнула Светка.

— Отвернись, дура! — крикнул Юрка, прикрываясь рукой. И вдруг, буквально облившись потом, побелел, как бумага и начал валиться на руки Олега.

Олег подхватил его. И тут же в дверь ворвалась одна из девчонок:

— Охватывают нас! — крикнула она, сжимая винтовку. — До свех краев охватывают!

— Шта-а?! — взревел Станац. — А! — он отчаянно поглядел на Олега. — Рус, слыше?

— Да, — Олег перехватил Юрку удобнее. — Нас окружают. Ну что ж. Пусть.

Страх не было ни капли.

* * *

Баргайцы не сразу пошли в атаку. Олег успел устроить Юрку в какой-то комнатке, загородив со всех сторон тяжеленными сейфами, которые ворочал с бешеным остервенением. Тут же метался Димка, всхлипывал и вроде бы старался помочь. Олег схватил его за плечо, швырнул в то же укрытие и сказал:

— Сиди, понял? Ни с места, сиди тут!

В комнату вбежали двое ребят и девчонка. Один, сверкнув улыбкой, перекинул Олегу баргайский автомат и тяжёлый пояс с подсумками, в которых оказались магазины:

— Држи!

Они начали деловито валить к окнам шкафы, скользя по вылетающим наружу бумагам. Девчонка переколотила прикладом стёкла и начала кричать наружу такую похабщину (вполне понятную), что Олег изумлённо заморгал. Когда же она спустила штаны и то, что было под ними — и в таком виде вылезла на подоконник, мальчишка просто отвернулся. Но местные ребята только похохатывали, оборудуя позиции.

Олег встал сбоку от одного из окон. Снаружи резали прожекторные лучи, не давали смотреть нормально. Потом Олег различил перебегающие группки людей — но в тот же момент на здание обрушился шквал огня, и мальчишка упал на живот.

Тот обстрел, под который он попал с Хирстом у кочевников, был пустяком в сравнении с этим. Комната наполнилась стонущими гудением рикошетирующих то ли пуль, то ли осколков. Потом с грохотом обвалилась часть стены. Олег невольно вскинул голову — и увидел, что бойцы Станаца стреляют в ответ.

Он перекатился к пролому. Дах-дах-д-да-у, сказала что-то около самой головы, полетела кирпичная крошка. Внизу перебегали всё ближе и ближе баргайцы. Они поднимали стволы и стреляли. Но перебраться через какую-то невидимую границу — не могли. Любой, кто добирался до неё — падал.

— Палюй, палюй! — крикнул кто-то сбоку, и Олег, вздрогнув, начал стрелять — в совершенном отупении, но не забывая, чему его учили уже три года на кружке военного дела — отсекай короткие очереди, снова целиться и снова отсекай короткие очереди; как ни стреляй длинными (если только не по сплошной толпе) — после нескольких выстрелов ствол обязательно задерёт... Баргайцы совершенно не соотносились с живыми людьми, но и удовлетворения, когда один из них после его очереди — третьей или четвёртой — словно наткнулся на выброшенный в живот кулак и отлетел обратно — Олег не испытал. Следующими очередями он свалил ещё двоих.

— Перычка! — крикнул опять тот же голос. — Хране!

Олег не успел понять, что произошло — в комнату влетело что-то огненное и лопнуло с тяжёлым, потрясающим всё тело звуком, после чего Олег перестал слышать. Сверху падали чёрные хлопья. Девчонка со снайперкой стояла у стены и мелко дрожала всем телом, сжимая в руках винтовку и выкашливая на грудь струи тёмной крови. В груди у неё торча витой кусок металла, прибивший девчонку к стене. Пулемётчик сидел на полу, держась ладонями за уши. Второй мальчишка полз кругами, опираясь на руки и волоча за собой обрубок ноги, оставляющий на мусорном полу удивительно яркий след — но тут же темневший в пыли.

Девчонка подняла снайперку к плечу и начала стрелять в окно, как автомат, передёргивая затвор и почти не целясь. Потом уронила оружие и голову. Раненый мальчишка, оскалившись, перетягивал высоко поднятый обрубок тонким тросом. Пулемётчик уже стрелял. Из его ушей ленточками текла кровь.

Олег перевернулся обратно на живот. Нашарил автомат, подтянул ближе и начал бросать гранаты — лёжа, сбоку по дуге. Гранаты разрывались, хотя он не знал, его это — или нет. Но одна лопнула точно под ногами баргайца, поднимавшего длинную трубу — и того не стало. Олег засмеялся горлом и прижал к плечу автомат. Первая же очередь отшвырнула другого баргайца...

...Пулемётчику пуля попала точно в лоб, и он уронил голову на приклад, как будто уснул. Олег оставил автомат и перебрался за пулемёт. Обезноженный парень стал подавать из цинка матерчатую ленту, но, когда цинк кончился и надо было отползти в сторону за новым, он прополз полметра и замер — то ли умер, то ли потерял сознание. Олег «добил» ленту — и вдруг грязная, в потёках засохшей крови, рука протянула ему кожаный «язычок».

Олег повернул голову. Юрка, лёжа на боку, свободной рукой деловито подтягивал к себе пояс с гранатами.

— Сработаем вместе, да?! — крикнул Юрка и сверкнул улыбкой — беспечной и яростной. И Олег **услышал** его — и Олегу стало вдруг беспричинно и нелепо хорошо и весело...

— Сработаем! — проорал он в ответ. И опять припал щекой к толстой кожаной нащёлке на прикладе.

— Ты как здесь?! — кричал Юрка.

— Тебя искал! — смеялся Олег.

— Нашёл?!

— Нашё-о-ол!!!

Они быстро, ползком, перебрались к другому окну. Пули били в стену напротив, тяжело зыкали на рикошетах от сейфов.

— Нельзя сдаваться! — кричал Юрка. — Я случайно попался, скрутили! А так — нельзя!

— Оставь одну гранату! — ответил Олег. — Оставь, понял?!

— Две оставлю! — смеялся Юрка. — Они осекаются часто!

— Потом — слышишь, потом! — Олег стрелял и стрелял, хотя было видно, что

баргайцы уже не останавливаются у смертельной черты. — Потом, Юр, ещё много чего будет! Много чего, понял?! Жалко только, что — не домой! У меня девчонка! Жалко!

И смеялся тоже.

Но вдруг площадь потонула в пыли, непонятно откуда поднятой. Сверху ударили мощные столбы белого света, забегали, скрещиваясь и расходясь. Послышался ревущий голос — казалось, кричит небо:

— Славяне, до верррх, до верррх, бррррать, до верррх, славяне, бррррззз... — голос сорвался в рычание. И стало ясно, что пыль поднята огнём не меньше чем десятка скорострельных пушек, нещадно избивавших баргайцев, которые заметались и стали откатываться под защиту зданий на другой стороне.

В комнату вбежал Станац — лицо в крови.

— До верху! — крикнул он. — Дирижабль прийшо, волкодлаки прийшо, код Сантокаду!

— Помоги! — крикнул Олег, кивая на безногого. Юрка подхватил его под мышки, Станац, быстро посмотрев двух других, тихо и длинно выругался, махнул рукой, поднял за ногу и за обрубок. Они выскочили из комнаты. Олег отступал, держа на бедре тяжёлый пулемёт. В последний момент матюкнулся, подскочил к укрытию из сейфов. Димка скорчился «на дне» в прославленной и рекомендуемой западными педагогами и психологами «позе эмбриона». Его трясло.

— Вставай, придурок, пошли! — Олег нагнулся, выволок завопившего мальчишку наружу. — Да иди же сам, скотина, я же не могу!.. А!

Ужалило в правое бедро. Боль была резкой и обжигающей, Олег припал на колено, не выпуская пулемёта. По джинсам поплыло тёмное пятно. Димка попятился, перекосив рот, но Олег, преодолев боль, дыша открытым ртом, выпрямился и, толкнув мальчишку перед собой, побежал — не заковылял, а именно побежал — следом.

В коридоре у него кто-то подхватил пулемёт, ещё кто-то подставил плечо... На лестнице, мимо которой они пробежали, громко стонал человек, лежали трупы — в нелепых позах смертельно пьяных... ага, значит, баргайцы всё-таки успели ворваться внутрь...

Сбоку вытащили раненого в живот парня. Олег оттолкнул того, кто ему помогал, мотнул головой:

— Тащите его, я сам, — и действительно пошёл сам, перебросив в руки автомат из-за спины. Пошёл, даже побежал, хотя от боли казалось, что в ногу вставлен раскалённый прут. И он шевелится при каждом движении.

Ещё одна лестница — наверх, на крышу башни. Под ногами, в иссушающем белом свете, льющемся с неба — большая ткань. Олег не сразу сообразил, что это баргайское знамя, сорванное с флагштока и раскромсанное кинжалами. А выше, совсем рядом, висело белое огромное брюхо, и в чёрном дверном проёме двое уррвов в жилетах и шлемах помогали людям залезать внутрь. Точнее — просто с силой вдёргивали их. Но какие могли быть претензии?

— Юрка там? — крикнул Олег Станацу, растиравшему по лицу кровь. Тот кивнул. — А этот... второй?

— Тамо, тамо! — Станац сплюнул.

Олег протянул вперёд, в проём, руки — и четырёхпалые сильные ладони сомкнулись на его запястьях.

* * *

Внутри гондола дирижабля больше всего напоминала скелет какого-то вымершего существа — кита или динозавра. Рёбра (шпангоуты? стрингеры? — как они правильно называются?) выступали из стен. Над головой, в низком потолке, светили редкие лампы. Пружинил и вибрировал слегка под ногами пол, облитый пластиком. Через каждые пять

шагов возле стен, за установленными в шарнирах пулемётами сидели, вжав лица в резиновые нарамники прицелов, стрелки. Но в целом дирижабль внутри не очень походил на военный корабль. Олегу вдруг стало даже странно — они, окровавленные, грязные, пахнущие пороховой гарью и кровью, оставляющие на полу тут и там алые следы, плохо вязались с окружающим.

Но это ощущение отхлынуло, когда возле большой распахнутой двери их встретили двое уррвов — в доспехах, но без шлемов. Лица уррвов почти по-человечески выражали дружескую заботу и даже восхищение.

— До места, — один из уррвов показал рукой. — Моля ласкаво...

И кто-то тяжело уронил пулемёт...

...У Станаца погибло одиннадцать человек, в том числе — одна девчонка. Переранены были все остальные, причём многие — серьёзно. Таким уррвы начали оказывать помощь прямо в помещении.

То, что не было иллюминаторов, сильно раздражало. Олег сам себе начал казаться килькой, запаянной в банку, за пределами которой неизвестно что происходит. Кроме того, он тут же начал думать о друзьях, оставленных в пещере, и от этих мыслей отвязаться никак не мог.

Немного помогло, когда к нему подошёл медик — без каких-либо внешних атрибутов своей профессии, без нашивок или эмблем на форме, только с раскладной пластиковой коробкой.

— Юрке помогли? — спросил Олег, внутренне сжимаясь — противенько и явно от страха. Уррв абсолютно по-человечески покачал головой в знак того, что не понимает языка, потом указал Олегу на вделанную в стену и обтянутую той же резиной низкую кушетку, на которой сидел мальчишка.

Олег сел. Выставил раненую ногу, со вздохом приспустил штаны. Рана в бедро выглядела как большой чёрно-красный синяк, и Олег понадеялся — может, просто ушиб? Но нога была перемазана засохшей кровью. И уррв, что-то пробормотав, достал марлевый тампон.

Абзац, подумал Олег. Вскинул на человека-волка отчаянные глаза, собираясь попросить, чтобы вколол какое-нибудь обезболивающее. Но потом глянул вокруг и промолчал. А что если вколют ему — и не хватит вон тому парню, которого ранили в живот? Или тому — без ноги?

Нет уж.

Уррв намочил тампон спиртом (запах ни с чем не спутаешь) и начал убирать засохшую кровь. Спиртовой запах перебивал чуть заметный запах мускуса — пахло от уррва. Потом медик достал плоские крючки, и Олег откинулся затылком к стене, которая вибрировала и еле слышно гудела...

...Ну вот, можно потерпеть. Вполне можно. Конечно, боль сильная... и очень уж долгая. Но потерпеть можно. Люди и не такое терпят.

Уррв положил рядом что-то, похожее на... да ни на что не похожее, какой-то измятый кусочек металла. Снова больно. Очень больно. Так больно, что нет сил терпеть. Олег взял эту металлическую штучку и поднёс к глазам. Пуля, вот что это. Рикошетиrowала и вошла в ногу на излёте. Больно, сейчас хрустнет челюсть. Надо закричать, станет легче. Многие кричат.

Уфф, всё. Бинт ложится на ногу — витками. Всё, всё...

И сразу — дикая слабость. Такая, что Олег уже не помнил, как лёг на спину...

...Сказать по чести, когда дирижабль ленниадцев забрал их из Грраурса, Олег как-то странно подуспокоился. Демонстрация технического и военного могущества была настолько явной и мощной, что мальчишка решил — ну теперь-то мы в безопасности, под охраной... Наверное, где-то в глубине души у него ещё жила детская уверенность, что **взрослые всегда обо всём позаботятся**.

Он понял, что ошибся, едва дирижабль прибыл в Сантокад.

Уррвы были разбиты.

Не разгромлены, нет. Но **разбиты** — точно. Всё вокруг — забито брошенной техникой и беженцами. Улицы перегорожены укреплениями. Солдат — ощутимо мало. Надо всем витал дух угрюмой решимости — погибнуть, но дать спастись женщинам с детьми. Дух такого **последнего боя**.

Казея в Сантокаде не было. Олег узнал это сразу. Были отряды Драгило и Манче — большие, по несколько сот бойцов, они обороняли южные кварталы.

А город, между тем, был очень красив. Вставало солнце, когда дирижабль причалил к одной из мачт на набережной и по тросам съехал к самой земле. Очевидно, когда-то Сантокад был прибрежной крепостью — до сих пор (но теперь уже не на окраинах, а в черте города) высились похожие на шахматные фигуры башни. А на окраинах поднимались четыре гигантских статуи. Уррвы в кольчужных доспехах, вытянутых по форме волчьих морд шлемах, с короткими широкими мечами в правой руке и овальными щитами в левой смотрели в сторону гор. Шлемы их венчали трёхзубые короны... Позже машина — серый грузовик с армейскими эмблемами на бортах — провезла людей через цепочку красивых, выложенных разноцветным кафелем площадей, в центре каждой из которых поднимался фонтан особой формы, не повторяющейся на других площадях. Но все фонтаны не работали, а на кафеле сидели беженцы...

Олег рассчитывал остаться со Станацем, но не получилось. Его, Юрку и Димку (освобождённым мальчишкам нашли человеческую форму) отвезли в одну из «шахматных» башен. Тяжело раненых бойцов Станаца повезли в порт. А остальные выгрузились по пути.

— Прощай! — крикнула Светка, поднимая руку. И повторила, противореча себе: — Прощай, может, ещё увидимся!

Остальные поддержали её дружным гулом и тоже замахали руками. Олег долго смотрел им вслед, держась за борт машины. Похоже, Станац уже отдавал приказы — кому и куда направляться для обороны.

— Эх... — вздохнул Юрка. — С ними бы...

Олег покосился на него и обратился к сопровождающему офицеру — уррву:

— Мне надо — понимаете? — надо как-то обратно, в горы, там, в горах, мои друзья...

Уррв, понимавший по-славянски, но говоривший очень плохо, сделал отрицательный жест рукой:

— Нет, нет... Баррргай... там... — он указал в сторону гор.

— Там мои друзья! — настаивал Олег, только сейчас вдруг понявший, в какую жуткую ситуацию влипли ребята и девчонки. — Ну как вы не понимаете — это я их там оставил, я **обязан** вернуться...

— Комитач... после... — он указал на Олега. — Муви з комитач...

— Ясно, — перевёл Юрка. — Потом поговоришь с командиром... Что ты ему-то говоришь, он просто исполняет, что приказано.

В башне, куда их привезли, было множество беженцев. Они занимали почти все этажи. Тут и там лежало самое разное оружие, боеприпасы, снаряжение... Среди сдержанного шума, нелюдского запаха, чужой, хотя и понятной беды Олег вдруг ощутил себя очень маленьким и беспомощным. Ему просто-напросто захотелось плакать, и он лёг на живот на расстеленный коврик, похожий на туристскую пенку, уткнулся лицом в руку и затих. Юрка устроился рядом, Димка опять забился в угол.

Раненая нога заныла, замозжила. Навалилась мерзкая усталость, от которой казалось — тело превратилось в свинец. А через полминуты Олег провалился в сон — хорошо ещё, что без сновидений...

...Разбудил его Юрка. Мальчишка принёс три миски, в которых из бурой смеси торчали ложки. Выглядело это отвратительно, но оказалось просто-напросто сушёной картошкой с мясными консервами — и на вкус было куда лучше, чем на вид. Через несколько минут уррв-офицер — другой — принёс котелок с обычным чаем.

— Ми зосла вас, — он кивнул мальчишкам. — Наперрррв нашим. Пррриказ: наперрррв

зосла славяне. День неже дву...

— Мне надо... — начал Олег, привставая, но уррв покачал рукой:

— Знам. Не. Барргай... — и опять покачал рукой.

Стало ясно, что уррвы их не отпустят. Кроме того, кажется, их воспринимали, как непонятно почему оказавшихся тут представителей ещё какого-то народа — и, судя по всему, во исполнение союзнического долга готовы были эвакуировать любой ценой.

Когда он ушёл, Олег мрачно сказал:

— Ну что ж... Придётся пробираться в горы одному. Тем более, что Марата тут нет.

— Я пойду с тобой, — сказал Юрка. — Ты ранен, тебе нельзя одному.

— А ты что, в порядке? — хмыкнул Олег. Ему было тоскливо, но не страшно.

— В порядке я буду, когда окажусь дома.

— А если не окажешься? — Олег поднял на него глаза. Юрка пожал плечами:

— Значит, не окажусь... Я поищу снарягу какую-никакую. Вечером уйдём?

Кажется, он признавал в Олеге командира. И мысль об этом помогла мальчишке собраться:

— Вечером... А его? — Олег кивнул на Димку. Юрка несколько секунд молчал, потом сказал:

— Его нельзя брать с собой. Пусть остаётся. Он просто не пройдёт через фронт, без вариантов.

Олег ожидал — честно ожидал! — что Димка возмутится. Но мальчишка молчал, испуганно глядя перед собой. И Олег отвёл глаза. Да, не все в этом возрасте как Борька.

Поэтому он, Олег, **обязан** вытащить **тех**.

Он подумал так, отвёл глаза...

И увидел входящего в помещение Артура.

Это было до такой степени поразительно и странно, что Олег не двигался, глядя на происходящее. Для Юрки и Димки все вошедшие были незнакомы, мальчишки и не глядели в их сторону. А для Олега...

Артур шёл впереди, неся на плече пулемёт. Голова у него была обвязана, совсем не романтично — грязной серой тряпкой. Следом шла Саша с двустволкой, за ней — Оля-старшая, к которой жались Тимка, Данила, Маша, младшая Оля... глядящий себе под ноги Генка. Дальше — Борька. С баргайским автоматом, прихрамывающий. И — Кирилл с Максом. Тоже с автоматами.

Они вошли и остановились, озираясь — перемазанные, видно, что усталые до последнего предела, но живые, живые, живые...

...Юрка не понял, почему Олег вдруг, издав какой-то странный горловой звук, поднялся, держась за стену и рванулся навстречу вошедшим. Остановился в шаге от высокого парня с пулемётом на плече...

...Артур смотрел на Олега и улыбался. Потом сказал:

— Дошли все, командир.

Не глядя, передал пулемёт Сашке. Олег сделал ещё один шаг и обнял кадета из всех сил, чувствуя, как Артур дышит, как стучит сердце, как от него неудержимо разит потом и порохом.

— Живой, — сказал Олег. — Ты живой. Вы живые.

И ощутив, как пальцы Артура стиснули куртку на спине, больно защемили кожу — счастливо, со всхлипами, рассмеялся...

... — В общем-то мы с самого начала живы остались благодаря Борьке, — Артур лежал на пенке, прикрыв глаза. Больше всего Олег боялся, что он уснёт, но кадет явно собирался сначала всё рассказать. — Это кадр, Олег. Это не просто кадр, это уникам. Я его только вот в эти два дня оценил. Дирижабли, туда-сюда — это всё потом... А началось с него. Нас в пещере зажали, спустились по скалам. Я не то что проморгал, нет — просто совершенно этого не ожидал, вверх и не смотрел даже. Свалились, как снег на голову... Не знаю, то ли выследили нас, то ли случайно наткнулись... Прямо через несколько часов, как ты ушёл...

— Я зря вас оставил, — хмуро сказал Олег. — Я ещё когда их отряд в долине увидел — понял, что зря.

— Ну, был бы ты с нами — какая разница? — Артур, не открывая глаз, пожал плечами. — Вломились внутрь. А Борька сидел как раз с ружьём на коленях. И прямо сразу в передних — картечью. Из одного ствола, из другого... Не раздумывая. Мы-то все окаменели... Ну, дальше Макс до гранат у одного на поясе добрался, кинул две наружу, мы похватили, что ближе лежит... — Артур помолчал, тише сказал: — Я двоих мечом зарубил... Они вниз откатились. До темноты постреливали, а ночью мы ушли по скалам... — Артур покачал головой. — Борька с Данилкой влезли наверх по выступам, трофейные тросы закрепили, и мы поднялись. А потом они обуваться стали — а вместо пальцев месиво... Данилку Оля на закорках несла, Борька сам ковылял... В общем, на плоскогорье нас дирижабль подобрал. Мы чудом только по нему стрелять не начали...

— Артур, я не нашёл Марата, — Олег порывисто сел. Кадет наконец открыл глаза:

— Ну не нашёл, так не нашёл... Эвакуируемся, там что-нибудь придумаем. Главное, что всех наших собрал.

— Собрали, — поправил Олег. Но Артур возразил спокойно:

— **Собрал**. Ты собрал. Без тебя ничего не было бы.

Олег собирался опять беспредметно возразить. Но слышались шаги, усталый шум беженцев затих — в башенный зал вошёл офицер-уррв в грязной форме.

Вошедший офицер что-то громко сказал — и стало тихо. Он поднял руку и заговорил — отрывисто, Олег не мог избавиться от ощущения, что это просто лает сторожевой пёс. Уррвы вокруг переглядывались, кто-то из женщин заскулил, но тут же умолк. Офицер сделал ещё несколько странных, нечеловеческих жестов (уже молча) — но уррвам они, очевидно, что-то говорили.

Люди увидели, как начали подниматься дети и подростки — кто быстро и решительно, кто почти неохотно, но без промедления. Они подходили к куче оружия и выбирали что-то из неё, брали боеприпасы и выходили. Чаще всего — не оглядываясь на своих родных, которые теперь уже не могли сдержать криков, почти человеческих. Но ни одна мать не остановила сына. Впрочем, некоторых, уж слишком маленьких, останавливал и возвращал офицер.

— Что они делают? — прошептала Саша. — Там же совсем дети, младше Борьки...

Странно, но офицер услышал. Он повернул лицо к людям и сказал, с трудом подбирая слова:

— Смерррт... за све... ту и там. Но... любче... измerrrrрт в детса... неггт быт... рrrрб.

И отвернулся, следя за тем, как вооружаются дети и подростки.

— Аой! — вдруг сказала одна из женщин, глядя руку подошедшего к ней попрощаться сына — на вид одних лет с Олегом. И резко оттолкнула его...

— Аой! — поддержала её другая. И через несколько секунд слаженно и дружно слышалось в зале:

— Аой! Аой!! Аой!!! Аой-аа!!!

— Что он сказал — офицер? — спросил Тимка. — А?

— Что-то вроде того, что лучше умереть ребёнком, чем жить рабом, — сказал Юрка. И крикнул: — Слышите, мы тоже пойдём!

— Пойдём! — поддержал Кирилл. Офицер повёл рукой:

— Нем. Обerrрреч... приказ...

Отсалютовал — и вышел тоже. Следом за своим наспех собранным отрядом.

— Совсем плохо, — сказал Борька. — Видите, у них совсем плохо... а мы тут крупу переводим!

И зло двинул ногой по пустой миске.

Она насмешливо задребезжала на каменном полу.

— Всё, — Макс сел на корточки, посмотрел вокруг, потом оглянулся на дверь — которая вела на лестницу вверх. — Дирижабли, много. Не меньше дюжины. Идут от гор сюда. Ну, не сюда — в порт идут. И их даже никто не перехватывает...

Всю первую половину этого нового дня ребята и девчонки — кроме младших, которых не выпускали, и Генки с Димкой, которые сами не двигались с места — время от времени, мучаясь бездельем и неизвестностью, выходили на крышу — посмотреть на панораму боя. И вот — пожалуйста.

Артур встал. Привалился к стене. Оттолкнулся лопатками, прошёлся туда-сюда. Олег, растирая ногу (рана чесалась), смотрел в пол. В нём нарастало какое-то дикое, бессмысленное, но всепоглощающее желание — сделать хоть что-то, лишь бы прекратилось это бессмысленное сидение на одном месте...

— Далеко идут? — спросил Артур. Макс, тянувший и дёргавший себя за свой «конский хвост», сморщился:

— Километр, не больше... параллельно башне.

— Ты что придумал? — Олег поднял голову. На Артура в этот момент уставились все.

— Смотри, — Артур присел возле оружия, сваленного в углу.

— Что тут? — Олег подошёл. Артур подвытянул винтовку — массивную, с длинным стволом, казавшимся тонким из-за общего размера. Под стволом крепились расставленные сошки. Мушка была высокой, приклад снабжён толстой резиновой накладкой.

— Тяжёлая винтовка, — Артур вытащил оружие целиком. — Вон ещё одна... Типа наших ПТР с Великой Отечественной... Знаешь, что такое ПТР? — Олег кивнул. — Их пацаны воюют, а мы что, хуже? — тихо спросил Артур. — Как он там сказал — лучше умереть ребёнком, чем быть рабом?

— Что предлагаешь? — Олег вытащил вторую такую же. — О, тяжёлая...

— Влезем наверх и попробуем бить по дирижаблям... Они же думают, что тут одни беззащитные, ходят мимо... Мелких и девчонок не берём. И Юрку, он побитый весь вон какой.

Олег кивнул. Повернулся и позвал негромко:

— Макс, Кирка, идите сюда.

Караваяев с Сигаевым подошли сразу.

— Пойдёте с нами? — напрямую спросил Олег. Мальчишки переглянулись. Макс кивнул. Кирилл потащил из кучи тяжёлый, похожий на экзотическую змею, патронташ, в котором (как у охотников) торчали патроны размером с две ладони.

— Мы тоже! — крикнул Борька. Но Артур рывкнул в ответ:

— Привяжу! Честное слово, привяжу!

— Мы можем патроны подносить! — поддержала мальчишку Оля Томилина. Артур отмахнулся, взваливая на плечо винтовку.

Олега, как ни странно, немного покорило, что Юрка промолчал — полулежал и смотрел, как они вчетвером идут к двери. Но он тут же прогнал эту мысль и добавил около самой лестницы:

— Сидеть здесь всем. Это приказ...

...Вид, открывавшийся с дозорной башни, был страшным и завораживающим одновременно.

Наземный бой шёл возле императорских статуй. Гранитные гиганты равнодушно смотрели на дальние горы, а возле их ног кипела схватка, временами перераставшая в рукопашную. Севернее линия обороны уррвов отползла почти к самому океану. Над портом клубились дымы и полыхало пламя. Канонерки обстреливали наступающих баргайцев и пока что не допускали их к причалам, от которых то и дело отваливали самые разные суда — от парусных ботов до круизных лайнеров, сюда прислали всё, что было у Ленниады. Но прикрыть порт с воздуха было труднее — дирижабли уррвов вели тяжёлый бой. Олег видел,

что множество кораблей горит и тонет. Различил и сотни точек на полыхающей воде... Южнее уже в прибрежных кварталах тоже сражались — наверное, туда отошли Станац, Драгило и Манче. Как там Светка, жива ли вообще...

— Сволочи, что же они делают, фашисты... — выдохнул Кирилл, не отрываясь, глядевший в порт. — Там же женщины и дети! Там совсем нет военных!

— Ещё идут! — Максим выкинул руку в сторону от башни. Мальчишки разом обернулись туда.

Девять баргайских дирижаблей шли над городом со стороны гор широким клином на высоте примерно километра. Они не снижались, опасаясь огня с земли, но из брюха у каждого уже опустились рельсы бомбосбросов.

— Твари, — выплюнул Артур, подходя к мощному парапету. Положил винтовку между зубцами, сел за нею. — Патрон.

— Патрон, — повторил Олег, кладя своё оружие рядом. Сейчас всё было ясно, не было мыслей о том, кто хорош, кто плох и чувства надвигающейся бессмысленности, как в Оранжевых песках.

Да, всё было ясно. Мир разом раскрылся на хороших и плохих. И хорошие были похожи на волков, а плохие были людьми... нет. Они были **похожи** на людей **внешне**, а это другое.

Затвор с удобным стеблем мягко клацнул. Пальцы Макса втокнули в чёрный канал длинный патрон.

— Бьём по первому, — сказал Артур. — Ты по левому движку, я по правому.

Олег кивнул молча, втиснув приклад в плечо. Прицельной планки у этой штуки не было, только мушка. И на этой мушке чуть покачивался за размытым диском бешено вращающегося винта чёрный круг двигателя.

Бдам!

Сильнейший удар в плечо, от которого вздрогнуло всё внутри. В ушах повис тонкий протяжный отзвук «ммммммм».

— Патрон! — заорал Олег, как в каком-то старом кино, рванув затвор. Гильза выскочила... вот, новый патрон... закрыть... прицелиться...

Бдам!

И Олег увидел, что размытый диск постепенно превращается в отдельные лопасти, всё ещё пытающиеся вращаться, но слабее и слабее... а из двигателя потянул чёрный дым!!!

— Патрон!

— Смотри! — голос Макса тоже звенел металлом. Наплывавшие сзади дирижабли стали расходиться в стороны от потерявшего ход товарища... но левый не успел! Дирижабли столкнулись, машины мотнуло, они навалились друг на друга...

— Уррраааа!!! — орал кто-то. Олег увидел, что Артур стреляет — стреляет в лоб уходящей в сторону машине, стреляет снова и снова — и закричал:

— Да патрон же!!!

С металлическим шелестом патрон вошёл в ствол.

Но из-за передней сбившейся, смешавшейся тройки (два дирижабля сталкивались снова и снова, третий неудержимо валил в сторону) выходили ещё шесть. Они разворачивались в линию и закрывали небо, идя к башне.

Но почему-то совсем не было страшно. Может быть, потому что в порт они не шли? А это сейчас стало самым-самым важным...

— За парапет! — Артур сдёрнул винтовку и повалился на пол. Через долю секунды упали и другие мальчишки. А ещё через долю — по старинной кладке с рёвом и громом ударили очереди пулемётов.

Олегу показалось, что закачалась вся башня — до основания. И уж во всяком случае — камни, к которым он прижимался, тряслись и вибрировали точно. Воздух наполнился сладковатым вкусом горелого, визгом и воем. Приоткрыв зажмуренные в первую секунду глаза, Олег увидел кулак Макса — дёргающийся, с торчащим из него патроном.

Сейчас дирижабли подойдут и высадят десант. Эта мысль только и осталась в голове... но стрельба вдруг прекратилась. А потом — голос Юрки:

— Наши! Вставайте, наши!

Три белых дирижабля — и откуда взялись! — уже вели бой с шестью вражескими. Юрка, не переставая кричать «наши», волок к краю пулемёт на треноге. Следом «на трёх ногах» передвигался Борька — мелкий подлец с натугой тащил цинк.

— Пошёл отсюда! — заорал Артур, возвращая винтовку обратно.

— Не! — тявкнул Борька, неожиданно умело заправляя ленту в открытый Юркой казённый.

— Убью!

— Не!

— В наших не попади! — крикнул Артур Юрке, отчаявшись припугнуть Борьку.

— Не! — ответил тот. — Во, а как его... а, понял! — он с лязгом передёрнул затвор, едва не отхватив Борьке палец.

Очевидно тут же забыв о башне, дирижабли баргайцев старались прорваться к порту. Мальчишкам на башне это было на руку — враги выходили прямо под их прицел. Но они какое-то время не стреляли — мешало воспоминание о том, как били по камню пули. **Страх** мешал, что там говорить...

И вдруг Макс закричал — иначе не скажешь, закричал отчаянно и сорванно:

— Не о том разговор, как ты жил до сих пор,
Как ты был на решения скор,
Как ты лазал на спор через дачный забор
И препятствий не видел в упор...

— Патр-р-рон! — рыкнул Олег, вжимая приклад в плечо. Ему откликнулся пулемёт — одной бесконечной очередью стрелял Юрка, стоя на коленях, а рядом Борька, как в кино, подавал ему ленту из цинка, держа её на руках.

— Да, ты весело жил, да, ты счастливо рос,
Сладко елось тебе и спалось,
Только жизнь чередует жару и мороз,
Только жизнь состоит из полос...

...Рвётся дирижабль — вернее, рвутся под его надутым брюхом бомбы, и дирижабль подкидывает снова и снова, как будто он в ужасе старается залезть повыше от этих взрывов — и из разодранной гондолы падают и падают фигурки...

— И однажды затихнут друзей голоса,
Сгинут компасы и полюса,
И свинцово проляжет у ног полоса,
Испытаний твоих полоса...

...Приклад со страшной силой лупит в плечо. Почти ничего не слышно, только какой-то тонкий вой... а, это белый дирижабль тянет мимо башни — вниз, совсем рядом, бешено вертится винт, а потом вдруг срывается и чудовищным сюрикеном летит куда-то вверх и в

сторону. А за ним — выплывает туша баргайца... На! Ещё на! На ещё! Лопается близкий иллюминатор рубки, видны вскинутые руки... На! Юркина очередь опережает, врывается в кабину бешеной свинцовой змеей...

— Для того-то она и нужна, старина,
Для того-то она и дана,
Чтоб ты знал, какова тебе в жизни цена
С этих пор и на все времена!..

... — Всё! Олег, все, всё!

Он ещё какое-то время тупо смотрел в пустой канал ствола и собирался материться, чтобы Макс не тормозил. Потом поднял голову.

Мимо башни — рукой дотянуться — шёл дирижабль уррвов. На галерее стояли сразу несколько... человек, да, человек. Они — непривычными людскими жестами — тянули вперёд руки с поднятыми большими пальцами. Один размахивал шлемом и что-то выкрикивал. Борька, перепачканный крошкой, пылью и гарью, стоял, подлец, на парапете и со свистом махал уррвам рукой, что-то крича (Олег плохо слышал). Но, когда стало видно, что на галерее стоит ещё один уррв — неподвижно, вытянувшись, держа церемониальным жестом палаш — Артур снял Борьку с парапета за ухо и тоже вытянулся по стойке «смирно». А остальные мальчишки встали на ноги.

И только когда дирижабль ушёл — Олег почувствовал, что из него как будто вынули все кости. И плюхнулся на пол.

Артур со стоном спустил с плеча куртку. Чёрный с алыми прожилками синяк расплзался по телу. Артур долго глядел на него, потом — засмеялся и спросил Борьку:

— Тебя чем выпороть — ремнём или хворостиной?

Тот молча засопел и заполз за сидящего возле пулемёта Юрку.

Олег потрогал своё плечо и решил его не смотреть — чего расстраиваться? Тем более, что нога болела зверски — похоже, открылась рана.

— Как там дальше-то? — спросил он вместо этого у Макса. И тот, широко улыбнувшись, сипло прочёл:

— И однажды сквозь тучи блеснут небеса
И в лицо тебе брызнет роса —
Это значит, что пройдена та полоса,
Ненавистная та полоса...

А теперь отдыхай и валяйся в траве,
В безмятежное небо смотри...
Только этих полос у судьбы в рукаве
Не одна, и не две, и не три...⁴⁰

— Хорошо, — искренне сказал Олег.

— Мальчишки, — умоляюще сказала Саша, появляясь в дверях на лестницу, — мальчишки, мы вам воды принесли, попейте, пожалуйста...

А снизу уже поднимался за девчонками офицер-уррв — и ещё один, и ещё... У всех

⁴⁰ Стихи Леонида Филатова — прим. ред.

троих были изумлённо-благодарные лица.

* * *

Пришедший офицер был другим — не тем, что появлялся раньше. Глядя на него, Олег вспомнил когда-то где-то читанные (или слышанные?) строки: «И коня нет — убили коня. И папахи нет — пропала папаха. И сабли нет — сломалась сабля. Да и сам-то стоит — шатается...»⁴¹

— В губе стоймо барррказа, — уррв показал рукой для верности. — То про вас естем. Идти до губы, уплывать, плыть. Вы герррой естем, — он говорил искренне. — Вам място. Чест. Ане бррррзо.

Последнее слово он почти прорычал, не глядя на молчащих женщин и детей вокруг.

И Олег тоже не мог на них глядеть...

Они были и на берегу, тут и там — много. И тоже в основном... нет, Олег не мог про них думать «самки» и «детёныши». **В основном это были женщины и дети.** Слышалось поскуливание, но большинство молчали и провожали глазами идущих от машины людей. Олег ощутил, как Данилка вцепился в его руку и прошептал:

— Я не могу на них смотреть... мне страшно... мы уплывём, а они останутся...

— Молчи, — сказал Олег. И сам отвёл глаза — один малыш, стоя возле своей матери, тянул её за руку к трапу баркаса, но она только качала верхней частью тела и поглаживала ребёнка по спине. А, увидев Олега, кивнула ему, и в глазах было понимание.

— Я не поплыву, — вдруг сказал Артур, останавливаясь.

— Да, точно, — Саша, казалось, ждала этого. — Пусть заберут Данилу, Машку, Тимку, Борьку и Ольку...

— Что?! — возмутилась Томилина.

— Не тебя, — отмахнулась Саша. — И... этих, — она не стала называть имён, только безотносительно махнула головой. — А на наши места пусть сажают своих детей и женщин. Хотя бы... столько.

— Правильно, — кивнул Максим. — А мы сделаем плот и попробуем подрейфовать отсюда.

— Не поплыву я никуда, — отрезал Борька. — Что я вам — груз, что ли, особо ценный?

— И я не поплыву без Саши и без Бориски! — закричала Ольга. Борька побагровел.

— Я тоже не поплыву, — тихо сказал Данилка. — Мне их очень жалко, я не хочу так...

— Надо вместе, мальчишки, — сказала Томилина. — Только вместе. Как-никак, но вместе...

— Да поймите вы! — крикнул Олег. — Заклинило меня! Не могу я вас обратно переправить! Ничего не могу! Вон, даже Марата найти не смог!

— Ну и тем более, — рассудительно сказал Кирилл. — Чего тогда правда делиться? Что тут, что на катере, что на плоту — везде можем погибнуть...

А Артур уже махнул рукой уррву около трапа:

— Офицер! Офицер, это... грузите своих, сколько сможете — и отваливайте, — он сопровождал свои слова жестами, уррв что-то рычал и тьякал в ответ, явно отказываясь, но потом вздохнул и скомандовал тем, кто ждал на берегу.

Люди отошли в сторону и встали тесной кучкой. Олег не сказал бы за остальных, но сам он не ощущал страха или тоски. Скорее было ощущение **правильности** происходящего.

Мимо шли женщины и дети. Их взгляды скользили по лицам людей. Нет, всех не

⁴¹ А.П. Гайдар. «Военная тайна» (эти строки больше были известны из варианта книги, адаптированного для детей и называвшегося «Мальчиш-Кибальчиш»).

возьмут на баркас. Но кто-то всё-таки спасётся...

— Ладно, — буркнул Юрка, — пошли строить плот, что ли?

* * *

Сашка долго скребла котелком по дну кувшина. Ёжилась, словно на холодном ветру, что-то бормотала...

Остальные смотрели. Одиннадцать пар глаз. Лишь Макс, сидя на «условном носу» со скрещенными ногами, глядел в другую сторону — в море.

— Ничего нет, — сказала Сашка.

Олег знал, что она сейчас ответит, но внезапно на миг возненавидел её за этот ответ.

Плыли двадцать второй день.

В первые два дня, не особо ограничивая себя, путешественники поневоле выдули кувшин воды — были почти уверены, что кто-никто их подберёт. И потом поздновато опомнились... Короче, к исходу десятого дня оставался один из подобранных в развалинах порта большущих кувшинов. И именно в то утро его кокнул Макс. Случайно, конечно — рукоятью скрамасакса.

Случись такое сейчас — его бы, наверное, убили. Но тогда жажда ещё не добралась до всех по-настоящему. Макс, конечно, скис почти до слёз, да и остальные ругались, но — так... Сутки продержались на фляжках и надежде, что вот-вот подберут или прибьёт к какой-то земле. Не подобрали, не прибило — вообще не было ни кораблей, ни дирижаблей все эти дни, с того момента, когда течение вынесло их от порта. Но прошёл дождь, и набрали кувшин и фляжки. Рыбалка была плохая...

Одиннадцать дней — по стакану воды в день. Воду отмеряла Сашка, и Олег отдал ей всё оружие, сказав, что она может стрелять, если что.

Надо сказать, Олег плохо подумал о своих. Они подсовывали воду девчонкам и младшим. Сперва он сам сделал то же несколько раз, но потом сказал, что, если кто-то ещё раз попытается «сбагрить» свою воду — будет бить. Всё равно ведь у младших и у девчонок порция больше...

А продуктов не было уже две недели...

Сегодня вода кончилась. Оставалось где-то по поллитра во фляжках. Да и то — Олег подозревал — не у всех...

...Ещё несколько секунд он рассматривал Сашку, чувствуя, что борется с диким, мерзким желанием — закричать ей, что это она пила тайком воду, поэтому та и кончилась так быстро...

Мальчишка тряхнул головой. Обвёл всех взглядом:

— Вода кончилась, — сказал он, сам испугавшись сказанного. И повторил: — Вода кончилась. Всё, что у нас осталось — фляжки. И я сейчас спрашиваю всех — кто хочет пить?

Послышались смешки. На него глядели с исхудавших лиц покрасневшие глаза.

— Ясно, — Олег откашлянул мерзкую сухость в горле. — Я знаю, что вода во фляжках **не у всех**, — он помедлил, вспомнив, как три дня назад, ночью, сам открыл фляжку и в страшных, непередаваемых муках несколько секунд боролся сам с собой, пока... пока не завинтил пробку. Сейчас Олег открутил её снова и, подойдя к кувшину, сунул в него руку и опрокинул фляжку внутрь. В тишине все слушали, как вода стучит о дно. Потом — капает. Звонко и медленно. Потом — всё... Олег потряс фляжку. — Все по очереди подходят сюда и выливают воду. Никто не узнает, пустая была фляжка или полная. Но этой водой... — он снова сглотнул, — ей мы будем поить только девчонок. И мелких. Даньку, Тимку... — он посмотрел на Борьку, глядящего прямо в глаза «командиру», — ...и всё. По полстакана в день.

— У вас ещё раны не зажили!.. — начала Оля-старшая, но Олег прервал её:

— Я закончил на этом. Я не предложил, я приказал. Всё. Пошли...

...Сашка подошла второй, потом подсела к Артуру. Кадет подмигнул ей:
— Сперва пьют лошади, потом дети и женщины. Джентльмены пьют последними.
— Но ведь тогда уже ничего не останется, — усмехнулась девчонка.
— Вот именно... — не стесняясь, Артур обнял её левой, — Если случится так, что я буду умирать — ты не вздумай меня отпаивать. Понятно?
Олег слышал это краем уха. Он думал. Воды было около пяти литров. Должно было — больше восьми, но Олег отнёс эту мысль: всё, и никто никогда не узнает, у кого не хватило выдержки... Восемь литров — это девчонкам и младшим на пять дня, если по двести пятьдесят... Они ещё будут пить, когда нас уже не станет... Потом у них будет ещё дня три.
Неделя у них есть. Целая неделя.
У нас — три дня, подумал Олег. И сказал через плечо:
— Саш, хватит болтать. Выдавай воду.

* * *

Он сидел рядом и смотрел спокойными глазами, холодными, как лунный свет, как лёд на вершине, где нечем уже дышать, как цинковое железо на морозе.

— Здравствуй, — сказал он, и Олег приподнялся на локтях, с трудом сел. — Я же предупреждал, что встреча у нас ещё будет. В тот момент, когда ты окажешься в самой глубокой бездне отчаянья. Чтобы ты просто понял, насколько бесполезно даже пытаться бороться со мной... — он наклонился ближе к Олегу и улыбнулся: — Я знаю все недостатки каждого человека. Все самые грязные фантазии и желания. И твои, Олег. Ведь они у тебя есть. Ты просто прячешь их даже от самого себя. Хочешь, я тебе про них расскажу? Обо всех твоих страхах. Обо всех твоих снах. О тебе самом — таком, **какой ты есть** ?

— Увольте, — Олег перевёл дух.

— Хорошо, — покладисто согласился пришелец. — Я везде. Хочешь, я назову тебе список людей — в любой стране твоего мира! — облечённых властью, управляющих искусством, культурой, ворочающих миллиардами — которые имеют со мной договорённости? Ты удивишься, честное слово.

— И это меня не интересует, — Олег вздохнул. — Пришли просто затем, чтобы посмотреть, как мы умираем?

— А разве этого мало? — вроде бы искренне удивился пришелец. — Ну вот ты спас шестнадцать человек. На самом деле меньше, но пусть шестнадцать. А знаешь, сколько за первый летний месяц пропало в твоей стране детей — совершенно без моего участия?

— Без вашего? — Олег криво усмехнулся и почувствовал, как лопнула губа. Лизнул её, но язык был сухим и шершавым, как тёрка. — Ну уж. Не прибедняйтесь.

Тот вроде бы задумался. Опустил голову. Медленно покивал в ответ на какие-то свои мысли. И поднял голову:

— Да, ты прав. Открою тебе секрет, — лицо пришельца вдруг стало ребячески-шаловливым, словно из форточки на втором этаже фешенебельного дома высунулась весёлая мальчишеская рожица — посмотреть, в кого попал выброшенный кирпич? — Я очень не люблю двух видов человеческой смерти. Смерти от старости и смерти в бою. В первом случае человек чаще всего уже так устал от жизни, что смерть его не пугает и он уходит спокойно. А во втором — наоборот, человек так взбудоражен, что как правило не успевает даже понять, что умирает, осознать весь ужас этого факта. Да ещё... — он поморщился с чисто человеческой неприязнью. — Ещё ведь в таких случаях многие считают, что гибнут за разную там Ро-одину, а мне это... — он не договорил. — А вот такая смерть, когда умирающий осознаёт, что теряет, когда хочет жить, когда мучается от страха и боли — для меня это отличная подпитка. Каждый покончивший с собой от отчаянья взрослый. Каждый замученный маньяком ребёнок. Каждый наркоман, сделавший себе «золотой укол». Всё это — моя пища. Каждый, кто кричал и не был услышан. Каждый, кто звал на помощь и не

дождался её. И это очень обильная пища, поверь мне.

— Я-то думал, что ты Властелин Тьмы, — Олег перешёл на «ты» совершенно произвольно, сам не заметив этого. Может быть, потому что его неожиданно удивили эти рассуждения. — А ты просто мелкий паразит. Блоха или вошь.

Он ожидал, что пришелец разозлится. Но тот рассмеялся и повёл рукой над плотом:

— Смотри. Ты погубил их всех. Они бы жили. Почти все. Некоторые даже неплохо. А теперь вы все умрёте. **Все**.

— Я не верю, что ты всесилен, — тихо сказал Олег.

— В этом мире — как, впрочем, и в твоём — почти всесилен, мальчик, — даже с какой-то грустью подтвердил пришелец. — Увы. Ведь бога нет. Нет моего вечного оппонента. Да и меня-то изначально создали люди. Например, как СПИД. Сами создали, сами вырастили, сами сделали сильнее себя. И теперь я диктую им, как жить. Почти во всех мирах. А в некоторых — **только** я и диктую. Ты же видел их — **мои** миры. Ты их видел, ты жил в них. Ты даже почувствовал их на себе. Каково это, мальчик — видеть, как убивают друг друга честные, смелые, умные — и знать, что это всё — **моё**, и не иметь сил что-то сделать? А теперь, — он наклонился ближе, и Олег не почувствовал никакого запаха, не услышал дыхания, — я открою тебе самую страшную тайну. Перед смертью ты должен узнать её, чтобы тебе было страшнее умирать. Ты удивлялся, что я не мешаю тебе? А я **играл** с тобой. Всего лишь играл, потому что знал — закономерным будет этот итог. Ты сам придёшь к нему, **потому что иначе в моём мире — нельзя**. Нет другого мира. Нет другого итога. Вот и всё.

И он обвёл рукой плот и океан вокруг.

Олег снова облизнул губы. Кровь была солёная, как морская вода, которой не напёшься. Только у морской воды привкус соли, а у крови — железа. Кто-то думает, что в человеке есть только дерьмо. По-своему он прав, наверное. Но на губах Олега был вкус железа.

— Тогда запрети мне быть человеком, — негромко предложил он. Лицо пришельца стало встревоженным. — Ты живёшь, наверное, столько, сколько живёт Земля. А я — всего пятнадцать лет. Ты всесильный. А я и себя-то сейчас передвигаю с трудом. Запрети мне быть человеком.

— Не понимаю, — признался тот озабоченно.

Олег рассмеялся — искренне и легко:

— Я думаю... Но я объясню, не беспокойся. Можно приказать бросить оружие целой армии. Но нельзя заставить бросить оружие человека, который решил его не бросать. Такого надо сначала примитивно убить. Ну так убей и заberi. Не жди, что я брошу его сам. Каких бы имён ты мне называл — моего среди них нет. И нет у тебя власти надо мной. А что до смерти — так я после некоторых встреч здесь не очень-то в неё верю.

— Утром на вас может наткнуться корабль. Остальных, конечно, продадут. Но я легко устрою так, что ты...

— Пошёл вон, — устало сказал Олег. — Надоел.

Он на миг прикрыл глаза. А когда открыл их — на краю плота никого не было.

* * *

Корабля утром не было.

Зато Артур вытащил из воды Генку.

Проснулся вовремя, чтобы увидеть, как тот молча, «солдатиком», уходит на глубину в прозрачную воду. Через полминуты Артур уже выволок его на плот и ударом между лопаток выбил из него солёную смерть, которой тот успел наглотаться. И только после этого понял — **Генка собирался не пить, а утопиться**.

Жуков плакал, скорчившись рядом. Артур, помедлив, положил руку ему на плечо:

— Тише, — сказал кадет. — Тише, разбудишь всех, а все устали.
Генка поднял на Артура измученное мокрое лицо. Облизнул полопавшиеся губы.
— Я... — дрожащим голосом начал Генка и, захлебнувшись слезами, уткнулся в грудь кадета. — Я не хотел... я просто не смог... я не хотел... я... понимаешь... я не смог... прости меня... прости, прости, прости...
— Давно простил, — сказал Артур. И сам поразился своим словам, прислушался к себе изумлённо: что это он плетёт?! Но понял вдруг, что это — правда. Не знал, давно или нет, но ни злости, ни ненависти, ни даже равнодушия к Генке не осталось. Была только жалость.
Генка поднял лицо. Мокрые глаза были огромными:
— П... правда?! — изумлённо выдохнул он.
Артур кивнул...
...Он ничего никому не рассказал. Даже Олегу, когда тот проснулся и они вместе лежали (**умирали...**) на носу плавно качающегося плота. Разговор шёл о совершенно отвлечённых вещах.
— Странно, — задумчиво сказал Олег, — где же клейма?
Артур приподнялся на локте и поинтересовался севшим голосом:
— Ты, что бредишь?
Олег хмыкнул, улёгся удобнее:
— Ты знаешь, что такое Х'сан'кор? — Артур помотал головой. — Ужасная флейта. В переводе с оркского, — Артур уже сидел, глядя на Олега с откровенным беспокойством. — Ты не читал Пехова?
— Нет, — отрезал Артур. — А тебе голову напекло...
— Ничего мне не напекло, — Олег сел по-турецки. — Я сдуру много читал. Живетьева, «Стальное княжество», Каплан, «Круги в пустоте»... Фабула везде одна: наш человек, мальчишка, иное пространство, рабство... Везде описываются клейма. Но никому из вас клейма и не думали ставить. Ну ладно — девчонки, не хотели уродовать. Ну ладно — Макс, там это, может, не принято. Но ты-то и Кирилл с Тимкой были в **классическом** рабстве...
— Большое тебе спасибо, — ядовито сказал Артур. — Тебе что, хотелось, чтобы в меня ещё и раскалённой железкой потыкали?
— Да ничего мне не хотелось, — Олег шлёпнул ладонью по воде. — Просто странно, вот и всё...
— Да тут этих странностей море, — сказал Артур. — Вон, океан целый вокруг... Хватит трёпа, послушай, как поёт.
Пел Макс. Пел плохо — он и так-то не умел, а тут ещё и еле сипел сухой глоткой. Но песня была — вызов. Мальчишка сидел на краю плота, смотрел в небо и пел:
— *Он носил волчью шкуру и перед битвой пил волчью кровь, чтобы стать воплощением этого бесстрашного зверя и броситься на врага — и, если он погибал в бою, вслед валькириям, уносившим викинга, слышался прощальный волчий вой ...*

Перед битвой волчью кровь пил из древней чаши,
Поднимает чёрный стяг и вступает в бой.
Богом севера храним,
Гордый и бесстрашный,
Против тысячи один
На земле чужой.
Город битвами сожгли хитрые лисицы
Стынет золото в огне
Клад монастырей
Меч поёт в твоих руках, звёздами искрится
Жажду крови утолить просит побыстрей.
Пусть последним будет яростный прыжок —

Хватит силы для рывка.
Смерть и слава!
Погибает старый волк,
Разрывая криком,
Разрывая криком
облака
облака.

Честно биться ты привык —
Нож вонзили в спину...
Рассмеялся, увидав страх в глазах врага.
И душа рванулась ввысь,
Злость и гнев отринув —
К вечным солнечным морям
Лунным берегам...⁴²

* * *

Рассвет над океаном был потрясающе красив. Непередаваемо. Сумасшедше. Синие, алые, чёрные и даже зелёные краски мешались в нём и не мешали друг другу.

Олег сидел на краю плота и смотрел, как восходит солнце. Наверное — одно для всех миров.

— Смешно, — сказал он негромко солнцу. — И тебя тоже создал **он** ? И все фильмы, и все книги, и все песни, и моего деда создал **он** ? И всё **это** служит ему?

Олег не удивился, когда человек в выгоревшей гимнастёрке подошёл к нему и сел рядом. Не скрипнули доски, не шевельнулся воздух... Ни **этот** , ни **тот**, **другой** , Олег не помнили деда, отца матери — он умер в начале восьмидесятых. И военных фоток не сохранилось, а на остальных был сутуловатый старик в хорошо сидящем пиджаке.

Этот дед был старше Олега на пять-шесть лет. И Олег улыбнулся — от него пахло горячим сукном, табаком, кожей, потом, нагретым металлом. Он улыбался — мальчишеской улыбкой, похожей на улыбку Ёлохова, зарытого в земле чужого пространства... и сейчас, наверное, уже вернувшегося домой.

Дед молчал. Тоже смотрел, как всё выше и выше взбирается солнце.

Дед, молча сказал Олег. И заплакал — тоже молча. Я не хочу, чтобы они умирали, дед. Мне не жалко себя и не страшно за себя, я сам заварил эту кашу. Но я не хочу, чтобы умерли **они** . И ничего не могу сделать. Ничего. Я знаю, это неправильно, но — ничего не могу. Неужели **Он** сказал правду, и всё напрасно, и ничего хорошего, справедливого, доброго больше не осталось в мире, а есть только тоска и красивый последний рассвет?

Дед встал. Он стоял на плоту, и солнце светило ему в лицо, но он не морщился. Может быть, он видел ту дорогу, которая ведёт и его по мирам и временам? Ведь не может быть, чтобы он умер **совсем** ... Уж это Олег знает точно — **Люди** не умирают **совсем**... **Совсем** — для трусов и предателей...

И тогда Олег тоже встал и стал глядеть на солнце, не жмурясь. Слёзы высохли. Высохли на глазах, на склеенных солью ресницах, на щеках...

А потом Олег понял, что один на краю плота.

— Ты врёшь, — упрямо и негромко сказал он. — Ты врёшь.

— Олег, — услышал он голос. Чей — не поймёшь, от жажды все голоса стали

⁴² Песенный текст рок-группы «Ария».

одинаковыми, как будто из высохшего кувшина сыпался песок. Олег оглянулся.

Перед ним стоял Димка. Стоял, качаясь — то ли потому, что покачивался плот, то ли потому, что его не держали ноги. Мальчишка держал в руке свою фляжку — осторожно, как будто она была из тончайшего хрусталя.

— Олег, — сказал Гаврилов. — Вот. Я не пил. И когда все вылили... я пальцем заткнул и не вылил... Вот. Отдай девчонкам.

— Что? — тихо спросил Олег.

— Отдай девчонкам, она полная, — почти с вызовом сказал Димка. И глянул Олегу прямо в глаза.

«Ты врешь,» — подумал Олег. Не о Димке подумал.

* * *

Ну что ж, корабль готов,
Поймали ветер снасти,
Над башней маяка
Созвездия зажглись...
И окнами домов,
Распахнутыми настежь,
Глядит издалика
Притихший сонный Лисс.

На сотню мелочей
Удача неделима,
На сотню мелких бед
Не делится беда.
Когда в судьбе твоей
Гроза проходит мимо,
То в чьей-нибудь судьбе
Она гремит тогда.

И если злой недуг
В сердцах еще горячих,
Ты щедростью своей
Им светишь до конца,
Но жалко, что крадут
Огонь твоей удачи
Огарками свечей
Холодные сердца.

Когда придет пора —
Устало веки смежишь,
Свой долг перед судьбой
Давно вернув сполна...
А где-то до утра
Глядит с тоскою Режи,
Как тает над волной
Ущербная Луна.⁴³

⁴³ Слова Михаила Трегера

Песня Маши затихла, как затихает вдали шум ветра.

— Пить хочу, — тихо сказал Артур. И, нагнувшись к воде, воткнулся в неё.

Олег выдернул его из моря за волосы и от души врезал кулаком промеж лопаток — так, что кадет выплюнул даже то, что успел проглотить.

— Этой дрянью не напьёшься, — внушительно сказал Олег, сам с трудом отводя глаза от сверкающей под лучами жаркого сентябрьского солнца водной поверхности.

Если бы он умирал от жажды в пустыне, как **тогда**, в Оранжевых Песках, было бы легче, потому что он мог бы идти. А так? Десять шагов на восемь. И кругом тоже умирающие от жажды люди. Друзья...

Сидеть и умирать — это очень страшно.

— Вода осталась только на завтра и послезавтра, — сказала Саша, когда Олег сел рядом. Голова у него кружилась, а вот пить уже не очень хотелось. — Олег, уже сегодня вечером самые слабые потеряют сознание. А послезавтра к вечеру вы все уже будете мертвы. Олег! — она вцепилась в руку командира. — Пожалуйста — попейте! Сегодняшнюю нашу порцию! Я умоляю! Пожалуйста!

— Тише, — попросил Олег её, хотя она не кричала. — Саш, если земля ещё далеко, это нас всё равно не спасёт. А у вас может отнять день или даже два. Если она близко, то мы и так дотянем.

...Вода колонки из-под руки брызжет веером, повисают в воздухе, рождая радугу, мельчайшие капли. Артур прыгает в десятке шагов и хохочет. Откуда он в Марфинке? Нет, не важно... Что он машет руками, почему не пьёт? Воду надо пить. Воду надо пить, надо помнить, что её в любой момент может не стать... Олег перестаёт брызгаться и подносит к губам мокрую ладонь...

... — Земля!

Олег открывает глаза.

— Земля... — Макс не кричит, как сперва показалось, а хрипит эти слова. На потрескавшихся губах — капельки крови.

Олег тяжело приподнялся. Те, кто ещё может, встали, остальные смотрят лёжа или сидя.

Огромное алое солнце садится за острую, изломанную от скальных пиков, линию земли. Это не остров — она уходит вправо и влево, насколько хватает глаз. Плот медленно, но верно несёт к ней.

Сил больше нет. Но, кажется, они всё-таки будут жить.

* * *

Потолок такой знакомый. Белый потолок, но не белёный, как в его комнате, а просто покрытый белым пластиком, как в его комнате...

Что за чушь?

Олег приподнялся на кровати, на которой он лежал одетый в майку и шорты. Осмотрелся безумным взглядом.

Чужая (нет, нет, нет — знакомая, **твоя!!!**) комната. Плоский блеск компьютерного экрана. Окно — квадратное, без рамы, хорошо знакомое (чужое!!! Не хочу!!! Только не это!!!), за ним — деревья парка.

Ружья над кроватью нет. Вместо большого старого шкафа — горка, блестящая стеклом и полированным титаном.

— Нет... — выдохнул Олег.

— Сынок, ты спишь? — мамин голос. И стук в дверь — белую, плоскую, со сверкающей золотистой ручкой.

Дверь открывается.

Да, это мама. Но она **другая**. Вроде бы моложе, одетая в строгий красивый костюм, но с усталыми глазами. Правда — улыбка прежняя, но тоже усталая.

— Ну что ты в одежде? — снова улыбается. — Давай вставай, хоть и лето, но всё-таки... Папа сегодня будет поздно, сходи в магазин...

— Ма... — Олег сел на кровати. Босую ногу обожгло холодом линолеума «под мрамор».

(Половик! Самовяз! Он же лежал около его кровати!)

— Извини, я спешу...

Подошла. Нагнулась. Поцелуй (мамин поцелуй... но духи... Незнакомые... знакомые...)

...Щёлкнула дверь. Олег в оцепенении сидел на кровати. Потом вскочил. Поскользнувшись, бросился, задыхаясь, в коридорчик квартиры. Ударился плечом о косяк. Вбежал в холл.

Он увидел в зеркале финского серванта своё мёртвое лицо. А рядом — фото в серебристой рамке с чёрным уголком. Фото мальчишки своих лет, похожего на него, Олега...

Своего старшего брата, давно уже разбившегося на мотоцикле — на мосту через Воронежское море.

Он подбежал к окну, ударился грудью о подоконник, задыхаясь, как попавшая в комнату птица.

Петровский сквер... Шпиль железнодорожного управления...

Воронеж. Город, где он прожил пятнадцать лет. И последние четыре года — в семье, где было много денег, но всё меньше и меньше — человеческого тепла...

Никогда не было Марфинки.

Не было живого брата.

Не было Вальки.

Не было ничего.

Сон.

Ловушка захлопнулась.

— Нет! — вырвалось у Олега с такой мукой, что эхо зазвенело в комнате. — Нет, я не могу! Я не хочу! Пустите!

Ладонями он ударился в стекло.

И услышал холодноватый смех за спиной...

... — Олег, ты чего, Олег?

Задышавшись и кашляя — сердце стояло — мальчишка сел, качнулся, падая. Артур подхватил его, заглянул в лицо:

— Ты чего?!

Олег со свистом вздохнул. Сердце забилось — рывками, толчками, но постепенно входя в нормальный ритм. Огляделся.

Ангар...

— Ты так стонал, что я проснулся, — Артур вытер лоб. — Ты чего вдруг?

— Кош... мар... — простонал Олег и обнял друга. Артур замер удивлённо. — Кошмар, такой ужас... я не могу...

* * *

Они нашли этот ангар сразу, как только выползли на берег. Ангар — и трубу артезианской скважины рядом. Краны были аккуратно залиты пластиком.

Олег и сейчас не мог без содрогания вспоминать, как они срывали этот пластик — с рычанием, с визгом, отталкивая друг друга, как потом вцепились в краны, ссаживая пальцы... И как потом громко заплакал Тимка, которого оттолкнули.

Все остановились. Сразу. И стояли не меньше минуты, не глядя друг на друга. А потом Артур шагнул к младшему и спросил:

— Ты чего?

— Я думал... я думал... — выдохнул он. — Я думал, вы сейчас друг друга...

И не договорил — задохнулся. Тогда Артур поднял его, подвёл к одному из кранов, положил свои руки поверх рук мальчишки и сказал:

— Ну-ка. Давай крутанём... А то я один не могу...

...Когда-то на этом берегу (может, это всё-таки был остров, только большой?) явно располагалась станция дирижаблей. Один из них — точнее, его каркас, похожий на выброшенного на берег и обглоданного кита — лежал в лесу за ангаром, и через металлическое переплетение проросли деревья, в том числе — очень солидные. Очевидно, дирижабль лежал тут давно. И он явно не упал, а просто был брошен.

Брошена была вся станция. Или — чёрт его знает — не брошена, а оставлена, потому что в ангаре (за насквозь прогнившими дверями из тонкой жести) стояли штабели бочек и ящиков, лежали сопревшие мешки, в которых осталась какая-то окаменевшая серая масса, на рельсах (их через ангар шло аж три колеи!) стояли вагонетки с прикипевшими колёсами... Короче, всё оставили и ушли. То ли надеялись вернуться, то ли просто всё стало ненужным.

Да всё это в тот момент и не интересовало никого из выброшенных на берег. Больше всего их интересовала вода — самая обычная вода из того артезиана. Обследовать окружающее «как следует» начали позднее.

Еды (пригодной, если не говорить о повзрывавшихся банках, чьё содержимое засохло в некоторых ящиках) в ангаре не оказалось вообще. Зато в десяти ящиках, сложенных на одной из вагонеток — стоявшей у дальней стены — находились запечатанные в серую плотную бумагу длинные параллелепипеды. На ящиках был рисунок: облачко с расходящимися в разные стороны короткими штрихами — и надпись на языке уррвов.

Но и без надписи всё было понятно. В ящиках было не меньше полутонны взрывчатки. И, когда Кирилл выстрелил по одному такому брикету, отнесённому на приличное расстояние — бухнул взрыв. Смерть, как это часто бывает, пережила жизнь. Консервы пропали. Взрывчатка — нет...

...Тогда Олег отметил это всё лениво, каким-то краешком сознания — его больше заботила опять-таки вода, а вернее — чтобы не опились младшие, которых время от времени приходилось отгонять от кранов силой.

Тогда.

Сейчас он сидел на подстилке, обхватив колени руками, смотрел на эти ящики и думал. Артур опять уснул, а Олег не мог.

Думал.

Если честно, больше всего сейчас он мечтал об одном: хотя бы напоследок все-таки достать тех, из-за кого все началось. Неважно, что будет дальше — подберет их отсюда корабль или дирижабль, останутся они тут навсегда, случится еще что-нибудь...

Что бы не случилось — это будет **потом**. А сейчас — **достать**. За всё и за всех сразу. То, что он, Олег, делал, давно перестало быть личным занятием не только его, но и всех тех, кого он спасал. Иначе **ОН** в самом деле получит право смеяться. Не в ужасном сне — а наяву.

Не сводя глаз с ящиков, он дотянулся до снаряжения, снял гранату и стал подкидывать в руке. Низачем, просто потому, что граната была теплая и увесистая, она странно придавала уверенности и успокаивала. Она мягко шлёпала в потной ладони... Шестьдесят грамм взрывчатки. Наверное, той же самой, что и в ящиках. Почему-то представилась картина: как бабахнет, если гранатой запустить в ящики.

И вдруг он понял одну очень важную вещь.

Настолько важную, что уронил гранату и не обратил внимания.

Он — может.

Правда — может!!! Более того — он точно знал, как попасть не на Дорогу, а сразу...

Олег закрыл глаза. Посчитал до десяти. Ещё до десяти. Выдохнул. Открыл глаза. Закрыл снова.

Да. Вот она — комната. Роскошный холл, кресла, стол... Люди в креслах — почти два десятка, холёные, отлично одетые. Бумаги на зеркальной, глубокой полировке — явно деловые документы.

Стараясь не спешить и чувствуя, как стучит сердце, мальчишка обулся. Затянул потуже шнуровку, как будто предстоял долгий трудный путь. Хотя предстояло пройти десяток шагов. Накинул и застегнул куртку.

Потом взял гранату. Другую. Повертел их в пальцах.

И встал на ноги. Улыбаясь.

Засовывая гранаты в карманы куртки, подошёл к вагонетке со взрывчаткой. Стал потихоньку раскачивать её, пока не почувствовал — именно **почувствовал**, не **услышал** — как с сухим хрустом ожили колёса.

* * *

— ...такова прибыль прошлого месяца, — председательствующий опустил тонкую пачку листов и оглядел присутствующих. Все отозвались сдержанным одобрительным гулом. Конечно, на фоне их основных занятий — официальных, полуофициальных и неофициальных — сумма, конечно, выглядела не слишком внушительной. Но надо было учитывать аспект новизны, налаживающиеся связи и открывающиеся перспективы. Многим из присутствующих участие в этом бизнесе казалось даже не вполне реальным, чем-то фантастическим. Тем не менее, это приносило осязаемый доход, давало возможность экзотического отдыха и так ценившееся среди этих людей ощущение **причастности** к закрытому клубу избранных.

Опасения новичков выразил один из региональных столпов нефтяного бизнеса. Вертя в пальцах рассеянно извлечённый из-под модной рубашки крест солидного размера, он кашлянул и спросил:

— Я слышал, что... в общем, что вроде бы не всё гладко. Вроде бы есть какое-то сопротивление. Партизаны какие-то... что-то типа. И вообще. Как с этим?

— О, ваши сомнения разрешит присутствующий здесь координатор нашего бизнеса, — докладчик живо указал вежливым жестом на неспешно и плавно поднявшегося из-за стола высокого стройного мужчину средних лет, одетого в чёрный костюм-пару на чёрную водолазку. Большие тёмные очки скрывали глаза до сих пор сидевшего тихо координатора.

— Нет никаких оснований для беспокойства, — голос координатора был вежлив и сух. — Я полностью контролирую состояние дел и пути транспортировки. Гарантирована и личная безопасность тех, кто отправляется в туры по...

Координатор не договорил.

Открылась дверь в соседнее помещение, и все головы недовольно повернулись в ту сторону — участники совещания не понимали, кто же осмелился побеспокоить их.

В дверях стоял мальчишка. Совершенно непонятно было, как он туда попал и вообще что там — за дверями. Уж точно — не привычный холл с охраной. Какое-то помещение вроде ангара... У мальчишки было исхудавшее лицо, слипшиеся сосульками волосы и покрасневшие глаза. Но при этом он улыбался — нехорошей улыбкой, торжествующей и малоприятной — оглядывая по очереди всех, сидящих за столом. Правая рука мальчишки лежала на большом револьвере. Левая нога — стояла носком белёсого, вытертого ботинка на какой-то тележке с аккуратно сложенными зелёными ящиками.

— Привет, — кивнул мальчишка. — А у меня для вас подарок.

В руках мальчишки возникли гранаты. Он выдернул кольца, сплюнул на пол, положил гранаты на ящики и, толкнув тележку ногой в помещение, прикрыл дверь со словами:

— И пока.

Сидящие за столом молча смотрели на гранату.

Потом кто-то истошно закричал.

Но вскочить из-за стола не успел ни один...

Незапланированная остановка

Олег стоял, упершись лбом в ствол толстого дерева. Он стоял так долго, очень долго (по крайней мере, так ему казалось), слушая, как шумит тёплый ветер, щебечут птицы и недоумённо переговариваются ребята и девчонки.

Потом он переступил с ноги на ногу, что-то посыпалось, зашуршало, Олег неловко покачнулся и повернулся к остальным.

Практически в той же диспозиции, в какой они все спали на полу ангара, его спутники сидели и лежали на галечной площадке, похожей на небольшой греческий театр, со всех сторон окружённой весело зеленеющими деревьями. Высоченное светло-голубое небо висело над миром.

— Олег, где мы? — спросила Саша, поднимаясь на ноги.

— Не знаю... — честно ответил он. — Я вас сюда не... не перемещал.

— Но как-то же мы сюда попали? — с идиотской обиженной претензией спросил Макс. А Артур, озираясь, добавил тихо:

— И вопрос — куда — «сюда»?

— Похоже на юг, — сказал Данилка. — Мы с папой и мамой ездили, так вот в Крыму...

— Оружие, ребята! — вскрикнул Юрка. — Оружие!

Действительно — пропало всё, кроме клинков Олега, Артура, Кирилла и Макса, с которыми они не расставались и во сне — да олегова револьвера. И вообще — пропали все вещи, лежавшие слишком далеко от хозяев. Хорошо ещё, что одежду и обувь все — уже по привычке — положили рядом. Олег схватился за карман — деньги — остатки прежних и «сталинские червонцы» — оказались на месте. Уже хорошо...

А в следующую секунду он ощутил ещё кое-что.

Да, **сюда** он никого не переносил. Но с лёгкостью мог прямо сейчас уйти на Дорогу и увести всех с собой. Он видел Дорогу и слышал привычный запах тёплого ковыля.

Вот только...

Не спеша, как будто шепнул ему кто-то. Олег насторожился. Но это не был **ЕГО** голос, похожий то на льющийся в уши тягучий мёд, то на вливающийся в рот расплавленный свинец. Так мог бы сказать... так мог бы сказать друг. Артур, например. Да и голос был вроде бы мальчишеским, Олег даже расслышал звонкую нотку сдержанного веселья.

Ты кто, подумал Олег. И снова услышал — смех, беззаботный и искренний, но не бездумный. Так смеются люди после того, как свалили тяжёлое дело... и, может быть, уже были слёзы.

Это и был ответ.

— Ребята, — вскинул голову Олег, — вы мне верите?

Ответом ему на этот раз было молчание — недоумённое и возмущённое. Потом Оля-старшая сказала:

— Конечно.

И пожала плечами — мол, а ты сомневался?!

— Ну тогда... — Олег помедлил. — Тогда давайте немного побудем здесь. Я чувствую... я могу опять **ходить**. Мы уйдём, но сначала — немного побудем, хорошо? Считайте это моей личной просьбой.

— Ну ладно... — немного растерянно ответил Артур. — Только зачем? И куда мы

пойдём? Тут, что ли, будем сидеть?

— А вон тропинка, — сказал подбравшийся к краю площадки Борька. — Прямо вниз.

* * *

Это был пляж. Олег не любил таких — многолюдных пляжей на морских побережьях с их солёной, как рассол, неприятно-выталкивающей и не освежающей водой, со сплошным слоем отдыхающих, лежащих, словно кильки в банке или поросята на откорме. Да и вообще — он предпочёл бы больше никогда не видеть моря.

А море было. Огромное, до горизонта, вовсе не пустынное, расчерченное там и тут самыми разными «плавсредствами». Ближе к берегу, но подальше от купающихся, болтались водные велосипеды и ещё какая-то чушпень того же типа. Подальше — разноцветно маячили паруса яхточек и яхт. Вдали — у длинного, подёрнутого дымкой серого мыса — Олег различил строгие тени военных кораблей, стоявших в длинный ряд и отсюда детально неразличимых. Когда он скользил взглядом вдоль этих теней, то увидел, что от серого мыса — прямо в море, чудовищной аркой, тающей где-то вдали — тянется мост. Такого Олег совершенно не помнил в своём мире, мост был больше, чем тот, который любят показывать в штатовских фильмах, его опоры, уходившие в воду, ошеломляли; военные корабли были им до пятой части высоты, не больше. Что там, на мосту, Олег не различил, но зато неожиданно увидел гигантский парусник. Корабль — пятимачтовый, с абсолютно ровными и прямыми парусами на пяти мачтах — шёл далеко в море. Сравнить его было не с чем, но становилось ясно, что это такая же громадина среди кораблей, как мост — среди мостов.

Левее — над скалами — кипела зелень, из которой тут и там поднимались красные крыши домов. А за этой зелёной каймой вздымались сверкающие шпили высотных зданий. Над ними тут и там мельтешили какие-то точки — некоторые относительно хаотично, другие — неслись по ровной линии, как будто по рельсам. На переходах, соединявших шпили, тоже буйствовала зелень.

Над пляжем стоял гул голосов и звуков, из которого нельзя было вычленить ничего «отдельного» — кроме гремющей откуда-то задорной песни, которую лихо и очень красиво выкрикивал мужской голос:

— По переулкам бродит лето,
Солнце льётся прямо с крыш!
В потоках солнечного света
У киоска ты стоишь...

— Ой! — охнул кто-то, и Олег вскинул голову.

Метрах в пяти над землёй недалеко от них довольно быстро скользнула... площадка. Именно так это можно было определить, точнее просто не скажешь — блин метра три в поперечнике и полметра толщиной, летевший сам по себе. Непонятно было, что поддерживает площадку в воздухе — она просто летела, и двое мальчишек в плавках с хохотом и воплями замахали руками очумело задравшим головы пришельцам. На площадке были и взрослые — две женщины сидели на какой-то лавочке и беседовали, совершенно не опасаясь за скачущих возле самого края пацанов.

— Смотри, он тут такая не одна, — сказал Артур и показал рукой.

— Слушайте... — Кирилл перебирал в руках два круглых камешка. — А ведь это Крым. Как хотите, а это Крым...

— Стукнись, — ответил Макс. — Нет в Крыму ничего такого.
Данилка закивал.

— В нашем Крыму — нет, — сказала Оля-старшая. И вдруг добавила: — А пошли искупаемся?

Несколько секунд все смотрели друг на друга. Потом засмеялся Артур — первым. А за ним захохотали все.

— Но мы же... — Саша оттянула подол френча.

Только теперь Олег сообразил, что вид у них — только в бомжатник. Разношёрстная форма, военная и полувоенная одежда носили на себе следы разнообразнейших испытаний. Отросшие волосы торчали, как иглы у ежей. Все похудели, как спички и были похожи на малолетних узников (недавних, правда) базы Гуантанамо.

— Тут же пляж, — напомнил Борька, уже стаскивавший с ног кавалерийские сапоги из Оранжевых Песков.

Это послужило общим сигналом. Мальчишки стали раздеваться; через полминуты к ним присоединились девчонки. А ещё через минуту компания, мало чем отличающаяся от обычных обитателей пляжа, уже спускалась по тропинке к морю.

* * *

— Мороженого хочется.

Олег лениво приподнял голову. Открыл один глаз. Борька — мокрый, трясущийся — сидел рядом на гальке и делал вид, что эти слова произнёс не он.

Они купались уже больше четырёх часов. Выбрали свободный пятачок на пляже и, прямо скажем, балдели. Вода была тёплой, народ вокруг — дружелюбным, все то и дело оставляли свою одежду без присмотра и вообще царил дух всеобщего отдыха. То и дело мелькали «летающие блюдца», а один раз Олег буквально подскочил, увидев в небе дирижабль. И спросил, провожая аппарат взглядом, у своего соседа — пожилого мужчины, который в воду не ходил и упорно жарился, то и дело принимаясь за газету с названием:

— РЕЧЬ —

— П-простите, это что?

— Это? — мужчина посмотрел в небо. — Это, молодой человек, экскурсионный четырнадцать сорок. Крым-Кубань.

И, видя, что Олег не собирается больше ни о чём расспрашивать, вернулся к своей газете.

Кирилл убежал играть в волейбол с какой-то компанией. Девчонки тоже предпочитали загорать, лишь Маша устроилась неподалёку возле какого-то мужика, который играл на гитаре, напевал что-то, величественно кивал тем, кто кидал в его серую потрёпанную шляпу монетки — и прихлёбывал из плоской бутылки. Сперва Олег косился в ту сторону, но потом убедился, что мужик не таит никаких сюрпризов — и перестал обращать внимание.

Тимка с Данилой переползли к ещё одной компании — помельче. И теперь рыли в галечном берегу канал, вполне способный осушить Черноморье до дна. Рыли с непонятными целями, но увлечённо. Юрка, Макс и Борька практически не вылезали из воды. Плавал и Генка, причём Олег заметил, что он то и дело забывался... или наоборот — приходил в себя и вёл себя так, как должен вести в воде четырнадцатилетний парень. Димка и Артур больше загорали, только иногда окунались.

И вот теперь — Борька.

— Вон там мороженое, — указал Борька подбородком, заметив, что Олег открыл глаз.

Олег лениво посмотрел в ту сторону — в сторону рекламы пунктов проката разной разности, киосков и ларьков со всякой всячиной...

— Там много чего есть, — заметил Олег. — Думаешь, там примут золото? Или серебряные гривны?

Он уже успел присмотреться — тут были бумажные банкноты и монетки — медные и вроде бы никелевые. Золотом и серебром не пахло. И ещё пару раз по пляжу проходили парами уса́тые мужики в белой с красным форме — парами, без оружия, но их вид и форма не оставляли сомнений в том, что это служители закона. И вряд ли они лояльны к фальшивомонетчикам.

Борька вздохнул и побежал к морю. Очевидно, он не собирался долго расстраиваться. А вот Олег задумался. Вытащил сбережения и начал их просматривать. Мороженое мороженым, но ему лично хотелось есть. До озверения.

По соседству собралась и ушла молодёжная компания. На их место тут же подбежали не меньше десятка пацанов — лет по 10–12, чуть постарше... Они все были одеты в форму — такую Олег уже успел заметить в кучках одежды и на тех из ребят, кто раздевался-одевался — лёгкая обувь без шнурков или липучек, вроде мокасин, высокие, поверху скатанные «бубликом», серые носки, серые шорты, широкие, с чеканными пряжками, коричневые пояса, на которых висели по два-три чехла и сумочки, кофейные рубашки с чёрными погончиками и петлицами и какими-то нашивками, синие галстуки, белые кепи с эмблемами и серыми козырьками... Покидав всё это в кучки, мальчишки с радостным воем устремились в воду. Вслед им весело ругались.

Впрочем, один остался. Он стоял на колене, быстро накачивал складным насосом лёгкий мяч, поглядывал на своих купающихся друзей и явно стремился поскорее к ним присоединиться. Бросил насос, заткнул ниппель мяча, упрятал его внутрь, вскочил, стукнул мячом о гальку... и увидел в руках Олега монеты.

— Ух! — он присел рядом, не выпуская из рук мяча. — Вот это мо-нет-ки-и... Откуда такие? — он быстро посмотрел на Олега.

— Нашли, — буркнул Олег, не склонный разговаривать. Но мальчишка не обиделся и не удивился:

— Вот это здорово, я ни разу таких не видел...

— Женька-а! — окликнули его. — Ты чего-о?!

— Держите! — он ловко выбросил мяч в воду — сидя, пинком из-под себя. — Я сейчас! — а сам снова посмотрел на Олега. — Хочешь поменять?

Олег посмотрел на него с любопытством. Надо же. Мальчишке было лет двенадцать, не больше. Худой, коричневый от загара. И так запросто говорит с незнакомым старшим парнем...

— Вообще-то нам просто деньги нужны, — сказал он. — Мы тут с приятелями... в походе. Ну и поиздержались.

— А вожатый? Или вообще кто там из старших с вами? — удивился мальчишка. Олег понизил голос:

— Никого. Мы одни.

Глаза мальчишки стали круглыми:

— Од-ни-и?!

— Ну да... — Олег огляделся. — Мы из... Тамбова, — мальчишка не удивился — ага, есть такой город тут... Дома все думают, что мы в лагере... — снова нет удивления. — А мы махнули сюда. Пешком, на попутках... Ну и... сели на мель. Не ели ничего давно...

— Почему? — изумился Женька, садясь на пятую точку и скрещивая ноги. Коленки у него были в белых шрамиках.

— А на что купишь?

— А хлеб-то можно было взять хотя бы... — мальчишка явно недоумевал. — Вон же булочная... Да и бесплатные столовые у нас есть. Конечно, не как в Петрограде, но шесть или семь, не помню...

— А... да... — Олег замаялся и вернулся к теме денег: — Ну вот. А тут в горах шли и отыскивали...

— Это, наверное, готский клад, — мальчишка тут же забыл о странностях тамбовчан, не знающих обычных вещей. — Слушай! — он вскинул на Олега загоревшиеся глаза. — А

пошли я тебе покажу, где их можно продать! Тут есть такая лавка, там разное всякое скупают. Мы туда иногда продаём, что находим — если в нашем музее такое есть. Вообще за это ругают... — он сморщил нос. — Но мы по-тихому.

— А далеко? — Олег толкнул ногой Артура.

— Да нет, рядом! — мальчишка вскочил. — Ну, идёшь?

— Слушай, — Олег кивнул кадету, — я, кажется, придумал, где можно достать деньги...

...Шагать в трусах по бульвару было не очень удобно, но тут так ходили почти все, даже взрослые, и Олег перестал об этом думать. А Женьку, кажется, это вообще не колыхало. Он весело болтал о всякой всячине.

— Вон — видишь? — это Императорский Институт биологии южных морей. У меня там дядя служит. Там здорово... А вон та дорога — на Херсонес, мы туда часто ездим... А вон — штаб флота, видишь шпили?... Ничего себе у тебя шрам на ноге, как от пули...

— Это я на прут напоролся, — поспешил ответить Олег. Женька кивнул.

— Ну конечно, я просто так, кого сейчас где пулей-то ранят... Ну, если только какие бандиты где-нибудь на юге. Или на восточной границе... Смотрел «Уссури»? Вот это фильм, вот где у мальчишек жизнь... Только когда я вырасту, наверное, таких мест совсем не останется...

Олег слушал его вполуха, хотя болтовня мальчишки развлекала. Но куда интереснее было окружающее.

Совсем не было машин, а улицы, в которые они свернули, напоминали тропинки в парке. Над деревьями время от времени со свистом проносились по каким-то сверкающим тросам, мелькая за листвой, зеркальные вагончики, причаливавшие к решётчатым опорам с названиями станций — из вагончиков выходили люди. Дома казались знакомыми и незнакомыми одновременно, такой же была и реклама — повсеместная, но не такая навязчивая, как в мире Олега.

Сами люди — легко одетые — выглядели спокойней, уверенней, доброжелательней да и просто физически лучше, чем большинство людей там же. Было много детей — в форме и без, многие — на самых обычных велосипедах с незнакомыми надписями. Много людей было на верандах открытых кафе; звучала музыка — тихая и громкая, но не раздражающая; временами Олег ловил обрывки знакомых мелодий, другие — были начисто незнакомы ему... Наверное, будь спутником Олега взрослый и более наблюдательный человек, он бы мог что-то заподозрить. Но Женька просто показывал Олегу кусочек своего города, явно гордась им.

Если честно — было чем.

— Почти пришли... — Женька вдруг построжал и притих. — Давай обойдём, не надо там так ходить...

Олег не спросил — почему.

Улица разветвлялась. Налево — переходила в маленький переулок. Направо — раздавалась в большую площадь, вымощенную камнем. Площадь была серая и суровая. Она, кажется, обрывалась прямо в море. На площади было немало людей, но они терялись в её сером пространстве. В центре площади высилась, подпирая голубое небо, чёрная колонна с какой-то надписью, окружённая двойным рядом пушек. Одни — старинные. Другие — посовременней. Возле колонны стояли часовые в полужнакомой форме.

— Это памятник героям оборон⁴⁴? — вспомнил Олег кое-что, читанное о Севастополе.

⁴⁴ В нашем мире это:

а.) СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ ОБОРОНА, 13 сентября 1854 — 27 августа 1855, во время Крымской войны 1853-56. Русские войска под командованием вице-адмирала В.А. Корнилова и вице-адмирала П.С. Нахимова 349 дней героически обороняли Севастополь от превосходящих вооружённых сил Франции, Великобритании, Турции и (с 1855) Сардинии.

б.) СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ ОБОРОНА 1941–1942, 30 октября 1941 — 4 июля 1942, во время Великой Отечественной войны. Войска Приморской армии (генерал-майор И.Е. Петров) и силы Черноморского флота

Такого памятника он не помнил, но было бы логично, окажись это именно он.

— Знаешь?! — Женька просиял, как будто ему сделали подарок. — Ага... У меня прапрадед во время Второй обороны был комендором на эсминце «Стойкий», который потопил английский дредноут «Ройал Соверин», флагман эскадры... А потом сражался на линии обороны до самого конца, до триста сорок пятого дня...

Олег промолчал. Со Второй обороной тут что-то оказалось не так. Ну да не важно...

Важно то, что город был хорошим...

...Сумма, которую хозяин лавки «Чудеса и диковины» отвалил за серебряные гривны и золотые монетки («червонцы» Олег поопасался пускать в ход — уж больно они были близки к здешней реальности; может, тут тоже знают Сталина?) столько, что Женька присвистнул заливисто. И, когда мальчишки вышли из лавки, сказал:

— Ого, вот это да... На это можно домик снять на всё лето.

— Держи, — Олег взял несколько банкнот из пачки и протянул их мальчишке. Женька покачал головой:

— Я не возьму. Ты же не один. И вы гости в нашем городе.

Олег вдруг понял, что Женька обидится, если он, Олег, начнёт настаивать. По-настоящему обидится.

— А мороженое ты будешь? — спросил Олег. Женька заулыбался:

— Мороженое — буду!

— Тогда держи, — Олег высыпал ему в руку мелочь. — Иди на пляж и там купи мороженое нашим и своим.

— А ты? — удивился Женька. Олег вздохнул:

— Я немного задержусь. Где тут можно купить одежду?..

...Олег опасался, что его попрут из магазина. Но появление одетого в одни трусы мальчишки никого особо не удивило, и он вышел наружу в широких шортах и сандалиях на босу ногу. Олег и сам не мог себе сказать, зачем он потратил деньги и время на это. Может быть, потому что ему хотелось надеть что-то... что-то **гражданское**? Не пропылённые и пропотевшие джинсовку и берцы...

И ему сразу расхотелось спешить. Пришло ясное понимание, что ребята и девчонки не уйдут с пляжа, что они вообще почти забыли про Олега — и это было не обидно; пусть! А он немного побродит...

Но «побродить» не удалось.

Буквально через полсотни шагов он наткнулся на кинотеатр. Самый настоящий, хотя и не самый обычный по меркам мира Олега. Он назывался «Новый Одеон», но главным было вовсе не это.

Со стереоплакаты (это было похоже на окно в плоской стене, и под этим плакатом толпились мальчишки... да и взрослые стояли) на фоне каких-то сполохов, взрывов и пожаров смотрели на прохожих два мальчишеских лица. Одно показалось Олегу знакомым, второе он видел впервые. Ниже шли алые буквы:

СВОЛОЧИ

По надписи словно пробежали волны пламени.

Наверху плаката — надпись помельче, белая:

(вице-адмирал Ф.С. Октябрьский) в ноябре и декабре 1941 отразили два наступления немецкой 11-й армии (генерал-полковник Э. Манштейн) и удержали Севастополь, сковав крупные силы противника.

В мире, куда попали мои герои, Вторая оборона была в 1896–1897 г.г. против объединённых сил Британской империи, Королевства Итальянского, Османской Империи и Австрийской Империи — во время последней большой европейской войны, окончившейся победой Российской и Германской империй над коалицией пяти сильнейших европейских государств, Османской Империи и Северо-Американских Соединённых Штатов.

ИХ ХОТЕЛИ СДЕЛАТЬ ПРЕДАТЕЛЯМИ
ОНИ СТАЛИ ГЕРОЯМИ
СМОТРИТЕ В СТЕРЕОЗАЛАХ СТРАНЫ НОВЫЙ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
ФИЛЬМ!

А в самом низу — аннотация:

— год.
Началась Восточная война.
Многие семьи работников КВЖД были захвачены особыми отрядами кемпетай.
Отобрав полтора десятка подростков, японцы, угрожая расправой с их родителями, стали готовить из ребят отряд «Сволочей», предназначенный для диверсий на Транссибирской Магистрали.
Но дети России — не игрушка в чужих играх!

* * *

В главных ролях — Саша Головин, Сеня Куриленко⁴⁵
В ролях «сволочей» — воспитанники Дальневосточного Его Императорского Величества казачьего кадетского корпуса им. Ерофея Павловича Хабарова.
В фильме песни на слова Н.С. Гумилёва и на свои слова поёт известный бард В.С. Высоцкий

Олег подумал. И пошёл к очередям, стоящим в три кассовых окошечка сразу — окошечки выходили прямо на улицу.

* * *

Сперва Олег никак не мог «всмотреться» в фильм. Мешало то, что не было обычного для боевика антуража вещей. Конечно, стерео потрясало (обалдеть, ни с чем не сравнить!), но не было «калашниковых» (вместо них — «федоровки»), форма (и у наших и у японцев) не походила ни на что знакомое... Он не мог отделаться от ощущения, что смотрит фантастический боевик с непонятным началом. А ведь это было историческое кино о вполне реальных для здешнего мира событиях — Восточной войне 1932–1935 годов, в ходе которой Российская Империя разгромила Японию.

Но потом запел Высоцкий.

Японцы выводили пленных мальчишек из самолёта, похожего на дракона. А Высоцкий пел — немного постаревшим, но таким же, как в мире Олега, **непримиримым** голосом:

За дело, живо! Или в гроб ложись!
Да — выбор небогатый перед нами...

⁴⁵ В нашей пространственно-временной реальности 13-летний артист мюзикла «Норд-Ост» Сеня Куриленко трагически погиб в ноябре 2002 года во время захвата театра на Дубровке чеченскими бандитами.

Нас обрекли на **медленную жизнь** .
Любовью приковали — как цепями...

И в конце — ещё один куплет. Когда рушилась внутрь себя секретная база в хинганских горах... А Вадик — его играл тот самый Куриленко — единственный оставшийся в живых, стоял, держал правой ладонью раздробленное левое плечо и смотрел на это, шевеля губами. Казалось, что это он и поёт...

Но рано нас равнять с болотной слизью!
Мы гнёзд себе на гнили не совьём!
Мы не умрём мучительною жизнью!
Мы лучше — верной смертью — оживём!

— Ура-а! — вдруг крикнул звонкий мальчишеский голос в наступившей темноте стереозала. Олег вздрогнул. Но тут же закричали «ура!» в другом месте, в третьем... а многие захлопали. И хлопали, уже поднимаясь с мест...

* * *

На пляже, казалось, ничего не изменилось вообще. Олег только пожалел мимоходом, что компания Женьки уже ушла — её место заняли несколько солидных пожилых пар. Даже появление денег не вызвало особого энтузиазма — все объелись мороженым.

Ну и пусть, подумал Олег, сбрасывая купленную одежду и обувь. Он окунулся и опять уселся рядом с Артуром, который лежал на спине и смотрел в небо.

— Тут хорошо, — вдруг тихо сказал кадет.

— Я сейчас в кино был, — признался Олег. — Стерео... Хочешь, потом ещё сходим?

— Может быть... — Артур усмехнулся чему-то. — А знаешь, тут давно нет войны. Мы тут говорили... по-тихому, туда-сюда... Это Российская Империя. Они в космос летают. И мы могли поесть бесплатно, вон там есть столовая. Бесплатная. И вообще.

— Я видел, — сказал Олег. Не стал объяснять, что именно он видел — он и сам толком не понял, что имел в виду. Но **понял** Артур. Он, кажется, хотел ещё что-то сказать, но мальчишек отвлёк человеческий окрик.

— Шамиль! — вдруг крикнул, приподнимаясь на песке, рослый широкоплечий мужчина. В глазах и лице крикнувшего было что-то волчье, опасное, но сейчас он широко улыбался и буквально светился от радости встречи. — Басаев, Шамиль, оглох, что ли?!

Невысокий сухощавый человек, стоявший совсем рядом с Олегом, но спиной к нему, резко обернулся. Остролицый, темноволосый, чуть лупоглазый, с короткой темной бородкой, он свёл густые брови, непонимающе глядя на уже поднявшегося с песка широкоплечего мужчину. Потом вдруг громко сказал:

— Ййэх! Невзоров, Саша?!

Он говорил совершенно правильно, без акцента, но в голосе проскальзывали какие-то нерусские интонации. Шагнув вперёд, чернобородый задел словно окаменевшего Артура, мельком бросил: «Прости, парень...» — и крепко обнялся с почти подбежавшим плечистым. Улыбаясь, мужчины рассматривали друг друга.

— Я думаю — кто мне кричит?! — смеялся чернобородый. — Людей — тьма, час назад приехал, никогда раньше тут не был — кто кричит?! Вот встреча!

— Ну! — Невзоров стукнул чернобородого в плечо, тот охнул и сморщился шутливо. — Да ты же вроде улетал на Марс, потом, говорили, пропал вообще...

— Чуть не пропал, Саша, правда чуть не пропал... А, чего стоим, пошли, посидим где-нибудь, всё расскажу... Ты-то где?..

Мужчины пошли по пляжу, переступая через одежду и людей.

— Это же Шамиль Басаев, — чужим голосом сказал Артур и крупно сглотнул. — Это же Басаев, настоящий Басаев, Олег...

— А второго ты не узнал? — Олег вытер рукой лоб. — Невзоров. «Лошадиная энциклопедия» ещё у него, журналист знаменитый...

Но Артуру было не до Невзорова.

— Как же так, это же Басаев, как же так... — повторял он с болью и растерянностью. — Он же враг...

— Здесь он не враг, — Олег обнял кадета за плечи. — Видишь ведь, здесь всё-всё по-другому, Артур...

Но Артур не дослушал. Он вывернулся из-под руки Олега, опустил голову и вошёл в воду по грудь. И остановился там. Помедлив, Олег пошёл следом.

Артур плакал. Слезы падали в мерно поднимающуюся и опускающуюся воду моря, Артур окунал лицо и плакал снова. Сперва Олег хотел сказать что-нибудь утешительное, но потом понял — нет слов. Артур плакал о мире, где все войны понятны и завершаются победой, где есть летящий в небе мост, где полицейские ходят без оружия, а Шамиль Басаев дружит с Невзоровым и летает на Марс. И, наверное, врежет в морду тому, кто скажут, что он способен захватить детей и больных в заложники...

Тебя здесь нет, подумал Олег зло. Слышишь, тебя здесь **нет**. Это не твой мир, гад. И значит, ты не всесилен. Ты точно не всесилен. А раз не всесилен — значит, с тобой можно воевать и **там**. **В моём мире**.

И я буду воевать. А если ты всё-таки сможешь меня убить — будут воевать другие.

— Артур, — окликнул он кадета. Тот повернулся. — Артур... послушай...

На ладонь ладонь положи — и скажи:

«Дружба, нас ведем, словно компас в пути!»

Если рядом друг — и беда не беда,

В самый трудный час дружба выручит нас!

— Да, — Артур поднял голову. И Олег вдруг увидел... увидел, что кадет улыбается. У него были слёзы на глазах, но он улыбался. — Ну и пусть, да? Мы просто будем знать, что есть такой мир... Ведь есть же, да?

— Да... — шепнул Олег.

Они, не сговариваясь, легли на спину и стали просто смотреть в небо. Не о чем и незачем больше было говорить. Море качалось, вздыхало, шуршало, и голоса людей вокруг не нарушали этого спокойствия и этой мягкой качки...

* * *

Солнце уже садилось в море, когда вся компания наконец собралась вместе — слегка оглушённая впечатлениями и утомлённая отдыхом, но с начавшимися проблемами.

Вернее — как «проблемами»? Подскочил Борька с двумя незнакомыми пацанами, и, чуть ли не приплясывая от нетерпения, выпалил:

— Олег, мы же тут ещё остаёмся? Можно мы с ребятами на ночную рыбалку? Вон туда, на камни, — он махнул куда-то в сторону Турции.

— Ага, мы там всё знаем, отпустите его, а?! — насели мальчишки. Олег махнул рукой:

— Давайте. Только завтра в полдень тут! — спохватился он. Борька кивнул, подхватил

одежду и рванул было бежать, но Олег задержал его ещё на полминуты и сунул за резинку трусов купюру. Кажется, Борька этого и не воспринял... Да и Олег тут же забыл, потому что подошёл тот мужик, который пел под гитару — с Машей подошёл. Кашлянул:

— Простите, молодой человек... Вы бы не могли отпустить Марию со мной? Я гарантирую, что она выпитая и поест... Дело в том, что Маша знает немало песен, мне неизвестных, и я имею эгоистичное желание их записать на стерео...

— Олег, пожалуйста... — попросила Маша.

— Я... — растерялся Олег, меряя взглядом пляжного музыканта. Но вмешался Кирилл:

— Да отпусти... И я с ними пойду, если вы не против, — он кивнул музыканту. Тот вроде бы даже обрадовался:

— О, ни в коей мере! Я буду только рад принять двоих гостей...

— Ну... идите, — разрешил Олег. Сунул Кириллу деньги. — Завтра тут, в полдень!

— Ага! — ответил Кирилл. Маша просто махнула рукой. Музыкант вежливо тронул поле шляпы.

Потом «отпросились» обе Ольги — они познакомились с какими-то девчонками-модистками из-под Мурманска и не хотели отрываться от обсуждения нарядов. У Олега слово «модистки» вызвало некоторые подозрения, но он посмотрел на этих мурманских девчонок и сообразил, что **здесь** (или **сейчас** ?) это слово не имеет негативного значения... И Юрка ушёл — на набережную...

Подошёл Генка. Глядя в сторону, сказал тихо, что пацаны со спортбазы — он с ними плавал — зовут его достраивать яхту, «им нужны руки». Олег кивнул. Генка удивился, когда получил деньги, но потом коротко вздохнул и, поблагодарив, пошёл к своим новым знакомым.

Потом какая-то весёлая полная женщина с тремя мальчишками лет по 7–9 «конфисковала» (она так и выразилась) Тимку с Данилкой — это, оказывается, с её сыновьями они рыли канал и не желали расставаться. Олега она назвала «господин вожатый» и клятвенно пообещала, что доставит мальчишек «к сроку, накормленными и выспанными». От денег она отмахнулась, и Олег разрешил. Все пятеро пацанов подняли бурю и утащили мамашу с берега, как буксировщики — дирижабль. Опять дирижабли в голову лезут...

...В общем, в полутьме на стремительно (хотя и не полностью) пустеющем пляже остались Артур с Сашей, Макс, кидающий камешки в воду, сидящий на освободившемся лежаке Димка — и сам весьма растерянный Олег.

— Вот так, — сказал Макс, поднимаясь. — У нас в школе плакат висит... В лифт с незнакомыми не заходить. Хочешь мусор вынести — погляди в глазок. К соседям в квартиру даже не стучись. Ни с кем не общайся. Заранее считай, что все чужие люди — твои враги и хотят причинить тебе вред. Так и написано. Белым по красному... — он неприятно усмехнулся.

— Ты это о чём? — удивился Артур, обнимавший Сашу за талию.

— О чём? — Макс снова усмехнулся. — Не хочу я в глазок смотреть. И в лифт бояться заходить не хочу. Я хочу, чтобы всякая шваль боялась в лифт заходить. Чтобы даже дышать боялась. А мы — чтобы ничего не боялись. Это будет **правильно**. Всё остальное — **неправильно**, понимаете?

— Сделай так, — предложила Саша. Без насмешки. Да Макс и не обиделся. Ответил:

— Сделаю. По крайней мере — буду пытаться сделать так. У них же, — и он кивнул на огни города за спинами, — получилось...

Они ещё помолчали. Потом Олег сказал:

— Ну что? Мы-то куда пойдём?

— Ты что-то про кино говорил? — вспомнил Артур и начал одеваться. — Пошли?.. О, газетка... Меч заверну.

— Пошли, — охотно согласился Олег.

— Я тут поброжу, — сказал Макс. — В полдень завтра — на этом месте?

— Держи, — Олег сунул ему деньги. — До встречи... Дим, ты идёшь?

— Я? — он изумлённо посмотрел на всех. И выпалил: — А вам не противно?

На миг наступила неловкая тишина. Потом Саша, шагнув к глядящему на старших мальчишке, сказала:

— Я пила твою воду. **Твою**, Дим.

Димка опустил глаза. Посопел. И сказал тихо:

— Не... Вы только не обижайтесь, но я тут посижу. Ладно?

— Держи, — Олег передал купюру и ему.

* * *

Когда они вышли из кино, было около полуночи. Но жизнь на прибрежных бульварах не думала затихать. Она была весёлой, шумной, но не истеричной, какой часто бывает ночная жизнь курортов в мире Олега. Где-то неподалёку вздыхал духовой оркестр.

— В городском саду играет духовой оркестр... — негромко пропела Саша, шедшая между двумя парнями, нёщими замаскированные газетами клинки. — Мальчишки, пошли туда, а?

Они молча свернули на аллею, освещённую одинарными фонарями на высоких стояках. По ней в направлении музыки неспешно шли пары и одиночки, в том числе — молодёжь.

Олега тоже заинтересовал оркестр, да и музыка была красивой, похожей на морской прибор — но он, в отличие от остальных, вообще ничего не ел, даже мороженого или хлеба. Поэтому, увидев у входа на танцплощадь с оркестром в середине большое открытое кафе, он недвусмысленно заявил:

— Жрать. Не могу больше.

Они подошли к столику, освободившемуся, как по заказу, и опустились в удобные плетёные креслица. Мгновенно подлетела официантка — молоденькая девчонка.

— Приветствую вас в нашем славном городе и в кафе «Снежинка», — отпартовала она. Но улыбалась искренне, и Олег спросил:

— А почему «Снежинка»?

— А вот... — она повела рукой, и Олег сообразил, что площадка кафе действительно сверху будет похожа на многолучевую снежинку. — Итак — заказ? Мороженое, фрукты?

— Ужин, — сказал Олег. — Нескромный, глобальный, ужасающий размерами и последствиями для желудка и сна ужин на троих.

— Понятно, — девчонка деловито чиркала тонкой палочкой по закреплённому на запястье экранчику. — Что будете пить?

— Шартрез у вас есть?

— Есть, — невозмутимо ответила девчонка, с интересом взглянув на Олега. — Вишнёвый со льдом вас устроит?

— Вполне... — кивнул Олег слегка ошалело.

— Три минуты, — и девчонка исчезла.

— Неужели принесёт шартрез? — шепнул Артур. Олег пожал плечами:

— Не знаю, но такая — может.

Прошло действительно три минуты — и рядом со столом возник поднос на колёсиках. Та же девчонка сгрузила с него солянку, шашлыки, блины, мисочку с соусом, тарелку с хлебом — всё в тройном количестве — и три высоченных бокала с чем-то тёмно-вишнёвым.

— Ваш шартрез, — она сделала книксен. Олег, приподняв бровь, достал деньги, расплатился. Приложил сверху рублёвую бумажку, но девчонка засмеялась:

— У нас не берут чаевых, спасибо. Приятного аппетита и пребывания в Севастополе!

Артур между тем сунул нос в бокал и засмеялся:

— Вишнёвый сок со льдом.

Духовой оркестр тем временем заиграл вальс. Саша быстро посмотрела на Артура:

— Умеешь?

— Сударыня, я русский кадет, — укоризненно качнул головой Артур, вставая. — Поедим потом, ничего, не остынет.

И они пошли танцевать — рука об руку, в белых френчах, бриджах и сапогах. Ничего, никто не косился — наверное, думали, что они из какого-нибудь конного клуба. Конечно, тут есть конные клубы. Как не быть. Бесплатные...

Вальс плыл, а с ним плыли пары. Не только среднего возраста, не только пожилые — почти ровесники Олега, Артура и Саши.

Олег принялся за еду. Всё было очень вкусно, и не потому, что он долго не ел нормально. Просто — вкусно. Запив ужин «шатрезом» (он усмехнулся), Олег подозвал официантку и сказал ей, протягивая половину оставшихся денег:

— Когда закончится танец — передайте, пожалуйста, это моим друзьям. И скажите, что встретимся утром. Где собирались.

— Хорошо, — девушка кивнула. И, помедлив, спросила: — У тебя что-то случилось?

— Почему? — искренне удивился Олег.

— Так... — она пожала плечами. — Мне показалось.

— Случилось, — признался Олег. — Но только хорошее. Спасибо.

— За что? — девушка улыбнулась.

— За всё, — Олег поднялся. — Мне пора.

* * *

Он боялся, что замёрзнет под утро. Но вместе с рассветом пришёл туман, и Олега разбудил не холод, а влажные прикосновения к лицу.

Он сел на садовой скамейке. Было тихо. Птицы спали. Мир спал. Потом за туманом протяжно пропел гудок — и он вспомнил, кто он, где, он, что с ним.

Хотя Олег проспал всего около двух часов, он чувствовал себя отдохнувшим. Вот только одежда намочла. Можно было бы пойти ночевать в какую-нибудь небольшую гостиничку (он видел несколько прямо в этом парке). Он и собирался. Но потом присел на скамейку, прикрыл глаза — и...

Парк казался заколдованным. Мальчишка поднялся, попил из фонтанчика, умылся, прополоскал рот. И неспешно пошёл по аллейке, покачивая свёртком.

До полудня оставалось ещё много времени. И потом...

Они не придут.

Ну, кто-то придёт, конечно. Но кто-то и останется. Останется в добром, уютном мире, где не нужно смотреть в глазок, прежде чем выйти на лестницу.

А, может, это и правильно? Отец Борьки пьёт... Димкиной семье вообще на него плевать. А тут они устроятся как-нибудь. Да нет, не «как-нибудь». Наверняка хорошо...

Туман неожиданно кончился — и Олег вышел в солнечное утро. Просто — вышел, одним шагом, как через порог комнаты. Аллейка привела на смотровую площадку, с которой был виден весь город. Выдававшаяся над обрывок, как бастион, она и сделана-то была под бастион — полукруг с каменной балюстрадой в виде зубцов, мелкий гравий...

Солнце уже грело. Олег огляделся, стащил с себя всё, кроме трусов, развесил одежду на зубцах и сам сел на один из них верхом. Камень ещё не нагрелся, холодил, под правой ногой была жутковатая высота. Олег чуть наклонился туда, потом мотнул головой, соскочил на гравий, потянулся. Подумал, достал из ножен палаш. Полюбовался им, махнул несколько раз — тонко запел воздух. Тогда мальчишка начал выполнять финты и уклонения — всё быстрее и быстрее, чувствуя, что согревается и одновременно как бы выталкивает из себя все страхи и сомнения...

— Х-хаА! — завершил он этот танец быстрым рубящим выпадом, застыл — и увидел, что на него смотрит мужчина.

Очевидно, он смотрел уже давно. Стоял сбоку площадки (наверное, там была лестница снизу), неподвижно — и, увидев, что Олег заметил его, смутился:

— Извините, молодой человек...

Олег настороженно и смущённо оглядел его. За пятьдесят, полноватый, но подтянутый, в светло-сером костюме-тройке, мягкой шляпе того же цвета, белых туфлях, с большой папкой под мышкой... Мальчишка переступил с ноги на ногу, ощущая, что нелеп — в трусах и с палашом.

— Молодой человек... — мужчина смущённо кашлянул. — Ещё раз извините... Вы очень красиво это проделывали... Я понимаю, что с моей стороны это дерзость, у вас, конечно, свои планы...

— Я вас слушаю, — по-прежнему настороженно прервал его Олег. Оглянулся, шагнул к одежде.

— Видите ли, молодой человек, я художник... — мужчина пожал плечами, явно действительно ощущая себя неловко. — Ну, может быть, не настоящий художник, не тот, какими мечтал быть в детстве... Я иллюстрирую книги. Издательство Сытина, серия «Россия молодая». Вы, скорее всего, читали наших авторов. Крапивин, Шепелёв, Колобовский... это из всем известных, навскидку...

— Читал... — осторожно согласился Олег, про себя отметив Крапивина — знают и здесь? И Шепелёва он что-то слышал... — Но...

— Мы выпускаем большой тираж новой книги Путина... — начал мужчина, но Олег не удержался — перебил его изумлённым вопросом:

— Ко-го?!

— Путина, — повторил художник немного удивлённо. — Вообще-то это коммерческая тайна, но... Это бывший офицер, он недавно вышел в отставку в чине полковника Генерального Штаба и представил в издательство очень интересную рукопись... К сожалению, я не могу раскрывать секреты... но поверьте, книга замечательная. Сказка-фантазия... то, что очень любят многие подростки, мечи, кони, путешествия между мирами... Я сам не особенно люблю такое, но мой младший сын, например, в восторге... как и все его одноклассники...

— Я... я... п-понимаю... — Олег был так ошарашен, что даже толком не мог думать. — Но чем я-то...

— Да в том-то всё и дело! — оживился художник. — Я приехал сюда, потому что... скажем прямо, небольшой творческий кризис застиг меня за работой. Я составил пакет рисунков, но в нём не хватает главного героя. Конечно, можно поискать в базах данных снимки подростков из разных клубов и отрядов, но я не люблю такого, это отдаёт ремесленничеством. Я поехал сюда. Буквально только что с поезда — и вдруг встречаю такую натуру.

— Меня? — Олега покорило слово «натура».

— Я неловко выразился, простите... — художник покачал головой. — Вы не могли бы разрешить мне выполнить с вас полдюжины набросков? Портрет и хотя бы четыре-пять в движении...

Олег нахмурился. Происходи это в его мире... будь у этого человека фотоаппарат... В этом случае Олег подумал бы сто раз. За пятью-шестью вполне невинными снимками речь могла пойти об «обнажённой натуре» — ну и далее по накатанной. Но...

Но, похоже, в этом мире и правда не было нужды выглядывать в замочную скважину.

— Ну хорошо, — Олег засмеялся. — Я согласен. Только...

— Вам нужны деньги? — мужчина полез в карман пиджака. — Мне ассигнованы определённые суммы... только нужно будет расписаться в бланке...

— Нет, — Олег покачал головой. — Я хочу, чтобы вы подарили мне один рисунок. Согласны?

* * *

На лежаке, поставленном боком, сидел коротко стриженный парень лет 16–17. Склонив голову к груди, он наигрывал на гитаре рваную, свирепую мелодию и пел — пел для ещё нескольких ребят, стоящих и сидящих вокруг:

— Боже, помилуй! Шкипер — не сдрейфь!
Да перископ — не выдай!
Нас одарили: скоростью — верфь,
и торпеды — победой.

Боже! Пошли нам заморский конвой,
Дабы сработать на славу:
орден «с дубовыми» в боевой
Рубке сверкает — по праву.

Ребята были одеты в военную форму — точнее, военно-морскую, только вместо бескозырок, для Олега прочно связанных с морем, были фуражки. Наверное, курсанты... Или тут их называют «гардемарины»?

— Крутит турбинами рурский мотор
с рокотом чертовых мельниц.
К дьяволу кайзера! Наш командор —
морем просоленный Дениц.

Мы — не потоплены. Что нам до них —
Пышно сидящих в Берлине?
Флаг спускайте?! Тойфель фюр дихь!⁴⁶
Мы на родной субмарине!

Мы будем драться — покуда соляр
плещется в недрах цистерны,
покуда команду не душит угар,
покуда винты без каверны.

Лишь бы удача не встала спиной,
да скрыла б наш след пучина...
Боже! Пошли нам заморский конвой —
и охраня Кригсмарине⁴⁷...

⁴⁶ Наиболее энергичный перевод на русский с немецкого: «Хрен вам!»

⁴⁷ Стихи К. Попова. Оригинальный текст слегка переделан в соответствии с реалиями мира, который я описываю. В нём в войне 1895–1899 г.г. 314 спешно построенных и ещё очень несовершенных субмарин военно-морских сил Германской Империи (Кригсмарине) потопили несколько тысяч вражеских судов, полностью прервав сообщение между Британской Империей, Северо-Американскими Соединёнными Штатами и их европейскими союзниками. Почти все субмарины погибли, но их деятельность внесла грандиозный вклад в русско-германскую победу в той войне. Эту же песню пели и русские подводники.

Олег рассматривал рисунок. На нём он стоял на парапете, опираясь ногами сразу на два зубца. Смеялся, подбоченившись левой рукой, а правой — поднимал клинок вверх, и на самом его конце горело солнце.

Жаль, что нельзя будет увидеть книгу.

— Ты тоже думаешь, что кое-кто не придёт?

Артур подошёл и встал рядом. Олег, аккуратно свернув рисунок в трубочку, пожал плечами и тихо сказал:

— Знаешь... Если кто-то и не придёт — я не буду его винить.

— Да... — согласился Артур.

Макс с Димкой, сидя неподалёку на гальке, о чём-то разговаривали. Олег не уточнял, но, похоже, они всю ночь провели тут. Саша и обе Ольги (подошли вот-вот только) тоже были здесь. И Борька, и Маша с Кириллом...

Не было Генки, Тимки, Данилы и Юрки. Правда, как только Олег об этом подумал, младшие пацаны появились — шагали, таща какой-то свёрток.

В свёртке оказались тёплые пирожки с абрикосами. Пока ели, пришёл Генка, на ходу то и дело нагибавшийся, оттиравший руки песком. Руки были перемазаны смолой, Генка чему-то задумчиво улыбался и даже не заметил, что ему предложили пирожок.

Олег взглянул на часы, которые поставил по пляжным солнечным. Десять минут первого.

Юрки не было.

Ну что ж, подумал Олег грустно. Наверное, случается и так. И он не откажется от своих слов.

Не будет никого винить. Да и не в чем...

...Тень скользнула над пляжем. На песок опустилось «летающее блюдце» — и с него, махнув рукой какой-то девчонке, соскочил Юрка. Блюдце тут же стартовало к морю, а Юрка дерзко усмехнулся:

— Все в сборе? Пошли.

— Пошли, — сказал Олег. — **Все в сборе.**

И ещё раз там, где стоят часы

На этот раз их вынесло прямо к чьему-то костру. Буквально в каком-то метре. Возле огня сидело человек десять, не меньше — мальчишки, девчонки, от 7–8 до 14–15 лет, разношёрстно одетые, кое-кто с оружием... Веселились и варили что-то в большущем котелке, судя по запаху — чай. Когда появилась компания Олега — разговор мгновенно умолк, но не испуганно, а удивлённо (Олег успел **почувствовать**, что говорили по-английски) — и на новоприбывших уставились с интересом.

— Хлеб-соль, — дурашливо поклонился Юрка.

— Чай-сахар, — указал на котёл светловолосый, чуть веснушчатый, сероглазый парнишка в кожаном, в шапке из лисьих хвостов и с М16 между колен. И почти тут же вскрикнул: — Олег?! Русский!

— Джок? — неуверенно спросил Олег...

...И Джок Рутберг, и Анри Халлман были тут. Со своими братом и сестрой. Правда, из всего снаряжения у них остались М16, кольты и штыки. Вся остальная одежда «подгуляла».

Около костра немедленно начался общий разговор, перемежаемый смехом. Олег, зачерпывая кружкой почти чёрный чай (американцы обычно чая не пьют, а вот гляди ты...), спросил:

— Ну что? Вижу, не только своих вытащили?

— Не только, — Анри улыбнулся. На его щеке виден был тонкий шрам. — Мы почти два месяца гуляли... Четыре кода прошли!

— Правда, один парень погиб. Не дождался нас... забили за побег, — печально добавил

Джок, доставая набитую трубку и закуривая ей от головёшки. — И две девчонки не захотели вернуться.

— У нас погибших нет. Но трое остались, — Олег кивнул на трубку. — А как же вред для здоровья?

Джок поднял средний палец свободной руки в пространство. Анри заметил:

— В одном милом месте, где нас хотели выпотрошить и набить чучела, его назвали Дымящий Вулкан.

— А тебя называли Пукающий Зад, — дружелюбно огрызнулся Джок.

Да, юмор у них остался американским... Но, судя по лицам, вернувшись домой, эти мальчишки вряд ли теперь легко поверят, что ради защиты демократии надо убивать кубинцев, а негры и гомосексуалисты — лучшая часть общества США, подумал Олег. Он уже хотел озвучить эту мысль, но тут из темноты послышалось:

— А можно подсесть?

— Да ради бога, — сказал Артур, даже не оборачиваясь.

К огню подошёл мальчишка. Лет 15, с гитарой через одно плечо, старым рюкзаком через другое, в белёсых джинсах, подвёрнутых под колено, в свободной серой рубашке, босиком (лёгкие ботинки качались у рюкзака). На поясе — длинный нож и пистолетная кобура. На левом запястье — часы... нет, тяжёлый серебряный браслет-кольчуга с мелкими светящимися камешками — бриллианты?. Короткие светлые волосы-ёжик, серые глаза с искрами самоуверенности, ноги — в пыли...

— Меня зовут Талер, — сказал мальчишка. — Так вы говорите, подсесть можно?

Олег попытался **почувствовать**, на каком языке говорит гость.

И не смог...

... — Опять тобой, Дорога,
Желанья сожжены.
Нет у меня ни бога, ни чёрта, ни жены...
Чужим остался Запад,
Восток — не мой Восток...
А за спиною — запах пылающих мостов...

Да, многие пели под гитару в последний месяц жизни Олега. Но так — так не пел никто. Да и не мог, наверное, никто из людей так петь. Так пела бы гитара, оживи она вдруг и обрети человеческий облик.

— ...Сегодня вижу завтра
Иначе, чем вчера.
Победа, как расплата, зависит от утрат...
Тринадцатым солдатом
Умру — и наплевать!..
...Я жить-то не умею — не то, что убивать...

Повесит эполеты
Оставшимся страна.
И к чёрту амулеты, и стёрты имена...
А мы уходим рано,
Запутавшись в долгах —
С улыбкой д'Артаньяна, в ковбойских сапогах...

И, миражом пустыни
Сражённый наповал,
Иду, как по трясине, по чьим-то головам!
Иду — как старый мальчик,
Куда глаза глядят...
...Я вовсе не обманщик — я Киплинга солдат...⁴⁸

Талер прикрыл ладонью струны гитары и улыбнулся, глядя на слушателей. Неподалёку фыркали кони; чей-то мужской голос произнёс: «Ну что ты, пой ещё!»

— Ещё? — Талер чуть повернулся в ту сторону. — Могу и ещё... Кто-нибудь знает песню «Яблочко»? — это он спросил уже у мальчишек и девчонок у огня.

— Ну, вроде бы слышали, — сказал Макс неуверенно. А Маша пропела чуть смущённо:

— Эх, яблочко, куды котисься... Там дальше неприлично.

— Угу, — кивнул Талер. — Олег. Олег, я тебе.

Олег поднял глаза от огня:

— Да? — удивился он.

— Ворона кума, проверка связи... — засмеялся Талер. И посерьёзnel мгновенно: — Вообще-то я **всем**. Но тебе — в особенности. В общем — эпиграф.

Мы ехали шагом, мы мчались в боях,
Мы «Яблочко»-песню держали в зубах,
Ах, песенку эту доньше хранит
Трава молодая — степной малахит...

— он вздохнул. — Эти стихи Светлова⁴⁹. А теперь — собственно песня...

К ночи смелели смрадные бесы, день умирал в пыли,
Тьма подступала враз с четырех сторон.
Здесь бы в клинки, да «Яблочко»-песню в мертвые ковыли
Выронил обеззубевший эскадрон.
Здесь бы в клинки, да «Яблочко»-песню в мертвые ковыли
Выронил обеззубевший эскадрон...

— повторил он, и такой тоской резануло от этих полупонятных слов, что Олег невольно сжал кулаки...

— Нынче солдату худо без песни, годы его горьки,
Хитрая сволочь-старость свое взяла...

⁴⁸ Стихи Ю.Кукина.

⁴⁹ СВЕТЛОВ Михаил Аркадьевич (1903-64), русский поэт, драматург. Стихи отмечены романтическим восприятием событий Гражданской войны, комсомольской юности («Гренада», «Рабфаковке», «Песня о Каховке»).

Внучка солдата выбрала «Пепси»; выскользнув из руки,
Медная кружка падает со стола...

Интересно, подумал Олег, что слышат американцы? Они тоже притихли, у них блестят глаза... Может быть, такие песни есть и у них — просто их не поют?

— Он пролетарий, он пролетает, но свысока видней,
Как по степи весенней, дробя гранит,
Прет малахит-трава молодая, та, что до наших дней
Песню его потерянную хранит...

Талер вдруг негромко рассмеялся, не переставая играть, подмигнул Олегу и повысил голос:

— И в этом корни надежды, источник верного знания,
Что Билли Гейтс⁵⁰ не канаает супротив Че Гевары⁵¹!
Что скоро новых мальчишек разбудят новые песни,
Поднимут новые крылья, алые крылья.

Видит он сверху, как на восходе с целью купить табак,
Выдубив душу в недрах судьбы иной,
Входит в древнюю огненный ходя с лаем цепных собак,
Ветром и алыми крыльями за спиной.

А рыжему Яшке снятся те крылья дюжину лет подряд,
А от роду Яшке те же двенадцать лет,
Веку — двенадцать, звездам — двенадцать — тем, что над
ним горят,
В целой вселенной мира моложе нет!

Под волосами тлеет на коже Яшкиной головы
Злой иероглиф вечного «Почему?»
Ждет паренька, дожидаться не может, песня степной травы —
«Яблочко», адресованное ему!

И верят в рыжего Яшку его нездешние страны,

⁵⁰ ГЕЙТС Билл, американский предприниматель и изобретатель в области электронно-вычислительной техники, председатель и исполнительный директор ведущей компании в мире в области программного обеспечения Microsoft. Символ успеха и предприимчивости, «знамя» капиталистического мира — бездушный и бесчестный деляга, наживший миллиарды на краже изобретений, махинациях и подкупках.

⁵¹ ГЕВАРА Эрнесто (полностью Эрнесто Че Гевара де ла Серна), латиноамериканский революционер, команданте Кубинской революции 1959 года. Родился в Аргентине, участник повстанческой войны против диктатуры Фульхенсио Батисты на Кубе. В 1959–1961 годах президент Национального банка Кубы, с 1961 года министр национальной промышленности. Но, не желая превращаться в высокопоставленного клерка и искренне веря в победу революции во всей Америке, в 1965 году покинул Кубу для участия в революционном движении народов Южной Америки. В 1966–1967 руководил партизанским движением в Боливии; раненый и предельно истощенный, захвачен в плен наёмниками США и зверски убит.

Его свирепые струны, что сыграют, как надо.
Его шальные дельфины, что танцуют в Гольфстриме,
Его алые крылья, алые крылья... 52

...Его алые крылья, алые крылья...

...Развалины стены были невысокими и почти не поднимались над ковылём. Из-за этого казалось, что мальчишки волшебным-невесомо сидят прямо на раскачивающихся метёлках.

— Ты кто? — спросил Олег, постукивая пяткой по грубой каменной кладке.

— Талер, — пожал плечами музыкант.

— Я... — Олег подумал. — Я раньше слышал, как ты поёшь. Песни, тут, в степи... Они ведь твои? Которые в воздухе?

— Мои, — Талер улыбнулся. — Я их просто дарю тем, кто может подарить их другим людям.

— Бог диктует — я пишу... — пробормотал Олег. И решил: — Ты — бог?

Глаза Талера стали изумлёнными. Потом он засмеялся — искренне, взхлёб, чуть откинув голову.

— Нет, я не бог... — он покачал головой. — Придумаешь тоже...

— Но ведь ты не человек?

— Человек.

— Простой человек?

Талер скривился:

— А ты — простой? А твои спутники? А все люди? По отношению к настоящим людям это звучит, как оскорбление... Нет, я не простой человек. И ты тоже. И они, — он кивнул в сторону догорающего костра, возле которого спали два отряда.

— Ну тогда так... Ты **не просто** человек?

— Вот это ближе к истине, — согласился Талер. — Не просто. Я — скажем так — Голос Дороги, — он ущипнул струну, и она загудела звуком удаляющегося поезда. Один из тех, кому очень не нравится то, что творится в некоторых кодах... да и само слово «код» не очень нравится. Лучше — мир.

— Это ты вёл меня? — спросил Олег, откидываясь назад и опираясь на руки за спиной.

— Нет, — Талер покачал головой. — Ты шёл сам. Я просто немного показывал дорогу.

— Где ты родился? — вдруг спросил Олег. Талер посмотрел удивлённо. Потом медленно ответил:

— Далеко... и давно. В твоём мире. На берегах морского залива, который позже стало озером Байкал.

— А... **ОН**? — Олег покусал губу. — Откуда он?

— А **ОН** не соврал тебе. Он не человек. Хотя **создали** его люди. Тут он тоже сказал правду.

— Его можно победить?

— Ты его победил.

— Не в... частности. **Вообще**. Во всём моём мире.

— Ты видел и это. И **тот** мир — не один, куда ему прочно заказан ход.

— Значит, он врал, — облегчённо-задумчиво произнёс Олег. Талер усмехнулся:

— Он всегда врёт. Даже если говорит правду.

— А что было там — в «Дукате»? Что за проход?

— Просто один из старых выходов на Дорогу, которым начала пользоваться эта шваль... — Талер оглянулся. — Скоро взойдёт солнце. Вам пора. А пока — послушай это...

Ты — такой же точно, как я.
Ты уже вернулся с войны.
У тебя, конечно, семья —
И отсюда — чувство вины...
У тебя вся жизнь — по часам...
Но — сидит внутри червячок.
Ты уже давно понял сам,
Что поймал себя на крючок!
А раньше ты летал, где хотел,
Впрочем — сам решил всё забыть...
Ты с другой звезды прилетел —
Ты других кровей, стало быть!

Ты — такой же точно, как он!
А он в метро как будто уснул.
Он на кольцевой сел в вагон —
В общем, сам себя обманул...
Сам себе придумал мирок,
Где по кругу мысли о Ней...
Словно потерял номерок
От мечты заветной своей.
А раньше он на небо глядел,
Да всё не ту пытался любить...
Он с другой звезды прилетел —
Он других кровей, стало быть!

Ты — такой же точно, как Бог!
Я сто раз тебе повторял,
Что у него лежит номерок —
Тот, который ты потерял!
И, если не мешать чудесам —
То станет даже веник цвести!!!
Вот что себе придумаешь сам —
Вот так тебе и будет везти!
Ты ж всегда летал, где хотел!
Ты же сам решил всё забыть!
Ты с другой звезды прилетел —
Ты других кровей, стало быть!..

...Олег уходил к лагерю — через ковыль. А за его спиной сидящий на старинной стене
Талер напевал всё тише и тише:

— Ты такой же точно, как я...
А я — такой же точно, как ты...⁵³

— Всё просто! — крикнул он, и Олег обернулся. Выходило солнце, силуэт вставшего в рост Талера казался чёрным и в то же время светящимся. — Всё просто! Надо идти, не падая духом! Идти, даже если кругом стало совсем темно! Идти до самого утра! А утро непременно наступит! Главное — идти **прямо** ...

Глава 7

...Они стояли под арочным низким проходом в один из дворов — прямо в стене прохода оказалась закрытая металлическая дверь с лаконичной строгой вывеской:

ДУКАТ

Вечерело. Солнечные лучи уже не попадали сюда, почти не доносились звуки города. Олег слышал, как дышит кто-то из мальчишек — как после долгого бега.

— Мы... где? — спросила Саша.

— В Тамбове... — Олег хотел добавить, что всё нормально, но не успел.

Из двери магазина быстро вышла женщина. Прикрыла её, оглянувшись, на миг задержав взгляд на группе подростков и детей, на миг застыла, потом быстро пошла, почти побежала, вглубь двора.

— Чёрт... — Олег подался вперёд. Артур поинтересовался — спокойно, очевидно, не дошло ещё до всех, что они **на самом деле дома** :

— Ты чего?

— Это же... она! — Олег засмеялся. — А там, внутри, сижу я! Это тот самый вечер! Нет, я должен пойти и посмотреть...

— Стой! — Артур схватил его за плечо. — Не глупи! Кто его знает, что тогда... Ты же не заходил и не смотрел?!

— Нет... — Олег опомнился. Но всё-таки сказал: — А было бы заманчиво.

— Так мы правда дома? — пискнул Тимка.

— Шестнадцатое июня, — уточнил Олег. — Тамбов. И всем пора по домам. Кончилось наше приключение.

— Ё-моё! — буквально взвыл Кирилл, оглядывая себя. — Куда ж мы так?!

— Ты лучше думай, что дома скажем, — хмуро ответила Саша. — Где были, где пропадали, и вообще...

— Значит так, — решительно заявил Артур. — Слушайте все — и принимайте как руководство к действию... — он задумался, явно что-то формулируя. — Никто ничего не помнит. Этой версии держаться, как за спасательный круг. Не помним — и всё. Ничего вообще. Особенно, — он перевёл взгляд на младших, которые восторженно оглядывались, — вы. Понятно? — ответом были молчаливые, но решительные кивки. — **Вообще** ни слова. Наотрез: не помним. Что родителям, что журналистам, если прилипнут.

— Вообще-то правильно, — заметил Макс. — Пусть думают, что у нас это — амнезия. Иначе в дурдом упрячут точно. Только хлопоты создадим себе и родителям.

— Предкам, — усмехнулась старшая Оля. Задумалась и добавила: — Что-то не тянет их предками больше называть...

— Бедные инопланетяне... — засмеялся Олег. Он стоял, прислонившись спиной к стене, сунув руки в карманы, и улыбался в вечернее небо, видимое между крыш.

Отчего-то ему было пусто и хорошо, и хотелось, чтобы так было всегда.

— При чём тут инопланетяне? — удивился Макс. Олег хмыкнул:

— Ну как же. Опять на них всех собак повесят. Представьте себе заголовки: «Вернулись тринадцать детей и подростков! Похищенные ничего не помнят! Главная версия

— инопланетный след!»

Посмеялись. Потом Артур сказал:

— Вернулись — но не все.

— Они сами выбрали, — ответила Саша.

— Сами... — неодобрительно пробормотал Кирилл.

— Ладно, — Олег оттолкнулся от стены лопатками. — Всё. Кончили базар.

— ...каждый выбрал веру и жизнь, Полсотни игр у смерти выиграв подряд... — добавила Саша задумчиво. — А нам ещё младших надо проводить. Проводим?

— А то ж, — усмехнулся Макс. — И не туда провожали.

— А ты поезжай, — Артур хлопнул по плечу Олега. — Если б не ты...

— Знаю, — Олег потёр нос. — Я буду желанным гостем в ваших вигвамах в праздник урожая. Рад. Горжусь. Польщён.

Ему стало грустно. Так же внезапно и непонятно, как до этого стало хорошо.

Он сделал шаг — спиной вперёд. Получилось так, что тринадцать человек стояли перед ним почти ровной линией, как в строю. Он — уже отдельно.

— Держи, — вдруг сказал Артур, протягивая какую-то бумажку. — Это я там... ну, на Дороге — телефоны домашние записал.

— Спасибо, — Олег посмотрел на бумажку, потом — на Генку и Димку: — Ваши — тоже тут?

Димка побледнел. А Генка спросил тихо:

— А... надо? Наши...

— У всех будет второй шанс, — Олег взял у Саши протянутую ручку — и откуда только?.. — Главное — его не упустить. Диктуйте быстро.

Они продиктовали номера. Сейчас в лицах у всех Олег видел растущее понимание того, что это — правда... что всё кончилось! И, прежде чем они все рванут по домам, оставалось сделать ещё одно.

— Давайте разделим червонцы, — сказал Олег, возвращая ручку Саше. — На память. Хватит на всех...

...Он брёл по улице к вокзалу. Думал, что **он** сидит сейчас там — в «Дукате». Напряжённо ждёт. Смешно и странно... Надо будет постричься. На вокзале парикмахерская круглые сутки. А то получается — ушёл на день, вернулся с гривой до плеч. И загорелый, как чёрт — с этим-то что делать? А, сокру про солярий... Глупо, но хоть объяснимо...

На центральной улице было ещё оживлённо. Олег прошёл мимо киоска, краем глаза зацепил газетный заголовок:

«ВСТРЕЧА БЕЗ ГАЛСТУКОВ» ЗАКОНЧИЛАСЬ ВЗРЫВОМ!

Остановился, подошёл. Вчерашние центральные газеты... и местные... Много статей на первых страницах — непонятный взрыв страшной силы на неформальной всероссийской встрече бизнесменов и общественных деятелей, посвящённой частному финансированию программ патриотического воспитания молодёжи... более сорока погибших, не выжил никто из находившихся в загородном помещении элитного клуба...

Вот как, подумал Олег. **Вчера**. Опять фокусы времени. А насчёт того, что не выжил никто — это они зря. Жаль, но уж **один-то** точно выжил. Правда, ему придётся теперь долгоночь восстанавливать свою сеть...

Но ведь восстановит. **Обязательно восстановит**. Нельзя вымести из дома тараканов, которых потравил — и думать, что они не появятся вновь. В доме должно быть **чисто** — вот тогда тараканам кранты. Кстати, это Крапивин писал в одной из своих книг. Жаль, что не догадался ты, Олег, захватить из того мира его **тамошние** книжки. Вдруг там есть что-то,

чего он тут не написал? Точно есть...

Его взгляд упал на вывеску парикмахерской. Парикмахерская ещё работала.
Ну и отлично.

Глава последняя

Мальчишка на рисунке поднимал на палаше рассветное солнце.

Олег вздохнул и перевёл взгляд на экран компьютера. Странно, а он и не помнил, что так много нащёлкал мобильником. Казалось, что и не доставал почти, а оказывается — вполне прилично...

Гряды песков... Базар в Гарбее... «Хорт», его внутренний зал... Дорога Синмейи... Ворота Тале-Тиалу... Улица, о — вывеска врача!.. Блин, «Шрек»!.. Эротика сплошная — Кирилл переодевается... Житица. Дождь идёт... Корабли у пристани... Лесная дорога... Разгромленное кочевье — это что? — а, племя Юргила... Хирст Ван Доррен... Лагерь Аморийских гусар... Пещера... Небо над Сантокадом... Дирижабли... Плот, смеющиеся лица — это один из первых дней их путешествия по морю... Ангар... Блин, Севастополь!.. Мост... Набережная... Женька... И ещё, ещё, ещё, снова, снова, снова...

А снимков Дороги нет. Хотя он снимал там. Точно снимал.

— Это кто тебя так нарисовал-то?

Валька заглядывала через плечо. Ну конечно, влезла в открытое окно.

— Да так, в Тамбове один... — Олег закрыл папку, выключил компьютер.

— Что-то ты много успел, — сказала Валька нейтральным тоном. — Загорел, как с курорта... И, между прочим, Ванька сказал, что ты половину патронов потратил... И палаш ты откуда-то припёр — как из музея стырил...

— Валь, — вздохнул Олег. — Мы же договаривались, что ты зайдёшь к десяти. Сейчас девять. Вывод?

— А я за тобой и не заходила, — фыркнула она. — Просто там, возле въезда в село, один кадр на мотоцикле тебя спрашивает.

— Господи, кто? — Олег снова вздохнул, поднимаясь. Валька посмотрела вниз и нейтральным тоном сказала:

— И шрама этого у тебя не было.

Олег не успел ничего сказать — девчонка перелезла через подоконник. Мальчишка сердито одернул штанину спортивных трусов, задравшуюся, пока он сидел. Глазастая...

Да, но кто его может там ждать? Кто-то из Фирсанова, наверное... Олег оглянулся на висящий над кроватью, накрест с ружьём, палаш — и улыбнулся. Ла-адно... Странно думать, что всё это кончилось всего неделю назад...

Он перебрал газетные вырезки, с искренним недоумением вопившие заголовками о внезапном и совершенно необъяснимом возвращении тринадцати из шестнадцати пропавших детей и подростков. Конечно, на первом плане лежала вырезка с заголовком:

Вернулись тринадцать детей и подростков!
Похищенные ничего не помнят!
Главная версия — инопланетный след!

Но всё-таки надо пойти посмотреть, кто там прибыл и зачем. Тем более, что Валька — вон она. Маячит за окном и грызёт травинку.

* * *

Мальчишка сидел на большом мотоцикле, вроде бы «урале», покрашенном в чёрный матовый цвет, без бликов. Лицо — скрывалось в тени низко надвинутого капюшона плаща. Широкополого, чёрного, потёртого.

— Привет, — сказал Олег, останавливаясь и кладя руку на руль мотоцикла. Мальчишка поднял голову, сбросил капюшон быстрым движением руки в перчатке. Олег вздрогнул — перед ним был молодой уррв.

Дыхание сбилось и стало слышным.

— Пррррвет, — рыкнул он. — Я плохо знать язык. Дрррргие не знать совсем. И не знать доррги. Марррат. Не мочь прррдти. Сказать мне иди. Ты мочь достать бензин? Такой бак, — четырёхпалая рука вытянулась в сторону проезжающего бензовоза. — Нужен бензин. Увозить детёныш из крррпость. Машина стоят. Наши не прррбитса. Защита скррррр положат смеррртть. Детёныш все замучат. Марррат прррсить. Знать Маррррат? Он мочь уйти. Он не уходить. Не бррррсать нас. Марррат. Человек.

— Казей? — спросил Олег. И ощутил, как будто что-то напряглось в нём — до боли, а потом лопнуло... и всё стало легко, просто и понятно. И накатил запах ковыльного моря — отчётливый, близкий и зовущий, как тихая песня трубы, как дальняя барабанная дробь... — В коде пять? — остроухая голова склонилась. — Он всё ещё там? — снова кивок. — Бензин...

Олег задумался только об этом.

Остальное было решено.

— Бензин можно достать, — сказала Валюшка и хлестнула прутиком по джинсовой штанине. — Я знаю, где. По крайней мере — думаю, что знаю. Но только... — она помедлила и дерзко посмотрела зелёными глазами: — Только я в деле, Олежка. И никак иначе. А объяснишь ты мне всё по ходу.

Несколько секунд Олег смотрел на неё. Валька смотрела в ответ — неотрывно и обиженно.

Олег достал из кармана лёгкой рубашки мятую записку. Протянул девчонке:

— Позвони по этому телефону. Спросишь Артура Волкова. Скажи, что надо увидеться. И пусть предупредит Юрку, Кирилла и Макса. Он знает, кто это. А потом поговорим с тобой о бензине... — и кивнул уррву: — Возвращайся. Мы будем. Скоро.

И в этот момент стало слышно, как в клубе поёт Третьяков:

— И только струн волшебных серебро!
Белый ангел на добро,
А чёрный, падший — тот для зла...
Да я видал его, козла!